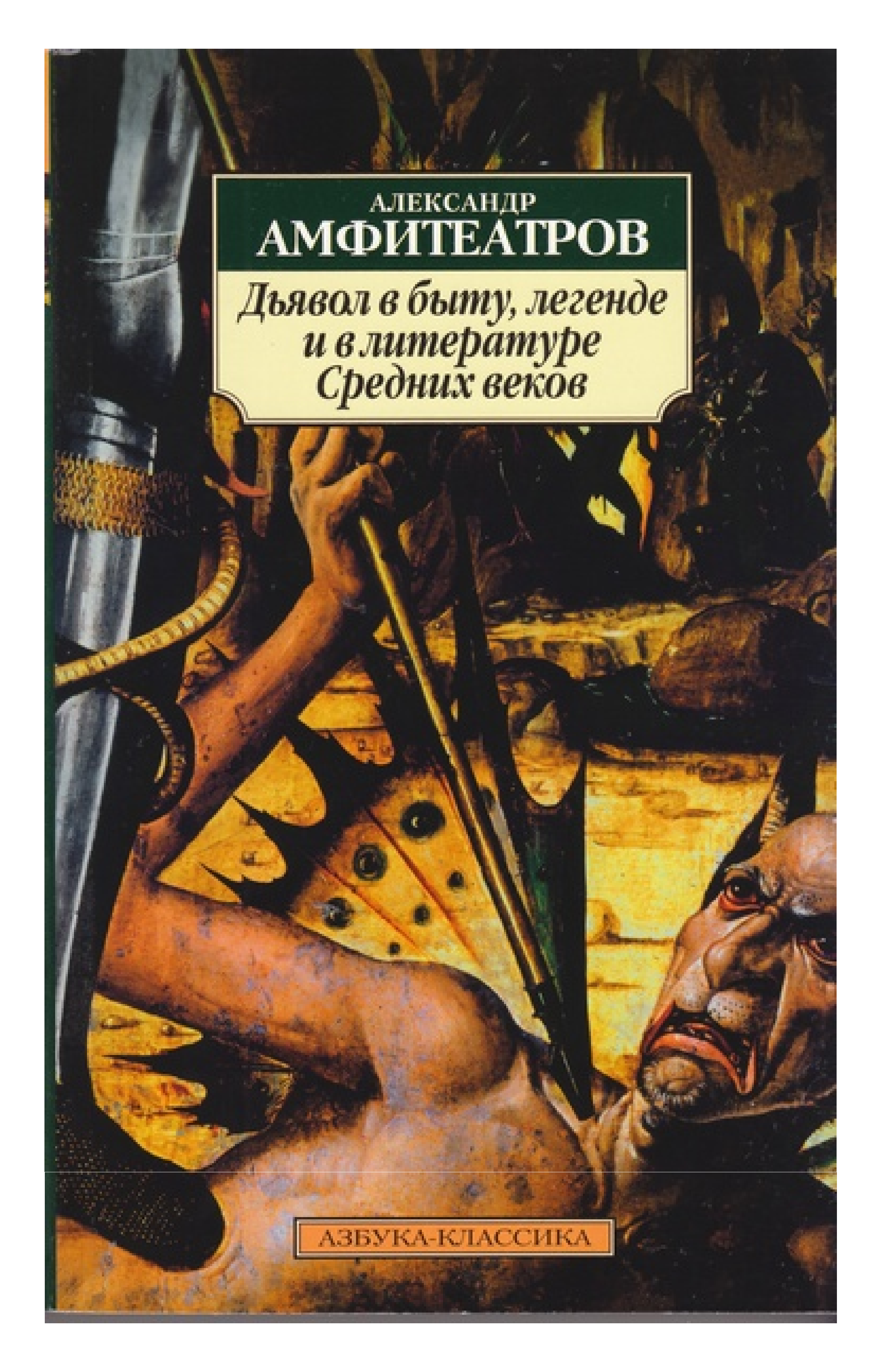

АЛЕКСАНДР
АМФИТЕАТРОВ
Дьявол в быту, легенде
и в литературе
Средних веков
АЗБУКА-КЛАССИКА

Александр Амфитеатров

Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга вышла из подготовительных работ моих к роману «Жар-цвет» и трагедии «Роберт-Дьявол», еще не бывшей в печати. Накопив довольно много материала по демонологии, я познакомился три года тому назад с «Il Diavolo» — книгой туринского профессора литературы Артуро Графа (Arturo Graf), вышедшей десять лет тому назад и с огромным успехом выдержавшей несколько изданий, что для итальянского исторического труда не весьма обыкновенно. Мне очень понравилась эта ясная, материалистическая книга в оригинале — настолько, что я поручил сделать ее перевод. Но, когда перевод был сделан, я увидал, что главным очарованием книги был великолепный его итальянский язык, который своей красотой скрадывал длинноты, разнообразил повторения и придавал блеск общим местам. В переводе все это исчезло, и из достоинств книги Графа сохранились только удачная схематизация содержания и превосходное изучение средневековой теологической литературы. Тогда я предпочел воспользоваться схемами Графа для самостоятельного труда, который распался на две части. Первая — вот этот том — должна проследить идею дьявола в быту, легенде и в литературе Средних веков, с их позднейшими отражениями в старинной русской словесности и письменности и в изучении их веком романтизма. Вторая дает обзор и характеристику религиозных сект, мнимонаучных дисциплин и тайных союзов, прямо или косвенно, справедливо или ложно обвинявшихся в соприкосновении с культом дьявола. Думаю, что в веке, когда мистическая реакция хлынула в общество широкою волною, эта хрестоматия злого начала будет не лишнею, как систематическое освещение этого рабства личности и общества, в которое перековывается в развитии своем каждая мистическая идея, как бы невинна она ни казалась с виду в первом начале.

Александр Амфитеатров

1912. II. 3. Fezzano

Глава первая

РОДОСЛОВИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ САТАНЫ

Всем известен поэтический миф о возмущении и падении ангелов. Этот миф внушил Данте несколько стихов — из числа прекраснейших в «Аде»,[1] а Мильтону незабвенный эпизод «Потерянного Рая». В христианстве этот миф разными Отцами и Учителями Церкви по-разному излагался и окрашивался. Между тем под ним нет решительно никакого иного основания, кроме толкования одного стиха у Исайи и нескольких довольно темных мест в Новом Завете. В чем заключается точная причина к бунту духов против своего Творца, легенды изъясняют схоже в общей психологии мифа и очень разно в подробной мотивировке. В одном из общеизвестных мест Корана говорится, что ангелам было повелено преклониться пред Адамом, наместником Аллаха на земле, но Эблис[2] (дьявол), полный гордыни, отказался совершить это поклонение. Другой миф, совершенно иного характера, но не менее поэтичный и усвоенный писателями, как еврейскими, так и христианскими, рассказывает об ангелах, или сынах Божьих, (benê haélohim), которые, увлекшись дочерями человеческими (benôth hââdâm), пали с ними и, в наказание за грехи, были изгнаны из Царства Небесного и из ангелов обратились в демонов. Этот второй миф освещен, как излюбленная тема, стихами Мура и Байрона.[3] Таким образом, оба мифа признают демонов падшими ангелами, а падение их связывают с грехом: в первом случае — с гордостью или завистью и с преступной любовью — во втором.

Но это лишь легенда, а не история Сатаны и товарищей его. Происхождение Сатаны, рассматриваемого как мировое олицетворение злого начала, гораздо менее эпическое и вместе с тем более давнее, глубже уходит в века. Сатана старше годами всех могучих и страшных богов, память о которых осталась в истории человечества. Он не с неба низвергся, но взвился выспрь из бездн человеческого духа, в современности тем темным богам древнейших эпох, чьих имен не напоминает даже ни один камень: люди пережили их и забыли их. Современник их и часто смешиваемый с ними Сатана,

как все живое, зачинается зародышем и лишь постепенно возрастает и развивается в личность. Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной.

Уже никто из мало-мальски образованных людей нашего века не думает, будто религии сравнительно грубого типа возникли из разложения и распадения какой-либо религии более совершенной; напротив, всякий отлично знает обратное: что более совершенные религии развились из первобытно грубых, и, следовательно, в этих последних и надо искать происхождения того мрачного образа, который под различными именами представляет собою зло и становится его началом. Если период, известный в истории нашей планеты под именем третичного, уже застал на Земле человека, то, возможно думать, застал еще настолько звероподобным, что напрасно было бы искать в нем религиозного чувства в точном смысле этого слова. Человек после третичного периода, даже в самой древней отдаленности, уже знаком с огнем и употребляет орудия из камня. Но он не погребает своих мертвецов, что служит верным показателем того, насколько его религиозные идеи, если только есть они у него, скудны и неповоротливы. Чтобы найти первые достоверные следы религиозности, надо подняться до периода, который геологи называют неолитическим (шлифованного камня). Мы не можем узнать непосредственным исследованием, какова была религия наших тогдашних предков, но мы в состоянии сделать о ней заключения, наблюдая религии множества диких народностей, которые еще живут на земле и точно воспроизводят быт человечества доисторического. Ведь, с более широкой точки зрения, характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившее итальянцев сказать: «Весь мир есть страна» («Tutto il mondo e paese») … «При сравнениях рас, стоящих приблизительно на одной степени цивилизации, не следует, — говорит Тейлор,[4] — придавать большого значения исторической эпохе или географическому положению; обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом с средневековыми ацтеками и североамериканские оджибвеи — рядом с южноафриканскими зулусами. Доктор Джонсон,[5] прочитав в путешествиях Гауксворта[6] описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга… Если мы будем избирать для

сравнения предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский земледелец будет стоять почти рядом со среднеафриканским негром». Предшествовал ли в исторической эволюции фетишизм анимизму или наоборот, но верования наших праотцев должны были быть совершенно в том же роде, как теперь у негров африканских или у американских краснокожих. Об этом нам свидетельствуют недра земли, сохранившие вместе со следами их жилищ, их оружием и инструментами также и их амулеты. В их воображении мир был полон духами вещей и душами умерших, и на счет духов относилось все дурное и хорошее, что случалось в жизни. Мысль, что одни из этих духов благодетельны, а другие зловредны, одни друзья, а другие враги, подсказывал уже самый опыт житейский, в котором постоянно чередуются удачи и потери, и притом чередуются так выразительно, что если не всегда, то довольно часто определяется постоянство и в разнице причин, последуемых разными результатами. Солнце, свет дающее, заставляющее землю вновь одеваться зеленью и цветами, посылающее зрелость плодам, должно было привести к умозаключению, что оно, по существу своему, сила благотворная. Вихрь, кроющий небо мраком, ломающий деревья, разрушающий и разметывающий худо сколоченные лачуги, внушал считать его силою по существу зловредною. Духи разделялись на два большие воинства, в зависимости от того, казалось ли людям, что они получают от духов — пользу или вред.

Но не этим определился истинный и решительный дуализм. Благотворные духи не были еще объявленными и непримиримыми врагами духов зловредных, и как первые не были всегда благодетельными, так вторые — всегда вредными. Верующий никогда не мог поручиться за настроение духов, под опекою которых он находился; боялся оскорбить друзей, боялся разозлить врагов и, в равном усердии одинаковых средств, старался расположить к себе всех их, не вверяясь слишком — никому. Первобытная религия уже признает влечение к какой-то властной силе, большей, чем человеческая, равно как и свою от нее зависимость, но не умеет классифицировать ее по этическим категориям. Между добрыми и злыми не было определенного морального противоречия, но только противоположение действий. Они не могли иметь морального

характера, которого еще не было и у их поклонников, едва вышедших из животного состояния, и добрыми или злыми называться могут они лишь постольку, поскольку первобытному человеку представляется добром все, что ему на пользу, и злом все, что ему во вред. То, что в наши дни называется бушменскою моралью: я украл барана — это хорошо, и дух, который помог мне украсть, — добрый дух; у меня украли барана — это худо, и дух, который помог вору воровать, — злой дух. Так, например, по представлениям грубого бразильского племени тупигамба, души тех, которые жили *добродетельно*, то есть мстили врагам и многих из них умертвили, поселятся за большими горами и будут плясать в роскошных садах с духами отцов, тогда как души изнеженных ничтожных людей, которые не старались защищать своего племени, отправятся к злому духу, на вечные мучения. Дикие поклонники воображали свои божества во всем подобными себе: переменчивыми, покорными страстям, то ласковыми, то свирепыми и добрых не почитали более высокими и почтенными, чем злых.

Конечно, в злых появляется уже тень Сатаны, вырисовывается дух зла, но зла еще чисто физического. Зло — то, что вредит, и злой дух — тот, который низвергает молнию, воспламеняет вулканы, наводняет землю, сеет голод и болезни. Злой дух еще не выработался в представление морального зла, потому что различие моральных добра и зла еще не сложилось в умах человечества; из двух ликов Сатаны, разрушителя и развратителя, он приемлет и являет только один первый. Злой дух не отмечен еще своею собственною, специальною низостью, не имеет никого, кто был бы выше его и господствовал над ним.

Но мало-помалу моральное самосознание разбирается в себе и определяется, и религия приобретает этический характер, которого она раньше не имела и не могла иметь. Самое зрелище природы, где силы противостоят силам и где одна из них разрушает то, что создает другая, подсказывает идею о двух враждебных началах, которые взаимно отрицают друг друга и борются между собою. Затем человек, развивая союз общежития, не замедлил заметить, что кроме добра и зла физических есть еще добро и зло моральные, то есть сумма требований и уступок человека человеку, без которых союз общежития невообразим и неисполним, но которым дикарь подчиняется не сразу и не с большою охотою. И вот — в эволюции этой — ему сдается, что в

себе самом он узнает то же самое двуборение, которое он видит и испытывает в природе. Он чувствует себя то добрым, то злым, понимает, что однажды он лучше, в другой раз — хуже, но собственную благость ли, преступность ли он не признает за свои, за выражение своей же собственной натуры. Привыкнув приписывать силам божественным и демоническим физические добро и зло, он точно так же приписывает тем же божественным и демоническим силам добро и зло моральные. И вот от доброго духа исходят уже не только свет, здоровье, все, что поддерживает и умножает жизнь, но еще и святость, понимаемая как совокупность всех добродетелей; от злого духа приходят не только тьма, болезни и смерть, но еще и грех. Так-то люди, разделив чисто субъективным суждением природу на добрую и злую и смешав с этим физическим добром и злом то моральное добро и зло, что самим им свойственно, фабрикуют богов и демонов. Совесть, то есть проснувшееся в зачатках культуры моральное самосознание, естественно, по инстинкту общественности и самосохранения, признает превосходство добра над злом и смутно мечтает о победе первого над вторым. Отсюда она настаивает на том, что демон становится, во-первых, подчиненным Богу, а во-вторых — чем живее и повелительнее совесть, тем ярче представляет она недостойность демона. И вот демон, который в первом начале своем смешивался с Богом в одном разряде нейтральных духов, одинаково способных как на добро, так и на зло, мало-помалу различается от Бога, пока наконец не отторгнется от него во всем. Он будет духом тьмы, а его противник — духом света; он — духом ненависти, а его противник — духом любви; он — духом смерти, а его противник — духом жизни. Обителью Сатаны будет бездна, обителью Бога — Царство Небесное.

Так устанавливается и определяется дуализм. Так его понятие, в медленной работе веков, развивается из понятий, усвоенных людьми о природе и самих себе. Однако намеченная здесь история дуализма является лишь, так сказать, схематическою и идеальною, но не конкретною и реальною. Дуализм, развитый или в зачатке, выраженный или подразумеваемый, находится во всех религиях. Но он движется по разным ступеням, принимает многие формы, скрашивается пестрыми особенностями в зависимости от различия народов и культур.

Мы видели, что злые духи появляются уже в самых грубых религиях, еще едва различимых; но там они плохо определены и как бы разлиты в природе. В более возвышенных религиях, по мере того как организм их расширяется и завершается, злые духи являются с большей определенностью, приобретают известные атрибуты и личность. Из великих исторических религий наиболее отдаленные, но и сравнительно достовернейшие сведения мы имеем о религии Древнего Египта. В ней божествам благодетельным, подателям жизни и благоденствия, каковы Фта,[7] Ра, Аммон, Озирис, Изида, противопоставляется змей Апепи,[1] чудовищный Сэт,[8] опустошитель, сокрушитель, отец обмана и лжи. Финикийцы противопоставили Ваалу и Ашере Молоха и Астарту. В Индии жизнедавец Индра и хранитель Варуна получили противниками Вритру и Асуров, и дуализм проник даже в основную Троицу (Тримурти). В Персии Ормузду,[9] который царствует в светлом небе, противопоставлен непримиримый противник Ариман,[10] который повелевает подземным миром. «Один равнозначущ свету, истине, благу; другой — мраку, лжи и вырождению. Один повелевает благодетельными гениями, которые защищают благочестиво верующего; другой — демонами, злоба которых вызывает все несчастья, поражающие человечество. Оба противоположных начала сражаются за господство над землею, и каждое из двух натворило в своих целях полезных и вредных зверей и растений. Таким образом, все здесь на земле низу — или небесное, или адское. Ариман и его демоны, которые опутывают человека, чтобы ввести его в искушение и ему повредить, это злые боги, но не зависимые от тех, которые образуют дружины Ормузда. Маг приносит им жертвы, затем ли, чтобы отклонить зло, которым они угрожают, затем ли, чтобы направить их против врагов истинно верующего. Потому что нечистые духи устремляются к кровавым жертвам и являются, чтобы насладиться паром мяса, которое сожигается на алтарях. Страшные слова и действия сопровождают все подобные жертвы» (Cumont).[11] В Греции и Риме, в противовес божествам Олимпа, впрочем, тоже не всегда благодетельным, возник целый народ злых гениев и вредных чудовищ — тут и Тифон, и Медуза, и Герион, и Питон, лукавые демоны всякого рода, лемуры и ларвы. Точно так же

обнаруживается дуализм в мифологии германской, славянской и вообще — во всех и каждой.

Ни в одной из религий древних и новых не достигал дуализм формы более полной и ярко выраженной, чем в маздеизме — то есть в религии древних персов, как излагает ее Зенд-Авеста.[12] Но замечается он во всех, и равным образом во всех религиях возможно, по крайней мере отчасти, обличить его связь с великими явлениями природы, с чередованием дня и ночи, со сменою времен года. Различные представления, образы фантазии, события, в которых дуализм находит форму и выражение, отражают не только характер и культуру народа, дающего ему место в системе своих верований, но также и климат, природные условия почвы, ход истории. Обитатель жаркой страны видит действие злого духа в ветре, дующем из пустыни, раскаляющем воздух и убивающем хлеба, тогда как обитатель северной полосы узнает беса в холоде, который замораживает жизнь вокруг него и самому ему угрожает смертью. В местностях, где почва колеблется частыми землетрясениями, где вулканы изрыгают пепел и опустошительную лаву, человек легко воображает себе подземных демонов, злобных гигантов, погребенных под горами, отдушинами в ад; там же, где атмосфера часто волнуется бурями, он воображает, будто это демоны носятся по воздуху и воют на ветер. Народ, побежденный неприятелем, подвергшийся нашествию и порабощению, не упустит случая перенести на злого духа или на злых духов, в которых он верит, наиболее ненавистные черты народа-угнетателя. Так, например, на заре Средних веков объявлены были детьми дьявола гунны. Так-то религия оказывается результатом сложного взаимодействия причин, которые, конечно, не всегда поддаются точному исследованию и определенному указанию. У греков, как и у римлян, не было Сатаны в нынешнем значении слова. Как будто странным кажется, что народы, обожествившие множество отвлеченных понятий, например юность, согласие, целомудрие, позабыли выдумать настоящее божество и величество зла, хотя сочинили богиню Лихорадку и других в том же роде. Однако и в греко-римской религии нет недостатка в силах антагонического характера в образах, имеющих вид как бы раздвоенный, и если мы несколько углубимся в характер, условия быта и историю обоих народов, то станет ясно, что у них дуализм и не мог принять размеров,

значительно отличных от тех, которых он достиг. Между прочим, примите во внимание хотя бы уже то обстоятельство, что ни в Греции, ни в Риме не было священных книг установленной морали, не было теократического кодекса в полном смысле слова. Все это пришло в эллино-римскую, культуру поздно — лишь с восточными влияниями, с культом Митры, с иудаизмом, христианством, когда, по выражению римского поэта, сирийский Оронт начал впадать в Тибр. И вместе с сирийским Оронтом полилась в мир, концентрированный вокруг великого города на Тибре, определенная и побеждающая дуалистическая струя. «Несомненно, что дуализм, если понимать под этим именем противоположение между духом и материей, разумом и чувственностью, явился уже раньше в греческой философии и образует одну из законоположных стезей неопифагоризма и Филонова учения. Но существенно отличает от этого дуализма учение магов то обстоятельство, что в последнем злое начало обожествлено. Оно противопоставлено высшему божеству в качестве соперника, с утверждением, что обоим принадлежит чествование посредством культа. Эта система, нашедшая столь очевидно простое разрешение для проблемы существования зла, этого подводного камня теологического мышления, привлекла к себе образованные умы, равно как понравилась и массам, которые нашли в ней объяснение своим страданиям. Как раз в то самое время, когда в Риме распространяются мистерии персидского Митры, Плутарх излагает дуалистическую теорию весьма благосклонно и склоняется к тому, чтобы ее принять. И с того самого времени мы начинаем встречать в литературе термин „противобоги“ (antitheoi): он означает тех демонов, которые, находясь под командою мрачной силы, воюют против небесных духов, посланников или „ангелов“ высшего божества. Это дивасы Аримана против язатасов Ормузда. Одно замечательное место у Порфирия[13] показывает, что уже первые неоплатоники включили персидскую демонологию в свою систему. Ниже высшего божества, которое бесплотно и невидимо, ниже легких планет живут бесчисленные демоны; многие из них имеют свои особенные имена, — это боги наций и государств, — остаток образует анонимную массу. Они распадаются на два полярно противоположные класса. Одни духовно благодетельные; они посылают плодородие растениям и зверям, хорошую погоду природе, человеку — знание. Они служат

посредниками между божествами и их служителями через то, что возносят хваления и молитвы на небо, а с неба приносят знамения и предсказания. Наоборот, другие суть злые духи: живут в пространствах, смежных с землею, и нет такого зла, которое они усомнились бы причинить. Деятельные насильники, коварные предатели, буйные и предусмотрительные вместе, они родоначальники всякого несчастья, постигающего землю: засух, голодов, бурь, землетрясений, — все это их дела! Они зажигают в сердце человека нечестивые страсти и запретные желания, они толкают людей к войнам и революциям. Вечные притворщики, они имеют склонность ко лжи и обману; они покровительствуют плутовствам и мистификациям волшебников и устремляются к кровавым жертвам, которые приносят маги им всем, и в особенности их предводителю Ариману. Культ его до сих пор сохранился на Востоке у иезидов[14] или поклонников дьявола. И когда Федор из Мопсуэтии[15] в своем писании против магов говорит об Аримане, он называет его *Сатаною*. В самом деле, между этими двумя образами, на первый взгляд, замечается поразительное сходство. Оба они главы бесчисленного воинства демонов. Каждый из них дух заблуждения и лжи, мрака, искуситель и погубитель. Это или двойники, либо одна и та же фигура» (Cumont).

Дуализм выливается в определенные формы и принимает специальный характер в религиях семитического происхождения: иудействе, христианстве, исламизме. Зыбкий, многообразный, всепроницающий призрак Сатаны, под теми или другими именами, скользит тенью в глубине всех религий, даже самых первобытных, но личность Сатаны, со всеми свойственными ему ныне качествами и атрибутами, создалась творчеством по преимуществу иудейской и христианской религий, в особенности же второй из них.

В Моисеевом учении Сатана еще не занимает видного места. Это, по остроумному сравнению Артуро Графа,[16] его отрочество или юность, далекие до совершеннолетия. В Книге Бытия змей является еще животным — только мудрейшим и хитрейшим из животных: в дьявола обратило его позднейшее толкование. На протяжении всего Ветхого Завета Вельзевул упоминается только в качестве божества идолопоклонников. При этом надо заметить, что евреи пришли к идее единого всебожества поздно, и в течение довольно долгого периода, измеряемого сотнями лет, их однобожие сводилось просто к

предпочтению своего национального бога, синайского громовника Ягве, богам других наций, которых существования они, однако, не думали отрицать, а только почитали их менее могущественными и святыми. Синайский договор Ягве с народом израильским ревниво отстраняет его от этих богов, которые, однако, частенько врывались в его культуру даже в весьма поздние ее периоды. И были боги, существование и известную силу которых должна была признать даже ревность Ягве. Евреи слишком долго жили кочевниками в жгучих пустынях, чтобы не вынести из них мифа о царящем в них злом духе Азазеле, — быть может, отголоске египетского Сэта, которому подчиненным египтяне считали Синайский полуостров. Пресловутый обычай выгонять в пустыню, в жертву этому Азазелю, «козла искупления», нагруженного грехами Израиля, общеизвестен. Он держался в иудаизме едва ли не до падения иудейской государственной самостоятельности и, умирая, соприкоснулся с христианским символом-антитезою агнца, приявшего на себя грехи мира.[2]

По общепринятому ранее мнению, свою демонологию, то есть идею, теорию и феномены дьявола, евреи вынесли из плена Вавилонского, воспитав ее в соприкосновениях с маздеизмом. В настоящее время, когда доказаны вавилонские первоисточники и первовлияния, давшие основу праву и мифу Пятикнижия Моисеева, было бы слишком смело считать еврейского дьявола столь молодым. Однако нельзя не заметить, что понятие и образ злого духа, отличного от добрых, определяется в библейском мифотворчестве не ранее пленения. В Книге Иова Сатана еще является среди ангелов неба и отнюдь не рекомендуется заклятым противником Бога и разрушителем его создания. Это только дух-скептик, дух-маловер, будущий Мефистофель, близость которого к человеческому сомнению и протесту против фатума прельстит впоследствии так многих поэтов и философов. Власть его — еще по доверенности от божества и, следовательно, одного с ним характера: она только служебность, истекающая из высшей воли. В бедствиях Иова он не более как орудие. Ответственность за необходимость непостижимых и внезапных страданий праведника божество, собственными устами, принимает на себя в знаменитой главе, которая даже нашего резонера Ломоносова сделала поэтом. Дьявол Книги Иова — скептик, дурно думающий о человеке и завидующий ему пред лицом Высшей Святости, но в конце

концов он только слуга по такого рода комиссиям, к которым Высшая Святость не может, так сказать, непосредственно прикоснуться, ибо это унизило бы идею ее совершенства. Это фактотум неба по злым делам. Еще выразительнее выступает роль такого фактотума в знаменитом эпизоде Книги Царств о духе, принявшем от Бога поручение обманом своим погубить царя Ахава. Этот дух даже не носит еще клички злого, темного дьявола и т. п. Он — ангел, как все, как тот страшный ангел, который в одну ночь совершает необходимые бесчеловечные бойни: избиение первенцев египетских, истребление Сеннахеримовых полчищ и прочее.

Но мало-помалу Сатана определяется и совершенствуется.

У Захарии он уже враг и обвинитель избранного народа, желающий лишить его божественного благоволения. В Книге Премудрости Соломоновой Сатана — разрушитель и развратитель божественного миростроительства, тот, кто из зависти подстрекнул прародителей к греху и из зависти же ввел в мир смерть. Он — яд, портящий и позорящий творение Божие.

В апокрифической Книге Еноха, в особенности же в ее древнейшей части, впервые звучит идея близости дьявола с человеком, и вина его изображается как отступничество от божества в сторону человечества, измены небу для земли. Дьяволы Еноха — ангелы, павшие чрез любовь к дочерям человеческим и позволившие оковать себя путами материи и чувственности. Этот миф, как замечает Артуро Граф, носит в себе глубокую идею отсутствия в природе существ, по самому происхождению злобно-демонических; такие существа, то есть мысли и действия в образах, — плоды человеческой эволюции. Действительно, в другой, позднейшей части того же апокрифа демоны оказываются гигантами, рожденными от женщин земли в союзе с ангелами, изменившими Небу.

Таким образом, хотя Сатана и прокрался в книги Ветхого Завета и раввиническое предание немало сделало для его эволюции, однако монотеистическая тенденция, основная в расовом характере еврейства и настолько могущественная, что объединила в нем идею нации с идеей религии, не дала Сатане ни достаточно материала, ни достаточно логического (вернее, алогического) простора, чтобы вырасти ему в образ соперника Божия. Идея Ягве слишком ревнива, чтобы допустить такую подыдею, как Сатана: самостоятельно

обособленное зло, достаточно могущественное, чтобы противостоять — хотя бы и с постоянными поражениями — зиждителю и вседержителю мира, Ягве — единое самостоятельное божество мира, объемлющее собою без разделения все добро и зло. Он сразу и белый бог, и черный, и мы знаем из Библии, что во втором своем качестве он ужасен, этот, по выражению поэта-еврея, «бог, топчущий, как глину, своих врагов». Он ревнив, свиреп, неумолим и часто несправедлив, что неоднократно доказывали ему талмудические мудрецы, выигрывая против него этические процессы. Кары его редко пропорциональны размерам совершенных преступлений и почти всегда несут месть чудовищную, слепую, бестолковую, поражая без разбора виноватых и невинных, людей и животных, взрослых и детей. Этот бог опутал свой народ мелкою сетью таких подробных предписаний, что вся жизнь еврейства обратилась в непрестанный страх оступиться в грех и погубить тем не только себя, но, по круговой поруке, и семью свою, и потомство, и колено, иногда весь народ. Люди, не желающие жить в религии страха, ему ненавистны: это язычники, с ними Израиль должен беспощадно воевать, истребляя мечом населения покоренных городов. Двойственный характер Ягве выражен устами Исайи: «От меня и свет, и тьма, и мир, и злоба: я Владыка, творящий все это». Таким образом, будущий Сатана заключен еще в самом Ягве, как злая часть его характера, вредная сторона его власти. Те духи зла, которых знает Ветхий Завет, повторяем, не более как его слуги, чиновники по особым дурным поручениям, род небесных биров, жандармов и палачей.

Собственно говоря, иудаизм в этом своем фазисе предпринимает ту же операцию — извлечь из божества, объемлющего в существе своем и добро, и зло, отдельное и специальное злое божество, враждебно настроенное к доброму началу, — какую египетская религия провела много раньше изобретением злого бога Сэта (Seth). Египетский Сэт, или Сутэкс, свирепое божество, известное грекам под именем Тифона, не всегда был злым разрушителем. Культ Сэта чрезвычайно древен; он поднимается до пятой династии — по крайней мере, уже в ее эпоху был в Мемфисе храм, посвященный Сэту. В наиболее цветущий период империи фараонов это божество было в величайшем почете, настолько, что государи вставляли в свой титул прозвища «любимца Сэта» или «любимца Сутэкса»… В это время Сэт пользовался теми же

почестями, которые воздавались другим божествам светлой и доброй категории, в особенности в эпоху восемнадцатой и девятнадцатой династии, когда культ его достиг величайшего развития. В это время он становится едва ли не верховным божеством. В поэме Пентаура[17] фараон Рамзес II уподобляется богу Сэту в виде величайшей похвалы. На барельефах изображаются цари, получающие от Сэта символы силы, жизни и мудрости в том же самом порядке, как получали они такие же дары от Гора и других солнечных божеств. Сверх того, Сэт изображается научающим их стрельбе из лука. Центром его культа был в это время город Омбос, от которого он получил имя Нубти. По всей вероятности, он в это время был главным солнечным богом Южного Египта. Но вот в эпоху двадцать второй или двадцать пятой династии произошла резкая религиозная революция, которою Сэт был свергнут, изгнан из общества богов, его изображения подверглись изуродованию, надписи в честь его были истреблены. И, таким образом, божество доброе, Господь неба и земли, как имели обыкновение называть Сэта ранее, теперь становится божеством беспримерно злобным, олицетворением всего порочного и извращенного в мире нравственном и всего вредного в природе, — одним словом, полной противоположностью добра и врагом света. Ненависть против Сэта доходит до того, что из списков населенных местностей вычеркиваются города, ему посвященные, как тифонические, то есть предполагаемые несчастными и приносящими несчастье. В солнечном мире Сэт теперь рассматривается не только как злейший и неумолимый враг своего брата Озириса, его убийца и похититель его престола, но также как злая сила в системе двух противоположных мировых начал, так что в этом порядке всякое благо приписывается кроткому и светлому Озирису и всякий вред ставится на счет свирепого и темного Сэта. Вместо прежних лестных эпитетов Сэт теперь обзывается в заклинаниях «аспидом, вредным пресмыкающимся, которого яд сожигает, разбойником, приходящим для того, чтобы украсть свет божества», и так далее… Красный цвет,[18] посвященный Сэту, потому что в одном из превращений своих он принимал вид красного гиппопотама, объявляется проклятым, и в знак войны со злым божеством египетские жрецы закалывают на жертвенниках своих богов животных красной шерсти, словно пленников из враждебной побежденной армии. Развивается миф о

мести Гора за отца своего Озириса и победе его над Сэтом. Страною Сэта объявляется жгучая пустыня — так называемый Красный пояс, обнимающий собою гористую часть Восточного Египта до берегов Красного моря, и в особенности часть пустыни, расположенная к югу Нижнего Египта, включая сюда и Синайский полуостров. Здесь вотчина и территория Сэта, и в силу этого местности эти почитаются несчастными и отверженными. Таким образом, не перестав быть солнечным богом, Сэт, возможно думать, стал представлять собою, так сказать, отрицательное солнце: сосредоточил в себе злые и губительные стороны беспощадного африканского зноя, которые логика новой развивающейся морали не позволила более приписывать абсолютному Солнце-добру, Озирису и Гору (Lanzone).

Ведь в выжженных странах древней Африки, по словам доктора Беккера, «восхода солнца всегда боятся… И на солнце смотрят как на всеобщего врага». Слова эти напоминают древние геродотовские описания атлантов, или атарантов, которые живут во внутренней Африке и проклинают солнце при его восходе, понося его позорною бранью за то, что оно посылает на них и на их страну свой жгучий зной. В настоящее время подобные атланты, или атаранты, развелись и у нас в России. Г. Ф. Сологуб в романах и стихах своих ведет яростную войну с Солнцем, как злым, враждебным человечеству богом, Змеем, именно как египтянин сражался бы с Сэтом или его преемником Сатаной. По всей вероятности, отголоски древнего представления о Сэте надо видеть в отношении кочующих цыган к их демоническому божеству, носящему имя Девель (дьявол). Это великий бог неба (Dewa, Deus). Но он скорее внушает страх, чем любовь, этим вечно живущим на воздухе, гонимым людям, так как он своим громом и молнией, снегом и дождем затрудняет их странствия, а ночные светила его мешают их темным деяниям. Поэтому они жестоко клянут его, если их постигает какое-нибудь несчастье, а в случае смерти ребенка говорят, что Девель съел его (Тейлор).

Потребность очистить идею божества от злого элемента растет в еврействе вместе с культурою и приводит иудаизм на ступень христианства, в котором Бог безусловно благ, а зло в мире является отрицательною силою, выделившеюся из его компетенции на положение бунтующего могущественного вассала. Является идея Сатаны как черного под-Бога, анти-Бога, захватившего во власть свою

чувственный мир и испортившего его настолько глубоко, что для спасения человечества становится необходимою со стороны самого всемогущего Бога великая жертва: Сын Божий должен предать себя в добычу той самой смерти, которую хитрость Сатаны ввела в мир. Громадный период человеческой истории проходит в христианских понятиях под такою безусловною и невозмутимою властью Сатаны, что от нее не могут избавить человека ни вера в Бога, ни добродетельная жизнь: все ветхозаветные святители очутились по смерти в аду, вместе с лютыми грешниками. Словом, с лишком пять тысяч лет церковного счета Сатане было не о чем беспокоиться: тяжелые дни наступили для этого вассала, привыкшего быть королем, только с приближением Искупителя. И идея Сатаны к моменту этому была уже настолько могущественна в иудейском мире, что Евангелие выводит Сатану дерзнувшим на, казалось бы, по существу своему бессмысленную попытку искусить самого Искупителя, а апостол Христов изображает дьявола львом рыкающим, ищущим, кого поглотити.

Акт Искупления свершился, но мир его не ощутил или ощутил столь частично, что за Сатаною, потерявшим из ада великое множество спасенных Христом мертвых, остались неисчислимые миллионы живых в настоящем и будущем, причем последнее оставлено бессрочным. Угроза Страшного суда над человечеством, в котором будет низвергнут князь мира сего, обещает только внезапность расправы этой, которою прекратится и время. Но историческое течение веков после Искупления не явило себя в человеческих глазах практически различным от течения веков до Искупления. Последнее, таким образом, принимает в воображении верующих вид как бы счастливого перерыва между двумя долгими пытками. «Христос разбил врата адовы, проник в царство мрака, вывел населявших бездну; но вслед за тем врата снова укрепляются, мрак сгущается, и бездна вновь заселяется». И никогда на земле не было столько речи о Сатане и не боялись его столько, как в искупленном христианском человечестве, после победы Христа над вечным врагом. Напрасно апостол Павел уверял свою паству, что победа эта совершенная и окончательная и что царь смерти уничтожен смертью Христа. Зрелище настоящего было против него, и христиане, веря в решительность победы Христа над Сатаною, предпочитали, однако,

относить ее, вслед за Апокалипсисом Иоанна, на конец мира. В текущей же жизни, среди разлагающейся языческой культуры, они и чувствовали Сатану, и трепетали пред ним более чем когда-либо. Отпечаток извечного зла, зримый каждому хоть сколько-нибудь философскому уму, не мог быть стерт одним прикосновением религиозной доктрины. На Сатану было взвалено так много ответственности, что убрать из мира столь деятельную и творческую силу оказалось весьма нелегко: она густо обволокла землю своими следами, и «нежный, душистый цветок учения Христова едва пробивался сквозь эти слои» (А. Граф). Не творением ли Сатаны был пестрый политеизм, который очаровывал и соблазнял души? Юпитер, Минерва, Венера, Марс и все боги Олимпа не были ли его воплощением или, по крайней мере, служителями его воли, исполнителями его планов? Жизнерадостная, роскошная культура язычества, процветание искусств, отважная философия, власть богатства и честолюбия, идеалы любви и праздности, беспредельный разврат — не его ли все это обманы, не способы ли и орудия его владычества? Римская империя — не царство ли Сатаны? О, конечно. Это Сатану обожают в храмах, это его славословят на публичных празднествах, это Сатана сидит на троне цезарей и триумфатором восходит на Капитолий.

Так-то значение Сатаны росло для христианского воображения в зрелище языческого мира, окружавшего горсть христиан своим красивым величием. Во всяком проявлении практической жизни, вокруг шумевшей, христианин видел отражение вечного врага Христова, который после своего поражения как будто еще больше обозлился, осмелел и усилился. Ядовитее Гидры и многообразней Протея ползет он из каждой щели житейской, наполняя ужасом и унынием христианские души. Тертуллиан[19] и другие советуют и внушают прекратить всякое общение с язычниками, отказаться от их игрищ и празднеств, от профессий, так или иначе соприкасающихся с идольским культом. Ну а тогда — жить-то как же? И, если умудришься, как быть уверенным на этой земле и в этом воздухе, пропитанных нечестием и грехом, что сохранишь чистыми мысль свою и сердце?

Но Сатане мало соблазнов и казней, так сказать, оборонительных. Он переходит в наступление, со всех сторон осаждает вновь

основанную Церковь, день и ночь таранит он ее стены и успешно пробивает их, то стараясь утопить Христову веру в крови воздвигаемых гонений, то увлекая бесчисленное множество агнцев паствы Христовой в пагубные ереси. Наглядность столь очевидно царящего зла все более и более смущает веру в победу Христову как факт, уже бывший, и обостряет надежды на второе пришествие, которого ждут скоро, и вдохновенные ясновидцы, вроде автора Апокалипсиса Иоаннова, упования эти подогревают своими обещаниями.

Но второе пришествие не спешит, и извечное зло стоит, как было, и даже растет. Тогда, под давлением этой бесспорной осязательности, в христианстве начинается реакция в сторону дуализма. Церковь выделяет множество еретических сект, из которых многие проповедуют дуалистическое христианство, мало чем отличающееся от персидского язычества. В теориях гностиков Сатана вырастает значением, понимаемый уже не как порочный и падший узурпатор, подхвативший отпавшие от божества средства и свойства зла, но как создатель вещественного мира, как самостоятельное и независимое злое начало, современное добру и находящееся с ним в борьбе. Это возвеличение Сатаны не остается без влияния на теорию искупления. Климент Александрийский[20] (ум. в 217) и Ориген[21] (ум. в 253) еще утверждали, что вся тварь, не только люди, но и сам дьявол, рано или поздно возвратятся к Богу, а бл. Августин[22] (354–430) уже полагает, что Бог спасет лишь немногих избранных, большая же часть рода человеческого достанется в добычу дьяволу.

В столкновении противоположных доктрин и влияний, во взаимообмене философских миросозерцаний, в особенности в соприкосновениях неоплатонизма с каббалою, в блестящей фантастике ересей и борении их с еще колеблющимся ортодоксальным догматом, в наплывах из чудовищного языческого синкретизма последних лет римского язычества сложилась почти не поддающаяся определению смесь нелепых верований и безумных культов, из хаоса которых, конечно, не один элемент вошел в состав все растущего и крепнущего образа Сатаны. И когда наконец Церковь, восторжествовав и над язычеством, и над собственными внутренними бурями, вознесла над миром и властно утвердила свой догмат, то одинаково был готов уже и

новый христианский Сатана с новою, паче прежнего страшною властью.

Христиане считали языческий мир созданием Сатаны. История скажет: напротив, Сатану воображение христиан создало по языческому миру. Без нравов Римской империи Сатана был бы очень отличен от того, каким он явился в Средние века. Весь разврат, все гнусное и дьявольское, чем облепилось в упадке своем величие языческой культуры, объединяется и сгущается в идее Сатаны; он делается естественною приманкою для всего бесконечного разнообразия слов, дел, помышлений, обычаев, всего ведения и неведения, которые христианская совесть классифицирует под именем «греха». Боги, потеряв свои храмы и алтари, не умерли, не исчезли, но превратились в бесов, причем некоторые из них потеряли свою красоту, но дурные свои качества не только сохранили, но даже — в преувеличенных размерах. Юпитер, Юнона, Диана, Аполлон, Меркурий, Нептун, Вулкан, Цербер, фавны и сатиры, пережив свои культы, переселились в христианский ад и окружились тучею страшных легенд, помрачивших светлые легенды их в едва узнаваемые искажения. Известно, что христианская Церковь не решилась сделать то, что в известное время своей религиозной истории сделали евреи: резко и категорически отвергнуть существование языческих богов. Христианская Церковь не отрицала существования божеств — пусть языческих, но все-таки божеств, — а только настаивала на их ложности и злобности. Такое рассуждение обратило их в демонов. Это самый излюбленный пункт апологетов и Отцов первобытной Церкви, на котором они настаивают с особенно пылким жаром. Отзвуки и отблески языческого мифа находятся во многих описаниях христианского ада, начиная от первых веков Церкви и вплоть до времен, когда все эти представления объединил своим поэтическим синтезом Данте. Тартар, Аверн, Фигетон и другие адские реки, Стигийское болото, Харон, Цербер упоминаются беспрестанно. Ад, описанный в Романе Розы,[{23}] считает в числе своих обитателей Иксиона, Тантала, Сизифа, Данаид, Тиция; Алэн Великий (Alanus de Insulis)[3] называет хозяйками адских рек классических фурий. Что касается самого Данте, он смешал языческий миф вместе с новыми повериями христианства и произвел этим как бы путаницу двух враждебных элементов, за которую его неоднократно упрекали. С

одной стороны, у него Сатана, Вельзевул, Люцифер; с другой — Харон, Минос, Цербер, Медуза, Минотавр и прочие. В этой смеси хотели видеть влияние на Данте первых лучей гуманизма. Артуро Граф в своей статье о «Дантовской демонологии» хорошо показал, что это зависело совсем не от новой литературной моды, а, напротив, от накопления народных преданий и легенд, сохранивших в течение тысячелетия память старых божеств почти не поколебленною и не поблекшею, хотя и с изменениями цветов белых в черные. Так что, может быть, именно тут-то Данте и явил себя верным собирательным фокусом народной фантастики. Боги померкли, но не померли, они здесь и готовы захватить в старую власть свою каждого неосторожного, кто небрежен к новой религии Искупления. Диана бродит полуденным бесом, а в глубокую полночь мчится в воздушном полете под звездным небом, сопровождаемая ватагами ведьм, которым она передала свою волшебную науку.[4] Венера, богиня любовной страсти, сохранив и в чертовках всю свою прелесть и очарование, по-прежнему распаляет людей неугасимой влюбленностью, отнимает новобрачных мужей у жен, увлекает в подземный чертог средневекового Адониса — рыцаря Тангейзера,{24} что так прекрасно рассказано Генрихом Гейне и еще тысячу раз прекраснее музыкою Рихарда Вагнера. Даже на папском престоле увидим мы новых язычников, знающих, что старые боги живы в новом дьявольском виде. Папа Иоанн XXII провозглашает тосты за здоровье дьявола, и он же, играя в кости, призывает в помощь Юпитера, Венеру и других демонов. Средневековый Сатана не покинул старых античных масок фавна, сатира, является сиреною или гарпией и т. п.

К эпохе торжества Церкви слагается и подробная биография Сатаны. Ее написали те же Отцы, которым Церковь обязана своим торжеством. Сатана был создан добрым, но сделался злым; пал по собственному греху, увлекая за собой бесчисленное множество своих последователей. Позднее утверждали, что за бунт этот десятая часть небесного воинства (совсем как при подобных же обстоятельствах в римской армии) была низвергнута на землю и поглощена бездною. Еще позже — легенда об ангелах, сохранивших нейтралитет, стоя ни за Бога, ни за Сатану, в ожидании победы того или другого. Острова, заселенные такими ловкими двуручниками, видел в своих полных приключений паломничествах св. Брандан,{25} поэма о которых

относится к XI веку.[26] Фольфрам фон Эшенбах[27] (ум. около 1220) заставил их в своем «Парсифале» быть первыми хранителями св. Грааля.[28] Данте поместил их в преддверии Ада с презренными трусами, в которых никогда не говорило живое сердце (che mai non fur vivi). Это всецело средневековое изобретение. В Библии о таких нейтральных ангелах нет ни единого слова.

Эволюцию Сатаны берут в свои руки аскеты. Бежав от мира, они думали уйти и от дьявола, но в пустыне встретили его еще более сильным и могучим, и история их святости становится в то же время историей хитростей, насилий, жестоких обманов и распутных бесчинств дьявола, до той поры и неведомых. И эта вторая история весьма часто подавляет своею греховностью нравоучительную силу первой настолько, что в позднейших веках Церковь, во имя нравственности, вынуждена была или вовсе упразднить, или смягчить новою редакцией многие жития святых, оказавшиеся более к соблазну верующих, нежели к наставлению. Такую чистку «Пролога» произвел в России, как известно, св. Димитрий Ростовский[29] (в конце XVII века).

В расшатанный античный мир врывается буря переселения народов. С туманного Севера вторгаются варвары. Римская империя рушится. Ненавистная языческая культура угасает, а заря новой преемственной культуры еще не занялась. Над обломками язычества воцаряется мрак безнадежного варварства. Многим кажется, что пришел конец на земле царению человеческому, наступает царение диких зверей. Неизреченные бедствия, красноречиво рассказанные пламенным Сальвианом,[30] заставляли усомниться в Провидении. Зрелища новых зол, бесчисленных, неизмеримых, вполне последовательно придали новые рельефы и краски образу того, кто есть начало и виновник всякого зла. Сатана воспринимает в себя не только злодейства варваров, но и многие их верования, притягивая к себе все то — а этого было немало, — что было в их религии соответственного и сродного его существу. Если в греко-римском мире этот персо-иудей эллинизировался и романизировался, то общение с северными варварами его германизировало. Множество образов германской мифологии — бог Локи, волк Фенрир, эльфы, сильфы, гномы — присасываются к образу Сатаны и придают ему новые формы, характер и поступки. Так строится и формируется Сатана то в быстром, то в медленном нарастании последовательных международных наслоений и просачиваний, в беспрерывно изменяющихся фазисах сложной и долгой эволюции. Простая стихийная сила в первом начале своем, он приобретает мало-помалу сложнейший моральный характер, анализируя историческую сущность которого, приходишь в изумление от громадности, разнообразия и многочисленности составляющих его элементов. Не только силы природы и боги различных мифологий, но даже и люди входят в состав Сатаны. Еще индусское поверье утверждает, что демоны — существа, развившиеся из душ людей, которые умерли преждевременно или смертью насильственной, были при жизни уродами, идиотами, сумасшедшими, страдали припадками либо необычайной хилостью или же были пьяницами, распутниками и, наконец, людьми нечестными. «Поэтому, — говорит Walhouse,[31] — смерть какого-нибудь всем хорошо известного злого человека является всегда источником ужаса для всех его соседей: ведь он, конечно, должен превратиться в „Буту“ (Bhuta) — демона столь же сильного и злобного, каким был при жизни. Некоторые из более ужасных в настоящее время

Бут в старые годы были известными лицами. Вот выразительный пример, насколько сильно эта идея владеет народным умом. Один ченгаурский Наир (a Nair of Chenganoor) за два дня до рождественских праздников 1875 г. убил свою любовницу, которую подозревал в неверности. Когда преступник был схвачен и предстал пред судом, он, признавая себя виновным, настоятельно просил, нельзя ли положенную законом казнь, которую он принимал как вполне им заслуженную, совершить над ним не там, где она обыкновенно производилась, а на месте, где им совершено было преступление. В таком случае, объяснял он, он мог бы облечься в форму и зажить жизнью демона и получил бы таким образом полную возможность лично отомстить человеку, который сбил его несчастную жертву с истинного пути, а также и всем его сообщникам в этом деле». В Канаре — местности Индостана, к которой относятся наблюдения Walhous'a, — существует около тридцати местных Бут; во власти их находятся храмы и алтари в различных частях провинции. Наиболее страшный и злой среди них — Калькатти (Kalkatti), или Каменотес, считающийся духом Якканахари (Jackanachari), знаменитого каменщика и архитектора, который около четырех или пяти столетий тому назад построил большую часть великолепных Канарских храмов. Вокруг него собрано много легенд, но он, несомненно, жил и, должно быть, был мастером удивительного таланта. Предание гласит, что он и его жена поссорились с сыном своим из-за одного строившегося в то время храма и совместно убили его, после чего оба превратились в столь злых и ужасных Бут, что «если можно по каким-либо данным предполагать об их близости, никто не осмеливается даже произносить какое-либо заклинание». У патагонцев и туранских племен Северной Азии демонами становятся по смерти их колдуны, в Китае — нищие и прокаженные, в Индокитае и Индии — оставленные без погребения, умершие от чумы и насильственной смертью, холостые мужчины и женщины, умершие в родах. Что касается самоубийц, то это настолько верный способ сделаться демоном, что весьма обыкновенны самоубийства именно с этой целью: чтобы в качестве демона отомстить кому-нибудь из своих врагов. Именно этот смысл имеет японское «харакири», равно как и «сухая беда» наших чувашей. В средневековых поэмах и легендах Пилат, Нерон, Магомет обращаются в дьяволов. Еще недавно Генрик Ибсен насмешливо воскресил это

поверье — о возможности лютому грешнику стать чертом — в бесподобном своем «Пер Гинте».[32]

Средние века — эпоха зрелости Сатаны. Вместе с готическою стрелкою, папским авторитетом, схоластикою, аскетизмом, феодальным духом растет в христианстве и его угрюмый и причудливый миф. Когда они приходят в упадок, склоняется к упадку и он. Сатана — сын печали, тайны, тени, греха, страдания и ужаса, и конечно, дозреть в могущественную величину мог он только в религии ужаса, которою хотел быть и был католицизм XIII века, отрицатель жизнерадости, прямого взгляда на вещи, света, веселости и наслаждения; враг природы, потому что она полна чудес и чудовищ, потому что в ней телесный мир непримиримо противится воле мира духовного; враг жизни, потому что она полна поводами к греху и опасности погубить душу; трусливый раб смерти, открывающей врата в спорную бездну вечности. Мечты и бреды смущают умы. Отшельник, проведя многие часы в молитве на коленах, выходит, еще в экстазе, из кельи и видит: в воздухе несутся ужасные полчища дьяволов в образе апокалипсических чудовищ. Они освещаются пламенными знамениями небесными, светила меняют свой вид и обливаются кровью — печальные предвестия грядущих бедствий. Во время эпидемий, косивших людей как траву, видят в воздухе стрелы и дротики, бросаемые незримыми руками, со свистом поражающие жертву и затем исчезающие.[5] И то и дело проходит по перепуганному миру грозное предчувствие близкого конца света, проносятся слухи, что Антихрист уже народился и не сегодня-завтра наступит страшная катастрофа, предреченная в Апокалипсисе.

Сатана растет в унылой тени огромных соборов, за массивными колоннами, за решетками хора; растет в тиши монастырей, оцепенелых в созерцании смерти; в зубчатом замке, где тайные угрызения совести гложут душу сурового барона; в тайной лаборатории, где алхимик делает опыты превращения металлов; в глухом лесу, где колдун творит свои волшебные заклинания; на ниве, в которую измученный раб сеет хлеб на барщине беспощадного господина. Сатана, в условиях этого века, становится всемогущим и вездесущим. Множество людей постоянно видит его, беседует с ним, вступает в переговоры и договоры.

И тут опять Церковь помогла внедрению мифа в народ, направив свою запугивающую политику к тому, чтобы то, чего люди не хотели сделать из любви к Богу или по духу послушания, они делали бы хоть из страха к дьяволу. Католицизм обратил Сатану в своеобразную систему народного воспитания «от обратного»: если не с нами, то, значит, с Сатаною, а что такое Сатана — вот, любуйся. Сатану пишут и ваяют во всевозможных ужасных видах. Пугалом Сатаны стращает каждая фраза в устах проповедника, каждое увещание в устах духовника. Сатана стал героем бесчисленных дидактических легенд и притч, отвечающих решительно на каждый случай, на каждую мысль житейского обихода. Даже в общей политике Средних веков дьявол играл очень важную роль. Что же касается политики чисто церковной, то в ее-то области, конечно, он сослужил гораздо большую службу, чем инквизиция и костры, которыми его впоследствии изгоняли. Уже в 811 г. Карл Великий в одном из своих капитуляриев обвинил священнослужителей, что они злонамеренно запугивают прихожан дьяволом и адом с целью выжимать этим обманом деньги и захватывать имущества суеверных простаков.

Насколько велик был страх пред Сатаною, настолько же велика была и ненависть к нему как к источнику всякого зла и противнику всякого блага. Чем более был любим Христос, тем более должен был ненавистен быть его заклятый враг. Но и в этом случае страх и ненависть породили свои обычные результаты, доводя суждение о Сатане и образы его до таких крайностей отвратительного, что чувство меры воспротивилось им даже в народных недрах, создавших известную насмешливую пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют».

Глава вторая

ФИЗИОЛОГИЯ ДЬЯВОЛА

Только с величайшим трудом удается человеку, если вообще удается, составить себе понятие о какой-либо бесплотной субстанции, существенно противоположной тем, которые доступны нашему чувственному восприятию. Обыкновенно бесплотность понимается как наименьшая плотность: такое разрежение вещества, что последнее становится подобным воздуху или огню либо даже и их тоньше. В первом представлении, разделяемом едва ли не всеми народами земли, душа есть дыхание или легкий пар, который может быть видим под внешностью тени. Боги всех мифологий — более или менее, но всегда — телесны. Греческие боги питаются амброзией и нектаром, имеют тело, физиологически чувствительное как к удовольствию, так и к страданию. Когда они вмешиваются в битвы смертных, то не только сами наносят, но также и получают болезненные, заставляющие их плакать и выть ушибы и раны. Общеизвестны эпизоды «Илиады», как Диомед, сын Тидея, ранил в битве сперва Афродиту, спасавшую своего сына Энея, а потом самого Ареса, бога войны:

Тот же Киприду преследовал медью жестокой,
Знав, что она не от мощных богинь, не от оных бессмертных,
Кои присутствуют в бранях и битвы мужей устрояют,
Так, как Афина или как громящая грады Энио,
И едва лишь догнал, сквозь густые толпы пролетая,
Прямо уставив копье, Диомед, воеватель бесстрашный,
Острую медь устремил и у кисти ранил ей руку
Нежную: быстро копье сквозь покров благовонный, богине
Тканный самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возле перстов; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не едят, ни от гроздий вина не вкушают;
Тем и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
<…>
И тогда на Арея напал Диомед нестрашимый
С медным копьем; и, усилив его, устремила Паллада
В нижнее чрево, где бог опоясывал медную повязь;
Там Диомед поразил и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвал обратно копье; и взревел Арей меднобронный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины Троян, и дружины Ахеян
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.
Сколько черна и угрюма от облаков кажется мрачность,
Если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер, —
Взору Тидида таков показался, кровью покрытый,
Медный Арей, с облаками идущий к пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся к жилищу бессмертных, Олимпу.
Там близ Кронида владыки возвел он, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной,
Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи…[33]

Естественным результатом этих взглядов явилась пневматическая доктрина, приписывающая обладание некоторым телом как ангелам, так и демонам. При этом некоторые добавляют, что тело демонов плотнее и тяжелее ангельского, став таким после падения с небес, в силу приспособления к земной атмосфере. Зато, сравнительно с телом человеческим, тело демона едва плотно. Однако демон достаточно

материален, чтобы иметь вес и тяжестью своей выдавливать следы на сыпучих веществах. Довольно распространен обычай сыпать золу на пол, чтобы видеть следы демонов (Тейлор). Способ древний, известный еще из легенды о Бэле и Драконе,[34] где следы ног на золе, которою был посыпан пол, выдают плута-жреца, приходившего через потаенную дверь поедать яства, которые ставили пред изображением Бэла. В половине XIX века в одном из английских городов распространился рассказ о бесе, прогуливавшемся по стенам домов и потолкам и оставлявшем на снегу отпечатки своих дьявольских, вывернутых назад ног (Тейлор).

Никто не зрел, как с нею мчал он [Сатана],
Лишь страшный след нашли на прахе…
(Соути — Жуковский)[35]

Во втором веке Татиан[36] считает плотность демонов равною воздуху (также Исидор Севильский[6] [37] в VII веке) или огню, а св. Василий Великий[38] считает их еще тоньше и легче. Наоборот, Данте наградил Люцифера, мерзнувшего во льдах Коцита, телом настолько крепким и грубым, что поэт и вожатый его Вергилий взбираются по нему, как по скале.

Наличность тела обусловливает наличность физиологических потребностей и отправлений. Будучи телесными, демоны должны питаться. Ориген, Тертуллиан, Афинагор,[39] Минуций Феликс,[40] Фирмик Матерн,[41] св. Иоанн Златоуст[42] утверждают, что любимая пища демонов — пар и дым приносимых язычниками жертв. Некоторые раввины добавляют к этому кровь, на которую дьявол бросается всюду, где только может ее достать. А немецкая пословица уверяет, что голодный черт и мух жрет. Чувство вкуса дьяволу, по-видимому, чуждо. В русских и немецких сказках его вечно надувают, подсовывая ему вместо ореха пулю, вместо сыра — камень, и глупый черт всю эту дрянь добросовестно жует, только удивляется, что люди находят в ней хорошего. Индусские демоны Буты представляются народному воображению какими-то кишечными паразитами, живущими за счет человеческого тела. Получив возможность войти в человека, Бута помещается в нижней части брюха и питается там всеми нечистыми выделениями. В продолжение своего пребывания

там он, расстраивая у человека пищеварение и обращение соков, является причиной всяких припадков, параличей, временных умопомешательств, взрывов бешенства, судорог и ревматических болей. Все это вполне согласуется с поверьями, относящимися к одержимости, весьма распространенными у евреев и древних христиан. Первые, например, были уверены, что нечистые духи, вследствие своего малого объема, вдыхаются вместе с воздухом и, незаметно пробравшись в тело и действуя на внутренности, причиняют вред здоровью и заставляют свою жертву выполнять их злые желания. Главным местонахождением их в теле считались наиболее жирные его части; сверх того, раввины полагали, что на земле в каждом отхожем месте обязательно живет какой-нибудь злой дух (Walhouse). Христианские поверья Средних веков подтвердили это поверье легендами, в которых иные подвижники подвергались атакам беса именно в этих неприятных помещениях.

— Теперь ты мой, потому что совершаешь смертный грех! — сказал один такой дьявол священнику, который читал требник во время отправления естественной надобности.

Но находчивый патер отвечал:

— Молитва моя возносится ввысь и, следовательно, принадлежит Богу. Ну а то, что падает вниз, — пожалуй, так и быть, можешь взять себе.

Как бы особенною разновидностью дьявола, среднею между демоном и «злым мертвецом», надо указать чертей-людоедов и трупоедов. Это страшные гулы индусских и арабских сказок. Перелетев с Востока, они под разными именами расселились по Европе и хорошо знакомы романско-германскому и славянскому фольклору. Но в европейских поверьях «людоед», «великан», «огр» обыкновенно только демоническое существо, вассал дьявола, а не сам дьявол. Не дьяволы и «вампиры», оживленные демоническою властью мертвецы, питающиеся кровью живых. Но, например, еще настоящий, чистокровный, так сказать, гул является в русской сказке о дьяволе на вечернице (№ 206 у Афанасьева).[{43}] Бес является в виде бравого парня на вечерницу и ухаживает за красавицей Марусей. Желая узнать, кто этот неведомый обожатель и где он живет, Маруся запаслась клубком ниток и, когда стала прощаться с гостем, тихонько «накинула петельку на пуговицу, пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок

распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названный жених. Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там делается. Влезла, глянула — а названный жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело». Дьявол догадался, что Маруся его выследила, и стал требовать, чтобы она в том призналась. Маруся отрекается, а дьявол за это последовательно убивает ее отца, мать, и, наконец, ее самое… Но смерть Маруси только очарованный сон. Душа ее живет в прекрасном цветке, растущем на ее могиле. Один боярский сын пленился цветком, вырыл его с корнем и посадил в горшок: «Пусть у нас цветет!» Однажды боярский сын застал, как Маруся от цветка превращается в прекрасную девушку, — и они поженились и прижили сына. Вот однажды «они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый: „А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?“ — „Нет!“ — „А видела, что я там делал?“ — „Нет!“ — „Ну, завтра у тебя и муж, и сын помрут!“ Маруся прямо из церкви бросилась к старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом — живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж, и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: „Скажи, была у церкви?“ — „Была“. — „А видела, что я делал?“ — „Мертвого жрал!“ Сказала, да плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался».

О пищеварении беса известно больше по трагикомическим случаям, обнаружившим в разных трудных для него столкновениях, что дьявол — существо весьма нервное и с перепуга слабое на желудок. Великое множество знаменитых виноградников Западной Европы приписывают свое происхождение тому обстоятельству, что, мол, черт над сим местом встретился с небесным воинством и с перепуга впал в «медвежью болезнь». Великолепно записана и рассказана нормандская легенда подобного сражения — о горе Сен-Мишель у Гюи де Мопассана.[44] Аналогичные сказания имеются и у нас в эпосе, как великорусском, так и малорусском. Гриммы, наш Афанасьев и вообще мифологи стихийной школы обратили на сказки о разных проявлениях дурного пищеварения у черта, быть может, даже

уж слишком много серьезного внимания, пристегивая их к пережиткам мифов о боге-громовнике.

Обмен веществ изнашивает материю. Все телесное должно стареть. В народных поверьях старость знает и дьявол. «Когда черт стареет, то он идет в монахи». Но Исидор Севильский отрицает, чтобы черти старились. В раввинническом предании они не только стареют, но и умирают. Русский сказочный черт вполне человеческое существо: он охотно ест и пьет все, что люди, стареет, болеет, умирает, бывает ранен и убит и даже по смерти разлагается.

«— Как стал от игумена выходить, — рассказывает в „Братьях Карамазовых“[45] инок Ферапонт, — смотрю — один за дверь от меня прячется, да матерой такой, аршина в полтора али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концом хвоста в щель дверную и попади, а я не будь глуп, дверь-то вдруг и прихлопнул, да хвост-то ему и защемил. Как завизжит, начал биться, а я его крестным знамением, да трижды, — и закрестил. Тут и подох, как паук давленный. Теперь, надоть быть, погнил в углу-то, смердит, а они-то не видят, не чухают».

О болезнях черта много рассказали под пыткою ведьмы в колдовских процессах: когда он болел, они должны были ходить за ним в качестве сиделок.

Некоторые Отцы Церкви, в том числе св. Григорий Великий,[46] почитали дьявола совершенно бесплотным, но мнение их не нравилось народу. Св. Фома Аквинат[47] (1227–1274), изложив голоса за и против, вывел заключение, что вопрос о телесности или бестелесности дьявола для веры не важен. Народная фантазия не согласилась с этим и продолжала воображать черта телесным в полном смысле этого слова.

Тело дьявола предполагается человекоподобным, однако нетождественно человеческим. В результате своего падения Сатана, «создание великой красоты» (la creatura ch’ebbe il bei sembiamte), по свидетельству Данте, огрубел и уплотнился телом, а прелесть лица его превратилась в позорное безобразие. Та же судьба постигла его сообщников. Дьяволы стали чудовищами, в которых человеческое смешано со звериным, и часто второе берет верх над первым. Если бы дьяволы подлежали зоологической классификации, то могли бы составить отдельную семью антропоидов (Артуро Граф). Наш Костомаров в своем послесловии к известной «Повести о Соломонии

Бесноватой»[48] хорошо говорит, что русские бесы, столь ярко обрисованные в этом любопытном памятнике демонологии, — «какие-то земноводные люди, подверженные, как и мы, условиям материальной жизни: они едят, пьют, имеют половое сообщение, родятся и умирают; они безобразны и по наружности скорее похожи на зверей, чем на людей; они как люди мыслят и говорят, имеют общественные связи, ибо сознают между собою братство, имеют религию и поклоняются божеству, называемому Сатаною; отличаются от людей тем, что могут принимать различные образы, способность, которой, однако, не лишены безусловно, по народному верованию, и люди — если они колдуны; бесы, кроме того, что они звери по наружности и люди по жизни, еще все как бы колдуны, то есть все, по природе своей, способны на то, что доступно между людьми только некоторым, обладающим таинственною наукою». В главе об инкубах мы встретимся с любопытными галлюцинациями одной дамы, которая определяла демонов, на нее нападавших, удачным именем «человекоживотных» (homanimaux).

«Бесов вообще рисуют безобразных»[49] (Лермонтов). Принцип интеллигентской романтики XIX века «La beau c’est le laid»[50] весьма далек от народной демонологии, которая и в Средние века, и сейчас настойчиво желала и желает соединить красоту с понятием добра, а зло воплощает в отталкивающее уродство либо, в виде снисхождения, презрительно одевает его искаженными формами смешного шутовства. Вообразить Сатану отвратительным требовали ненависть и страх к нему, которые внушала и которых требовала Церковь. Авторы житий, сказочники, поэты, художники и скульпторы усердно тратили вдохновение и силы на изображение Сатаны в самом гнусном виде и иногда преуспевали в нем настолько, что сам дьявол выходил из терпения, находя, что это уж слишком. За подобный пасквильный портрет он даже столкнул одного художника с лесов, на которых тот работал, но, к счастью мастера, Мадонна, которую он незадолго пред тем написал совершеннейшею красавицей, протянула руку с картины и удержала его в воздухе.

Знаменитый художник XIV века Спинелло из Ареццо[51] (1308–1400), человек крупного дарования и чрезвычайно живой фантазии, писал для церкви San Agnolo в Ареццо картину, изображавшую падение ангелов, причем придал Люциферу такой ужасный вид, что

сам не выдержал созданного им зрелища. Старику всюду начал представляться дьявол, упрекающий Спинелло за безобразие, в котором художник его вообразил. Постоянная галлюцинация эта так подействовала на Спинелло, что он заболел и вскоре умер (Ланци).[52] Brière de Boismont[53] прибавляет, что бедный Спинелло пробовал искупить свою вину пред взыскательным бесом, придав ему, — первый из художников, — более человеческий образ, но, должно быть, опоздал с этим своим покаянием, потому что бесы не давали ему покою и замучили-таки бедного галлюцината до смерти.

Вообще дьявол довольно-таки ревнив к репутации своей наружности. Гоголев кузнец Вакула[54] преследуется ведь чертом, подобно художнику Спинелло, отчасти и за то, что нарисовал дьявола в аду в таком мерзком виде, что бабы им стали детей пугать: «Ось, бачь, яка кака намалевана!»

Человекоподобность дьявола признавали все визионеры, удостоившиеся его лицезреть, но о точной его наружности, даже о росте, не только каждый из них, но часто один и тот же говорит разно. Св. Антоний[55] видел его однажды черным гигантом, который головою касался облаков, другой раз — в виде голого негритенка. Манихеи, еретики второй половины III века, приписывали князю тьмы гигантские размеры. Анахореты пустыни Фиваидской видели беса обыкновенно в виде эфиопа, что естественно для белых людей, поселившихся среди чернокожих. Но в Средние века эфиоп этот перекочевал из Африки в Европу, и таковым видел беса даже св. Фома Аквинат. В русской церковной литературе, а в особенности в старообрядческой, «эфиоп» и «мурин» играют весьма важную роль — настолько, что оба имени, потеряв свое этническое значение, стали нарицательными кличками дьявола, обратились из эпитетов в синонимы предмета.

Эфиопы, видом черные,
И — как углие, глаза

грезятся Власу[56] Некрасова в адских видениях его горячечного бреда.

Черный цвет дьявола естественно приличен ему как князю тьмы. Исполинский рост он получил по наследству от языческих и библейских гигантов, воплотителей злой, антикультурной силы,

враждебной идеям божества и религиозной цивилизации. Титанов греческой мифологии Данте нашел нужным перенести на мучение и в свой христианский ад, хотя последнему, казалось бы, совершенно бесполезна расправа с врагами Христом низверженного Зевса. Злая воля в средневековом эпосе всегда воплощается в великане, и великан этот — либо сам черт, либо сын черта. Дантов Люцифер — гигант, горе подобный. В видении Тундала[57] (XII век) князь демонов, осужденный вечно жариться на раскаленной решетке, имеет, подобно Бриарею,[58] сто рук. Таким же сторуким и стоногим видела Сатану в XIV веке св. Бригитта.[59] Иногда, впрочем, воображают дьявола карликом, в чем А. Граф видит влияние германской мифологии.

Данте дал Люциферу три лица, подражая подобным же средневековым изображениям в виде человека с тремя лицами Троицы небесной: как обезьяна божества и вечный контраст его, Сатана должен был, конечно, изобрести свою собственную дьявольскую черную троицу, пародируя ипостаси и отражая благодать их в карикатуру обратно пропорциональных пророков. Люцифер с тремя лицами изображался много раз в скульптуре, в живописи на стекле, в миниатюрах на манускриптах, с головою, то украшенной венцом, то обезображенной рогами, а в руках — скипетр, иногда меч, а то и два меча. Такое тринитарное изображение Сатаны гораздо старше и Данте, и Джотто, который дал ему место в одной своей фреске: Сатану писали так уже в XI веке. Более того, еще в апокрифическом евангелии от Никодима, памятнике VI века, упоминается «трехглавый» Вельзевул.

По мере того как в народах рос внутренний страх к дьяволу, все страшнее воображалась и его наружность. Понятно, что результаты воображения варьировались — сообразно верованиям той или другой местности и субъективно-художественному темпераменту воображавшего. Самый обычный и частый образ Сатаны — высокий изможденный человек, с лицом черным, как сажа, или мертвенно-бледным, необыкновенно худой, с горящими глазами навыкате, всею мрачною фигурою своею внушающий ужасное впечатление призрака. Таким не раз описывает его в XII веке цистерианский монах Цезарий из Гейстербаха,[60] таким же и в веке XIX вывел его Гофман в гениальном своем романе «Чертов эликсир».[61]

Другой вид его, бесконечно воспроизведенный искусствами, — это черный ангел.

Вот так являюсь я певцам,
И живописцам наипаче, —

рекомендуется черный ангел-Сатана в «Дон Жуане» гр. А. К. Толстого. Этот художественный тип Сатаны варьируется с бесконечною растяжимостью, начиная с того сверхъестественного безобразия, в котором нашел Данте в восьмом кругу «Ада» беса, мучителя корыстолюбцев:

За мною бес зловещей, черной птахой,
Перелетая с гор на горы, вмиг
Как из засады выпорхнул с размаху.
Какой огонь в очах виднелся злых!
Злорадствуя, дрожал как в лихорадке
И бил он воздух ширью крыл своих.[62]

Лицо у такого черного ангела обгорелое и безобразное, тело сухое и волосатое, крылья — как у летучей мыши, на голове роги — и хорошо, если только пара, а то и больше, нос крючком, длинные острые уши. Для совершенной красоты усердствующие придавали бесу еще свиные клыки, когти на руках и ногах, хвост с змеиным жалом или стрелою на конце. Страшные морды, подобные фантастическим маскам на фонтанах, разевали пасти на коленях, локтях, груди, брюхе и, в особенности, на заду; половой орган принимал громадные размеры и безобразно изощренные формы, напоминая бесстыдные карикатуры античного художества. Ноги иногда козлиные, на память о сатирах языческой древности, либо одна человеческая, другая лошадиная; ступни то вооружены ястребиными когтями, то как гусиные лапы. Этот европейский черт с рогами и с хвостом получил распространение гораздо более широкое, чем даже, казалось бы, позволяло непосредственное европейское влияние. Так, в некоторых первобытных племенах, при первом с ними знакомстве, европейцы, к удивлению своему, открывали злого духа, живущего в подземных странах и причиняющего все бедствия, от которых страдают люди, в виде хорошо знакомого им на собственной родине рогатого и хвостатого существа, хотя между туземными животными не

встречалось ни одного рогатого (Тейлор — о духе Варругура). Очевидно, черт зашел сюда издалека и понравился населению по слухам. Вообще понятия о дьяволе появились у многих диких народов только с прибытием европейцев и началом христианского миссионерства. Если последнее не обращало эти дикие племена в христианство, то своими отголосками, молвою и перетолками своих заповедей создало, в смешении с местным первобытным культом, нечто вроде новой религии, обыкновенно резко дуалистического типа. Так, один миссионер XVIII века сообщает следующие интересные данные о знаменитом в то время американском краснокожем племени ирокезов: «Они (индейцы), по-видимому, не имели понятия о дьяволе как князе тьмы до прибытия европейцев в их страну. Теперь они считают его могущественным духом, не способным делать добро, и потому называют его *Злым*. Они держатся теперь веры в два существа, одно бесконечно доброе, другое — бесконечно злое. Первому они приписывают все хорошее, а второму — все дурное. Около тридцати лет тому назад в религиозных понятиях индейцев произошли большие изменения. Некоторые из их собственных проповедников стали уверять, что получили откровение свыше, были на небе и беседовали с Богом. Они рассказывали различно о своих похождениях во время этих странствий, но все сходились на том, что путь на небо сопряжен с большими опасностями, потому что дорога проходит около самых ворот ада. Там дьявол лежит в засаде и ловит всякого, направлявшего свой путь к Богу. Те, которым удалось счастливо пробраться мимо этого опасного места, пришли сначала к Божьему сыну, а через него к самому Богу, от которого будто бы получили повеление указывать индейцам путь к достижению неба». От этих проповедников индейцы узнали, что небо есть жилище Бога, а ад — жилище дьявола. Намек на такую первобытную, соседнюю с христианством мифологическую религию дан в интересном рассказе Лескова «На краю света» из уст остяка, убегающего от миссионеров, чтобы его не могли окрестить… А нечто совсем подобное — о хвостатом, рогатом и черном дьяволе, созданном первобытными язычниками по слухам из проникших к ним христианских сказаний, — содержит, и в очень любопытной форме, также и наш летописный рассказ под 1070 г. «Случилось одному новгородцу приехать в Чудь, и пришел он к волшебнику, желая, чтобы он ему погадал; тот, по своему обычаю, начал призывать бесов в свою

хижину. Новгородец сидел на пороге, а волшебник лежал как бы в оцепенении. Ударил им злой дух. Встал волшебник, сказал новгородцу: „Боги не смеют прийти, на тебе что-то есть, чего они боятся“. Тот вспомнил, что на нем есть крест, отошел в сторону и поставил крест вне избы. Волшебник стал снова призывать бесов, а те, натешившись им, сказали, зачем пришел новгородец. Потом новгородец начал спрашивать его: „Почему бесы боятся креста, который мы носим на себе?“ Тот отвечал: „То знамение небесного Бога, и его боятся наши боги“. Новгородец спросил: „А каковы боги ваши, где они живут?“ Тот отвечал: *„В безднах, а видом они черные, с крыльями и хвостами, восходят к небу послушать ваших богов*. Ваши — это ангелы на небе. Если кто умрет из ваших людей, то его уносят на небо; а если кто умирает из наших, то его относят к нашим богам в бездну“».

К числу физических недостатков черта надо отнести, что он *хромой* — вследствие своего падения с неба. В этом случае на дьявола перенесена примета древнего арийского мифа о хромом огненном божестве. Хром эллинский Гефест — и по той же причине: «раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно *низвергнул с высокого Олимпа на землю,* и вследствие этого падения Гефест повредил ногу». Хром скандинавский Локи. Хромота черта — общеевропейское поверье, сохраняющееся даже на высоких культурных высотах. Достаточно напомнить об известном романе Лесажа «Le Diable Boiteux».[63]

«Was hinkt der Kerl auf einem Fuss?» («С чего этот малый припадает на одну ногу?») — восклицает в Гётевом «Фаусте» Зибель, глядя на Мефистофеля.

В русских сказках дьявол часто является под именем Анчутки Беспятого (с отшибленной пятою). Будучи хромым сам, дьявол ищет компаньонов по несчастью и потому великий охотник портить ноги людям, ему вверяющимся или, наоборот, покушающимся на его богатства. «Посреди старого Кракова было *подземелье*, где (как уверяла народная молва) стояли бочки с чистым золотом; раз зашла туда одна девушка, черт отсыпал ей в передник груду червонцев и, прощаясь, не велел оборачиваться назад. На последней ступеньке лестницы она не выдержала и оглянулась; в то же мгновение *дверь с треском захлопнулась и отшибла ей пятку*. Под развалинами

Ленчицкого замка (в Польше) обитает черт Борута и стережет клад; нашелся отчаянный шляхтич, который отправился в подвалы этого замка и стал забирать золото; набил полные карманы — и назад, но едва ступил он на порог, как *хлопнула дверь и отшибла ему пятку*».

Некоторые утверждали, будто у дьявола телесна только внешность, а внутри он пустой, вроде дерева, изъеденного дуплом. Св. Фурсей[64] видел однажды толпу дьяволов с головами, подобными медным котлам на длиннейших шеях. Дьяволы в видениях св. Гутлака[65] имели огромные головы, длинные шеи, лица тощие и отвратительные, бороду, колючие уши, свирепо наморщенные лбы, зверские глаза, лошадиные зубы и гривы, огромные рты, высокую грудь, волосатые руки, узловатые колени, кривые ноги, толстые пятки, вывернутые ступни; говорили они крикливыми и хриплыми голосами и с каждым словом изрыгали пламя изо рта. Эту способность сохраняли все отверстия на дьявольском теле. Если дьяволы св. Фурсея немного смахивали на котлы или кубы для кипячения воды, то еще более хозяйственно устроенного дьявола видела однажды св. Бригитта:[66] голова его была подобна раздувалу, снабженному длинным дулом, руки были как змеи (веревки), ноги как педаль, а вместо ступни — крючки. Нельзя не сознаться, что это дьявольское видение, превратившее в Сатану невинные кузнечные или кухонные мехи, как нельзя более напоминает галлюцинацию Ивана Солдата в хорошо известном русскому читателю «Тише воды, ниже травы» Глеба Успенского:

> «Однажды Иван валялся пьяный около корыта, где мок в овсянке овчинный рукав; этот рукав целую ночь ругал его: „Камбала!“ — очевидно, намекая на его кривой глаз».

Уловить общий тип дьявола тем труднее, что, по весьма распространенному мнению, каждый демон имел свою индивидуальную наружность, соответственную его характеру, рангу в адской иерархии и специальности. В человекоживотном смешении дьявола иногда зверь подавляюще берет верх над человеческим составом, как, например, Герион у Данте, который, взяв это имя из эллинской мифологии, одел его в апокалипсические формы:

— Гляди, вот чудище с хвостом колючим,
Что страшно и оружью и стенам
И губит мир дыханием вонючим!
<…>
И вот тотчас обмана образ грязный
Главу и перси показал свои,
Но хвост оставил скрытым безобразный.
Печать благоволения несли
Черты лица у зверя-супостата,
Но остальной хребет — как у змеи;
До мышек были лапы волосаты,
А грудь и оба бока и спина
Расписаны пестро и узловаты.
Узоры у турецкого сукна
Не ярче по цветам, и ткань такая,
Ручаюся, Арахной не ткана!
Как на прибрежье барки, отдыхая,
Едва из влаги поднимают бок,
Или как бобр в обжор немецких крае
Врага встречает, погрузясь в поток,
Чудовище так точно покрывало
Кайму камней, сжимавшую песок.
Виясь, концом хвоста оно махало,
Губительный в себе таящим яд
И острым, как у скорпиона жало.

Дантологи (Ланчи, Бетти, Скартаппини) находят, что в этом описании своем Данте подражал адской саранче из Откровения Иоаннова (4: 7—11), и в особенности царящему над нею ангелу бездны:

> «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну; а на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее как лица человеческие; и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы у ней были, как у львов; на ней были брони, как бы брони железные, а шум от крыльев ее, как стук от колесниц, когда множество коней бежит на войну, у ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах ее были жала; власть же ее была — вредить

людям пять месяцев. Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски — Аввадон».

Иногда животное вытесняет из дьявола человеческое подобие — и тогда является адский зверь, чудовище, зародившееся в мифологических образах Вавилона и Египта, а также на страницах Апокалипсиса и получившее необычайно подробное развитие в видениях средневековых аскетов и дидактически-благочестивых романах. Бредовые звери эти, созданные воспаленным воображением из обрывков действительных животных, сложены самым фантастическим образом, совмещая в себе признаки всех животных царств, словно нарочно затем, чтобы символизировать, как каприз и злоба дьявола ругаются над законами природы и насилуют ее строй. Звери египетской мифологии, при всей их причудливости, куда проще. Так, мистическим животным Сэта (египетский Сатана) рисуется довольно скромное и почти правдоподобное четвероногое плотоядного типа, вроде собаки или шакала, удлиненною хищною мордою напоминающее ближе всего, пожалуй, борзую, с прямыми торчащими ушами и длинным хвостом, на конце раздвоенным.

Иногда Сэт изображается в виде этого адского зверя, иногда в виде человека, но с головою своего символического животного. Из настоящих представителей животного мира Сэту были посвящены гиппопотам, коршун и многие другие хищные животные, вид которых он иногда принимал. И эти уже без всяких демонических изменений и прикрас. Мы встретим этих удивительных зверей, которыми населило преисподнюю Средневековье, в главе об «Аде» по описанию их неким Тундалом.[67]

Отступления от правила изображать дьявола безобразным в Средних веках очень редки. В одной латинской Библии IX или X века, находящейся в Парижской национальной библиотеке, Сатана, искушающий Иова, сохранил еще свой прежний ангельский вид — крылья и даже ореол вокруг головы; дьявольство его характеризуется только когтями на ногах и сосудом с пылающими углями, который он держит в левой руке. В одной французской героической поэме двенадцатого века «La Bataille Alisians»[68] дьявол выведен совсем красавцем: его портят только большой рот и горбатый нос. Эстетическое направление Возрождения сказалось и на представлении

о дьяволе. Вот как описывает Сатану Федериго Фрецци[69] (ум. 1416), епископ в Фолиньо и автор «Quadriregio»:

> «Я думал увидеть злое чудовище, ждал увидеть погибшее и унылое царство, а нашел его торжествующим и славным. Сатана оказался велик, прекрасен и имел такой благосклонный вид, такую величественную осанку, что казался достойным всякого почтения. На голове его сиял великолепный тройной венец, лицо было веселое, глаза смеялись, в руках он держал скипетр, как прилично великому властителю. И хотя ростом он был в три мили вышины, надо было удивляться, как соразмерны его члены и как он хорошо сложен. За плечами его шевелилось шесть крыльев из таких нарядных и блестящих перьев, что подобных не имеют ни Купидон, ни Килленийский бог (Гермес)» (Артуро Граф).

Правда, все это оптический обман: взглянув на Сатану вооруженным взглядом, сквозь адамантовый щит Минервы, своей вожатой, поэт видит адского царя свирепым чудовищем, чернее негра, с дико горящими глазами; голова его украшена не венцом, а переплетающимися драконами, он оброс по всему телу как будто волосами, но в действительности это ужасные змеи, руки у него с когтями, а брюхо и хвост — как у скорпиона. Но тем не менее почин украшать Сатану сделан и пришелся по вкусу века.

Из художников, как сказано выше, первым придал Сатане «страшную красоту» Спинелло Аретинский, которого Бриер де Буамон зовет за это «предшественником Мильтона». В «Страшном суде» Микель Анджелло демоны уже мало чем отличаются от грешников: художник достигает в них впечатления не внешним безобразием, но ужасною экспрессией внутренних страстей. Демоны Мильтона, равным образом и Клопштока,[70] сохранили и после падения немалую долю прежней своей красоты и величия. Однако демоны Тассо,[71] наиболее народного из четырех законоположных поэтов Италии, сохранили чудовищные и ужасные формы и воспроизводят все страшные призраки античной мифологии. Восемнадцатый век, погасивший костры ведьм и обративший дьявола в философскую идею, увенчанную, после многих второстепенных немецких «Фаустов», гениальным синтезом в «Фаусте» Гёте, окончательно очеловечил Сатану. А протестующий романтизм XIX века усилиями

Байрона, А. де Виньи,[72] Лермонтова и др. настолько облагородил и возвысил его, что Люцифер, Демон, Мефистофель становятся излюбленными владыками-символами человеческой мысли, решительно торжествующими в воображении бунтующего человека над своими исконными небесными врагами. Сообразно с этим моральным повышением становится он и физическим красавцем:

Господень ангел тих и ясен,
На нем горит блаженства луч,
Но гордый демон так прекрасен,
Так лучезарен и могуч![73]
(Майков)

Это эстетическое отношение к дьяволу как олицетворению прекрасной и гордой мысли нашло себе, уже в наши дни, конечное и блистательное увенчание в гениальном «Демоне» несчастного Врубеля.

И даже когда нынешний дьявол некрасив, он сохраняет в наружности своей ту значительность и, как говорится, «интересность», которая привлекает к нему уважительное внимание больше самой блистательной красоты. Мефистофель в мраморе Антокольского,[74] в сценическом гриме Эрнста Поссарта[75] и Шаляпина[76] сделал европейскому обществу близкою и фамильярною зловещую фигуру кавалера в бархатном колете, шелковом плаще, в берете с тонким, колеблющимся петушьим пером и длинною шпагою на бедре…

В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,
С пером на шляпе, с длинной шпагой…[77]

Этот образ дьявола — несомненно, из всех художественных самый популярный, несмотря на то что он сравнительно из новых: появляется не ранее XVI века… Но он сразу так фантастически полюбился и привился к поверьям Европы после ею пережитой Реформации, что этот вид дьявола надо считать как бы средним между собственною его формою и теми излюбленными его метаморфозами, о которых теперь будет речь.

Имея свой собственный индивидуальный образ, демон, сверх того, обладал способностью изменять свою наружность по желанию в другие образы, причем в этой своей способности он совершенно неограничен и вполне заслуживает название адского Протея, которое ему давали богословы. Злые духи, говорит Мильтон, «принимают по своему желанию тот или иной пол или сливают их вместе. Так мягка, так проста бестелесная сущность, что, будучи свободною от мускулов и сочленений и не прикрепленная, подобно телу, к бренной поддержке костей, она может вливаться, следуя планам воздушных существ, в любую форму, ясную или темную, жидкую или твердую, и, таким образом, приводит к намеченным результатам деяния своей любви и злобы».

Будучи по природе безобразными, дьяволы могли искусственно принимать красивую и обольстительную наружность либо облекаться в пугающее безобразие же, но отличное от собственного.

Наследники олимпийских божеств, дьяволы долго мучили христиан памятью и образами отошедшего в прошлое язычества. В четвертом веке они посещали св. Мартина, знаменитого епископа Турского,[78] в образах Юпитера, Меркурия, Венеры и Минервы. Галлюцинации, хорошо понятные в эпоху, когда боги умирали, воскресли вместе с эпохою «воскресших богов», как удачно назвал г. Мережковский[79] века Возрождения. Уже в XIII веке св. Райнальд,[80] епископ Ночеры, бредил дьяволами в виде давно, казалось бы, забытых Юпитера, Венеры, Меркурия, Вакха и Гебы: несомненный результат чтения классических авторов или, быть может, слишком прочной памяти язычных призраков местности, которая и посейчас носит выразительное название Ночеры Языческой, Nocera dei Pagani. Чтение классиков весьма не одобрялось духовенством и, наоборот, весьма было угодно Сатане. В X веке одному равеннскому грамматику по имени Вильгарду явились однажды ночью три дьявола и, отрекомендовавшись Вергилием, Горацием и Ювеналом, благодарили его за прилежание, с которым он комментирует их произведения, и обещали в награду, что после смерти он разделит их славу. Двусмысленная признательность эта заставила грамматика призадуматься: ему было известно, без сомнения, что Христос, явясь в сонном видении Блаженному Иерониму,[81] повелел ангелам жестоко высечь его за слишком усердную любовь к Цицерону.[7]

Чаще всего дьявол меняет свою человекоподобную форму на человеческую же, которая в данном случае лучше соответствует их намерениям. К отшельнику он приходит обольстительной женщиною, к отшельнице — красивым навязчивым юношей. Нередко дьявол является тем, против кого злоумышляет, под видом их друзей, родных, близких и знакомых, из чего проистекали иногда большие несчастья, грехи и соблазны. Преподобная Мария из Майэ (Maille — деревня в Вандее, в 14 км от Фонтенэ-де-Конт) открыла дьявола в лице одного отшельника, которого все считали святым. Случай, необыкновенно частый в местностях, веках и слоях народных, охваченных борьбою господствующей Церкви и сект, догмата и свободы совести. У нас в России это обыкновенная религиозная галлюцинация фанатиков старой веры, давно обратившая на себя внимание художественных писателей. П. И. Мельников (Андрей Печерский) коснулся этой темы в «Грише», а А. Н. Майков — в «Страннике»:

Тому теперь недели три, сошлися
К нам странники, да трое разных вер.
И спорили, и всяк хвалил свою,
Да таково ругательно и блазно.
Как улеглись, я тоже лег на одр.
И так-то у меня заныло сердце;
И мысленно я стал молиться Богу:
«Дай знаменье мне, Господи, какая
Перед Тобой есть истинная вера?»
И не заснул — вот как теперь смотрю:
Вдруг в келью дверь тихонько отворилась,
И старичок такой лепообразный
Вошел и сел на одр ко мне и начал
Беседовать, да ладно так и складно.
Все хороши, мол, веры перед Богом;
Зрит на дела, мол, главное, Господь;
А что когда, мол, знать желаешь больше,
Так приходи к соборному попу…
И, как сказал он только: «поп» — я вздрогнул.
Вскочил и крикнул: Да воскреснет Бог!
Он и пропал — ну, видел я — во прах
Рассыпался…

Блаженной Герардеске Пизанской[82] и многим другим дьявол являлся в образах их мужей. Этот обман он часто употребляет против неутешных вдов, слишком страстно любивших мужей своих. Не столько сказку, сколько ходячий деревенский анекдот о том (потому что в народе это поверье крепко держится даже посейчас) поместил в свое собрание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьев:

> «Жил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они любили друг дружку и жили в любви и согласии. Ни много ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: „Как ты пришел?“ — „Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел“. Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не сказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает! В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: „Отчего ты, дочка, такая худая?“ — „От радости, матушка!“ — „От какой радости?“ — „Ко мне покойный муж по ночам ходит“. — „Ах, ты дура! Какой это муж — это нечистой!“ Дочь не верит. „Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему на ноги“. Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистой, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему на ноги — и увидала, что он с хвостом. На другой день побежала она к матери. „Ну что, дочка? Правда моя?“ — „Правда, матушка! Что мне делать несчастной?“ — „Пойдем к попу“. Пошли, рассказали все как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!»[83]

Чтобы скомпрометировать св. Кунигунду,[84] бес однажды вышел из ее спальни в виде рыцаря. Приняв образ св. Сильвана,[85] он волочился за одной девицею и нарочно дал поймать себя у нее в спальне под кроватью. Фома Кантипратийский[8] видел однажды дьявола в образе монаха, который с нарочною непристойностью обнажился, будто бы

по естественной нужде. Когда Фома окликнул бесстыдника, он тотчас исчез. Тот же Фома жалуется на дьяволов, которые компрометировали кёльнское монашество, устраивая по ночам пляски на пригородных полях и одеваясь для этих балов в свои белые рясы.

Из животных дьявол в старину охотнее всего являлся драконом или змием. Но дракон не всегда метаморфоза черта, иногда он сам черт и есть, в подлинном своем виде. В румынском языке оба они — и черт, и дракон — совершенно совпадают в нарицательном имени дьявола: dracul. В Апокалипсисе Иоанна и видениях многих святых Дракон или Змий несомненно тождествен дьяволу. В VIII веке Иоанн Дамаскин[86] описывал дьяволов как драконов, летающих по воздуху. Змий, как истинный образ Сатаны, весьма привился к русским фантастическим представлениям как в старинной церковной литературе, так и в духовных стихах и сказочной словесности. В старообрядческой полемической литературе этот образ получил особенно широкое и яркое развитие, которым красиво воспользовался Майков в упомянутом уже своем «Страннике»:

Великий змий вселенную обвил
И царствует… Про змия то читаем:
«И было зримо, како по ночам
Сей змий, уста червлены, брюхо пестро,
Ко храмине царевой подползал
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидел, а змий, вздымаясь
По лестнице клубами, подымался
Вверх до окна и голову свою
Великому царю клал на плечо.
(И так он был огромен, что лежал
По лестнице всем туловищем темным,
А хвост еще из патриаршей сени
Не вылезал). И так, к цареву уху
Припав, шептал он лестные слова:
„Не слушай честных старцев, о царю!
И старых книг, владыко, боронися!
Во тесноты они тебе хотят!
А полюби, царь, Никоновы книги:
В них обретешь пространное житье,
И по средам и пятницам всеястье,
И телесам твоим во услажденье
Все радости мирские и утехи“».

Иногда, однако, дракон является существом более телесным, чем дьявол, и как бы средним между бесом и животным. Таковы все безусловно смертные драконы-людоеды романского и германского эпоса, многие змеи наших русских богатырских былин и сказок. Иногда, наконец, дракон просто страшное животное, природная сила, злость и безобразие которого сделали его любимцем Сатаны, охотно принимающим его образ для удобнейшего исполнения своих злодейств. О змее как дьяволе-оборотне, враге богатырей, похитителе и любовнике женщин будет подробно говорено во втором томе этого сочинения.

Чтобы надоедать людям, мучить их и пугать, дьявол не брезгует никаким животным видом. Рыкающими львами бродили бесы в пустыне вокруг св. Антония, ползали у ног его змеями и скорпионами. С лишком тысячу лет спустя св. Колета[87] видела их лисицами, жабами,

змеями, улитками, мухами и муравьями. В XIII веке св. Эгидий[88] угадал дьявола под панцирем гигантской черепахи. Во образе льва демон убил мальчика, которому, однако, св. Елевеерий,[89] епископ Турнейский (Tournay — город в Бельгии), возвратил жизнь. В образе ворона демон являлся не менее часто, и точно так же не всегда можно определить, приемлемый ли это дьяволом вид или его собственный. Черный цвет ворона сделал его символом демона в католическом искусстве, особенно в архитектурных украшениях средневековых церквей. Ворон для св. Евкра обозначает черную душу грешника (nigritudo peccatoris), а св. Мелитон[90] переводит его символ прямо демоном (corvi: daemones) (Auber).[91] Во всяком случае, долголетний, черный и мрачный ворон — великий любимец дьявола, унаследованный последним от эллинского Аполлона и германского Вотана. «Ворон черту молится» — это великорусское присловье сохранил Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо». Совершенно дьявольским существом является фантастическая птица «морской ворон» в фламандских сказках: одна из них обработана Генрихом Гейне в изумительной народной балладе его о «Германе, веселом герое». Другую читатель может найти в моей книге «Мифы жизни»: «Царевна Аделюц». Наши русские сказки также знают Ворона Вороновича — полуптицу, полудемона, который, подобно бесу-змею, похищает красавиц и сражается с богатырями. Таковы же вороны «железные носы», залетевшие в русские сказки из арабских «1001 ночи».

Не лучшей змея и ворона репутацией пользуются летучие мыши — св. Ведаст[92] видел однажды, как дьяволы, взлетев стаей нетопырей, помрачили белый день, — сова и коршун. Когда черт не целиком нетопырь, то крылья у него от нетопыря взяты. Относительно собаки Запад расходится с Востоком. На последнем собака, друг человека, считается врагом дьявола, на Западе же она — его обычное превращение. Эта двойственность весьма старого происхождения. По дуалистическим легендам, представляющим собою смесь воспоминаний о манихейской космогонии и финно-тюркских сказок, Бог и дьявол творили мир вместе, пока не рассорились из-за дьяволова непослушания, озорничества и проказ. Адама Бог творил уже один, сложив его из «восьми частей». «И поиде очи имати от солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Прииде же окаянный Сатана ко Адаму и измаза его калом и тином и возгрями. И прииде Господь ко Адаму и восхоте очи вложити, и виде его мужа измазана, и разгневался Господь на дьявола и нача глаголати: окаянне дияволе, проклятый! не достоит ли твоя погибель? что ради человеку сему сотворил еси пакость — намаза его? и проклят ты буди! И диявол *исчезе, аки молния*, сквозь землю от лица Господня. Господь же снем с него пакости Сатаны и смесив со Адамовыми *слезами*, и *в том сотвори собаку*, и постави собаку и повеле стрещи Адама; а сам отъиде в горний Иерусалим по дыхание Адамлево. И прииде вторыя Сатана и восхоте на Адама напустити злу скверну, и виде собаку при ногах Адамлевых лежащу, и убоялся вельми Сатана. Собака начала зло лаяти на диавола; окаянный же Сатана взем дерево и истыка всего человека Адама, и сотвори ему семьдесят недугов». Здесь собака является слугою Бога, стражем человека, тварью благодетельною. Но то же самое предание в сказаниях мордвы и черемисов варьируется совсем в другом направлении. «Юма, создавши человеческое тело, отправился творить душу, а к телу приставил пса, который тогда еще не имел шерсти. Злой Керемет произвел такой холод, что пес едва не замерз; потом дал собаке шерсть и, допущенный к человеку, охаркал его тело и тем самым положил начало всех болезней». В виде пуделя дьявол сопровождал папу Сильвестра II,[93] Фауста, Корнелия Агриппу Неттесгеймского,[94] в собачьем же виде он обыкновенно сторожит свои подземные сокровища и клады. Черным козлом возит он ведьм на сборища и председательствует на шабаше. Котом мурлычет в кухне

колдуньи, и, мало того, по чешскому поверью, каждый черный кот — только до семи лет кот, а потом обращается в дьявола. Надоедливою мухою пристает к монаху, разбивая его молитвенное внимание. И в виде красного шмеля заставляет переживать сладострастные ощущения и писать таковые же стихи талантливую русскую поэтессу М. А. Лохвицкую-Жибер.[95] Имя Вельзевула, как древнего бога филистимлян, обозначало «князь мух…» «— О Вельзевул, о царь жужжащих мух». (М. А. Лохвицкая. «Шмель»).

Средние века строили мост между демонологией и зоологией с искренней верою. Целый ряд животных в христианской символике объявлен был как бы иероглифами дьявола: змей, лев, обезьяна, жаба, ворон, нетопырь и др. И наоборот, дьявола часто зовут «скотом» — не только в ругательной метафоре, как показывает один средневековый «бестиарий» (зоологический сборник), в котором дьявол классифицируется как животное, подобное другим зверям (А. Граф). Бесовских зверей видели не только тайновидцы в аду, мистики признавали их и на земле — и не только в легендарных драконах и василисках, но и, например, в реальнейшей и невиннейшей по существу жабе. Злополучное пресмыкающееся это горько платилось за свое безобразие. Бесовская репутация установлена за ним в христианстве еще Апокалипсисом:

«И видел я *выходящих* из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя» (16: 13, 14). Начиная со II века, устами Мелитона Сардийского, и сквозь все Средние века жаба несет свое проклятие, зачатое еще в языческой магии и зоологическом баснословии Плиния (Hist. natur. lib. XXX). В XII веке у Алэна Великого, у Петра Капуанского[96] жаба — образ похабных поэтов, еретиков и… философов-материалистов, обращающих ум свой только к земным предметам! Затем она сделалась эмблемою жадности и распутства, а отсюда и бесом, карающим за смертные грехи этой категории. В кафедральном соборе в Пуатье и во множестве старинных церквей Франции можно видеть изображение казней, ждущих женщин за жадность, скупость, роскошь и кокетство: жабы и змеи кусают их за груди. На великолепном южном портале в средневековом аббатстве г. Муассака (Moissac, dep. Tarn-et-

Garonne) интереснейшая скульптурная группа изображает дьявола, со всеми отличительными его признаками, выплевывающего жабу — по направлению к нагой женщине, к грудям которой присосались две змеи, а нижнюю часть живота грызет другая жаба. Аббат Обер, автор «Истории и теории религиозного символизма», отмечает, что жаба в символике лишена «контрастного значения», которое имеется даже у змеи как эмблемы мудрости, а в Медном Змии даже прообраза Спасителя, у ворона как спутника св. Бенедикта[97] и т. д. Жаба всегда — порок, грех, животное-дьявол. В этом качестве оно наказывает в немецкой сказке, записанной Гриммами,[98] скупость и жестокость сына, отказавшего в пропитании своему престарелому отцу. Жареная курица, которою недостойный сын обедал после своего жестокого дела, обратилась в жабу и, прыгнув на лицо грешника, влепилась в него так крепко, что он должен был носить ее и кормить своим мясом уже до самой смерти. Но злоба и месть жабы-демона не всегда воодушевляются столь дидактическими побуждениями, а весьма часто отвечают сами за себя. Цезарий из Гейстербаха рассказывает о молодом человеке, который, найдя в поле такую демоническую жабу, умертвил ее. Однако затем мертвая жаба преследовала своего убийцу, не давая ему покоя ни днем, ни ночью и не обращая нисколько внимания на смертельные удары, которыми ее снова и снова поражают. Не помогло даже то, что ее сожгли, — она немедленно воскресла вновь из пепла. Наконец несчастный преследуемый, не видя другого средства спасения, сдается на капитуляцию — позволяет проклятой жабе укусить его и тотчас же вырезывает укушенное место кинжалом. Этою местью страшная жаба удовлетворилась, удалилась и не показывалась более. Легенду эту не лишнее сравнить с индусским поверьем, что человек, убивший нечаянно очковую змею, может искупить свою вину только человеческою жертвою; в силу этого избранная жертва получает рану в бедро, притворяется умершею и затем притворно воскресает, а вытекшая кровь считается жертвою, заменяющею жизнь.

В одной старинной заклинательной формуле мы встречаем моление к Богу об охране земных плодов от червей, мышей, кротов, змей и *других нечистых духов* (А. Граф). Св. Патрикий,[99] св. Готфрид,[100] св. Бернард[101] и многие другие святые предавали анафеме мух и других вредных насекомых или гадов, избавляя от них дома, города и

провинции. Процессы против животных возбуждались не только в Средние века, но и в расцвете Возрождения. В 1474 году в Вазеле формально судили и сожгли дьявола-петуха, который надумался снести яйцо. Вызывались на суд обвиняемыми и свидетелями животные, вызывались и демоны. Еще в XVII веке иезуит Синистрари д’Амено,[102] если только не подложно его сочинение, доказывает, что инкубы и суккубы суть животные особого рода, почему и грех прелюбодеяния с демоном, так интересовавший казуистов Возрождения, он подводит под рубрику скотоложества.

С тою же легкостью, как в животный мир, обращается дьявол в неодушевленные предметы. Св. Григорий Великий сообщает о монахине, которая стала бесноваться оттого, что проглотила дьявола, обратившегося в листик салата. Одного из учеников св. Илария,[103] епископа Галатского, дьявол дразнил в виде аппетитной кисти винограда. Другим он представлялся стаканом вина, слитком золота, туго набитым кошельком, деревом, катящеюся бочкою, кто-то догадался узнать его даже в виде коровьего хвоста. Опять невольно вспоминаются белогорячечные галлюцинации Ивана из «Тише воды, ниже травы»:

> «К нам Иван поступил в припадке величайшего уныния и, боясь быть выгнанным, покуда не пил, не переставая, однако же, слышать голоса, проклинавшие его и выходящие откуда-то из графина или с потолка. Иногда неожиданно он совал в щели между половицами папиросу, так как солнечный луч, ударявший в пол, представлялся ему в виде головы, которая говорила: „Нет ли покурить?“».

Джин, кипевший в крови голландских художников едва ли не менее, чем водка в крови этого несчастного Ивана, сделал их величайшими и изобретательнейшими иллюстраторами дьявольской трагикомедии, в которой оживала для галлюцината мертвая природа: деревья, камни, строения, домашняя утварь, кухонная посуда, рабочие инструменты.

Одни фантасты получали сатанические галлюцинации, разбивая свои нервы алкоголем и пороками, другие, наоборот, взвинчивали себя до них аскетическими подвигами. В препятствиях им демон не жалел метаморфоз и доходил в последних до дерзости невероятной, перенося превращения свои из мира вещественного в мир невещественный,

принимая на себя вид святых, ангелов света и даже Девы Марии, Христа и Саваофа, симулируя пред каким-либо честолюбивым подвижником, чтобы погубить его грехом гордости, полное видение горных небес. Замечательнейшую легенду в этом роде дает Печерский Патерик.

> «Преподобный Исаакий[104] был богатый купец торопецкий. Пожелав жизни иноческой, он роздал все свое имение и пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося пострижения. Антоний принял его и постриг. Исаакий наложил на себя тяжелые подвиги: надел власяницу и сверх ее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, затворился в тесной пещере и молился Богу со слезами. Пища его была просфора, и то через день; воду пил он в меру. Антоний приносил ему то и другое, подавая в малое окошко, куда едва проходила рука. Семь лет провел он в таких подвигах, не выходил из затвора, не ложился на бок, но только сидя засыпал ненадолго. С вечера до полуночи он пел псалмы и клал поклоны. Однажды он сел отдохнуть после ночных поклонов. Внезапно пещера озарилась ярким светом. Взошли два светлых юноши. „Исаакий, — сказали они, — мы ангелы, и вот идет к тебе Христос — поклонись ему“. Обольщенный затворник, не оградив себя крестным знамением, ни сознанием своего недостоинства, поклонился до земли бесовскому действию, как самому Христу. Бесы воскликнули: „Ты наш, Исаакий, пляши с нами!“ Они подхватили его, начали им играть и оставили его полумертвым» (М. Толстой).[105]

Превращений своих демоны достигают тем, что сгущают вокруг себя воздух, принимающий угодную им форму, или же, сперва создав эту форму из какого-либо элемента, они входят в нее, как душа в тело. И наконец, они могли вселиться уже в готовые чужие тела и, овладев ими, пользоваться, пока надо, как собственными. Проникая таким образом в живые тела, они обращали людей и животных в одержимых, бесноватых. Но они могли проникать и в мертвые тела, которые их силою получали всю видимость и деятельность жизни. Данте устами монаха-братоубийцы Альбериго ди Манфреди рассказывает страшную судьбу политических предателей: души их мучатся в Птолемее, третьем отделении ледяного девятого круга, в то время как тела

остаются еще некоторое время на земле как бы живые, движимые и управляемые вселившимися в них демонами, и казнимый в аду человек не знает, что они творят от его имени и в его облике.

— Брат Альбериго я, — он мне в ответ, —
С садовником плохим я равен долей:
Ем финики, когда есть фиги след.
— Как? — я воскликнул. — Умер ты давно ли?
— Я плотью мертв иль продолжаю жить, —
Мне он, — мне неизвестно в сей юдоли.
Тем выгоднее в Птолемее быть,
Что грешный дух вселяется в ней раней,
Чем Антропос разрежет жизни нить.
Но чтоб глаза мои ты тем желанней
Очистил, я скажу, что не коснит
За грех измены кара воздаяний;
И демон плоть того животворит,
Кто запятнал себя измены делом,
Доколе срок она не совершит.

Страшную казнь эту считали изобретением Данте, но ему принадлежит только ее психологическое освещение. Мертвец, движущийся дьявольскою силою, — старинный гость демонологических легенд. Цезарий рассказывает мрачную историю, как в некотором монастыре появился клирик, певший удивительно сладким голосом, так что богомольцы, заслушавшись его, забывали о молитве. Но некий святой отшельник, послушав немного, сказал: «Это не человеческое пение, это голос проклятого дьявола!» — и произнес должные заклинания. Дьявол бежал от них из тела, которое он оживлял, а на церковном полу остался холодный труп давно умершего клирика. Фома Кантипратийский знал благочестивую деву, которую, когда она одна молилась в церкви, дьявол пробовал запугать, заставив двигаться покойника, положенного там в ожидании отпевания; но дева, поняв, чьи это штуки, не растерялась, а дала покойнику хорошего тумака по голове, после которого бедняга, конечно, уже не пошевелился. Наивному рассказу этому нетрудно поверить, как далеко не единственному — даже и в новейшие времена — случаю, когда испуганные суеверы пришибали таким образом летаргиков и

обморочных. Иаков из Вораджио[9] в «Золотой легенде» своей пересказывает древнее сказание о дьяволе, вселившемся в тело мертвой красавицы с целью соблазнить одного злополучного затворника. В «Небожественной комедии» Зигмунта Красинского,{106} одном из гениальнейших творений европейского романтизма, с поразительною сизою и красочностью изображен этот страшный процесс — переселения злого духа в прах мертвой красоты. В житии св. Гильберта{107} дьявол, вселившись в покойника, снял перевоз через реку — с целью топить всех, кто ему вверялся; в другом житии, св. Одрана,{108} дьявол поддерживал живым труп одного выгодного ему злодея. Богословы допускали возможности подобных случаев, за исключением того, чтобы дьявол осмелился завладеть телом человека, скончавшегося в благости и в совершенном мире с Церковью, а тем паче — мощами. Однако на попытки к тому дьявол дерзал неоднократно. Известно апокрифическое сказание о споре между Михаилом Архангелом и Сатаною из-за тела Моисеева. Оно вскользь упоминается и в Новом Завете.[10] Казуисты Средних веков изъяснили, зачем дьявол добивался овладеть прахом пророка: вселясь в мертвое тело, он создал бы оракул и таким образом увлек бы Израиль на путь волшебства и идолопоклонства. Эта церковная санкция одного из мрачнейших суеверий дорого обошлась многим летаргикам, вроде того, которого пришибла благочестивая дева Фомы Кантипратийского, и значительно содействовала распространению поверья об упырях и вампирах, которое даже в XVIII веке охватывало целые страны с силою почти эпидемическою и, конечно, с самыми печальными, отвратительными и жалкими последствиями. Но о вампиризме как сложном явлении демонской силы, но не демонической личности, будет подробно говорено в особой главе второго тома. С настоящим случаем — с оживлением трупа чрез вселение дьявола — вампиризм только внешне соприкасается кажущимся сходством, внутренний же смысл и генезис обоих поверий весьма различны.

Какие бы привлекательные и даже святые образы ни принимал на себя дьявол, он, однако, не мог и в них избыть своего дьявольства. Даже облачась в образ прекраснейшей девушки, ангела либо самой Девы Марии, самого Христа, он выделял какие-то особые дьявольские флюиды, влияние которых тревожило и пугало человеческую природу,

и сквозь восхищение и благоговейный восторг к оптическому обману визионер чувствовал, сам себя не понимая, внутри души своей только необъяснимый страх, смятение и отвращение. Чувство Маргариты в присутствии изящнейшего адского князя, кавалера Мефистофеля:

Что никого-то он не любит на земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нем же сердцем унываю я.

Приближение дьявола было опасно, даже когда он маскировался привлекательно. По словам Цезария, двое молодых людей заболели после того, как видели его в образе женщины. Но было убийственно, если он показывался в собственном виде или придумывал себе какую-нибудь чудовищную маску, достойную его адской изобретательности. Таким образом он умертвил многих уже одним своим появлением. Фома Кантипратийский говорит, что вид дьявола наводит на человека оцепенение и немоту. Данте в присутствии Люцифера чувствует себя оледеневшим и слабым — ни мертвым, ни живым:

Не умер я, но был и без дыханья;
Коль можешь ты вообразить, — я стал
Ни жить, ни умереть не в состояньи.

Итак, бесконечны были превращения дьявола, бесконечны и обманы, в которые он своими способностями оборотня вводил людей. Но бывали святые мужи — например, св. Мартин Турский, — которые умели выводить его на чистую воду, распознавая решительно под всякою личиною. Тогда сконфуженный дьявол либо мгновенно исчезал, либо принимал свой всегдашний вид.

Глава третья

ГОСУДАРСТВО, СИЛЫ И СРЕДСТВА ДЬЯВОЛА

Когда слово «дьявол» употребляется в единственном числе, оно обозначает или 1) как имя нарицательное, одного из дьяволов либо сравнение с дьяволом, или 2) как имя собирательное, всю дьявольскую расу, весь дьявольский народ (как «турка» вместо «турки», «немец» вместо «немцы» и т. п.), или, наконец, 3) как имя собственное, повелителя дьяволов, князя тьмы.

Дьяволов было не только много, им числа не было. По общему мнению богословов, в возмущении против Бога приняла участие десятая доля ангелов. Но были добросовестные теологи, которые, не удовольствовавшись такою неопределенною статистикой, вычислили точное число злых духов. По одному такому вычислению, их не меньше 10 000 биллионов.

Для такого огромного народа нужно было немало места, а потому дьяволы распределились на жительство по двум областям: в аду и в воздушных сферах. Витая в последних, они получали возможность искушать и мучить живых людей, а первый устроен был для их собственного наказания, одновременно с которым они приводили в исполнение кары, предназначенные умершим. Воздушные квартиры отведены им только до Страшного суда. Его приговор всех их забьет в ад, и ни один из них оттуда уже не выйдет.

Не все дьяволы были равны качествами, положением, способностями. Бесконечна их классификация по месту жительства (водяные — «нептуны», лесовики — «дузии» и т. п.) или по роду деятельности (инкубы, суккубы и пр.). Так как одному дьяволу лучше удалось одно, другому другое, то отсюда выработалось известное разделение труда, повлекшее за собою нечто вроде социального строя. Казалось бы, дьявол, олицетворение именно беспорядка и смуты, должен быть завзятым анархистом, отрицателем каких бы то ни было государственных и сословных форм. Однако, напротив, св. Фома[{109}] и многие другие теологи из самых уважаемых нашли в дьявольском

народе такую же иерархию, как и в сонмах ангелов, и даже более точную, так как у дьяволов есть их собственный, специально ихний глава, тогда как ангелы не имеют иного начальника, кроме Бога, который есть владыка всей Вселенной, а не только их одних.

В Евангелиях от Матфея и Луки и в писаниях большинства богословов князь и владыка демонов носит имя Вельзевула. Но также часто зовут его Сатаною и Люцифером. Данте соединил все эти три имени вместе, как определяющие одного и того же великого дьявола. Но обыкновенно это три разных беса и не одинаковой власти.

О дьявольских чинах упоминают уже в первом христианском веке апокрифическая Книга Еноха и Новый Завет. Св. Фома, упомянув о дьяволах высших и низших и вообще об иерархическом их устройстве, не входит в дальнейшие подробности. Но подобная сдержанность не могла удовлетворить демонографов, теоретиков магии и, в особенности, ее практиков. Для них было важно знать дьявольскую иерархию точно, а также и способности и компетенцию каждого в ней чина и, по возможности, и каждого отдельного беса. Систему чинов строили двояко: одни демонологи — в зависимости от классификации грехов, вверенных дьяволам, другие — по степени общего могущества и влияния, предполагаемыми за известными имярек дьяволами.

Данте называет Люцифера императором царства скорби. Для него мир симметрически делится на три великие монархии: вышнюю небесную — Божескую, среднюю земную — человеческую, нижнюю адскую — дьяволову. Но идея ада, как царства, не принадлежит Данте, ни даже Средним векам, хотя в Средние века она достигает наивысшего развития. Старая на земле, как само государство, она свойственна всем историческим религиям, и христианство приняло ее из эллино-римского мира уже в весьма тщательно выработанном виде. Понятие об адском царстве находится уже в Евангелиях, и уже Отцы Церкви снабжали Люцифера атрибутами верховной власти: скипетром, венцом и мечом. Во многих аскетических легендах Сатана изображается сидящим на высоком троне, окруженным царскою пышностью, возвышаясь над огромною толпою служителей и свиты. Таким путем народная фантазия выработала мало-помалу целый сатанинский двор, во всем подобный дворам великих государей земли. В волшебной истории Иоганна Фауста, послужившей основою знаменитой трагедии Гёте, мы находим такое расписание чинов:

король ада — Люцифер, вице-король — Белиал, губернаторы — Сатана, Вельзевул, Астарот и Плутон. Мефистофель и еще шесть других — в титуле князей. При дворе Люцифера имеется пять министров, один статс-секретарь и двенадцать служебных демонов вроде флигель-адъютантов (spiriti familiares). В других же магических и демонологических книгах упоминается о дьяволах-герцогах, маркизах, графах, с точным исчислением, сколько легионов дьяволов каждый имеет под своей командой.

В русской старинной литературе подобную картину ада как царства и царского двора Сатаны Дает знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне»[110] — роман XVII века, повествующий якобы событие эпохи первого самозванца («бысть убы в лето 7144»). Купеческий сын Савва Грудцын, живучи в городе Орле, Усольском, влюбился в жену здешнего купца Божена Второго и за обладание ею продал душу свою бесу, представшему ему в виде доброго товарища и выманившему у него хитростью «богоотметное писание». Но так как черти большие формалисты и плутовски добытая расписка, по-видимому, не твердо гарантировала право беса, то он, обманом же, приглашает Савву Грудцына лично поднести ее Сатане:

> «По некоем же времени поемлет бес Савву, и поидоша оба за град на поле; изшедшим же им из града, глаголет бес Савве: „Брати Савво, веси ли кто есмь аз? ты убо мниша мя совершенно быти от рода Грудцыных, но несть тако: ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися звати мя, братом себе, аз убо всесовершенно улюбих тя в братство себе; но аще хощещи уведати о мне, аз убо *сын царев;* но идем протчее и да покажу ти славу и могущество отца моего“; и сия глаголя, приведе его в пустое место на некий холм и показа ему в некоем раздоле град велми славен; стены и покровы и помосты все от злата чисто блистахуся; и рече ему: „Сей есть град и творение отца моего, но идем убо и поклонимся купно ему; а еже дал ми еси писание, ныне тем его, сам вручи отцу моему, и великою честью почтен будеши от него“. И сия изглаголав, бес отдает Савве богоотметное оное писание. Оле безумие отрока! ведый бо яко никоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским, аще бы тогда вообразил на себе образ честного креста, вся бы сия мечты диавольские яко сен погибли!»

Но на предлежащее обратимся. «Егда же поидоша оба к привиденному оному граду и проближившимся ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии, ризами и поясы златыми украшены, и со тщанием поклоняющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи дьяволу, такожде и Савве. Вшедшим же им во дворец царев, паки сретают инии юноши, ризами блистающися паче первых, такожде поклоняющеся им. Егда же внидоша в палаты царевы, абие друзии юноши сретают их, друг другу честием и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в палату глаголя: „Брате Савво! пожди мя зде мало; аз убо шед возвещу о тебе отцу моему, и введу тя к нему; егда же будеши пред ним, ничто не размышляя или бояся, подаждь ему писание свое“. И сия рек, поиде во внутренние палаты, оставль единого Савву; и помедлив тамо мало, абие входит к Савве, и по сем вводит его пред лице князя тьмы.

Той же сидя на престоле высоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою велиею и одеянием блистася, окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих, лица же их овых сини, овых багряни, иным же яко смола черны, пришед же Савва преста царя онаго, пад на земно, поклонися ему; вопроси же его царь, глаголя: „Откуда еси семо, и что есть дело твое?“. Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание и вещает: „Яко пришед, великий царю, послужити тебе“. Древний же змий сатана прием писание и прочет его, обозревся к сквернообразным своим воином, рече: „Аще ли и приму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне, или ни“. И призвав сына своего, Саввина мнимого брата, глаголя ему: „Иди протчее, и обедуй с братом своим“. И тако оба поклонишася царю и изыдоша в преднюю палату, наченши обедати, и неизреченные яди принвшаху им, такожде и питие, якося дивитеся Савве, и глагола: „Яко никогда же в дому отца моего токавых ядей вкушах, или питий испих“».

Легионы демонов и глава их образуют армию. Демоны по самой натуре своей духи воинственные. Полчища их, противопоставляемые небесному воинству, воображаются, конечно, по образу земных армий. В житии св. Марии Антиохийской[{111}] царь демонов является на военной колеснице, в сопровождении бесчисленной орды всадников. Петр Преподобный[{112}] (ум. 1156) видел однажды, как огромный отряд

дьяволов, одетых солдатами, двигался ночью через лес. Часто повторялись видения вооруженных полков, несущихся в воздухе, подобно тучам.

Так как ад — государство, а Сатана — государь, то естественно ему иметь и свой государственный совет, в котором обсуждались важные вопросы адской политики, чинился суд, произносились приговоры. Время от времени Сатана, наскучив адским дворцом своим, отправлялся с компанией любимцев на охоту в земных лесах и проносился ураганом, вырывая с корнем деревья на пути своем, рассыпая вокруг себя ужас и смерть. Артуро Граф справедливо заметил, что государи земли в то бесправное время охотились с меньшей стремительностью, но не с меньшим вредом для полей и пастбищ вилланов. В качестве государя Сатана требовал себе присяги от тех, кто ему предавался.

В вопросе о разумности и знаниях демонов теологи много спорят. Все согласны в одном: после падения демонов разум их затмился настолько, что если он еще намного превосходит разум человеческий, то далеко ему до разума ангельского. Дьявол знает прошлое, но в настоящем только то, что Бог не считает нужным от него скрывать. Некоторые церковные писатели утверждают, что Сатане была неизвестна тайна Христова пришествия и он не узнал в Иисусе вочеловечившегося Бога. Действительно, в Евангелии от Матфея Сатана искушает Иисуса условными предложениями: «*Если ты Сын Божий,* то преврати эти камни в хлебы», — что показывает как бы нетвердую уверенность в том, кого именно он испытует. Это незнание дорого обошлось Сатане, так как, добившись от людей безвинной казни Иисуса, он тем самым способствовал акту искупления и завершил свою собственную гибель.

Расходятся мнения и о том: зная все тайны природы, знают ли демоны также тайны человеческой души? Могут ли они проникать в глубину совести, шпионить наши мысли и чувства? Некоторые отрицают это на том основании, что в таком случае человек оставался бы совершенно беззащитным против их наущений и искушений. Поэтому демонам не дано видеть душу человека и они только большие физиономисты: по внешним признакам угадывают мысль и волю, читают в уме и чувстве, что, собственно говоря, может делать и человек, но у дьявола в тысячи раз больше умения, опыта и навыка.

Другие богословы, и между ними сам князь их, Фома Аквинат, наоборот, полагают, что демоны читают в душе нашей, как в раскрытой книге. Гонорий из Отена[113] (Augusodunensis) (ум. ок. 1130) думал, что демонам надо знать злые стремления человеческой мысли и воли, добрые же — нет. Дело в том, что свое знание первых дьявол много раз доказывал, внезапно обличая своих заклинателей при всем честном народе в самых тайных и сокровенных грехах их, не исключая и мысленных.

Не менее спорный вопрос — знают ли дьяволы будущее. Большинство теологов высказывается отрицательно: если бы дьявол, зная прошедшее и настоящее, знал еще и будущее, то чем же его знание отличалось бы от знания Бога? И как бы Бог потерпел, чтобы дьяволы заранее знали его предначертания через веки веков? Подобным знанием они не обладали и раньше своего изгнания из рая, так как иначе не подняли бы бесполезного восстания. Ведь и добрые ангелы не имеют непосредственного знания будущего, а знают его лишь постольку, поскольку Бог допускает их читать мысли Его.

Как же объяснить предсказательные способности дьяволов? Ориген говорит, что они узнавали будущее по движению планет; мнение, плохо примиримое со взглядами Лактанция,[114] который именно астрологию признавал ложным изобретением демонов. Св. Августин[115] полагал, что дьяволы не имели непосредственного и прямого знания будущего, но благодаря способности переноситься с места на место быстрее молнии, а также благодаря изощренности своих чувств и интеллекта они были облегчены в логической работе настолько, что по заключениям настоящего могли воображать и угадывать будущее чуть не наверняка. Св. Бонавентура[116] полагает, что они не знают будущего как возможности, а только угадывают ее как планомерность, так как они великолепнейшие натуралисты и до тончайшего совершенства выучили все законы и тайны природы.

Глубокие научные познания дьявола заставляли Церковь подозревать в сношениях с ними каждого ученого и, по возможности, сожигать его, как ученика сатанинского, живым. Однако Данте считает, что философия для дьявола недоступна, так как «в них умерла любовь, а чтобы быть философом, любовь необходима». Это нисколько не мешает самому Данте вывести превосходным диалектиком черта, который тащит в ад Гвидо ди Мантефельтро, хотя и получившего

отпущение грехов от папы Бонифация VIII,[117] причем этот демон сам себя рекомендует своему грешнику «логиком» по профессии:

— А ты, брат, кажется не думал, что я мастер в логике? (Tu non pensavi che io loico fossi?)

(Forse)

Знаменитый Жан Боден[118] пишет в своей «Демономании», что славный Ермолай Барбаро,[119] патриарх Аквилейский (ум. 1493), вызвал однажды дьявола, надеясь узнать от него, что, собственно, хотел сказать Аристотель своею энтелехией? Во всяком случае, если демон не силен в философии, то в софистике он богатырь и учитель, и всякий софизм есть адоугодный грех мысли. По этому поводу Пассаванти[120] рассказывает страшную историю об одном парижском студенте, который, умерши в нераскаянии, явился с того света перепуганному своему профессору в плаще, вышитом софизмами: вот оно что значит злоупотреблять и шулерничать оружием силлогизма!

Итак, философия не давалась демонам настолько, что в ее области их мог бы загонять даже П. Б. Струве.[121] Но, в странном противоречии, они были знатоками богословия, цитировали на память Священное Писание и рассуждали о таинствах с точностью и определенностью профессиональных теологов. Из уст одержимых, телом которых они завладевали, демоны сыпали текстами из Нового и Ветхого Завета, мнениями и сентенциями Отцов и Учителей Церкви и часто вгоняли в стыд заклинателей, которые вдруг оказывались совершенными невеждами в сравнении с ними. Более того, св. Фурсей присутствовал при диспуте демонов о грехе и наказании даже не с людьми, а с ангелами, — и нечистые не ударили лицом в грязь ни в диалектике, ни в богословии. Известно, что в богословском споре Дьявол припер самого Лютера к стене настолько плотно, что бедный реформатор, истощив все логические аргументы, предпочел просто запустить в него чернильницей.

Впрочем, не надо думать, чтобы все дьяволы стояли на одном уровне знания и умственных способностей. Между ними были свои интеллигенты и невежды, удачники и неудачники, ловкачи и простофили. «Глупый черт», любимец русских сказок, занимает в дьявольщине такое огромное место, что о нем лучше будет поговорить особо. Если дьявол заметно преуспевал в какой-либо области знания,

ад так и пускал его по этой дороге. Цезарий знал дьявола-юриста по имени Оливера: он был стряпчим и отлично вел судебные дела. Фра Филиппо Сиемский[122] рассказывает о некоем Giongino da Monte Luccio, нотариусе, который после смерти своей получил место нотариуса также и в аду и, таким образом, сделался одним из чиновников царства Сатаны и, следовательно, тоже чертом. Но обычно черти предпочитают медицину и естественные науки: при их помощи варятся волшебные напитки, превращаются металлы и вообще осуществляются всевозможные насилия над материей.

Наука и сила — синонимы, а поэтому знание Сатаны делает его «могущественным духом». Так называет его апостол Матфей. Границы этого могущества определяются трудно. Конечно, оно несравнимо со всемогуществом Божиим, но все же велико и грозно. Как мятежник, Сатана сокрушен без надежды на улыбку победы. Но, побежденный по совокупности, он мстит за себя непрерывным бунтом в розницу. Он проникает в счастливые обители наших прародителей и вводит в гармонию божественного творчества грех, разлад и смерть. Он наполняет Вселенную ядом своим и побуждает ее к отречению от Бога. Он становится «князем мира сего» в пространстве и времени princeps hujus saeculi. Правда, власти у него ровно настолько, сколько Бог его злобе терпит, но нельзя не признать, что пределы этого терпения чрезвычайно широки и, действуя в них, Сатана вооружен и собственною инициативою, и собственною внутреннею, а не заимствованною или отраженною силою. Все зло мира истекает из него, и чрезмерность зла дает понятие о гигантском могуществе источника. Искупительное воплощение Христа, конечно, нанесло дьяволу жестокий удар — настолько, что однажды он, явившись к св. Антонию, протестовал, зачем люди продолжают осыпать дьявола проклятиями и ругательствами, тогда как он, после пришествия Христова, стал совершенно бессилен. Но дьявол хитрил. В язычестве умерла, быть может, его абсолютная власть над землею, но не умерла сила. Христос победил его, но не отнял у него оружия, и Сатана сейчас же начал новую борьбу, отвоевывая у победителя человечество шаг за шагом, душу за душою. И по прошествии нескольких веков по искуплении царство Сатаны опять полно рабами, а картина мира столько же печальна, как пред Искуплением.

Распространяясь одинаково как на природу, так и на человека, могущество демонов обусловливается их чудесными способностями. Они могут в мгновение ока переноситься с одного конца Вселенной на другой, углубляться в землю и воду, проникать в стихии. Вещественная природа в особенности подчинена им. Не надо забывать, что многие еретические секты считали материю творением Сатаны. По мере того как в религиозной идее обострялся контраст между материей и духом и материя-враг осуждалась на проклятие и гибель как сила темная и развращенная, — фантазия дрессируемых католичеством народов должна была все более склоняться к тому, чтобы видеть в природе великую лабораторию и царство Сатаны. Это одна из причин, почему в Средних веках так бедно и скудно было чувство природы: между нею и глазами человека вечно торчала перегородка угрожающего Греха. Пусть даже не Сатана создал природу, — во всяком случае, он осквернил ее. Грех, погубивший первых людей, проник также и в природу, и притом человечество-то омыто кровью Христовой, а природа — нет.

Излюбленные стихии демонов — огонь и воздух. Теологи единогласно признавали за дьяволом самостоятельно распоряжаться атмосферическими явлениями: вызывать бури, сгущать тучи, метать молнии, проливать на землю разрушительные дожди, сыпать градом и снегом. Вой бури есть крик разъяренных демонов. Правда, св. Фома говорит, что подобные волнения производятся во мраке (artificaliter), а не средствами природы (naturali cursu), но на практике от этого не легче. Данте в Преддверии Чистилища (Antipurgatorio) говорит от имени Буонконте да Монтефельтро, без вести пропавшего в битве при Кампальдино (11 июня 1289 года), что тело его было унесено с поля сражения волнами наводнения, вызванного причиненною демонами грозою. Фома Кантипратийский считал созданием демонов обманы Фата Морганы.

Не меньшую власть имели демоны над землею, в центре которой отводилось место для ада. Их делом были или могли быть землетрясения, а тем более извержения вулканов, которые вообще почитались пастями и отдушинами ада. Когда дьявол спешил возвратиться в свой ад кратчайшим путем, он проваливался сквозь землю в любом месте, как в театральный трап.

Не все в природе подчинялось демонам в одинаковой степени. Некоторые вещества и условия местности их как бы притягивали, другие их, наоборот, отталкивали. Дьявол большой любитель романтического пейзажа: его излюбленное пребывание — среди уединенных скал, в ущельях обрывистых гор, в густых и темных лесах, пещерах, провалах — во всех угрюмых странах природы, среди которых зловеще движется грозный Самиэль Веберова «Волшебного стрелка».[{123}] Думали, что бес в таких местах особенно силен, — потому их и любит. Дуалистические легенды тюрко-финского язычества, усвоенные и славянством, предполагают, что все подобные места даже и сотворены-то Сатаною. Когда Бог захотел сотворить Землю, то послал Сатану на дно морское за песком. Сатана несколько песчинок слизнул с ладони и спрятал во рту, еще сам не зная, на что они годятся. Когда Бог посеял из песка, принесенного Сатаною, землю на водах и благословил ее расти на все четыре стороны света, стали дуться и расти также во рту Сатаны утаенные им песчинки. Терпел-терпел Сатана, но стало невмочь, и побежал он по новозданной земле, ругаясь, плача и повсюду расплевывая камень, песчаные степи, скалы и целые горные хребты. Уже евреи считали пустыню жилищем злых духов, и всем известно, как последние надоедали селившимся в пустынях аскетам. Из растений черту любезны орех и мандрагора, но ненавистен чеснок. Ему милы уголь и зола, но соль отнимает у него всякую силу, то же действие имеют некоторые драгоценные камни. Из животных жаба его лучший слуга и друг, иногда его воплощение, петух — злейший враг и гонитель.

Во власти над человеком Сатана был ограничен известными условиями: над плотью он имел ее гораздо больше, чем над духом. Тело, плоть, материя, животная часть человека почиталась настолько дружелюбною и подчиненною Сатане, что некоторые еретики думали даже, что человек телесно создан Сатаною, а не Богом. Отсюда взгляд на тело как тюрьму духа, как на зачинщика всякого греха, как на развращенную силу, стремящуюся навстречу воле отца всех пороков и лжей, как на источник поэтому разлада в жизни человеческой, как на союзника бесов против Бога. Дьявол ценил своего союзника и ласкал его. Он обольщает тело, награждая его красотою и здоровьем, чтобы оно возгордилось перед бедной, серенькой душой и подавило ее; он обостряет плотские аппетиты, вожделения, похоти, умножает его

запросы, повышает требования от жизни, так что душа теряется перед ними и должна тянуться на поводу у тела. Либо, наоборот, чтобы лишить душу терпения и довести ее до отчаяния, дьявол мучит тело болезнями и тысячами несчастий, как было это с Иовом многострадальным. Эпидемии и эпизоотии очень часто почитались делом рук дьявола.

В атаках своих на душу дьявол встречал преграду в свободной воле человека, которую все богословы единогласно считали сильнее его ухищрений. Но правило имело исключения, по которым во власти Сатаны остаются бесноватые, отлученные от Церкви и некрещеные. Что касается первых, то в них душа отравлялась как бы заразою от тела: проникнув в тело, дьявол понемногу просасывался и в душу, заставляя одержимого хотеть, думать, говорить и делать только то, что угодно Сатане. Довольно трудно понять, как и почему, сталкиваясь в душе одержимого с всемогущим присутствием божественного начала, дьявольское начало могло над ним восторжествовать и вытеснить его из души, подменив его собою. Но принципиальное возражение это не спасло злополучных от всех тяжких последствий, к которым приводили тела их благочестивые меры духовенства и набожных людей, обращенные на сидевших в этих телах узурпаторов души дьяволов.

В душу нормального христианина — крещеного члена Церкви и не бесноватого — путь дьяволу открывает совершенный грех. Поэтому естественная забота дьявола — чтобы грешили как можно больше. Для этого демон смущает душу мятежными мыслями, нескромными грезами, будоражит чувства, посылает тысячи греховных призраков и мыслей. Он нападает на души во сне, когда разум потемней, а воля ослабла, и расставляет им сети и осаждает их видениями и снами, оставляющими по себе опасные тревоги и смуты. Даже души святых не свободны от его влияния; его дуновение заставляет колебаться, как факельное пламя от ветра.

Сильно влияя на индивидуальную жизнь человека, Сатана ярко отражал образ свой и в собирательной участи народов и всего человечества. Все Отцы и Учители Церкви согласны в том, что им изобретены ложные религии, ереси, тайные науки; он бросает семена раздоров, подсказывает заговоры, воспитывает мятежи, накликает голод, внушает войны, возводит на престолы злых государей,

посвящает антипап, диктует вредные книги, а в промежутках между всеобщими бедствиями сеет частные: пожары, несчастные случаи, кораблекрушения, убийства, грабежи, соблазны, разорения. Для всего этого он располагает громадными средствами, так как ему известны и подвластны все сокровища, скрытые в земле. Со временем сын Сатаны и главный его наместник — Антихрист — получит все эти богатства в свое распоряжение, чтобы ценою их сделаться владыкою мира. Так как золото есть нерв войны, то, по замечанию Артуро Графа, потому, вероятно, папы и собирали так усердно этот металл, грабя его со всего мира, — чтобы насколько возможно ослабить бюджет будущего врага.

Технические способности Сатаны беспредельны. Он знает все искусства, ремесла и мастерства, но, разумеется, не разменивается в их области на пустяки, а предпринимает только работы, достойные своей ловкости и силы. В Западной Европе, где искони живут люди в камне, Сатана получил страсть к архитектуре и строительству. Великое множество мостов, башен, стен, акведуков и тому подобных построек приписывается этому странному зодчему и инженеру. Это он сложил знаменитую стену между Англией и Шотландией,[124] воздвигнутую по повелению императора Адриана. Он же перекинул мост через Дунай в Регенсбурге,[125] через Рону в Авиньоне и другие, так называемые «чертовы мосты».[126] В варварские и бедные Средние века громадные римские постройки, включая и великие военные дороги римлян, казались превосходящими силы человеческие, и, кроме дьявольского художества, народ не находил, кому их приписать. «На Руси и в других славянских землях старинные окопы слывут *змеиными валами*. С этими „чертовыми стенами“ народ соединяет такое предание: после долгих споров Бог и черт поделили между собою Вселенную, и вслед за тем Сатана провел границы своего владения». Страннее всего, что дьявол употреблял иногда свои архитектурные таланты также на сооружение церквей и монастырей. Но, конечно, в этом случае он либо преследовал какие-либо свои тайные цели, либо был побуждаем волею, сильнейшею его. Так, говорят, им были сделаны планы и другие рисунки для Кёльнского и Ахенского соборов,[127] а последний даже отчасти, если не весь, им выстроен. В Англии считается постройкою дьявола аббатство Кроулэнд. Дьявол настолько гордится своим зодческим талантом, что однажды вызвал архангела Михаила, старого своего неприятеля, на конкурс, кто построит красивее церковь

на горе Сен-Мишель в Нормандии. Архангел, как и следовало ждать, победил, но и дьявол не ударил лицом в грязь; притом архангелова церковь была за красоту взята на небо, так что грешный мир о ней судить не может, а дьяволом воздвигнутая осталась на земле, и ею до сих пор любуются туристы как готическим шедевром. «К св. Олафу,[128] королю норвежскому, пришел некогда незнакомец и вызвался построить церковь, если в уплату за труд ему отдадут солнце и месяц или самого св. Олафа. Этот незнакомец был великан по имени Wind und Wetter.[129] Чтобы он потерял право на обещанную награду, надо было узнать его имя. Королю удалось это. Случайно подслушал он, как жена великана унимала свое плачущее дитя: „Цц! завтра придет отец Wind und Wetter и принесет нам солнце и месяц или святого Олафа“». Чудесность дьявольских построек заключалась не только в их совершенстве, но и в скорости, с которою они созидались. Часто дьяволу давался для них срок не более как в одну ночь — и он успевал, если только люди его не надували, чего по отношению к дьяволу, кажется, никто и никогда грехом не почитал. Обязавшись на протяжении одной ночи выстроить церковь, дьявол переносил на место постройки из отдаленнейших мест целые гранитные скалы, глыбы и плиты цветного мрамора, иногда даже колонны, похищенные в каком-нибудь древнем языческом храме, вековые дубы и ели, металлические брусы и балки и не покладая рук рубил, строгал, буравил, тесал, ковал, лил, полировал, рыл, складывал, штукатурил, красил, рисовал, расписывал, ваял, так что с наступлением утра первый луч солнца уже зажигал на башнях яблоки из превосходного полированного золота и отражался в художественной живописи огромных стрельчатых окон. И уж за такую постройку нечего было бояться, что через год или два в ней обрушится потолок или обвалится стенная штукатурка. Единственно, от чего дьявол систематически уклонялся, это — увенчать свое здание крестом. Да и то один адский архитектор умудрился и выстроил для шведского короля Олафа Святого высочайший собор с крестом. Но однажды святой король, поднявшись на кровлю собора, с ужасом увидел, что то, что снизу кажется людям крестом, в действительности — золотая фигура коршуна с распростертыми крыльями. На эту тему, дающую богатую канву для антитез, кто-то из русских мистиков — Н. П. Аксаков[130] или Н. П. Вагнер[131] — написал интересный рассказ.

Все это требовало от дьявола не только высочайшего гения, ловкости и энергии, но и, так сказать, мускульной силы, поистине чудодейственной. Следы этой силы рассеяны по всему миру. В Европе нет страны, где бы не лежало какого-нибудь валуна, принесенного дьяволом с отдаленных гор, чтобы раздавить келью какого-либо святого монаха, да по келье-то он промахнулся, а камень так и остался лежать где не надо. «Когда созидались первые христианские храмы, великанское племя, по свидетельству норвежских саг, бросало в них огромными камнями. В разных местностях указывают „чертовы камни“ (teufels-steine), из которых одни были брошены дьяволом в ту или другую церковь, а другие упали с воздушных высот в то самое время, как нечистые духи занимались своими строительными работами». А то покажут вам огромную скважину в горе: это черт прошиб, обозлился на что-то, работая в своей подземной кузнице, и швырнул молот в потолок, так вот это от этого. Решительно повсеместно ставились на счет дьяволу эрратические камни, занесенные доисторическими ледниками на десятки и сотни верст от своих гор, а там, где они есть, также и друидические камни. На острове Коневец, что на Ладожском озере, черт не только приволок откуда-то громадный Конь-камень, но еще и развел в нем целую бесовскую колонию, благополучествовавшую, покуда св. Арсений[132] не разогнал чертей своими молитвами, и тогда они, стаей черных воронов, улетели на финский берег, который с тех пор так и слывет «Чертовой Лахтой». Эта ладожская легенда любопытно сходится с мексиканскою о том, что, когда перестали поклоняться одному священному камню, из него перелетел в другой камень попугай, после чего стали поклоняться этому последнему камню (Тейлор).

Чудовищная сила сопровождается в дьяволе проворством и ловкостью величайшего акробата и фокусника. Еще Тертуллиан утверждает, что дьявол даже умеет носить воду в решете. На этой сверхъестественной ловкости дьявол обыкновенно попадается, когда хочет скрыть свою истинную породу, — забывшись, он непременно раскроет свое инкогнито, проделав что-нибудь такое, что далеко превосходит самые крайние пределы человеческих средств. Обыкновенно черт, когда берется возвести твердые стены, церковь или мост, то в награду требует душу того, кто первый вступит в новое здание; но расчеты его обыкновенно не удаются. Так, однажды в двери

возведенного им храма пустили прежде всех *волка*, раздраженный черт бросился сквозь церковный свод и *пробил в нем отверстие*, которое потом — сколько ни заделывали — никак не могли починить.

Там, где однажды работал дьявол, человеческие средства бессильны и неприложимы. Если он оставил недоконченным здание, которое начал строить, — достроить уже нельзя. Равным образом вред, нанесенный дьяволом какому-либо зданию, уже никогда не поддавался исправлению, перестройке либо починке.

Виктор Гюго, поэт латински рассудительный и без чутья к фантастическому, описал в одной из своих поэм, «Légende des siècles», {133} страшный труд и натугу, с которыми дьявол, поспорив с Богом о том, кто создаст более красивое существо, выковал в своей кузнице… саранчу, тогда как Бог одним взглядом своим обратил паука в солнце. [11] Поэма Гюго громословна и холодна, но Артуро Граф напрасно упрекает Гюго, что, изображая Сатану бездарным тружеником, работающим в поте лица своего, поэт погрешил против, если можно так выразиться, «мифологической истины». Гений, ловкость и сила дьявола необыкновенны только по сравнению с человеческими, божественный контраст обращает их в ничто. Тема Гюго — старинная тема народных преданий, между прочим, и славянских, и отношение их к труду двух сил, «подъемлющих спор за человека», всегда то же самое, что у Гюго. В «Песнях о творении» Генриха Гейне Сатана смотрит на создания Божии и смеется:

> «Эге! Господь копирует самого себя. Сотворил быков, а потом, по их образу и подобию, фабрикует телят!»

Господь отвечает:

> «Да, я, Господь, копирую самого себя. После солнца я творю звезды, после быков я творю телят, после львов со страшными лапами я творю маленьких милых кошечек, — ну, а ты, ты ничего сотворить не можешь».

При всем своем непомерном могуществе дьявол не только может быть обуздан в своей дерзости, но и укрощен, приручен и даже порабощен. Притом в самой природе есть условия и средства, в которых человек находит силу и защиту против дьявола, а дьявол слабеет и становится безопасен. Главнейшее из них — дневной свет.

Все подвиги своего могущества дьявол обыкновенно совершает ночью. Днем, за исключением часа полуденного, он если и действует иногда, то далеко не с такою силою и дерзостью, как в ночи. Утренний же час для него совершенно несносен. Христианский фольклор не знает примера, когда бы князь тьмы не бежал от первых лучей зари, от крика петуха, возвещающего утро, от благовеста к заутрени.

Запел петух… и смолкнувши бегут
Враги, не совершив ловитвы.[134]
(Жуковский)

В этот час дьявольские силы настолько слабеют, что иногда, если почему-либо не успели убраться вовремя в свои адские бездны, они от этого даже погибают. Гоголь со всею художественною яркостью рассказал такой случай в своем насквозь народном «Вие».

> «Раздался петуший крик. Это *был уже второй крик: первый прослушали гномы*. И пуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь; но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах.
>
> Вошедший священник остановился при виде такого посрамления Божьей святыни и не посмел служить панихиду в таком месте. Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдет теперь к ней дороги…»

Силач и насильник, Сатана тем не менее не только не чужд понятия о праве, но даже иногда является большим охотником становиться на почву юридических норм, в особенности договорных. Когда христианство коснулось Рима, не мог же такой юридический народ оставить без анализа права дьявола на человека. Во втором веке Ириней Лионский[135] рассмотрел это право и доказал, что хотя оно не существует более, но существовало. Первородный грех законно предал людей в руки Сатаны. Чтобы законно выкупить человечество, не прибегая к насилию, Христос дал пролить свою кровь. Сатана, добившись безвинной смерти праведника, потерял ранее принадлежавшее ему право. Эта теория была встречена очень благосклонно и долго повторялась в духовной литературе, внушавшей, таким образом, своим неофитам, с истинно римскою юридическою

настойчивостью, весьма понятную для них метафору, что они как бы вольноотпущенники Сатаны, выкупленные из его рабства Христом за великую цену. Сатана, конечно, ничего не имеет против признания законности его права в прошлом, но это не вознаграждает его за потерю того же права в настоящем и будущем. И, не признавая своего права уничтоженным, он, проиграв свой мировой процесс пред судом Высшей Справедливости, не удовлетворяется и апеллирует к бунту и мятежу, то есть требует удачи в «праве сильного». В этих опытах проходит вся его жизнь и деятельность. Ради них он устроил свое государство, свою армию, так точно копируя институты и устройство божественные, что заслужил от церковных писателей презрительное прозвище «обезьяны Бога». Церкви Христа он противопоставил свою собственную антицерковь и имел в ней своих служителей, свой культ и, по свидетельству уже Тертуллиана, свои таинства.

Глава четвертая

ДЬЯВОЛ-ИСКУСИТЕЛЬ

Не надеясь более завоевать утраченное положение на небе, Сатана заботится об одном: остаться владыкою человечества и истребить из него следы Искупления, обратив землю во второй ад, а ее историю — в летопись скорби, греха и преступления. Лишенный общей, «оптовой», власти над человечеством, он обратился в мародера. Будучи не в силах опрокинуть Церковь, он ее расшатывает, выдергивая камни из ее стен, и иногда весьма фундаментальные. Пусть бодрствует добрый пастырь и не спят псы его, Сатана, ходя вокруг стада голодным волком или рыкающим львом, как сравнил его апостол, таскает овец с такою ловкостью, что из десяти едва уцелеет одна.

Сатана не может захватить душу, если раньше не испачкает ее и не развратит грехом, — но человеческая природа, хотя и искупленная, склонна и стремится к греху. Сатана не властен насиловать свободную волю, но в состоянии расставить ей сети к непременному падению. Он великий, неутомимый искуситель. Начав с Евы, он не остановился даже пред Христом. И массы, и отдельные люди становятся жертвою этого главнейшего искусства, и чем лучше и святее человек, тем лютее и хитрее нападает на него дьявол-искуситель. «Не открывайте путей дьяволу, — вещает апостол Павел. — Сопротивляйтесь дьяволу, и он убежит от вас!»[136] Но прежде чем обратить дьявола в бегство, каких же мук и испытаний успевал натерпеться от него победитель! Нечего говорить уже о людях, живших в миру: свет, светские люди, светские интересы, светскость — природное царство Сатаны, и кто в нем живет, в Сатане живет, и не войти с ним в соприкосновение для того столько же трудно, как окунуться в море и не намокнуть. Но и уходя из мира, бежа из городов в пустыни и дебри либо отделяясь от мира монастырскими стенами, благочестивые спасатели душ встречали Сатану и там, да еще и более лукавым и жестоким. В свете он одолевал искушением по мелочам — вкрадчивым, постоянным, ежеминутно житейским. В пустыне искушение наплывало бурным натиском, подобно горячечному пароксизму. В свете оно было более внешним, в пустыне или затворе оно делало своим орудием самого человека —

живую энергию организма, требующего нормального отправления физиологических потребностей и, при отказе, тоскующего, томящегося, тянущего на грех.

> «Св. Антоний говорит: „Кто живет в пустыне и в безмолвии, тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора; одно только у него искушение — в сердце“» (Тарновский).[137]

Сатана зорко следил за каждым, хотя бы малейшим поводом к грехопадению и быстро им пользовался. Если Бог приставил к каждому человеку ангела-хранителя, то Сатана точно так же приставил демона-искусителя. Ангел — справа, дьявол — слева.

> «Василий Борисыч плюнул даже с досады. Да, забывшись, плюнул-то на грех не в ту сторону. Взъелась на него Виринея.
>
> „Что плюешься?.. Что?.. Окаянный ты этакой! — закричала она на всю келарню, изо всей силы стуча по столу скалкой… — Куда плюнул-то?.. В кого попал?.. Креста, что ль, на тебе нет?.. Коли вздумал плевать, на леву сторону плюй — на врага, на дьявола, а ты гляди-ка что!.. На ангела Господня наплевал… Аль не знаешь, что ко всякому человеку ангел от Бога приставлен, а от Сатаны бес… Ангел на правом плече сидит, а бес на левом… Так ты и плюй налево, а направо плюнешь — в ангела угодишь… Эх ты, неразумный!..“» (П. И. Мельников. «В лесах», ч. II, гл. 13).

Искушению подвластны все люди, во всех возрастах и положениях, причем Сатана соответственно изменяет и характер, и энергию, и средства искушения, выказывая себя в приспособлении к своим жертвам тонким психологом и остроумным логиком. На святых он нападал с особенною силою по тому же рассуждению, по которому Бог больше радуется одному раскаянному грешнику, чем девяти праведникам. Обратно, соблазн монаха в демоническом мире ценится гораздо выше, чем величайшее зло, произведенное в обществе мирских людей. Об этом красноречиво свидетельствует следующая легенда. «Сказывал один из фивейских старцев: я был сын идольского жреца и, когда был еще мал, сидел в капище и неоднократно видал моего отца входящим в капище и приносящим жертвы идолу. Однажды я тайно вошел сзади его и увидел Сатану сидящего и все воинство, предстоящее ему. И вот один князь демонский, подошедши,

кланяется ему. Сатана говорит ему: „Откуда пришел ты?“ — „Я был, — отвечает он, — в таком-то селе, возбудил там драки и большой мятеж и, произведши кровопролитие, пришел возвестить тебе“. Сатана спросил его: „Во сколько времени ты сделал это?“ — „В 30 дней“, — отвечал он. Сатана велел наказать его, сказав: „В столько времени ты сделал только это!..“ Затем приходили еще два демона, сравнительно в короткое время натворившие также довольно много бед в мире, но Сатана был недоволен их медлительностью. Подошел еще один демон и поклонился Сатане. Сатана спрашивает: „Откуда ты пришел?“ — „Я был, — отвечал он, — в пустыне; вот уже сорок лет имел я войну против одного монаха и в сию ночь низложил его в любодеяние“. Выслушав это, Сатана встал и облобызал его, взял венец, который носил сам, возложил на главу его, посадил его на трон вместе с собою и сказал ему: *„Великое дело совершил ты!“*» (Тарновский).

Не всякое время и не всякое место одинаково удобно демонам для искушения. Любимое их время, конечно, ночь, когда к людям подкрадывается усердный союзник дьявола — сон — и ослабляет волю и разум пред влиянием еще не погасших в памяти впечатлений и воспоминаний дня. Отшельники боялись сна, как дьявольского наваждения, и считали необходимым спать как можно меньше.

Борьбе со сном, как губительным обаянием дьявола, посвящает весьма поучительные страницы «Житие» св. Феодосия Печерского[138] в Несторовой летописи, под 1074 годом: «Был еще старец, по имени Матвей, также прозорливый. Раз, когда он стоял в церкви на своем месте, поднял кверху глаза и посмотрел на братьев, которые стояли и пели на обоих сторонах (клиросах). Он увидел злого духа в образе поляка в повязке. Он ходил по церкви и, приподняв полу, держал в ней цветки, называемые *лепок*. Проходя подле братьев, брал он из полы цветок и бросал в кого попало. Если цветок прилипал к которому-либо из поющих братьев, тот, немного постояв и расслабев мыслями, под каким-нибудь предлогом выходил из церкви, шел в келию, там засыпал и не возвращался в церковь, пока не оканчивалась служба. Но бросал и в такого монаха, что цветок не прилипал, и тот стоял твердо и пел до окончания заутрени и тогда выходил в свою келию. Видя это, старец рассказывал своей братии. Еще видел старик следующее: он обыкновенно стоял всю заутреню до зари, и когда монахи расходились по келиям, тогда и этот старец выходил из церкви. Раз он пошел и сел

отдохнуть под билом, так как келия его была подальше церкви, отсюда смотрел, как толпа (бесов) шла от ворот. Подняв глаза, увидал, что один сидит на свинье, а другие идут около него. И спросил их старец: „Куда вы идете?“ — и отвечал злой дух (бес), сидевший на свинье: „За Михаилом за Тольбековичем“; старец осенил себя крестным знамением и пришел в свою келию. Когда рассвело, то понял старец, в чем дело, и сказал келейнику: „Иди спроси, что, Михайло в келии?“ — и сказали ему: „Он уж давно ушел, прямо с клироса по окончании заутрени“. Старец рассказал это видение настоятелю и братии. При этом старце преставился Феодосий и Стефан сделался настоятелем, да и когда место Стефана заступил Никон, старец этот все еще был жив. Раз он стоял на заутрене и, подняв глаза, хотел взглянуть на настоятеля Никона, но на месте настоятелевом увидал осла и понял, что настоятель не встал ото сна».

Св. Пахомий[139] спал не иначе как сидя и молил Бога и ниспослании ему бессонницы.

В бесконечном множестве и разнообразии искушений дьявол никогда не чуждается средств простых и грубых, действуя на психологию минуты. Бывшему богачу, как св. Антоний, искушения которого дали пищу стольким поэтам и художникам и вошли в пословицу, Сатана бросает под ноги слиток серебра, чтобы напомнить о покинутых богатствах. Изголодавшемуся св. Илариону[140] он подставляет вкусные кушанья. Св. Пелагею,[141] бывшую антиохийскую актрису и куртизанку, когда она заключилась в келью на Масличной горе, дьявол дразнил любимыми ею прежде драгоценностями: перстнями, ожерельями, запястьями. Эти ложные признаки вещей исчезали так же быстро, как появлялись. Если простые средства не действовали, дьявол переходил все к более и более сложным, превращая смену галлюцинаций в великолепные спектакли ужаса, роскоши, смеха, сладострастия. Кому знакома великолепная поэма Густава Флобера «Искушение св. Антония»,[142] тому нечего искать других картин и примеров в «Житиях»: великий французский писатель выжал весь сок из идеи и из явлений искушения. Св. Илариона бес пугал волчьим воем, визгом лисиц, звери скакали и прыгали вокруг него, их сменяли сражающиеся гладиаторы либо умирающие, которые, корчась у ног святого, молили его о погребении. Однажды ночью его оглушили плач детей, блеяние стад, мычание быков, рыкание львов,

вопль женщин — великий шум, как бы от военного лагеря. Едва он крестом прогнал это чудо, как вот новое: летит на него, при лунном сиянии, военная колесница, запряженная бешеными конями. Святой произносит имя Христово. Колесница проваливается сквозь землю.

Самыми тяжкими видами бесовского искушения были влечение любви, стремление в мир, духовная гордость и сомнение в вере.

> «Сатана не знает, — рассуждали подвижники, — какою страстью побеждается душа. Он сеет, но не знает, пожнет ли; сеет он помыслы блуда, злословия, также и другие страсти, — и, смотря по тому, к какой страсти покажет себя душа склонною, ту и влагает».

В смешении и борьбе помыслов, в воспламенении старых и мирских привязанностей подвижник, конечно, и сам ясно не различал, что принадлежит собственному ходу его мыслей и что внушению дьявола, — и только по тяжести внутренней борьбы подразумевал в ней присутствие силы демонов.

> «Общий постулат всех разнообразных страстных помыслов был тот, что нужно оставить пустыню и келью и возвратиться в мир. Одно спасение для инока в такой борьбе — сидеть безысходно в своем уединении, пока не пройдет душевная буря. „Одного брата, — читаем мы в „Патерике“, — возмущали помыслы, чтобы вышел он из монастыря… Брат открыл это авве. Тот говорит ему: „Поди, сиди в келье своей, отдай в залог тело твое стенам кельи и не выходи оттуда; оставь свой помысл, — пусть рассуждает, что хочет, — только тела своего не выпускай из кельи“. В „Житии“ св. Макария Александрийского[143] читаем, что отшельник, будучи возбуждаем тщеславными помыслами оставить пустыню и идти в Рим, лег на порог своей кельи, положив ноги наружу, и сказал: „Тяните и тащите, бесы, если можете, а сам своими ногами не пойду“. Как все проходит на свете, так, разумеется, должно было пройти и бесовское искушение, и в сердце подвижника водворялась вожделенная тишина“» (Тарновский).

Христианство прокляло плоть, покрыло позором любовь. Акт любви, олицетворенный в эллинизме самыми яркими и красивыми божествами Олимпа, христианство объявило зловредною гнусностью, Адамовым грехом, которого гибельное влияние на человека

парализуется только искуплением и исшедшими от него таинствами. Безбрачие для христианина — состояние, гораздо высшее брака, а целомудренное воздержание — одна из основных добродетелей. Для Лактанция девственность — вершина всех добродетелей. Ориген, прозванный Адамантом, чтобы не упасть с вершины этой, собственною рукою лишил себя возможности к половому греху. Стоя на такой точке зрения, аскеты тратили лучшие свои силы на отчаянный труд борьбы с плотским вожделением, спеша гасить в себе — часто нечеловеческими усилиями — даже самомалейшую искру любовного пожара, душить хотя бы призрак, хотя бы темный намек страстного волнения. По мнению Вольтера, с равным успехом человек может добиваться того, чтобы у него не росли волосы и кровь не обращалась в жилах. В замечательном романе «Thaïs»,[144] принадлежащем перу Анатоля Франса, одного из типичнейших вольтерианцев на пороге XIX–XX века, сильно, хотя и несколько театрально изображена эта страшная борьба с чувством, столь характерно определившая движение мысли в IV–VI веках нашей эры и давшая тон мировоззрению Средних веков. А. Франс взял сюжетом для своего романа случай, которого избегают «Жития святых», не замалчивая его, но и не любя о нем говорить подробно, — случай совершенного торжества искушения, полной победы любовного демона над устремившимся было к святости человеком. Не надо приводить много частных примеров — исторические судьбы аскетизма и, в частности, христианского монашества, великий массовый пример того, как часты были в борьбе этой поражения человека и редки победы. Страх плотского искушения переходил в ужас и ненависть к женщине. В боязни любовной заразы затворники, после многих лет разлуки, отказывались видеть своих матерей и сестер. Спасало ли их такое острое отречение от двуполого мира, такое решительное заключение в свою однополость, которую стремились сделать бесполостью? Увы! Волосы не переставали расти, кровь обращалась в жилах, а идея женщины врывалась в аскетический мир такою бурною силою, что даже победители ее выходили из борьбы измученными и искалеченными, хромая, подобно Иакову после борьбы с ночным видением, имя которого «чудно». «О, сколько раз, — восклицает блаженный Иероним в письме к деве Евстахии о хранении девства, — уже будучи отшельником и находясь в обширной пустыне, сожженной

лучами солнца и служащей мрачным жилищем для монахов, я воображал себя среди удовольствий Рима. Я пребывал в уединении, потому что был исполнен горести. Истощенные члены были прикрыты вретищем, и загрязненная кожа напоминала кожу эфиоплян. Каждый день — слезы, каждый день — стенания, и когда сон грозил захватить меня во время моей борьбы, я слагал на голую землю кости мои, едва державшиеся в суставах. О пище и питии умалчиваю, потому что даже больные монахи употребляют холодную воду, а иметь что-нибудь вареное было бы роскошью. И все-таки я, — тот самый, который ради страха геенны осудил себя на такое заточение в сообществе только зверей и скорпионов, — я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти. Лишенный всякой помощи, я припадал к ногам Иисусовым, орошал их слезами, отирал власами и враждующую плоть укрощал неядением по целым неделям. Я не стыжусь передавать повесть о моем бедственном положении, напротив, сокрушаюсь о том, что я теперь уже не таков. Я помню, что я часто взывал к Богу день и ночь и не прежде переставал ударять себя в грудь, как, по гласу Господнему, наставала тишина. *Я боялся даже кельи моей, как сообщницы моих помышлений*. Во гневе и досаде на себя самого, я один блуждал по пустыням. Где я усматривал горные пещеры, неудобовосходимые утесы, обрывы скал, — там было место для моей молитвы, там острог для моей окаяннейшей плоти». Мейербер[145] пытался передать тяжкое состояние это красивою и довольно сильною музыкою к балладе «La Tentation»…[146] все-таки слишком жидкою по глубине сюжета, которого коснуться решился композитор! Тут нужен был Вагнер, а не Мейербер.

Весьма часто с целью плотского искушения дьявол сам принимал вид женщины и являлся в пустыню либо заблудившеюся красавицей, либо грешницею, ищущею покаянья, либо благочестивою девицею, жаждущею тоже приобщиться к аскетическим подвигам. По человеколюбии или слишком твердой уверенности в своей добродетели, пустынножитель принимал обманную деву в тесной своей келейке и обыкновенно в самом непродолжительном времени погрязал в грехопадении. Истории этого рода бесчисленны. В одной из них рассказчик, Руфин Аквилейский,[147] отмечает, что демону мало

уронить инока в запретнейший из грехов, — ему еще надо насмеяться. В рассказе его прельщенный заблудившеюся красавицей отшельник старался овладеть ею «наподобие бессмысленного скота». Но как только он заключил красавицу в свои объятия, демон исчез, а отшельник остался в смешной и непристойной позе, которую Руфин, конечно, имеет добросовестность описать в деталях. В дополнение стыда, демоны, во множестве собравшиеся в воздухе, чтобы быть очевидцами скандала, подняли неистовый хохот, вопия к осрамившемуся пустыннику: «Эй, тя, превозносившийся до небес! хорошо ли ты кувыркнулся в ад? Теперь ты понял, что значит — „кто возносится, тот унижен будет"?..» Печальное происшествие это так тяжело подействовало на отшельника, что, отчаявшись в своем спасении, он вернулся в мир, закутил, предался всяким злодействам и окончательно сделался добычею Сатаны. Руфин жалеет о его поспешности, замечая, что он мог бы омыть совершенный грех слезами раскаяния и возвратить себе прежнюю святость молитвою и постом. Действительно, св. Викторин, епископ Амитернский, имел несчастье упасть в тот же грех, но страшное покаяние спасло его из когтей торжествующего врага. Едва ли надо говорить, что когда дело шло о соблазне святых жен, то дьявол прибегал к обратному превращению, то есть принимал вид прекрасного юноши. Таким оборотнем приходил он к св. Франческе Римлянке{148} и очень ей надоедал.

Гораздо чаще бес действовал проще и действительнее, насылая на отшельников визиты не призрачных, а настоящих женщин, охваченных похотливою шалостью — соблазнить праведника. Одна из таких легенд дошла из IV века в XX, чтобы в русском варианте превратиться в толстовского «Отца Сергия».[12]

«Был один отшельник в нижних странах Египта и был именит, ибо пребывал в уединенной келье, в пустынном месте. И вот, по действию Сатаны, одна бесчестная женщина, услышав об нем, говорит юношам: „Что дадите мне? я низложу вашего подвижника". Они назначили ей известное вознаграждение, и она вечером подошла к келье его, как будто заблудившись. Когда постучалась в дверь, старец вышел и, увидя ее, смутился и сказал: *„Каким образом ты явилась здесь?"* — „Я заблудившись пришла сюда", — сказала она со слезами. Сжалившись над нею, старец ввел ее в дворик свой и, вошедши сам в келью свою,

запер ее. И вот окаянная закричала, говоря: „Авва, меня здесь поедают звери!“ Он же, опять возмутившись, но вместе и убоявшись суда Божия, сказал: *„Откуда пришел на меня гнев сей?“* И, отворив дверь, впустил ее внутрь. Тогда дьявол начал пускать в него стрелы, разжигающие похоть к ней. Но он, видя нападение врага, сказал сам себе: *„Козни врага суть мрак, а Сын Божий есть свет“*. И, вставши, он зажег свечу. Но опять разжигаемый похотью, сказал: *„Таковая творящая идут к муку. Итак, испытай себя здесь: можешь ли перенести вечный огонь?“* И положил палец свой на свечу, жег его, — и не чувствовал боли по причине сильного разжения плоти. Продолжая делать это до утра, он сожег все пальцы свои. Блудница, видя, что он делал, окаменела от страха. Утром юноши, пришедши к подвижнику, спрашивали: „Пришла ли сюда вчера женщина?..“ Тогда он открыл свои руки, показал им, говоря*: „Вот что сделала со мною эта дочь дьявола! Она погубила пальцы мои“»* (Тарновский).

Любопытно, что, по словам протопопа Аввакума,[149] он однажды подверг себя подобной же пытке, почувствовав влечение к женщине, пришедшей к нему на исповедь.

В древлепечатном «Прологе», еще не редактированном св. Димитрием Ростовским, было чересчур много подобных историй, которые Феофан Прокопович[150] относил впоследствии к разряду «пустых и смеха достойных басен». Н. С. Лесков лукаво обработал некоторые из них в своих «Легендарных характерах».[151] Один, под 20 июня, напоминает несколько приключение, рассказанное Руфином Аквилейским. Некий великий старец «преступи обет целомудрия» с родственницею своею, пришедшею навестить его в пустыне.

> «Это сейчас же сделалось известно необычайным случаем. В этой же самой пустыне, на некотором расстоянии, жил другой старец, который нимало не интересовался тем, что произошло у соседнего старца, но он пошел почерпнуть воды и только что погрузил свою чашу в воду, как „чаша перевернулась“. Старец удивился, потому что до этого случая чаша у него никогда не переворачивалась. Он второй раз зачерпнул чашу, но чуть ее поставил, как она перевернулась. Тогда пустынник подумал: „Верно, это по усмотрению Божию“.

А так как он в одиночестве никак не мог себе разъяснить, к чему ему давалось такое знамение, то он, не теряя времени, пошел к другому пустыннику, но в один день не дошел, а заночевал дорогой под стенами идольского капища и тут обо всем узнал. Случилось так, что в этом капище именно в ту ночь собрались бесы и в чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного известного и опытного пустынника, причем не раз называли соблазненного и по имени.

Это был как раз тот, к кому шел путешествующий. Но путник хотя и смутился этим, однако все-таки пришел к тому, который пал в грехе с родственницей, и, поздоровавшись, спросил у него:

— Что убо сотворю, отче, — егда наполню чашу водой и она во время снедения превращается?

А тот посмотрел на него и вместо ответа сам предложил вопрос:

— А что убо аз сотворю, яко аз впадох в блуд?

— Да, я это уже знаю, — отвечал гость, — я слышал об этом „в церкви идольстей“.

Тогда преступивший обет целомудрия старец, как только услыхал, что о нем даже дьяволы говорят, вскочил и отчаянно закричал:

— Ну, если это так, то тогда уже все равно — я брошу пустыню и пойду в мир.

Но тот брат, у которого чаша переворачивалась, отговорил его от этого, а присоветовал только прогнать от себя родственницу.

Старец послушался и исправил житие свое».

Не всегда, однако, бесы, доведя подвижника до падения, повергали его в самоотчаяние: бывали люди крепкие, которые умели утешить себя в том смысле, что «сие есть не грех, но токмо падение». В «Прологе» же, под 21 мая, рассказывается, как «один брат вышел из скита на речку, чтобы почерпнуть воды, и вдруг заметил там на берегу „жену перущу ризы“, то есть прачку, моющую одежды, и „прилучися брату пасти с нею“. По совершении же этого греха брат зачерпнул воды и понес водонос в скит свой, но его облепили бесы и стали кричать ему в уши: „Чего идешь в скит! Тебе теперь там уж не место; оставайся теперь с прачкой!“

Брат этим очень смутился, но сейчас же понял, что бесы этак хотят совсем отбить его от пути спасения, и сказал:

— Чего вы ко мне вяжетесь и для чего мне досаждаете! Я не хочу отчаиваться!»

Само собою разумеется, что, по мере того как аскетизм фанатический в течение веков перерождался в аскетизм лицемерный, плутоватые теории, что «сие есть не грех, но токмо падение», забирали все большую и большую силу и находили все усерднейшее применение. Но даже в самые поздние века аскетизма (например, в русском старообрядчестве XVII и XVIII веков) никогда не было недостатка в фанатиках, которые принимали искушения демона во образе жены совершенно серьезно и били, увечили или даже убивали чересчур ретивых своих поклонниц, вообразив их переодетыми бесами. Такой случай с насмешкою рассказывает в романе своем «В лесах» (ч. III, гл. 9) знаменитый расколовед П. И. Мельников-Печерский, автор, благодаря которому самое слово «искушение» вызывает ныне улыбку у читателя: так удался этому писателю тип молодого певца и начетника, благочестивого бабника Василия Борисовича, с постоянною поговоркою на устах:

— Ох, искушение!..

Но смешные анекдоты не уничтожают действительность, которая на этой почве порождала преступления без вины виноватых преступников, расправлявшихся с женщинами, повинными только в неуместной влюбчивости, со всею страшною свирепостью, какую мог накопить многолетне сдерживаемый гнев против лукавого беса, неуловимого вечного врага.

Чаще всего бес, искушая пустынника, не заходил в соблазнах своих до такого яркого реализма, как подсыл женщин или собственное воплощение в женщину, а довольствовался тем, что будил и раздражал желания, не находящие удовлетворения. По рассказу Григория Великого, дьявол однажды охватил таким сладострастным соблазном св. Бенедикта, но суровый подвижник справился с собой: разделся донага, лег в терновник и катался в нем, покуда колючие шипы не выгнали из тела наплыв адской страсти. Еще гораздо грознее вылечил себя другой инок в IV веке.

> «Был, — читаем в Патерике, — один подвижник в скиту. Враг приводил ему на память одну женщину, весьма красивую собой, и сильно возмущал его. По смотрению же Божию пришел в скит другой брат из Египта: он между разговором сказал, что умерла

жена такого-то. А это была та самая женщина, которою возмущался брат. Услышав об этом, брат взял ночью свой хитон и пошел в Египет; открыл гроб умершей, отер хитоном гниющий труп ее и возвратился с ним в свою келью; положил этот смрад возле себя и, сражаясь с помыслом, говорил: *„Вот предмет, к которому ты имеешь похоть, — он пред тобою, насыщайся!“* Таким образом он мучил себя сим смрадом, доколе не кончилась его борьба» (Тарновский).

Тех, которым дьявол не умел нанести никакого другого вреда, он мучил сладострастными снами и ночными галлюцинациями. Бессознательный и, следовательно, безответственный грех такого рода не мог быть опасен сам по себе, но наводил уныние, как симптом дурного общего состояния отравленной души, и развращал ум воспоминанием о развратном видении. Словом, говорит Тарновский, от страстных помыслов нельзя было уйти даже в пустыне, и они — к удивлению — прорывались даже там, где для них, по-видимому, преграждены были все пути. В этом отношении любопытен следующий рассказ Патерика. «Некий инок пришел в скит с маленьким сыном, который еще питался молоком и не знал, что такое женщина. Когда сын сей пришел в мужской возраст, то демоны представляли ему ночью женские образы. Он открыл отцу своему. Старец подивился. Случилось однажды сыну быть с отцом своим в Египте; увидев там женщин, он говорил отцу своему: „Вот те самые, которые ночью приходили ко мне в скит“. Старец отвечал ему: „Это иноки населенных мест, сын мой; иной вид имеют они, и иной — пустынники“». При этом удивился старец: каким образом демоны в скиту могли показать ему женские образы?

Третье любимое искушение дьявола — возбуждение гордости и самодовольства — бывает причиною тех его явлений, когда он осмеливается брать на себя вид святых, ангелов, Девы Марии, Христа, Бога Отца. И предшествующей главе было рассказано, как в подобные сети бесы поймали Исаакия, затворника Печерского.[{152}] В монастырях хорошо знают это искушение и предупреждают новичков не вверяться его обману. Путем таких видений Сатана обыкновенно добивается от своих жертв страшного греха — самоубийства, к которому он некогда так неудачно убеждал Иисуса, предлагая Ему броситься с кровли Иерусалимского храма. Рассказывают об одном иноке по имени Эрон,

который, пятьдесят лет прожив в пустынном монастыре, истязал плоть свою так сурово, что не ослаблял поста даже на Пасху. Однажды ему явился дьявол в образе ангела и приказал броситься вниз головою в колодезь, что Эрон немедленно и исполнил, рассчитывая, что останется невредим и чудо это явит перед всеми великую его святость. Но вместо того он страшно разбился, монахи едва могли его вытащить, и спустя три дня он умер самым жалким образом. Легенда относится к 1124 году. Губерт Ножанский,[153] скончавшийся в том же году, рассказывает плачевную историю юноши, который, впав в грех прелюбодеяния, отправился замаливать его к св. Иакову Галицийскому.[154] Дьявол явился к нему под видом этого святого и приказал ему — в виде эпитимьи — сперва оскопиться, а потом перерезать себе горло. Богомольный юноша повиновался, и был бы он, как говорят о самоубийцах, «черту баран», если бы не смилостивилась над ним и не возвратила его к жизни Святая Дева. Так что поплатился он за свое легковерие, подобно королю Родригу в змеиной пещере, отдав только то, чем согрешил.

Иногда самоубийственные внушения дьявола поражают не отдельные лица, но эпидемически распространяются на целые страны и народы. В Евфросиновом «Отразительном писании»[155] против самосожжения, свирепствовавшего между людьми старой веры в конце XVII века, это якобы богоугодное дело изображается с совершенною определенностью делом ангелов тьмы, приявших вид ангелов света, чтобы вовлечь христиан в вечную погибель. «В пределах Нова града згореша саможжением 16 человек. Отрок же некий иде на реку, да воды напоить свой скот, и внезапу изиде из воды черен мужик и ять отрока и унесе в воду. Искаху же родители его нощеденства два; отрок же яко во храмине поставлен бысть. И виде то человецы нецыи, по разным местам спяще, ов лапти плетяще, инь ино что творяше, вси же молчаху и никто ж ничего не глаголаху. Потом отрок изволением Божиим паки обретеся вне воды и свободен: и вопросиша родителей, где бе; он же случшееся вся поведа, како черный той унес ево в воду, седящих же тамо поведа видети, их же позна, яко оны суть, иже сожгоша сами себе».

Но далеко не всегда кощунственные маскарады дьявола достигали своей цели. Однажды дьявол явился св. Мартину Турскому мужем в пурпурной тоге, с венцом на голове, в золотых сандалиях и сказал:

— Не узнаешь меня? Я Христос.

Но святой отвечал:

— Какой ты Христос! Христос не носил ни пурпура, ни венца, я знаю его только нагим, как был Он на кресте. А ты просто дьявол.

Ответ, по замечанию А. Графа, достойный того, чтобы призадумались над ним «наместники Христовы» — папы… Да и не они одни.

Гордец и возбудитель гордости, дьявол теряет свою силу, встречая отпор в смирении.

> «В этом признался св. Макарию Египетскому[156] сам дьявол. „Велика в тебе сила, Макарий! — сказал дьявол. — Что ты делаешь, то делаю и я. Ты постишься, а я совсем не ем. Ты бодрствуешь, а я совсем не сплю. Одним ты меня побеждаешь — *смирением*“». Проникнутый смирением, инок без труда отражал от себя искушение высокоумия. «Некоему из братьев, — читаем в Патерике, — явился дьявол, преобразившись и ангела света, и говорит ему: *„Я архангел Гавриил и послан к тебе“*. Брат же сказал ему: „Смотри, не к другому ли ты послан; ибо я недостоин видеть ангела“. И дьявол тотчас стал невидим» (Тарновский).

Исаакий Печерский, после злополучного своего видения, был долго и тяжко болен, а потом долгим подвигом поста и смирения достиг того, что те же самые бесы, которые над ним насмеялись, приползли к нему в настоящем своем виде гадов и нечистых животных и покаялись: «Победил ты нас, — сказали наконец бесы». «Вы победили меня прежде, — отвечал им Исаакий, — когда пришли в образе Христа моего и ангелов. Теперь, в подлинном своем виде, вы мне не страшны, вы точно гадки и злы».

Реже случалось, чтобы дьявол являлся искушать в своем собственном виде. Таков был он, искушая Христа. Десятки, если не сотни, художников пробовали свои силы над этим сюжетом, одинаково находя камень преткновения как в лике Христа, так и в лике Сатаны. Самая известная картина — Ари Шеффера[157] — балетна, а огненный дьявол нашего Репина[158] хоть и оригинален, но надуманно груб. Св. Пахомий видел однажды ватагу чертей, которые тащили сухие листья и притворялись, будто это им ужасно трудно. Это они рассчитывали рассмешить пустынника. Смех же был если не грехом,

то началом греха. «Увидев одного смеющегося, — читаем мы в Патерике, — старец сказал ему: „Пред небом и землею мы должны отдать отчет во всей жизни, — и ты смеешься“» (Тарновский). Угрюмый взгляд этот не красною, конечно, а черною нитью проходит из египетских пустынь, через Средние века, в византийское и русское православие, созревает на Москве и мрачною тенью кроет 250-летнюю историю древнего благочестия…

Ну, вот: сидит отец в очках читает,
А я стою поодаль, и на грех,
Смутил меня лукавый, рассмеялся.
Отец очки снимает полегоньку.
«Чему ты рад, дурак! Аль что украл?
Не знаешь ты, что мы в грехах родились
И казниться должны, а не смеяться?
Не знаешь ты, так я тебе внушу.
Достань-ка там на гвоздике двухвостку.
Уныние пристойно отрочати,
Уныние, а не дурацкий смех,
Уныние, уныние…» И лупит
От плеч до пят, как Сидорову козу,
Без устали, пока не надоест.
(Островский. Комик XVII ст.)[159]

Насколько бесоугоден смех, настолько же богоугодны слезы. Хорошие монахи никогда не смеялись, но часто плакали. Св. Авраамий Сирийский[160] не проводил ни одного дня без слез.

Не всегда искушение дьявола направлялось на цели крупного греха. Весьма часто злой дух ограничивается как будто просто тем, что разобьет человеку молитвенное настроение, не даст ему сосредоточиться в благочестивом размышлении либо просто рассердит или выведет из терпения. Это дьявол повторяет гулким эхом слова читаемых молитв, заставляет чихать проповедника в чувствительнейшем месте его проповеди, это он назойливою мухою садится десять раз на лицо засыпающего, покуда тот не обозлится и не обругается. У Лескова в «Очарованном страннике» это прелестно:

«Я соблазны большого беса осилил, но, доложу вам, — хоть это против правила, — а мне мелких бесенят пакости больше этого

надокучили.

— А бесенята разве к вам тоже приставали?

— Как же-с; положим, что хотя они по чину и самые ничтожные, но зато постоянно лезут…

— Что же такое они вам делают?

— Да ведь ребятишки, и притом их там, в аду, очень много, а дела им при готовых харчах никакого нет, вот они и просятся на землю поучиться смущать, и балуются, и чем человек хочет быть в своем звании солиднее, тем они ему больше досаждают.

— Что же они такое, например… чем могут досаждать?

— Подставят, например, вам что-нибудь такое или подсунут, а опрокинешь или расшибешь и кого-нибудь тем смутишь и разгневаешь, а это им первое удовольствие, весело: в ладоши хлопают и бежат к своему старшому: дескать, и мы смутили, дай нам теперь за то грошик. Ведь вот из чего бьются… Дети».

В скором времени «дети» едва не подставили «очарованного странника» под суд:

«На самого на Мокрого Спаса, на всенощной, во время благословления хлебов, как надо по чину, отец игумен и иеромонах стоят посреди храма, а одна богомолочка старенькая подает мне свечечку и говорит:

„Поставь, батюшка, празднику“.

Я подошел к аналою, где положена икона „Спас на Водах“, и стал эту свечечку лепить, да другую уронил. Нагнулся, эту поднял, стал прилепливать — две уронил. Стал их вправлять, ан, гляжу — четыре уронил. Я только головой качнул, ну, думаю, это опять непременно мне пострелята досаждают и из рук рвут… Нагнулся и поспешно с упавшими свечами поднимаюсь, да как затылком махну, под низ об подсвечник… а свечи так и посыпались. Ну, тут я рассердился да взял и все остальные свечи рукой посбивал. „Что же, — думаю, — если этакая наглость пошла, так лучше же я сам поскорее все это опрокину“.

— И что же с вами за это было?

— Под суд меня за это хотели было отдать, да схимник, слепенький старец Сысой, в земляном затворе у нас живет, так он за меня заступился.

„За что, — говорит, — вы его будете судить, когда это его сатанины служители смутили“».

Но подобные искушения дьявола невинны только по виду. Дьявол бросает их в душу вроде маленького зерна, из которого должно вырасти развесистое дерево какого-либо крупного греха. К одному отшельнику с репутацией большой святости дьявол пришел как добрый человек с таким, казалось бы, невинным советом:

— Вы живете слишком одиноко. Что бы вам завести хоть петуха? Все-таки живая тварь, а утром он будет вас будить к молитве.

Отшельник сперва отнекивался, потом послушался, завел петуха. Ну, что, в самом деле, дурного? Ведь не дьявол же спрятан в петухе?

Но вот петух начинает скучать, изнывает, худеет. Тогда отшельник из жалости приобретает ему курицу. Тут-то и поймал его дьявол. Зрелище любви петуха и курицы разбудило в отшельнике страсти, которые он считал давно угасшими навсегда. Он влюбился в дочь знатного рыцаря, вовлек ее в грех и затем, чтобы скрыть свою вину и избежать мести родителей, убил молодую женщину и спрятал ее под кроватью. Но его обличили, схватили, судили, приговорили к смертной казни. Всходя на эшафот, он воскликнул:

— Вот до чего довел меня мой петух!

В древнерусском «Слове об иноце, молившемся Богу, дабы был, яко Иов или яко Исаак»,[161] к монаху, возгордившемуся до таких самонадеянных молитв, дьявол явился в виде воина и рече: «Молюся твоему преподобию, отче, помилуй мя гонима от некоего царя, и взем сия двести литр злата, и отроковицу сию, и отрочища, и оукрый оу себе, идеже веси; аз же, рече, идоу воину страну, идеже царь обрести мене не может». Монах после некоторого колебания согласился, «поругаем от беса. Поднех же неких влагает мниху рать (помысл) на отроковицу и растлити сию. Раскаяв же ся о прилучившемся ему, востав, оубив отроковицу. Глагола ему помысл: востав оуби и отрочища, яко да не повесть отцу своему бывшую вещь. Востав же абие и оуби и отрочища. Рече же к нему помысл: взем врученное ти злато и бежи во ину страну, идеже воин не может обрести тя. Отшед же в некоую страну и созда себе от злата оного монастырь». Но воин-дьявол пришел требовать своих денег, выжил монаха из монастыря и заставил бежать в дальний город. Там грешный инок женился, вошел в честь и даже попал в полицеймейстеры (рядник), причем явил себя

человеком страшно жестоким. Но воин-бес и тут его нашел, разжег корыстолюбивого князя в том городе на имущество «рядника» и, выставив против последнего прежние свои требования, довел монаха-рядника до виселицы. «Водиму же ему вне града смертному месту, се дьявол, иже во образе воин, срете его на пути ведома народом, и рече к нему: веси ли, авва, кто есмь аз? Он же к нему: си ты еси воин. Рече, его не познав. Воин же к нему рече: аз семь, его же слышал еси, сатана, иже первозданного прелстил Адама, ратую человеки, и не оставляю никого же спастися или быти якоже Исаак или якоже Иов, но ипуся сотворите вся, яко Архитохеля оного или Июда Скариотин, или яко же Каин, (и) иже в Вавилоне старцы, и подобнии тем; веруй же, яко и ты сице поруган бысть от мене, и не оуведа ратовати сокровенную брань. Сия же рекшу бесу и ина множайшая, и абие невидим бысть: окаянный же той мних, паче же рядник, пострада смертное оудавление, поругаем от беса за тщеславное его высокомудрие».

Такого рода истории дают понятие лишь о самых четких способах искушения: дьявол в них дает греху лишь первый толчок, а до конца он уже сам докатится силою собственной тяжести. Но иногда планы дьявола удивительно сложны, тонки и дальновидны, и тогда он занимается ими с терпением и прилежанием, достойными лучшего применения. Вот история, весьма популярная в Средние века и записанная впоследствии также Бернардом Джамбуллари.[13] Однажды дьявол, приняв вид младенца, добился того, что его взяли в монастырь, прославленный своей святостью. Аббат, добрый человек, дал ему образование. Мальчик учился с величайшею легкостью, был прекрасного нрава и вел себя так хорошо, что в монастыре не могли им нахвалиться. Когда мальчик вошел в возраст, он, к великой радости всей братии, вступил в духовное звание; а когда несколько лет спустя умер старый аббат, то — по единогласному избранию — настоятелем сделался его приемыш. Но в самом скором времени монастырь стал падать и ослабевать в уставе. Новый настоятель слишком сытно кормил братию, легко давал отпуска из монастыря и покровительствовал сношениям своих монахов с монахинями одной близ стоящей женской обители. Слухи об этих соблазнах дошли до папы, и он послал ревизорами двух монахов, прославленных святою жизнью. Очутившись под судом и следствием, дьявол предпочел снять

многолетнюю маску и в один прекрасный день, при всем честном народе, провалился сквозь землю. В Дании, Германии, Англии одинаково известна история дьявола-монаха по имени Руус, Рёш или Рауш (Ruus, Rusb, Rausch): поступив в один монастырь поваром, он семь лет развращал аббата и братию отчаянным сводничеством, был принят в орден, и кто знает, каких бы еще мерзостей натворил, если бы не попался.

Черт настолько хитер, что иногда избирает для искушения дорогу, ведущую в сторону, как будто совсем противоположную тем целям, которых он достигает. Бывало, что, наметив своею жертвою какого-нибудь благочестивца, он не только не беспокоил его обычными своими светскими соблазнами, но, наоборот, старался изо всех сил укрепить его на аскетической дороге, внушал ему преувеличенно молиться и умерщвлять плоть свою и даже просвещал его совершенным знанием Священного Писания, пример чего можно видеть в жизни св. Норберта, епископа Магдебургского.[162] У нас в России подобное же рассказывает Патерик Печерский о св. Никите.[163]

> «Явившийся в виде ангела дал ему совет оставить молитву и заниматься только книгами, а на себя принял молиться за него и молился в виду его. Скоро стал Никита прозорливым и учительным. Он послан сказать Изяславу: „Ныне убит Глеб Святославович в Заволочье, пошли скорее сына твоего Святополка на новгородский престол“. Как сказал он, так и исполнилось. Князь Глеб точно был убит в 1078 году мая 30 дня. Это оправдавшееся прозрение обратило внимание всех на Никиту: князья и бояре стали приходить к нему, чтобы слушать наставления его и предсказания. Никто не мог сравниться с ним в знании книг Ветхого Завета: он знал их на память, но книг Нового Завета он чуждался. По этой последней странности поняли, что он обольщен. Любовь отцов не могла быть равнодушною к несчастью брата. Игумен и подвижники печерские пришли к прельщенному брату и, помолившись, отогнали от него беса. Они вывели его из затвора и спрашивали о Ветхом Законе, желая что-нибудь услышать от него. Но он с клятвою уверял, что никогда не читал книг. Тот, который прежде знал на память все ветхозаветные книги, теперь не знал ни слова, и отцы едва выучили его грамоте. С того времени он посвятил себя посту и чистому,

смиренному, послушливому житию, так что превзошел добродетелями других подвижников» (М. Толстой).

Св. Симеон Тревирский[164] рассказывает, что дьяволы заставили его насильно служить мессу, будили его, поднимали с кровати, вели его к алтарю, одевали в ризы. Но в конечном результате этих лицемерных поощрений искушаемый, проникаясь сознанием своей святости, впадал в грех гордости, и тогда бесы подстраивали ему какую-нибудь такую ловушку, что мнимый святой оставлял в ней все свои заслуги и, к собственному изумлению, оказывался вполне заслуженной добычею ада.

Дьявол не имеет власти над свободною волею, но обладает всемогущею способностью волновать дух всевозможными эмоциями и отравлять память человека незабываемыми впечатлениями. Тонкий знаток каждого, к кому он приближается, он всегда во всеоружии, чтобы слепить грех из собственных психических средств человека. Он всегда на ловитве душ. За это его зовут охотником, рыболовом, развратителем, вором, убийцею душ, а св. Иероним даже — пиратом, разбойничающим на море житейском. Вся гигантская и бесконечно гранная масса искушений, на которые ад способен, разделена между соответственным количеством дьяволов. Каждый порок имел своего дьявола, который вызывал его и обучал ему. Эти черти-инструкторы получали распоряжения от князя тьмы и обязаны были ему отчетом, и тем, кто мало успевал, доставалось от него круто. Выше был приведен рассказ (Григория Великого) о подобном демонском собрании с отчетами подвластных демонов пред бесовским князем. Благодарная тема эта не раз служила канвою для художественной сатиры. У нас, в русской литературе, — «Почта духов»[165] Ив. Ан. Крылова, «Большой выход у Сатаны» О. И. Сеньковского[166] и др.

Из этой и других подобных легенд следует, что иногда искушение было для демонов делом очень трудным и неверным. Что касается отпора искушению, то богословы утверждают, будто искушение никогда не превышает сил искушаемого, и, следовательно, падение является результатом лишь небрежности и лени нашей воли. Но любопытно, что, искушая, дьявол сам иногда терял терпение и переходил от соблазна к насильственным действиям, так что сопротивляться искушению не всегда было безопасно. Цезарий

рассказывает плачевный случай об одном юноше, которого дьявол долго соблазнял вступить с ним в любовную связь, но так как честный малый упорно отказывался, то разозленный черт схватил его за волосы, поднял на воздух и ударил об землю с такой силою, что бедняга год спустя умер.

В высшей степени типичен в мучительстве, претерпенном богобоязненным юношею за верность целомудрию и божественной религии, заключительный аккорд пытки: что бес низверг его с высоты. Этот мотив бесконечно повторяется в легендах и признаниях одержимых демономанией истеричек и эпилептичек. Им полны протоколы старинных колдовских процессов, дневники современных психиатрических учреждений, а отсюда это впечатление смертоносного полета перешло в народную литературу, сказки, мистерии и т. д. В недавно вышедшей в свет книге Люи Меттерлинка «Péchés primitifs»,[{167}] имеющей своим предметом очерки по старобельгийскому искусству и фольклору, рассказывается, между прочим, «Belle histoire, très merveilleuse, et veritable, de Mariken de Nimègue, que vécut plus de sept ans avec un demon qui la séduisit» («Прекрасная, чрезвычайно удивительная, истинная история Марикен из Нимега, которая больше семи лет жила с демоном, ее соблазнившим»). Эта Марикен терпит от своего демона, имя которому Менен, всевозможные богопротивные понуждения, и когда Марикен остается столь же твердою в вере, свирепый Менен совершенно так же поднимает ее в воздух, «выше колоколен и домов», и сверху бросает ее на улицу, надеясь, что она сломит себе шею. Но Марикен падает как раз в центр церковной процессии, к ногам своего дяди, благочестивого священника, и т. д. и т. д… По всей вероятности, в страшных губительных полетах, почти непременно представляющихся воображению эпилептичек-демономанок, иллюзионируется память их действительного падения в момент припадка. Подобный же эпизод имеется в нашей русской «Повести о Соломонии Бесноватой».[14]

Когда же, наконец, прекращает это коварное, вкрадчивое обаяние греха свою роковую власть над человеком? Мы знаем одно: святой от нее не только не был избавлен, а, напротив, подвергался ее нападениям даже больше, чем грешники. Выход был один: когда человек покорял все свои инстинкты и подавлял в себе всякую энергию, когда, в усердии постов, бичеваний, бдения, молитв, он убивал свою плоть, затемнял память, погашал воображение, оцепенял разум, когда внутри себя он заживо обретал безмолвие и неподвижность смерти, — тогда и искушение погасало, как пламя, потухающее потому, что ему нечего больше сжигать. «Кто, как св. Симеон Столпник, простоял пятьдесят лет на капители колонны, тот вправе смеяться над всеми ухищрениями искусителя» (А. Граф).

Но многие ли достигли этого совершенства — обращения тела в камень и воли в полет как бы по одному узкому лучу, прямолинейно упирающемуся в однажды намеченную точку неба? Чаще бывали случаи, что великие аскеты на смертном одре все-таки еще просили окружающих женщин не прикасаться к ним, простодушно объясняя, что опасное дело приближать огонь к соломе.

Глава пятая

КОЗНИ ДЬЯВОЛА

Неутомимый устроитель всех бед и несчастий человечества: войн, болезней, голодовок, катастроф всякого рода, — смутитель и отравитель частной жизни, профессиональный мучитель людей, Сатана есть величайший лжец и обманщик во Вселенной — qualis rex, talis grex, — и таковы же его подручники и подданные. Обманы дьявола бывали ужасны. Один средневековый летописец повествует, как однажды дьявол явился в еврейской колонии о. Крит под видом Моисея и убедил уверовавших в него плыть с ним вместе в Обетованную землю. Но едва корабли, переполненные евреями, вышли в открытое море, как дьявол всех их утопил, вместе с народом, на них бывшим. Обещания и предсказания свои дьявол — преемник древних оракулов, в которых, впрочем, по мнению Церкви, он же пророчествовал под разными псевдонимами, — дает столь хитро и двусмысленно, что часто они обозначают совершенно иное и даже противоположное тому, чего ждет получивший обещание.

Иногда его обманы просто наглы и грубы: он щедро раздает своим поклонникам деньги, драгоценные камни, убирает стол их дорогими яствами, но в действительности это сухие листья, уголь, помет или что-нибудь еще хуже. Когда морока спадает, одаренные дьяволом всегда видят себя одураченными и попадают в скверные истории. На эту тему сложилось множество легенд и сказок как народных, так и вдохновленных ими искусственных, до Гоголева «Проклятого места»[168] включительно.

> «Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, что я вам принес! — сказал дед и открыл котел.
>
> Что ж бы, вы думали, такое там было? Ну, по малой мере, подумавши хорошенько, а? золото? Вот то-то, что не золото: сор, дрязг… стыдно сказать, что такое. Плюнул дед, кинул котел и руки после того вымыл.
>
> И с той поры заклял дед и нас верить когда-либо черту.

— И не думайте! — говорил он часто нам, — все, что ни скажет враг Господа Христа, все солжет, собачий сын! У него правды и на копейку нет!»

Когда человек вступал в договор с чертом, ему приходилось смотреть в оба, чтобы каждый пункт условия был яснее дня, ибо рогатый юрист мастерски привязывался к каждой недомолвке и двусмысленности и обращал ее в свою пользу. Знаменитый польский волшебник пан Твардовский,[169] воспетый Мицкевичем в юмористической балладе «Пани Твардовская», чуть было не пропал из-за такого промаха. По контракту своему с дьяволом он должен был отдать свою душу аду в Риме. Понятно, что, заключив контракт, «польский Фауст» поклялся, что никогда нога его не ступит за римскую черту. Но он позабыл написать: *в городе Риме*. И вот однажды, когда Твардовский пировал в какой-то корчме, из кубка выскочил черт:

А, Твардовский?! Встретить братца
Мне приятно, дорогой!
Что? Со мной не хочешь знаться?
Мефистофель пред тобой!

Договором нас связала
В полночь Лысая гора.
Дней с тех пор прошло немало,
Рассчитаться б нам пора!

Клялся ты на коже бычьей,
Что спустя два года сам
В Рим придешь свершить обычай,
То есть выдашь душу нам.

Ад служил тебе исправно,
Не жалел ни чар, ни сил,
Семь годков ты пожил славно,
Но о Риме позабыл.[170]

Твардовский успел выкрутиться из скверного положения, но многие другие контрагенты дьявола погибали в подобной ловушке. Между ними — папа Сильвестр II (Герберт): по тем же причинам, как

Твардовский от Рима, он отлынивал от Иерусалима, но однажды, отслужив мессу, он увидал пред собою дьявола, который заявил ему, что придел, в котором он служил, носит название Иерусалима, а потому не угодно ли его святейшеству расплатиться по контракту? И уволок бедного папу в ад…

Tu non pensavi che io loico fossi?

Впрочем, и помимо договоров с дьяволом подобные предсказания о месте смерти, разрешавшиеся трагическим каламбуром, сыграли печальную роль в жизни многих исторических людей.

Король Генрих

Как называют комнату, в которой
Я в первый раз лишился чувств?

Варвик

Ее
Зовут Иерусалимом, государь.

Король Генрих

Хвала Творцу! там встречу я кончину;
Мне предсказали, помните, давно,
Что будто я умру в Иерусалиме;
Я думал все, что это в Палестине,
Но вышло иначе. Перенесите
Меня туда и положите там,
Чтоб Генрих встретил смерть в Иерусалиме.
(Шекспир. Генрих IV, ч. 2)

Иногда такое неопределенно-условное место заменяется в договоре столько же неопределенным условным сроком:

Фауст

Ну, по рукам!
Когда воскликну я: «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» —
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля, разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я —
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня!
(Гёте. Фауст)

Как известно из второй части «Фауста», такого реального удовлетворения Мефистофель доктору Фаусту не дал и попробовал поймать его на формальном крючке:

В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Но небеса не принимают этой уловки, контракт оказывается невыполненным с дьявольской стороны, и — молитвами великой покаянницы, при жизни Гретхен — душа Фауста получает свободу и возносится в райские селения…

Страсть Сатаны досаждать людям и всячески издеваться над ними доводит его до того, что он, подобно лисице, опустошает курятники или вдруг возьмет да выпьет в чьем-либо погребе все вино. Св. Маранда[{171}] бес донимал, стаскивая с него одеяло, св. Гудулу[{172}] — туша ночник, когда она стояла на молитве, св. Теодеберта — опрокидывая подсвечник (чего так не любил лесковский «очарованный странник»), св. Франческу Римскую — насыпая мух ей в воду для питья. Его дело — украсть у монаха рясу, запрятать молитвенник, набросать гадостей в суп. У монахов св. Дунстана[{173}] он тащил решительно все со стола. Когда ученики св. Бенедикта строили монастырь, они никак не могли сдвинуть одного нужного им камня, потому что на нем сидел смеющийся над ними бес. Он уступил только вмешательству самого святого. Любимым же его издевательством — самым наглым и грубым, но, увы, довольно частым — было свести влюбленную парочку на запретное свидание и в момент преступных объятий связать их — на позор людской — в неразрывность (А. Граф).

Когда Гамлет колебался, убить ли ему дядю и отчима своего Клавдия в отмщение за убитого отца, в числе его сомнений было и такое:

Дух — мог быть Сатана; лукавый властен
Принять заманчивый, прекрасный образ;
Я слаб и предан грусти; может статься,
Он, сильный над скорбящею душой,
Влечет меня на вечную погибель.

Эта сила Сатаны над скорбящею душою отдавала во власть его всех меланхоликов, и оттого-то он был так страшен для святых, с их отвращением к веселости и любовью к скорби по человечеству.

Очень трудно выразить по-русски ту разницу между двумя видами бесовского воздействия на человека, которая в латинском языке коротко определяется словами obsessio и possessio. Первая обозначает предрасположение человека к атакам дьявола извне — собственно говоря, это высшая форма искушения. Possessio — одержимость бесом, бесноватость, проникновение беса внутрь человека. Гамлет, равно как и заливавшиеся слезами святые, были жертвами obsessionis, но это не значит, что они были одержимы: напротив, философия и святость исключают возможность бесноватости.

На язык современной психиатрии obsessio можно перевести паранойей на истерической почве, с бредом преследования. Подверженный демоническому натиску человек страдал от демона, даже когда его не видал. Он чувствовал беса незримым в воздухе, и это злое присутствие его удручало и волновало, наполняло тревогою и страхом. Люди чувствовали себя в жизни как в лесу, полном свирепыми разбойниками, которые вот-вот выскочат из-за кустов и совершат неслыханные злодейства. Уже говорено было о том, что присутствие демона наводит на человека тоску и страх. Маргарита не выносила Мефистофеля как человека и в конце концов узнала-таки в нем беса:

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Мало-помалу незримое присутствие беса переходит в зримое. Он начинает пугать свою ослабевшую жертву, являясь ей в собственном виде или в какой-либо чудовищной метаморфозе. Великолепное изображение такого obsessionati мы имеем в тургеневском «Рассказе о. Алексея». Личному появлению беса может сопутствовать или предшествовать какой-либо специфический шум, обусловленный начинающимися галлюцинациями и иллюзиями слуха. Бесконечное число подвижников, начиная св. Антонием,[174] слышало демонов ревущими как львы, воющими как волки, кричащими как орлы, шипящими как змеи. К келье св. Маргариты Кортонской[175] они приходили петь похабные песни. Других осыпали дикими оскорблениями, свирепою бранью, ужасными угрозами. Измучив зрение и слух, дьяволы убегали, поразив на прощанье и обоняние, потому что оставляли по себе такой отвратительный запах, какого не в состоянии устроить никакая химическая обструкция на земле. Иногда бесы набрасываются на неодушевленные предметы, швыряя их и портя, чтобы нанести убытки хозяевам, но это их система — против мирян, так как для монахов, защищенных обетом нищеты, уроны собственности предполагаются малочувствительными. Поэтому в домашнем обиходе подвижников бес трогает неодушевленные предметы только тогда, когда чрез то может непосредственно повредить его душе или телу. Так, св. Авраамия бес лишил крова, разрушил его келью, а в другой раз поджег под ним циновку. В трагедии Юлиуша Словацкого[176] «Лилла Венеда», очаровательно смешивающей веселый юмор с величайшим патетизмом, все эти подвиги совершает от имени дьявола слуга св. Гвальберта, плутоватый Сляз.

Святой Гвальберт

Мошенник, ты мне келью сжег.

Сляз

Не я,
Сжег келью Дьявол… я же, честный отче,
Тебя искал, чтоб жалобу принес на Дьявола…[177]

Пять лет подряд дьявол мучил св. Ромуальда,[178] каждую ночь садясь ему на ноги и на ступни. Святому Эгидию дьявол однажды

вспрыгнул на плечи и так прицепился, что святой долго не мог его стрясти: случай, который в наши дни повторился с несчастным Владимиром Соловьевым.[179]

Наоборот, бегинку Гертруду Аостскую[180] он носил по воздуху, равно как св. Франческу Римскую, которую вдобавок держал за волосы над жаровнею с раскаленными углями. Эту подвижницу он вообще мучил как-то особенно виртуозно. Так, однажды он неизвестно зачем привязал ее к полусгнившему трупу и катал по земле, как вязанку хвороста. Блаженную Христину Стоммельнскую[181] пачкал нечистотами. У св. Симеона Столпника Младшего[182] вырвал клок бороды. Св. Эверарда[183] бил по лицу беспрерывно день и ночь от Страстной пятницы до Троицына дня, значит, 52 дня подряд. Св. Николая di Rupe опутал ежевикою.[184] В св. Романа, Лупициния[185] и Дунстана швырял камнями. Св. Антония ватага дьяволов избила палками до полусмерти. На св. Ромуальда, когда он однажды запел какой-то особенно ненавистный дьяволам псалом, посыпались такие полновесные удары, что знаки их сохранились на всю жизнь. Св. Колету дьяволы не только били до беспамятства, но еще подбрасывали ей в келью трупы висельников. В Толентино хранилась, а может быть, и посейчас хранится узловатая дубинка, которою дьявол колотил местного святого Николая Толентинского.[186] Св. Иоанна di Dio[187] («человека Божьего») дьявол не сконфузился избить в расцвете культурного и скептического XVI века! Чему же, впрочем, удивляться, если и России еще в конце XIX века черти седлают философов!

От побоев они переходят к угрозам против жизни. Это испытали: Франческа Римская, Моисей Эфиоплянин,[188] Катерина Шведская;[189] св. Вильгельма Роскильдского[190] черти чуть не сожгли в постели, св. Альферия,[191] основателя знаменитого монастыря в Каве (della Cava), спихнули с горы; пробовали удавить св. Антония Падуанского; на св. Доменика[192] уронили камень из церковного свода. Иногда безобразия дьяволов возмущали небесные силы, и они приходили на помощь мученикам, хотя, замечает А. Граф, помощь эта в католических легендах похожа на вошедшую в пословицу помощь Пизы. Так, однажды дьявол — кстати, в Пизе же — бил блаженную Герардеску, таскал ее по земле, топил в Арно; наконец, когда не только жертва, но и мучитель выбились из сил, явились ангелы и, в свою очередь,

побили дьявола. Можно себе представить, что претерпевала св. Христина Стоммельнская, которую мучили 200 000 чертей! Спасать русскую Соломонию Бесноватую святые явились только на одиннадцатый год ее невыносимых мучений и всяческого глумления и позора, каким «скверняху» ее демоны. Про одного священника в Кёльне Цезарий сообщает, что черти преследовали и тиранили его даже в отхожем месте. Вообще можно по пальцам пересчитать святых людей, которые никогда не были жертвами дьявольского забиячества и насилия. Одним из таковых был св. Николай, патрон города Трани:[193] хотя он умер от побоев, но не дьявола, а одного епископа.

Католические священники относят к области obsessions все так называемые медиумические явления. Замечательные наваждения этого типа терпел протопоп Аввакум.

> «А егда еще я попом был, с первых времен, егда к подвигу стал касатися, тогда бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел в церковь по книгу с вечера глубоко нощи, по чему исповедывать больную. И егда пришел на паперть, столик маленкой тут поставлен, поскакивает и дрожит бесовским действом. И я устрашася, помолясь пред образом, осенил ево рукою, и пришед поставил ево на месте. Так и перестал скакать. И егда я вошел в трапезу, тут иная бесовская игрушка. Мертвец на лавке стоял в трапезе, непогребеной; и бесовским действом верхняя доска раскрылась, и саван стал шевелитца на мертвом, меня устрашая. Аз же, помолясь Богу, осенил мертваго рукою и бысть по-прежнему паки. Егда же вошел в олтарь, ано ризы и стихари шумят и летают с места на место: дьявол действует, меня устрашая. Аз же, помоляся и престол поцеловав, благословил ризы рукою, и, приступив, их пощупал: оне висят по-старому на месте. Аз же взяв книгу и вышел из церкви с миром. Таково то бесовское ухищрение к человеком».

Грешники терпели от дьяволов при жизни много меньше и даже иногда получали от них любезности, но бывало и то, что еще заживо приходилось расплатиться за порочность свою, потерпев от дьявола чудовищные муки.

Всего опаснее было демонское искушение в смертный час. Тут уже дьявол не разбирал, кто грешник, кто святой. Он был уверен, что

смерть — верное орудие, пред которым и святой спасует. Более того: по средневековой легенде, он простер дерзость свою до того, что присутствовал на Голгофе при распятии Спасителя, рассчитывая повторить искушение, с которым потерпел неудачу в пустыне. В виде хищной птицы он же уселся было на самый крест. Присутствие демонов у смертного одра человека решительно подтверждает в 858 году епископ Реймский и Руанский в письме к Людовику Германскому.[194] Цели такого присутствия разнообразны. Во-первых, дьявол рассчитывает помешать раскаянию умирающего. Во-вторых, захватить душу, обреченную аду, на отлете и без всякого промедления. В-третьих, человеку, за душу которого предвидится большой спор с добрым началом, предложить в час смертного страха дьявольские свои услуги, за уже несомненную и бесспорную продажу души. В четвертых, они просто любили мучить человека предсмертным ужасом и отягчать агонию. Тысячи тысяч христиан испытывают, умирая, эту пытку, незнакомую людям античного мира, — что в смертный час комната больного переполняется угрожающими чертями, которые тянутся к одру его жадными когтями. Гениальною художественною передачею этого поверья, точно схватившею дух его и в то же время сохранившею краски строгой реальности, является сцена смерти епископа Никласа в ибсеновых «Претендентах на корону».[195] В ожидании лютой борьбы за душу умирающего Фауста Мефистофель заранее окружает его всякою нежитью (Lemuren), а когда Фауст падает мертвым, вызывает к трупу его из ада целые полчища чертей. Умирающие часто не только видят дьяволов, но и вступают с ними в физическую борьбу: так было с Людовиком Благочестивым,[196] св. Катериною Сиенскою[197] и множеством других. Русская художественная литература имеет для этого сильную картину: смерть дьявола Ахиллы в лесковских «Соборянах».

> «Ученый протопоп благословил умирающего, а Захария пошел проводить Грацианского и, переступив обратно за порог, онемел от ужаса:
>
> Ахилла был в агонии, и в агонии не только страшной, как поражающей: он несколько секунд лежал тихо и, набрав в себя воздуху, вдруг выпускал его, протяжно издавая звук: у-у-у-х! причем

всякий раз взмахивал руками и приподнимался, будто от чего-то освобождаясь, будто что-то скидывал.

Захария смотрел на это цепенея, а утлые доски кровати все тяжче гнулись и трещали под умирающим Ахиллой, и жутко дрожала стена, сквозь которую точно рвалась на простор долго сжатая стихийная сила.

— Уж не кончается ли он? — хватился Захария и метнулся к окну, чтобы взять маленький требник, но в это самое время Ахилла вскрикнул сквозь сжатые зубы:

— Кто ты, огнелицый? Дай путь мне!

Захария робко оглянулся и оторопел, огнелицего он никого не видал, но ему показалось со страху, что Ахилла, вылетев сам из себя, здесь же где-то с кем-то боролся и одолел…»

Умирать при подобных условиях было жутко и трудно. Когда в 1524 году Доменик Капраника, епископ в Фермо, издал книгу, в которой собраны были из предшествующих веков наилучшие поучения на час смертный, то этот том под титулом «Ars Moriendi»[198] («Искусство умирать») имел колоссальный успех и выдержал не менее изданий, чем в XIX веке «Как живут наши умершие и как мы будем жить по смерти» монаха Митрофана: одно из немногих русских сочинений, переведенных на все европейские языки.

Силою искушения дьявол преследует умирающего до последней минуты. В Лорето он ворвался к одному больному юноше, уже получившему от духовника напутствие из сей жизни в вечную, под видом женщины, в которую бедняга был страстно влюблен.

— Неужели ты покинешь меня, любовь моя? — вопил он, ломая руки.

Умирающий, видя отчаяние своей любовницы, собрал последние силы и твердо сказал:

— Никогда я не покину тебя, моя дорогая.

На этом слове он умер, а дьявол подхватил его душу и унес в ад. Это, очевидно, был очень нечестный черт. «Le diable amoureux» у знаменитого Казота,[199] вынуждавший у любовника слова: «Я люблю тебя, мой дьявол!», был гораздо порядочнее. Он хотя прятал под масками то хорошенькой танцовщицы, то красивой собачки-болонки чудовищные формы получеловека-полуверблюда, но не скрывал своей

дьявольской натуры и желал быть любимым в качестве подлинного дьявола, а не как заимствованный призрак женщины. Фламандская легенда о милосердной Жанне, обработанная мною в сатирическую сказку, повествует о девушке, которую дьявол поймал на жалости, показав ей сперва, каким он был до падения, а потом — каким отвратительным стал он теперь, и уверив доверчивую бедняжку, что своею любовью она приведет его к раскаянию, а следовательно, и возвратит ему прежнее великолепие…

В систему дьявола входило внушать умирающим, что грехи их превышают меру небесного долготерпения, что раскаиваться поздно и не стоит — все равно Бог не простит, потому что простить нельзя. Будя в памяти умирающего все совершенные грехи, дьявол легко доводил его до отчаяния, и в таком состоянии, равносильном вечному осуждению, уходил он в вечность.

Если дьявол знал наверное, что душа будет присуждена ему, он часто не стеснялся прикончить умирающего. Преподобный Бэда[200] и Пассаванти рассказывают об одном английском рыцаре, которого, как скоро он на смертном одре отказался от исповеди, пришедшие два дьявола изрезали на кусочки: один кромсал его с головы, а другой — с ног. Цезарий упоминает о дьяволах-воронах, которые клювами вырывают у грешников душу из сердца. Это напоминает русские и германские сказки о воронах — железных носах и демонического Морского Ворона великолепной гейневской баллады. Галлюцинации предсмертного бреда необычайно часто показывают больших страшных черных людей с огненными глазами, воронов и коршунов, летающих по комнате, змей, висящих с потолка, жаб, скачущих по полу. Св. Григорий Великий рассказывает о юноше, которому в предсмертной агонии казалось, будто его раздирает ужасный дракон. Когда умирал папа Александр VI Борджиа,[201] пришедший за ним дьявол прыгал вокруг него по мебели в виде обезьяны. Часто умирающие слышат ужасный рев адских жерл, шум и грохот огромных котлов, стук молотков, звон цепей, звяканье клещей и других орудий пытки и отчаянный вой грешников.

Говорят, ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду:

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза,
Эфиопы — видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут…
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестикрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол…
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел….[202]
(Некрасов)

Но гораздо более выгодною, чем напущение, была для беса одержимость (possessio). Если в первом случае дьяволы напоминают солдат, осаждающих крепость, то во втором — солдат, которые взяли крепость, перебили гарнизон и сами стали гарнизоном. Жертва напущения, как бы ни мучилась, сохраняет волю. Одержимый или бесноватый именно воли-то и лишается. Он творит волю беса, в нем сидящего, пропитавшего собою и тело его, и душу, так что последняя, если заклинания Церкви не освободят ее от демонской власти, непременно должна пойти в ад.

Выше было уже говорено, что вселение дьявола в душу — трудно понимаемый процесс и загадка. Св. Ильдегарда[203] (1100–1178) утверждает, что дьявол не проникает в душу собственным своим существом, но только помрачает ее своею тенью, наподобие того как при лунном затмении Луна погружается в конус тени, бросаемой

Землей. Но это мнение не было популярно. Больше верили в действительное проникновение и смешение двух духовных начал. Процесс вселения осуществлялся иногда с молниеносной быстротой. Образцом может быть Доника в известной балладе Соути, переведенной Жуковским. В Донику, дочь Ромуальда, вселился бес очарованного озера, над которым стоял замок ее отца.

…Был вечер тих, и небеса алели;
С невестой шел рука с рукой
Жених; они на озеро глядели
И услаждались тишиной.

<…>

Все было вкруг какой-то полно тайной;
Безмолвно гас лазурный свод;
Какой-то сон лежал необычайный
Над тихою равниной вод.

Вдруг бездна их унылый и глубокий
И тихий голос издала:
Гармония в дали небес высокой
Отозвалась и умерла…

При звуке сем Доника побледнела
И стала сумрачно-тиха;
И вдруг… она трепещет, охладела
И пала в руки жениха.

Оцепенев, в безумстве исступленья,
Отчаянный он поднял крик…
В Донике нет ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый лик.

<…>

И были с той поры ее ланиты
Не свежей розы красотой,
Но бледностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

В ее глазах, столь сладостно сиявших,
Какой-то острый луч сверкал,
И с бледностью ланит, глубоко впавших,
Он что-то страшное сливал.

Ласкаться к ней собака уж не смела;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядела
И выла жалобно вдали.[204]

Чтобы ворваться в слабо защищенную душу, дьяволы пользовались не только малейшим вольным грехом, но всякою невнимательностью, вводившею в грех невольный. Дитя хочет пить. Дьявол подсовывает ему кружку воды и сам в нее ныряет. Бедное дитя пьет, позабыв перекреститься, и вот — бес уже в нем. Это рассказ св. Цельза.[205] В житии св. Бонания,[206] аббата в Люцедио, повествуется о родильнице, которая таким же способом проглотила дьявола по имени Фумарета (Fumareth). Св. Григорий Великий знал монахиню, съевшую демона в листке латука. Если человек жил во грехе, от бесноватости не могли его спасти никакие святые прибежища, ни убежища. В житии св. Констанца, архиепископа Кентерберийского, рассказывается случай, как бес вселился в молодого монаха в то самое время, когда он читал за литургией Евангелие. Сын отца Алексея в известном рассказе Тургенева окончательно схвачен преследующим его бесом в момент еще более священный:

> «Слушай, говорит, батька. Хочешь ты знать всю правду? Так вот она тебе. Когда, ты помнишь, я причастился — и частицу еще во рту держал — вдруг *он* — (в церкви-то это, белым-то днем!) стал передо мною, словно из земли выскочил, и шепчет он мне (а прежде никогда ничего не говаривал)… — шепчет: выплюнь да разотри! Я так и сделал: выплюнул — и ногой растер. И стало быть, я теперь навсегда пропащий — потому что всякое преступление отпускается — но только не преступление против Святого Духа…»

Все некрещеные предполагались одержимыми бесом с момента рождения. Видали, как бес выходил у них из уст в момент, когда их погружали в купель или возливали на них освященную воду. Это весьма наивно увековечено на старинных картинах. Поэтому

недоконченное или неправильно совершенное крещение было тяжким преступлением, потому что влекло за собою ужасные последствия для крещаемого, оставляя его во власти дьявола. Так, наша знаменитая демономанка XVII века Соломония Бесноватая очутилась во власти «чернородных демонов», потому что была крещена пьяным попом, который «половины крещения не исполнил». Любопытное народное поверье рассказал Лажечников в «Ледяном доме». Муж трудной роженицы скачет к попу «за молитвою». Поп сам не поехал, а прочитал молитву «в шапку» мужику: поезжай, мол, и вытряси над женою. На обратном пути мужик встретился с чертями в виде проезжих, которые так раздразнили его, что он в сердцах сорвал с себя шапку и швырнул ею в своих обидчиков. Чертям только того и надо было. Молитва, начитанная попом, из шапки вылетела, а бесы вселились на ее место. Злополучный мужик, не подозревая коварного подмена, добросовестно вытряс шапку над женою и сам вселил таким образом легион чертей как в жену, так и в новорожденную дочку… Массилиане, еретики IV века, постоянно плевали, чтобы выплевать как можно больше дьявола, которого предполагали внутри себя. В «Откровениях» св. Бригитты говорится, что дьявол сидит в сердце человека, как червь в яблоке, в детородных частях, как кормчий на корабле, между губ, как стрелок с натянутым луком. Таким образом, даже и у крещеных тело давало много приюта дьяволу. Когда бесноватость поражала человека не сразу, а постепенно, проходя предварительно как бы некоторый инкубационный период, то местом для последнего, как признался в том папе Льву IX[207] сам дьявол, было тело. Засев в нем, дьявол сперва одолевал его ленью, обжорством, сонливостью, а уже потом бросался в душу. Вероятно, именно поэтому многих бесноватых легко излечивали не только молитвы и заклинания, но и хороший прием слабительного и диета или, напротив, улучшение в пище.

Но истинно благочестивые правоверы принимали эти средства как грубые, материальные и недостойные религиозного, а уж тем более святого человека. Едва ли не в каждом монастыре когда-либо однажды разыгрывались сцены, подобные той, которую Достоевский типически прозорливо поместил в «Братьях Карамазовых» — у гроба старца Зосимы:

«— Чесо ради пришел еси? Чесо просиши? Како веруеши? — прокричал отец Ферапонт юродствуя, — притек здешних ваших гостей изгонять, чертей поганых. Смотрю, много ль их без меня накопили. Веником их березовым выметать хочу.

— Нечистого изгоняешь, а может сам ему же и служишь, — безбоязненно продолжал отец Паисий, — и кто про тебя сказать может, „свят есмь“? Не ты ли, отче?

— Погань есмь, а не свят. В кресла не сяду и не восхощу себе аки идолу поклонения! — загремел отец Ферапонт. — Ныне люди веру святую губят. Покойник, святой-то ваш, — обернулся он к толпе, указывая перстом на гроб, — чертей отвергал. Пурганцу от чертей давал. Вот они и развелись у вас как пауки по углам. А днесь и сам провонял. В сем указание Господне великое видим.

А это и действительно однажды так случилось при жизни отца Зосимы. Единому от иноков стала сниться, а под конец и наяву представляться нечистая сила. Когда же он, в величайшем страхе, открыл сие старцу, тот посоветовал ему непрерывную молитву и усиленный пост. Но когда и это не помогло, посоветовал, не оставляя поста и молитвы, принять одного лекарства. О сем многие тогда соблазнялись и говорили меж собою, покивая главами, — пуще же всех отец Ферапонт, которому тотчас же тогда поспешили передать некоторые хулители о сем „необычайном“ в таком особливом случае распоряжении старца».

Вселяться могли бесы как одиночно, так и множеством. О легионе бесов, исшедшем из одержимого в стадо свиное, мы знаем еще из Евангелия. Григорий Великий рассказывает об одной даме, которая, будучи должна присутствовать при освящении храма Св. Себастьяна, была столь нечестива и неосторожна, что в ночь перед тем увлекла мужа к любовным ласкам. Едва она вошла в храм, как ею овладел бес, перешедший, однако, после заклинаний в одного священника, неизвестно чем повинного. Больную отвели домой и поручили долечивать ее каким-то плохим заклинателям, по неискусству которых в нее вселилось уже 6666 новых бесов! И отступила эта адская дивизия только пред молитвами некоего святого инока, по имени Фортуната.

Эта причина часто наводит бесноватость. Один из пациентов протопопа Аввакума был наказан бешенством также за то, что

соблудил с женою в праздник.

Служанка его Анна подверглась мукам от бесов, влюбившись в своего прежнего господина. По Аввакуму, за малейшее «нарушение церковных правил, иногда чисто мелочных внешних предписаний благочестия, за работу в праздник, за лень в молитве и т. д. насылаются на человека бесы. Бесы насылались на самого Аввакума: раз за то, что он променял на лошадь книгу, данную ему Стефаном Вонифатьевым, в другой раз за никонианскую просвиру».

В одной бесноватой пациентке св. Убальда[208] сидело 400 000 бесов. И наоборот, один дьявол мог вселиться в нескольких человек. Все это узнавалось легко, так как дьявол на вопросы заклинателей обыкновенно называл свое имя и указывал причину и способ, как он вселился в свою жертву.

Одержимость проявлялась сложностью явлений, странно и чудесно наполнявших и изменявших как физический, так и психический строй человека. Замечались чудовищные извращения физиологических функций, начиная с питания. На одних одержимых нападала сверхъестественная прожорливость. Так, историк Феодорит[209] (V век) сообщает о бесноватой женщине, которая ежедневно поедала 30 штук цыплят. Другие страдали извращением аппетита и пожирали мерзости, которые, действительно, разве дьяволу могли быть по вкусу. Таков у Шекспира «бедный Том, что ест змей и ящериц, пьет стоячую воду, глотает крыс» («Король Лир»). Третьи, наконец, в противоположность первым, выражают глубокое отвращение к какой бы то ни было пище и без малейшего видимого вреда для себя остаются без всякого питания в течение многих дней.

Любопытный случай бесноватости, так сказать каталептической, сообщает из практики своей протопоп Аввакум. «Была у меня в дому молодая вдова, — давно уж, и имя ей забыл! помнится, Евфимиею звали, — ходит и стряпает — все делает хорошо. Как станет в вечер правило начинать, так ее бес ударит о землю, омертвеет вся и яко камень станет, кажется, и не дышит — растянет ее на полу и руки и ноги, — лежит яко мертва. Я „О всепетую“ проговоря, кадилом покажу, потом крестом положу ей на голову и молитвы Великого Василия в то время говорю: так голова под крестом свободна станет, баба и заговорит; а руки, и ноги, и тело еще каменно. Я по руке поглажу крестом: так и рука свободна станет; я также по другой: и

другая освободится так же; и я по животу: так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды гладить. Думаю, думаю, да и ноги поглажу: баба и вся свободна станет. Воставше, Богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки не бес ништо в ней был, много время так в ней играл».

Вместе с тем дьявол играет больным, как своею куклою. То увеличивает его силы во сто раз, то наводит на него обмороки и каталепсию, то поднимет его над землею и качает в воздухе, то швыряет на землю; перегибает пополам, ставит вверх ногами, скручивает клубком, заставляет вертеться волчком, кататься обручем, кувыркаться, извиваться, проделывать тысячи странных, диких, смешных и страшных движений, которые XIX век объясняет истеро-эпилепсией и болезненным состоянием нервных центров. «И по мале времени, — рассказывает автор повести о Соломонии бесноватой, — они окаяннии демони пришедше; бывши ей единой в дому отца своего, и начаша ея бросати он демон во един угол храмины, ин такоже во иной угол, ов на палати, ин же на печь, и тако мучаху ея многи часы, и взяша некое уже и привязавше за шию ея, и взяша камень жерновый, и воздевше на уже и положиша на лице, и на перси ея, и на столе прорезаны диру, и тут же воздевше, и повесивше ея совсем к стропу храмины. Слышавше же соседи над нею бывшее, и поведаша отцу ея; он же пришед, и не виде никого же во храмине, токмо ея едину лежащу, и уже и а выи ея, и камень, и стол, и не веде она, како отрешися от верху храмины, бывши ей аки мертве на много часы от того мучения, и едва прочнуся». И тут повествователь дает замечательную подробность — о постигшей Соломонию истерической анестезии: «видеша тело ея все избито, посине, а болезни она никако же чюяше». Заставляет жертву свою лаять собакою, мычать быком, каркать вороном, шипеть змеею, вопить как душа в аду, и часто выбрасывает через рот одержимого знаки своего присутствия: огонь и зловоннейший дым. Все эти симптомы, за исключением последнего, угасшего вместе со Средними веками, можно и сейчас слышать на сельских храмовых праздниках от кликуш, а в клиниках — от истеричек и эпилептиков. Так маялась Соломония Бесноватая, когда повезли ее в Устюг Великий, и увеличила она собою там число мечущихся по церквам и, прерывая богослужение, по-звериному вопящих кликуш: «и стояще во церкви во время божественныя литоргии, и на святем евангелии, и на великом сходе, и на

приношении, и на спрошении, и они, окаяннии демони, в ней живуще, пометаху ея о помост церковный. Людем же зрящим, мнеща ей от метания мертве быти; окаяннии же демоны яко свинии визжаще, и стонуще, и иными многими гласы всем в слух слышати; утроба же ея в то время велми надымаяся и зле мучима; едва во ум прихождаше».

Одни одержимые, в когтях дьявола, быстро приобретали тощий вид, как бы остекленные глаза, землянистый цвет лица, худобу и дряблость тела. Других, наоборот, дьявол сохранял в самом цветущем виде.

Еще резче изменялась психика больного. Он совершенно терял свою личность и находил ее лишь изредка, в светлые промежутки, да и то очень слабо, безвольно. Вместо одной души в нем сидело ведь теперь несколько душ: своя плюс то количество демонов, которое в нем уместилось. Вместо целой волевой личности получалось слияние двух, трех, десятков, сотен, тысяч, чуть не миллионов воль, в потопе которых воля больного распылялась, как дробь с подавляюще громадным знаменателем.

Бесноватые обыкновенно проявляли глубокое нравственное развращение, которое в Средние века определялось прежде всего неуважением к религии. Они хулили Бога, Святую Деву и святых, смеялись над догматами веры и обрядами культа, выражали отвращение к таинствам Церкви, священникам. Будучи во власти отца лжи, одержимые обыкновенно отчаянно лгали, а иногда, наоборот, вдруг ни с того ни с сего начинали говорить правду, о которой их никто не спрашивал и которая даже шла прямо во вред дьяволу, в них сидевшему и говорившему их устами. Так, одни одержимые весьма красноречиво проповедовали против идолопоклонства и ересей; другие указывали, где найти такие-то и такие-то еще неизвестные мощи; третьи обличали тайные пороки и таковые же добродетельные деяния своих ближних; четвертые сами называли лицо, которое в состоянии выгнать из них Сатану. Не надо думать, чтобы одержимость соединялась непременно с атеизмом или вольномыслием, — напротив, ей весьма часто подвергались люди вполне религиозные и даже ханжи, сохранявшие свое святошество даже на фоне своих бесовских припадков.

Умственные способности бесноватых то понижены и приподняты, то приподняты и обострены; одни одержимые немели, как рыбы,

другие становились невероятно болтливы. Бесчисленное множество их говорило на языках, которых они никогда не изучали. Другие получали прозорливость — открывали самые сокровенные тайны, указывали, где искать потерянные либо украденные вещи, рассказывали события, происходящие в дальних странах, как будто видели их своими глазами, иногда даже предсказывали будущее. О бесцеремонной их манере обличать грехи своих заклинателей было уже говорено. Непочтительность к недостойным заклинателям бес, как известно, проявил еще в апостольский век.

> «Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома» (Деяния Апостолов, 19: 13–16).

В русской старине заклинания бесов подробно и с наивною простотою глубокой веры описаны протопопом Аввакумом, много их практиковавшим. По его словам, бес выходит из-под власти заклинателя, как скоро этот последний не чувствует себя в момент заклинания безупречным от греха, хотя бы и не весьма значительного. «Да у меня ж был на Москве бешаной, — Филиппом звали, как я ис Сибири выехал. В углу в избе прикован к стене: понеже в нем был бес суров и жесток, бился и дрался, и не смели домашние ладить с ним. Егда же аз грешный и со крестом и с водою прииду, повинен бывает, и яко мертв падает пред крестом, и ничего не смеет делать надо мною. А в дому моем в то время учинилося нестройство: протопопица с домачадицею Фитиниею побранились, — дьявол ссорил не за што. И я пришел; не утерпя, бил их обеих и оскорбил гораздо в печали своей. Да и всегда такой я, окаянной, сердит, дратца лихой. Горе мне за сие: согрешил пред Богом и пред ними. Таже бес в Филиппе вздивьял и начал кричать и вопить и чепь ломать, бесясь. На всех домашних ужас нападе и голка бысть велика зело. Аз без исправлениях приступил к нему, хотя ево укрепить, но бысть не по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть всяко; яко паучину, терзает меня, а сам говорит:

попал ты в руки мне! Я токмо молитву говорю, да без дел и молитва не пользует ничто. Домашние не могут отнять, а я сам отдался. Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но, — чуден Господь! — бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: не боюсь я тебя! Так мне стало горько зело: бес, реку, надо мною волю взял. Полежав маленько, собрался с совестью, вставше, жену свою сыскал и пред нею прощатца стал. А сам ей, кланяяся в землю, говорил: согрешил, Настасья Марковна, прости мя грешнаго. Она мне также кланяется. Посем и с Фетиниею тем же подобием прощался. Таже среде горницы лег и велел всякому человеку себя бить по пяти ударов плетью по окаянной спине: человек было десяток, другой, — и жена, и дети стегали за епитимию. И плачу: бедные и бьют, а я говорю: аще меня кто не биет, да не имать со мною части и жребия в будущем веце. И оне нехотя бьют, а я ко всякому удару по молитве Исусовой говорю. Егда же отбили все, и я, встав, прощение пред ними ж сотворил. Бес же, виде беду неминучую, опять ис Филиппа вышел вон. Я Филиппа крестом благословил, и он по-старому хорош стал».

Так как в Московской Руси нравственный уровень духовенства стоял очень невысоко, то почти каждая практика заклинателя сопровождалась скандалами бесов-сатириков и обличителей. «Ох вы, пожиратели! — кричал попам дьявол, бушевавший в Москве „у Спаса на Куличках“. Ну, где вам справиться со мною? Сами пьяны, как свиньи, а хотели меня выгнать…» Дьяволы, которые одержали Соломонию Бесноватую, также наговорили неприятных правд попам, явившимся их заклинать из Устюга Великого, привели духовенство в стыд и заставили замолчать: «и каков человек в каких речах оспорит их, или учнет бранить, и они, окаяннии враги, всяких людей бранящие и обличающе всякими греховными виды, кто что сотворил каков грех, и обнажающе совесть всякого человека, и много прящеся отхожаху».

Одержимость была распространена между женщинами гораздо больше, чем между мужчинами. Иногда она распространялась как заразная болезнь, эпидемически. Первый бесноватый или бесноватая становились очагами, разливавшими вокруг себя адское пламя, и в короткое время оно охватывало целые деревни, даже округа, а еще чаще монастыри, и в особенности женские. Достаточно вспомнить общеизвестный религиозно-политический процесс урсулинок в Лудене, в котором кардинал Ришелье свел свои счеты с священником

Урбэном Грандье, отправив его на костер как волшебника, вселявшего Сатану. Это дело XVII века[210] особенно громко только потому, что оно было уже из последних, и гуманность века была возмущена несправедливостью и наглым цинизмом, с которым Ришелье эксплуатировал в свою пользу пережитки уже разрушенного суеверия. Раньше же подобные эпидемии насчитываются десятками случаев. Интересующиеся могут найти их, — чтобы не рыться в старинных книгах, сохранившихся только у любителей, да в национальных и академических библиотеках, — у Кальмейля,[211] в его классическом труде «De la folie etc». Сочинение это, при всей устарелости своих психологических взглядов и психиатрических методов, остается наиболее полным как исторический свод и обзор демономанической казуистики. В высокой степени замечательное явление представляли собою эпидемии танцев, разливавшиеся по городам Европы с силою, которая легко могла показаться сверхъестественною. Гейне когда-то хотел написать балет «Танцующая Женева». Но такие противовольные балы пережило множество городов. В последних двух десятилетиях XVII века эта бесовская эпидемия волною прокатилась едва ли не по всей Германии. Она отнюдь не умерла и по настоящее время, но массовыми и наиболее выразительными явлениями ее овладела религия, в представительстве экстатических сект, провозгласивших ритмические движения необходимым молитвенным обрядом и предуготовлением к восприятию грядущего с небес Духа. Таковы английские шэкеры,[212] наши хлысты,[213] в мусульманстве танцующие дервиши[214] и т. п.

Одержимый не мог освободиться от этой своей одержимости сам собою; необходимо было, чтобы ему пришел на помощь кто-нибудь другой. Операция освобождения от дьявола называлась заклинанием, экзорцизмом. Церковь поощрила ее, обратив практику заклинания в своего рода клерикальную профессию и учредив для нее специальный орден заклинателей, экзорцистов. Профессия эта была трудная и сопрягалась с большими опасностями. Часто дьявол, выйдя из бесноватого, входил в изгнавшего его экзорциста. Это слишком понятно психиатрам и врачам нервных болезней: никто из медиков с такой легкостью не переходит из врачей в пациенты, как они.

Одержимость могла быть острого характера и протекать в более или менее короткий срок. Могла тянуться хронически и заполнить

собою всю жизнь человека, как, например, маялась св. Евстахия Падуанская.[215]

Дьявол всегда выходил неохотно, старался задержаться в теле как можно дольше и даже, будучи вытеснен, старался на прощание повредить и испугать. Часто он испускал при этом ужасные вопли, вышибал двери, пробивал потолок, разрушал каминную трубу либо, оставив человеческую жертву свою полумертвою на земле, внедрялся в быка, барана или другого домашнего животного. Бывало и так, что бесноватость не кончалась переходом дьявола в животное, а, наоборот, дьявол из животного перекочевывал в человека. Такой случай был в практике протопопа Аввакума с родным его братом. «Егда еще я был попом, духовник царев Стефан Ванифаньтьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина, себя пользовать, пропитая, и людей. А я, окаянный, презрев благословение отеческое и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте был горазд и о церкви велико прилежание имел: напоследок был взят к большой царевне вверх, а в мор и с женою преставился. Сей Евфимей лошадь сию поил и кормил, и гораздо об ней прилежал, презирая и правило многажды. И виде Бог неправду с братом в нас, яко неправо ходим по истине, — я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал, — изволил нас Владыко сице наказать: лошадь ту по ночам и в день стали бесы мучить, — всегда заезжена, мокра, и еле стала жива. Я недоумеюся, коея ради вины бес озлобляет нас так. И в день недельный после ужины в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким голосом: призри на мя и помилуй мя! — и, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов бысть поражен — начал неудобно кричать и вопить, понеже беси жестоко мучища его. В дому же моем иные родные два брата — Козма и Герасим… болши ево, а не смели ево держать; и всех домашних, человек с тритцеть, держа его, плачут пред Христом и, моляся, кричат: „Господи, помилуй!“». Бес, напавший на Евфимия; оказался чрезвычайно упорным. Насилу вызвал его Аввакум из брата при помощи святой воды, кадила и молитвы Василия Великого. «Воставше, в третье ту же Васильеву речь закричал к бесу: изыде от создания его. Бес же скорчил в кольцо брата и, пружався, изыде, и сел на окошке. Брат же быв яко мертв. Аз же покропил ево святою водою: он же, очнясь, перстом мне на окошко, на беса

сидящего указует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко: и бес сошел в жерновый угол. Брат же паки за ним перстом указует. Аз же и там покропил водою: бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там ево указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам перекрестился. И я не пошел за бесом, но напоил брата во имя Господне святою водою. Он же, вздохня из глубины сердца, ко мне проглагола сице: „спаси Бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, который ходил в церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон друг мой. Подле реки Сундовика меня водили и били, а сами говорят: нам де ты отдан за то, что брат твой на лошадь променял книгу, а ты ее любишь“. Таким образом, бесноватый, хотя и очувствовался, но не узнавал своих. И я ему говорю: я, реку, свет, брат твой Аввакум! И он отвещал: какой ты мне брат? Ты мне батько! отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет — будет тебе бить челом. Вот вы зде с нами же на Лопатищах, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнадцеть от нас под Мурашкиным, да под Лысковым течет». Три недели Аввакум «бился с бесами, что с собаками», и не отступили они от Евфимия, пока протопоп не выкупил святую книгу.

Выходил бес то в своем собственном виде, то летучею мышью, ужом, черною птицею, то густым столбом зловонного дыма.

Многие одержимые выздоравливали немедленно, как скоро удавалось вызвать у них рвоту, освободить кишки от ветров или слабительным прекратить запор. Настолько многие, что можно с уверенностью сказать: аптека и медицина сделали для искоренения бесноватости из мира не в одну тысячу раз больше, чем все экзорцисты, Церкви, вместе взятые, с тех пор как она существует. Впрочем, иезуит Джованни Перроне[216] в своих «Praelectiones theologicae» весьма усердствует определить признаки, по которым можно точнейше различить настоящую бесноватость от некоторых болезней, имеющих с нею общие черты. Эти комические усилия, до сих пор встречающие успех в известной среде, показательны в том отношении, как многим людям нравится искать в своей одержимости мистическую интересность, как до сих пор много охотников на земле

скорее вообразить себя игрушкою сверхъестественной силы, чем жертвою недомогания того самого своего тела, которым сотни тысяч миллионов живут, но которое едва ли десятки тысяч хорошо знают.

Глава шестая

НАВАЖДЕНИЕ ДЬЯВОЛЬСКОЕ

Человек имел дьявола всегда рядом с собою, вечно настороже, всегда готового воспользоваться всяким случаем, чтобы вредить, мучить, надоедать. Каждое, самое простое явление житейское могло дать ему повод сделать зло.

Св. Григорий Турский[217] рассказывает о священнике но имени Панникий, который однажды, обедая с друзьями, узнал дьявола в мухе, жужжавшей над его стаканом и хотевшей, по-видимому, нагадить в его вино. Опытный в этих делах, Панникий сразу смекнул, в чем штука, и знамением креста положил конец шутке. Но при этом (чудо!) опрокинул стакан, вино пролилось на пол, так что, по интриге дьявольской, бедняга-священник все-таки остался без выпивки… Судя по неловкости движений, пожалуй, было уже, в самом деле, довольно?

Были несчастные, которых дьяволы осаждали своими шутками и каверзами не время от времени, но всю жизнь — ночью и днем, во сне и наяву. Любопытнейший пример такого злополучнейшего смертного — картезианец Рикальм, аббат Мёнтальской обители[218] в Виртемберге. Этот почтенный муж сочинил или издал латинскую «Книгу о кознях, обманах и досаждениях, которые дьяволы делают людям». Это один из наиболее интересных дошедших до нас документов о верованиях Средних веков. Рикальм рассказывает о досаждениях, сделанных как ему самому, так и другим. Дьяволы, без малейшего уважения к его сану и возрасту, ругали его поганою волосатою мышью; пучили ему живот и бурлили в брюхе; причиняли ему тошноту и головокружение; устраивали, чтобы руки у него затекали так, что он не мог перекреститься; усыпляли его на клиросе и потом храпели, чтобы другие монахи соблазнялись, думая, будто это он храпит. Говорили его голосом, вызывали в горле перхоту и кашель, во рту — слюну и потребность плевать, залезали к нему в постель, закладывали ему рот и нос так, что не вздохнуть, заставляли его мочиться, кусали его в образе блох. Если он, чтобы преодолеть искушение сна, оставлял руки поверх одеяла, дьяволы вталкивали их под одеяло. Иногда за столом

они отнимали у него аппетит, и тогда помогало одно средство — проглотить немного соли, которой демоны боятся. Сода, пожалуй, пошла бы еще лучше. Шелест, производимый одеждою, когда человек движется, для Рикальма — жужжание дьяволов, равно как и всякий звук, исходящий из человеческого тела или вещественных предметов, за исключением колокольного звона: он — дело ангелов. Сипота, зубная боль, мокрота в горле, обмолвки в церковном чтении, бред и метания больных, тоскливые мысли и тысячи мелких движений души и тела — все это проявление дьявольского могущества. Вот — монах: слушает чтение, а сам мотает вокруг пальца соломинку, — это дьявольские сети. Все, что мы говорим хорошего, — это от ангелов, а все дурное — от дьяволов. Так что бедный Рикальм признается, что он уже не знает, когда же и что сам-то он говорит. Но он имел, по крайней мере, то преимущество, что слышал и понимал все разговоры дьяволов между собою, так как, вместо того чтобы говорить на языке, неизвестном Рикальму, они упорно говорили по-латыни и старались выражаться правильно. Поэтому Рикальм всегда заранее знал о всех их заговорах и уловках, на что дьяволы очень жаловались. Чтобы защититься от нападений адского воинства, Рикальм крестился с утра до вечера: закрещивал лицо, грудь, рисовал крест на ладони левой руки большим пальцем правой и советовал закрещивать все тело, куда только могут достать руки. Однако он признавался, что при огромном скоплении демонов крестное знамение иногда становится бессильным, подобно тому как сабля перестает быть защитой в слишком тесной толпе врагов. Этим же объясняется и слабость помощи человеку со стороны ангела-хранителя, хотя последний, как известно, никогда не покидает своего клиента. Дьяволов, говорит Рикальм, в воздухе — что пылинок в солнечном луче; более того, самый воздух есть род дьявольского раствора, в котором утоплен человек. Можно также сказать, что дьяволы одевают собою человека, как панцирь черепаху, или что они облепляют его, как слой пепла. Один монах, будучи еще послушником, видел однажды после повечерия, как с неба падал целый дождь дьяволов, образуя бурный поток, катившийся по монастырской площадке. Адский ливень длился до тех пор, покуда послушник не прочел целиком четыре раза псалом. Таким образом, каббалисты, поручавшие каждого человека 11 000 чертей: тысяча — по правую и десять тысяч — по левую, — были еще милостивы. Дьявол

покрывал человека отовсюду: спереди, сзади, сверху. К анахорету Гутлаку они наползали в келью через замочную скважину.

По учению некоторых гностиков, природа есть творение проклятых ангелов, материя — зло, противоположение божеству. Альбигойцы проповедовали то же самое. Не достигая такой категорической крайности, средневековый католицизм приближается к этим мыслям, поскольку он считает всю природу после грехопадения прародителей как бы оскверненною и павшею во власть Сатаны. Природа одержима бесом; дух Сатаны наполняет и покоряет ее. Для монаха, затворившегося в монастыре своем, она — предмет смутного ужаса, мало-мало что не сплошной лагерь бесчисленных врагов. Непроходимые дебри и мрак чащ лесных, грозные вершины горы, огромная скала, повисшая над пропастью, угрюмые, черные долины, озеро, недвижное среди утесов или векового бора, бешеный поток, который, ревя и пенясь, разрушает ложе свое и ворочает обломки, — все это для монашеского миросозерцания декорация громадной сцены, за кулисами которой стоит черт и строит свои козни. Нет ничего удивительного, если в Средние века, придавленные демоническим миросозерцанием, почти угасло так называемое чувство природы. Полет грозовых туч на небе, полог тумана над землею или морем, ливень, наводняющий реки, град, уничтожающий жатвы, водоворот, поглощающий корабли, — все это и жилище, и действие Сатаны. Он ревет в ветре, пылает в пламени, чернеет во мраке, воет в волке, каркает в вороне, шипит в змее, прячется в плоде, в цветке, в песчинке. Он — всюду, он — душа вещей.

Но, сверх того, некоторые местности земли, казалось, были его излюбленными, и он с народом своим охотнее селился в них и владычествовал над ними: пустыни, некоторые леса, вершины гор, кое-какие озера и реки, покинутые города, разрушенные замки, заброшенные церкви. Св. Перегрин,[219] исповедник, забредя однажды в темный лес, услышал вдруг страшный шум и увидел себя окруженным бесчисленным множеством демонов, которые все вопили ему, что было мочи: «Зачем пришел сюда? Это наша чаща. Мы здесь практикуемся на подвиги нашей злобы». Гервасий Тильбюрийский[220] (начало XII века) рассказывает, что в Каталонии есть крутая гора, на вершине которой находится озеро почти черного цвета и недосягаемой глубины, и на том озере — незримый для людей дворец, населенный дьяволами.

Св. Филипп из Арджироне[221] прогнал дьяволов с горы Этны. Св. Кутберт[222] очистил от дьяволов захваченный ими остров Farne.[223] Основание многих монастырей начиналось тем, что с будущей их территории надо было прежде всего выжить черта, как старого землевладельца, причем он иногда был очень упрям и не сразу-то сдавался. В истории чудес св. Вильгельма Оранского[224] упоминается о реке, которою завладели дьяволы. Угоне Альвернийский[225] нашел на Востоке целый город, обитаемый дьяволами. Св. Сульпиций,[226] еще будучи ребенком, пошел однажды ночью в одну разрушенную церковь и подвергся грубому нападению двух черных демонов, которые оказались хозяевами того места.

Не было места, куда не мог бы проникнуть и где не мог бы творить пакостей своих дьявол. Высокие и толстые стены и железом обитые ворота с крепчайшими засовами нисколько не мешали ему врываться в монастыри; и даже самые церкви, по чину освященные, с постоянными в них службами, не были застрахованы от дьявольских вторжений. Где только селились монахи и монахини, там всегда объявлялась и огромная толпа разнороднейших дьяволов. Св. Макарий Александрийский (IV век) видел однажды в собственном городе множество маленьких дьяволов, похожих на черных детей: они деловито расхаживали между монахами и искушали их, одни — поглаживанием век, чтобы сомкнулись сном очи служителей Божиих, другие — запуская монахам пальцы в рот, чтобы иноки святые зевали. Петр Преподобный рассказывает о жестоких неприятностях, которые терпели от дьявола иноки аббатства Клюни. Цезарий повествует, что некий аббат Герман видел, как дьяволы выскакивали из стен монастырских, кружились по монастырю, смешиваясь с монахами, бегали в виде крошечных кроликов взад и вперед по хорам, испускали искры либо клубились под сводами большими мрачными телами, с лицами пламенными, будто из расплавленного железа. Потрясенный подобными видениями, Герман молил Бога избавить его от них, что и было ему даровано, но глава демонов явился-таки ему еще раз, приняв на прощание вид огромного глаза, открытого и блестящего, величиною с кулак: совсем как Всевидящее Око, только полное соблазна и коварства. Все видит Бог — все видит и дьявол. В первобытных монастырях ночной караул выставлялся не только против телесного

врага, но и против дьявола — по предупреждающему слову апостола: «Бодрствуйте!»

В скульптурах и картинах, украшающих церкви Средних веков, дьяволы изображены в бесчисленных образах и видах, отразивших те галлюцинации, когда монахам мерещились, быть может, в тех же самых церквах настоящие живые дьяволы. Во время службы — сколько раз их видали — они кувыркались пред алтарем, лазили по хоругвям, играли в прятки между скамеек, катались по полу, висели с капителей, тушили свечи, опрокидывали лампады, подкладывали разные мерзости в кадила и даже подсовывали попу требник вверх ногами: вот до чего властна их дерзость! Чтобы развлечь внимание молящихся, они вмешивались в священные песнопения, нарочно фальшивя и козлогласуя самым смешным образом, подсказывая хористам самые непристойные и позорные обмолвки, либо на самом трогательном месте возьмут да и оборвут мехи у органа, и он, вместо величественного звука, пискнет, хрюкнет и замолчит. А тем временем демон Тутивилл[227] собирает с уст молящихся каждую ошибку в чтении, каждый промах в произношении и вяжет из них узел, который он в свое время, в день судный, принесет и развяжет пред перепуганными душами. Девушек, одолеваемых грешными мыслями, и жен, не очень-то верных мужьям своим, демон-искуситель подстерегает у исповедальных будок, нашептывая из-за темных колонн коварные советы лгать духовному отцу либо замолчать пред ним грех свой. Кто не вспомнит тут знаменитой сцены в «Фаусте» Гёте, когда злой дух овладел мыслями грешной Гретхен и — под погребальные звуки органа и грозного хорала о «Дне Гнева» — доводит ее до исступления, отчаяния и, наконец, обморока? Более того, бывало и так, что сам духовник, скрытый под капюшоном в глубине конфессионала, оказывался переодетым дьяволом и вместо слов увещания и прощения приводил кающегося в смертный грех отчаяния либо давал ему лукавые наставления, из которых истекал новый грех.

Все тот же Григорий Турский сообщает, как Епархий, епископ Альвернов, во времена короля Гильдеберта[228] нашел однажды свою церковь полною демонов, и сам князь их восседал на епископском месте, в мерзостном виде публичной девки. Дезарий, со справедливым возмущением к произведенному соблазну, рассказывает, как дьяволы ворвались в одну церковь стадом грязных хрюкающих свиней. Было

много «одержимых бесами» церквей. «Не ошибся, значит, — говорит Артуро Граф, — тот художник, который над порталом храма Notre-Dame de Paris поместил статую дьявола, опирающегося на парапет в удобной позе особы, которая совсем не стеснена тем, что забралась в место, для нее запретное, а, напротив, чувствует себя по-домашнему». Прав был и Лессинг, по замыслу которого не оконченный им «Фауст» начинался собранием демонов в церкви.[229] В «Золотой легенде» Лонгфелло Люцифер, одетый священником, входит в церковь, становится на колени, насмешливо удивляется, что домом Божиим слывет такое темное и маленькое помещение, кладет несколько монет в церковную кружку, садится в исповедальню и исповедует князя Генриха, отпуская ему грехи с напутственным проклятием, а потом уходит дальше «по своим делам». В русских сказках черт нисколько не боится селиться в церкви и даже питается отпеваемыми в ней покойниками (см. выше приведенную сказку о Марусе). Валаамский игумен Дамаскин,[230] скончавшийся уже в девяностых годах прошлого столетия, любил рассказывать, как в молодости своей он видел дьявола купающимся в водах святого пролива у самых стен скита, в котором юный Дамаскин отбывал свое послушание.

Мир природы был вполне отдан в добычу дьявольского одоления. Но не лучше было и с миром человеческим. Сатана мешался во все исторические события, вызывая и поддерживая злые, мешая и препятствуя добрым. Он сочинял ереси, возлагал тиару на главы антипапам, вселял гордость в сердце императоров, возмущал народы, подготовлял восстания и нашествия иноплеменников и направлял их. Он был крепким союзником сарацинов как заклятых врагов христианства. Им изобретены дурные нравы и законы, роскошь и блеск, нечестивые зрелища, деньги, за которые все продается и покупается. Он же, как известно, — «первый винокур». Скоморохи, шуты, купцы модных товаров — все это его подручные слуги. «Человек, вводящий в свой дом скоморохов и фокусников, — говорит Алькуин[231] (726–804) в одном письме своем, — не подозревает, какая громадная ватага нечистых духов следует за ними». Пляска изобретена Сатаною. Древнерусское «Слово святого Нифонта о русалиях»[232] (XIV век) утверждает: «Якоже труба гласящи собирает вой, молитва жи творима совокупляет ангели Божия, а сопели, гусли, песни неприязньсквы, плясанья, плесканья сбирают около себе стоудныя

бесы, держай же сопелника, в сласть любяй гусли и пенья, плесканья и плясанья чтить темнаго беса, иже желаниеть и тщить пожрети весь мир». И в доказательство рассказывает видение св. Нифонта, как бесы, перепуганные церковным пением, ругали одного из князей своих Лазиона[233] за бессилие против христиан. А он оправдывался: «О сем ли иесть скорбни, иже слышите Иисуса славима в церкви Мрьине? то мало ны о сем иести печали; яко во время иедино о сем оскорбляють ны; аще ли вы иесть се неизвестно, то пождите, да вы покажю, иже начнут нас славити, и вы обрадоватися имате». В скором времени бесы встречают толпу, следующую за скоморохом (сопелником). Все это сборище, опутав одною веревкою, влечет за собой один бес. Какой-то богатый человек заставил скомороха играть и плясать и дал ему за это серебряную монету. Бесы немедленно выкрали монету и послали с нею одного из среды своей к Сатане: «Рци, шед, отцю нашему дьяволу связаному тамо Иисусом Назарянином; се ти жертву пусти иедин от князь нарецаиемый Лазион»… «И дошел же посол бесовский к дьяволу и влез в жилища адова, принесе окаянныя и пагубныя приносы, иже приим дьявол обрадовался, и рече: „то всегда оубо жертву от кумир приемлю, но тако ся обеселити не могу, якоже от сих крестьян приносимых бывает ми радость и веселье“. Си рек дьявол, пакы възврати сребро и медь супущему (т. е. сопелнику, скомороху), осквернив своим омрачением, и рек бесу: идите и пооучайте на игры грешныя назаряны. Не могут бо инако нарещи Господа нашего Иисуса Христа, но токмо Иисус Назарянин».

В другом сказании, «О танцующей девице»,[234] — «некой девке танцовати обыкшей и пети беси что сотвориша», — столь тяжкие преступления повели к самым плачевным последствиям: «точию очи смешише, и том сне восхищена бысть от бесов; и занесоша ю беси в геену, и тамо ю тако опалиша, иже ни един влас на главе ея не бысть, и все тело ея великими вреды страшными обложися, и нестерпимый смрад испущая, и по опалении един демон главню ей горячую в уста ея вонзе, и рече: имей сие за песни и за танцы и прелестные ризы; ризы же ея ни следу опадения прияша. Обудися воплем страшным от болезни кричаше, матери же и иным пребывшим, что ей сотворися всем поведая; призванный же священник на исповеди ни единого смертного греха обрете, едино се, еже все тщание име танцевати и песни пети». Каждое ухищрение комфорта, каждое развлечение, хотя

бы самое невинное на первый взгляд, могло стать для человека сетью дьявольскою. Однажды св. Франциск Ассизский, жестоко мучаясь головной и зубной болью, позволил себе преклонить голову на пуховую подушку. Тотчас же набросился на него дьявол и издевался над ним, покуда св. Франциск не отбросил подушку прочь. Губерт из Ножана рассказывает, что два охотника заполевали демона под видом барсука и, думая, что имеют дело с обыкновенным животным, спрятали его в мешок и понесли домой. Но тотчас же на них напало бесчисленное множество демонов, так что они должны были выпустить своего пленника, а придя домой, оба умерли. «Ubique daemon! (Всюду демон!)» — восклицает Сальвиан, ибо католический мир действительно умел открыть Сатану и в красоте, и в богатстве, и в таланте, и в науке: он грозно сиял в каждом пороке и умел скрываться за любою добродетелью.

При такой огромной и пестрой опеке над миром дьяволам редко случалось сидеть без дела. Их жизнь — непрерывная скачка по суше и по водам в поисках добычи, непрерывный труд провокации греха и подготовки удобной для него почвы. У дьявола всегда на руках тысячи затей ко вреду человечества. День и ночь вырываются из ада все новые и новые черти, один другого свирепей, все с новыми и с новыми затеями.

Ужас пред этим могуществом — необъятным, повсеместным, повсечасным — загипнотизировал Средние века: вся их история затемнена легшею на ней тенью дьявола. По одной арабской сказке, в той крайней и неведомой, полной чудес и опасностей части Атлантического океана, которая носила название Моря Мрака, — там, на горизонте, поднималась из грозных волн неизмеримо громадная черная лапа князя демонов как страшное предостережение слишком отважным морякам. Так-то и в мире Средних веков, над городами, стеснившимися вокруг островерхих церквей, как стада вокруг пастырей, поднимается гордым знаком мрачного владычества страшная рука Сатаны. И ужас пред нею, переполняющий души, принимает формы и краски, и пластику в уродливых призраках, в мрачных легендах, созидая целое искусство, заключенное в чудовищные образы и мучительную мысль. В Средние века большая часть верующих управлялась ужасом пред Сатаной и страхом ада в гораздо большей мере, чем любовью к Богу и желанием рая. Тысячи

способов и средств изобретались, чтобы воспрепятствовать могуществу великого врага и чтобы обмануть его ухищрения. Шли даже далее того. В попытках смягчить его свирепость смиренствовали пред ним, как бы пред богом с другой стороны — зловредным, но тоже всемогущим. Сатана получал молитвы, дары, жертвы. Французский бенедиктинец Петр Берсюир[235] (ум. 1362) рассказывает такую историю. Где-то в горах близ итальянского города Нурсии (Norcia) есть озеро, обитаемое демонами, которые хватают и похищают всех, кто приближается к их жилищу, кроме профессиональных колдунов. Вокруг всего города была выстроена стена, охраняемая стражами, обязанными следить, чтобы колдуны не ходили к врагу с проклятыми книгами своих заклинаний. Ежегодно этот город должен был посылать в дань демонам живого человека, которого нечистые моментально разрывали на куски и пожирали. Для страшной жертвы выбирали, конечно, какого-нибудь злодея, присужденного к смертной казни. А если бы город уклонился от обычной дани и оставил демонов без жертвы, они опустошили бы Нурсию и даже, может быть, разрушили бы ее бурями.

Ужас к дьяволу поддерживала вера в близкое светопреставление, которая не раз прокатывалась по средневековому миру острыми вспышками, похожими на эпидемический психоз. А было известно, что на некоторое время, незадолго до конца мира, могущество Сатаны, с соизволения Божия, должно возрасти безмерно. Конечному торжеству добра должно было предшествовать такое переполнение мира развратом и всяческим злом, какого и не видано раньше на земле и самая пылкая фантазия не в состоянии вообразить. Сатана осужден на низложение и казнь, но побежден будет не прежде, чем даст последнюю и отчаянную битву Богу и его Церкви.

Глава седьмая

ЛЮБОВЬ И ДЕТИ ДЬЯВОЛА

ИНКУБЫ И СУККУБЫ

Самым тяжким и вместе с тем наиболее известным явлением одержимости было соединение дьявола с мужчинами и женщинами рода человеческого в плотскую связь и нарождение чрез то особой породы сатанинских существ, уже самым актом появления своего на свет обреченных аду, а во время земной своей жизни успевающих обыкновенно нанести человечеству жесточайший вред.

Способность любви и деторождения, по-видимому, признавалась за демонами вообще, так как каббалисты считали, что помимо мужских и женских форм, которые дьяволы могут принимать на себя как оборотни, они и сами по себе делятся на мужских и женских, сочетаются между собою и размножаются, как люди. Народные сказки Германии хорошо знают женщин-дьяволов, но всё старух: чертову бабушку, чертову матушку, — не особенно злые существа, охотно вступающиеся за людей пред своим свирепым внуком или сыном. В повериях и пословицах малороссов «чертова мать» даже очень популярна. «Дочекався чертовой мами» и т. д. Если «дощь иди кризь сонце», то есть при солнечном сиянии, это значит, что «черт жинку бье» либо «дочку замуж виддае». Однородные приметы-поверья и соответственные поговорки имеются у чехов, польских русинов, французов (le diable bat sa femme) и немцев (Афанасьев). Женщины-демоны одинаково популярны как в славянских, германских, латинских и кельтических поверьях (русалки, виллисы, феи, никсы и пр.), но в большинстве это не настоящие адские дьяволы, а стихийные духи, они сами по себе. Подобно домовым, лешим и т. д., это скорее союзная и вассальная Сатане, чем истинно дьявольская сила. Однако, как справедливо отметил Костомаров в своем послесловии к «Повести о Соломонии Бесноватой», русские «бесы составляют свой отдельный, материальный мир и, как животные, разделяются на два пола; к Соломонии приходит в качестве повитухи темнозрачная баба уже не человеческой, а бесовской породы. Русский народ повсеместно

воображает бесов под образом двух полов; существует слово *чертовки;* существуют рассказы видевших бесовских самок. Один мужик в Новгороде мне [Костомарову] рассказывал, что он собственными глазами видел ночью на озере Ильмень черную бабу, которая сидела на камне, мылась и хохотала, потом исчезла. Это была, по его понятию, не русалка, но чертовка, бес женского пола». Раввины приписывали перво-дьяволу Самаэлю четырех жен, от которых и расплодилось бесчисленное дьявольское племя. Но вообще-то жена черта — существо, не определившееся в поверьях, хотя иногда и упоминаемая. Черт гуляет по свету холост, не найдя себе невесты под пару. Половую энергию, которую приписывали ему некоторые богословы и между ними особенно энергично Михаил Пселл,[236] он избывает в свободных союзах с женщинами человеческими — с ведьмами на шабашах либо в том виде напущения (ossessio), которое носило название *инкубата*.

По определению специалистов черной мистики, инкубы суть демоны, соединяющиеся плотской любовью с женщинами, а суккубы — дьяволицы, преследующие с той же целью мужчин.

Угрюмо страстное поверье об инкубах и суккубах восходит к древнейшим временам человечества, чуть ли не к началу мира. Змий, соблазнивший Еву, не кто другой, как инкуб Самаэль. По талмудическому преданию (рабби Илии), Адама в течение 130 лет посещали чертовки, которые и народили от него лавров и суккубов. Вероятно, затем, чтобы остепенить молодого человека, и пришлось женить его на Еве. У праотца — похождения с бесовками, праматерь — жертва влюбленного беса: нечего сказать, замечает Артуро Граф, недурное начало для рода человеческого! Свирепого Каина почитали сыном Сатаны не только некоторые раввины, но и грек Суида[237] (XI век) в знаменитом «Словаре» своем, толкуя в этом смысле 44-й стих VIII главы Евангелия от Иоанна: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины». Книга Бытия говорит о падении сынов Божиих в союзах с дщерями человеческими. От этих браков родились гиганты. Теологическая литература об этом приключении огромна. Конечный вывод ее, что павшие сыны Божии — ангелы, изменившие небу, чтобы стать инкубами. Байрон превратил схоластическое доказательство в чудные мысли и краски мистерии

«Небо и Земля». Вообще фантазия поэтов-байронистов немало поработала во славу инкубата. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно будет назвать нашего Лермонтова, который возился с этим сюжетом всю свою недолгую жизнь: написал суккуба («Ангел смерти»), написал инкуба («Демон») и принялся было за другого («Сказка для детей»), но умер. После него, кажется, уже никто из русских классиков не посягал на тему, исчерпанную волшебною страстью лермонтовского стиха. «Сон», «Клара Милич» и «Призраки» Тургенева — довольно слабые рассказы с печатью той внешне красивой и сложной придуманности, которою в авторах-реалистах всегда выдается отсутствие фантастического настроения и недостаток веры в свой собственный искусственный замысел, — ближе относятся уже к иной, хотя и смежной, области фантастического царства: к вампиризму.

В 80-х годах XIX века в русской интеллигенции поднялся интерес к демоническим галлюцинациям — под впечатлением наблюдений Шарко,[238] Рише[239] и др. в области гипнотизма и большой истерии. Интерес был еще чисто материалистический. Пример ему давали из Франции сам Гюи де Мопассан, литературный божок нашей молодежи. Немало в то время было написано рассказов, лукаво скользивших по гибкой границе между физиологическим познанием и суеверною тайною. Кое-кто из восьмидесятников, однако, поплатился за эти опасные игрушки. Безумия заразительны, и многие, подходившие к спиритизму, теософии, магии и т. п., одевшись в броню научного скептицизма недостаточно толсто, потом сами становились спиритами, теософами, служили черные обедни, заболевали духовидением и с перепуга уходили в аскетизм, под покровительство той или другой властной Церкви. Напомню всесветно известный громкий пример Гюисмана[240] (Huysmans). Смолоду он, ученик Золя и товарищ Мопассана, почти гениальным романом своим «Марта» взял самую высокую ноту художественного натурализма. Затеял писать исторический роман о ведовстве (подобный тому, как Н. К. Михайловский,[241] после «Бесов», советовал написать Достоевскому), ушел в изучение Средневековья — и утонул в наплыве чудовищных материалов. Исторического романа он не написал, но сделался демономаном. Его «La Bas»[242] и «Au Rebours»[243] наделали в свое время много шума и сыграли значительную роль в сатанической

литературе и пропаганде мистического миросозерцания. Кончил жизнь Гюисман католиком, с чисто мужицкою дуалистической верою-испугом, прячущейся под патронат доброго белого начала от страха к началу злому и черному. Говорят, впрочем, что в последние годы и это с него схлынуло и он понемногу, как и выздоравливающий, начал возвращаться к идеям своей молодости. Если это правда — ну и тяжело же было ему доживать, в сознательной оглядке, даром испорченную жизнь!

Поэтический неоромантизм, долго слывший у нас под неопределенно широким именем декадентства, широко открыл недра свои всем мистическим настроениям и потому сделался усерднейшим адвокатом всякой сверхчувственности, в том числе и демонологической. Если позволено будет сыграть словами, то главный интерес к сверхчувственности истекал из вычурной чувственности, и понятно, что сладострастные сказки об инкубах и суккубах выползли в литературных бреднях 1895–1909 годов на первые, почетные места. Им отдали дань решительно все мало-мальски крупные поэты и прозаики неоромантизма: Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов и т. д.[244] Особенно же любопытна в этом отношении покойная Лохвицкая-Жибер, талантливая поэтесса, с блестящим стихом, разнообразно выкопанным из пестрот «озлобления плоти». Этой писательнице, в ее бесчисленных перепевах всевозможных чувственных суеверий, иногда удавалось не только найти средневековое демонологическое мировоззрение, но и слиться с ним в совершенную искренность ужаса или восторга. Две огромные драмищи ее — «Бессмертная любовь» и «In nomine Domini» — очень плохи, но бесовская сторона даже и в них превосходна. В мелких же балладах Лохвицкой, воспевающих тайны шабашей и дьявольские поцелуи, дышит энергия такой правдивой страсти, что невольно соглашаешься с известным утверждением Авксентия Поприщина, будто женщина влюблена в черта.[245] Единственная из всех наших демономанов и демономанок, твердящих свою дьявольщину с прозрачным и далеко не всегда умелым притворством, точно зазубренный урок из черной магии, единственная Лохвицкая нашла в себе родство с знойным безумием средневековой истерички.

Искренность Лохвицкой настолько убедительна, что, несмотря на пламенное сладострастие, разлитое в стихах ее, ни одна даже из самых

буйных и беззастенчивых грез поэтессы не пробуждает в читателе мысли:

— А не порнография ли?

Мысли, к сожалению, почти неотлучной при чтении российских Гюисманов. Однако балладою «Мюргит» Лохвицкая сказала о сатаническом бунте женщины, создавшем на границе Средневековья и Возрождения эпидемию колдовства и контрэпидемию костров, гораздо больше и яснее, чем огромная часть ученых исследований.

«Мюргит» Лохвицкой настолько же реальноярка и глубока, как «Бесы» Пушкина, как «Морская царевна» Лермонтова, а местами достигает и красоты их сжатого стиха и веско скупого слова.

* * *

Языческая свобода плоти несомненно и тенденциозно преувеличена апологетикою первых христианских веков. Юристы на этот счет иного мнения, чем теологи. Но, во всяком случае, античный мир, построивший свои общества и государства не только на поощряемости, но даже и на принудительстве брака и деторождения, врагом полу не был и к запросам его относился просто, как ко всякой другой физиологической потребности, привычке, странности, страсти. Отношение к половому развратнику в этической литературе античного мира приблизительно такое, как в современной — к привычному пьянице или опиофагу: на человека кладется пятно порока, но не клеймо греха. Половая эксцентричность в античном обществе отнюдь не похвалялась, но с нею считались, глядя по непосредственному вреду ее, личность, семья, государство, обычное право, а не религиозный принцип, враждебный и запретный. Половая сказка Эллады и Рима всегда проста, светла и улыбчива. Мрак ненависти в нее наплывает только с Востока, из «религий страдающего бога». И когда Восток овладел миром через победу христианской государственности, то пред грозными глазами его аскетического идеала померкла половая сказка и веселый олимпийский день ее почернел — в адскую полночь. Грациозный миф об Эросе и Психее, обессмертивший имя Апулея,[246] становится колдовскою историей, подлежащей духовному суду, с пыткой и костром. Александр Великий, Август выдумывали себе происхождение от инкубов, чтобы придать себе божественный блеск в глазах покоренных народов, но не только

английские Плантагенеты,[247] а уже византийский Юстиниан[248] борется с подобными легендами о своем происхождении, как с злейшею обидой роду.

Сказка о Роберте Дьяволе, сыне инкуба, известна даже и тем, кто никогда не занимался ни историей Средних веков, ни фольклором, — по знаменитой опере Мейербера. Музыка ее уже отжила свой век, но в романтическом движении тридцатых годов прошлого столетия она сыграла большую роль и остается типическим его памятником: Мейербер был необыкновенно умный знаток публики и мастер потрафлять на вкус эпохи. Запустив руку в самую сердцевину романтической мифологии, он вытащил оттуда на потребу века как раз самое характерное и любимое из черных поверий Средневековья: грех принцессы, соблазненной инкубом. И, с легкой руки Мейербера, сверхъестественный любовник и призрачная любовница начинают владычествовать в музыке столько же, как и в поэзии. Ныне совершенно забытый Маршнер[249] прославился «Гансом Гейлингом» и «Вампиром». Герольд[250] в «Цампе» даже предупредил Мейербера, рассказав звуками популярную итальянскую легенду о суккубе — мраморной статуе покинутой невесты. О балете я уж и не говорю: его романтика — постоянный апофеоз инкубата. Наконец, Вагнер сделал для мифа больше, чем кто-либо: любовное общение стихийных демонов со смертным человечеством — сюжет, пронизывающий все его оперное творчество, за исключением «Мейстерзингеров» и «Риэнзи».[251] Не знаю, возможно ли выразить страсть и философскую глубину мифа о суккубах словами с большею силою и поэтическим проникновением, чем сумел Вагнер — музыкою чертовки Венеры в «Тангейзере».

У нас в России тему сверхъестественной любви — кроме Рубинштейна, счастливо создавшего «общедоступного», а потому гораздо выше всех достоинств любимого «Демона»[252] (после Рубинштейна писали музыку на тот же сюжет барон Фингоф-Шель,[253] П. И. Бларамберг[254] и Э. Ф. Направник),[255] — особенно усердно разрабатывал Н. А. Римский-Корсаков. Фея в «Антаре», Снегурочка, царевна Волхова, Лебедь, Шемаханская царица, Кащей — удивительнейшие памятники не только внешне-музыкальных красот, но и совершенно исключительного, истинно народного чутья к тайне

стихийного мифа. Одна из гениальнейших страниц во всей русской музыке — сцена очарований Ратмира в «Руслане и Людмиле» Глинки — еще ждет какого-нибудь своего Шаляпина в юбке, который растолкует публике сожигающую страстность этой бесовской галлюцинации. Обыкновенно тайны сцены этой безнадежно пропадают в бессмысленной рутине невежественных певиц и вульгарного кордебалета. Создание музыкального типа, подобное тому, которое Шаляпин дает и каждой своей партии, а Фелия Литвин[256] и Ершов[257] в вагнеровском репертуаре, еще не выпало на долю Глинки. Темная власть демона, дышащего из страшных фраз Ратмира, остается еще невысказанной тайною. Может быть, оно и к лучшему, потому что иначе пролилась бы со сцены в зал страстная зараза, в сравнении с которою волшебство «Крейцеровой сонаты», как расписал его, к слову сказать, совершенно произвольно Л. Н. Толстой, должно показаться чуть не детскою молитвою. Я думаю, что если бы Глинка вложил музыку Ратмира в уста тенора, то эта сцена была бы самым страшным оружием обольщения, какое когда-либо создавала музыка. Но судьба заступилась за женский пол, надоумив великого композитора к расхолаживающей ошибке поручить глубочайшее выражение мужской страсти — женщине в мужском костюме, то есть воплотить его в глазах и воображении публики существом какого-то среднего пола: ни мальчик, ни девочка, ни для женской любви, ни для мужской. Глубокие контральто, которых требует партия Ратмира, довольно редки, и все чаще слышишь в Ратмире mezzo-soprano: новое препятствие к полноте впечатления.

* * *

«Ожидание божественного сна», о котором кричит и стонет Лохвицкая, — чувственное одиночество, бунт пола против вынужденного целомудрия, — и есть та атмосфера, в которой, как выражается едва ли не талантливейший критик современной Франции, но в то же время один из самых лукавых магов века, Реми де Гурмон,[258] «материализуется инкуб». Древность довольно богата сказками этого поверья: они отразились даже в законодательстве Моисея (Второзаконие, 4; Левит). Античный мир Эллады и Рима узаконил инкубат и суккубат бесчисленными баснями своей мифологии, с которыми вела беспощадную борьбу христианская апологетика, а

неоплатоники тщетно пытались перевести их в стихийные символы пантеизма. Отцы Церкви верили в инкубов. Бл. Августин зовет их еще по-старинному, из языческого мира, фавнами и сатирами. Аскетическая пустыня, где мучились сверхчеловеческою борьбою с голосом плоти Антоний, Иероним и другие, оставившие нам потрясающие летописи своих искушений, сделались рассадником и лабораторией мучительно страстных легенд, которые через «Жития святых» и устное предание прошли сквозь Средние века, обновились в эллинизме Возрождения и, назло рационализму, материализму и позитивизму новой цивилизации, благополучно доползли до XX века. Романтические эпидемии, пролетающие время от времени над Европою, оживляют и укрепляют старый миф, вечно возвращающийся на первое — по существу, но расцветающий новыми красотами символов, образов и формы. Старая сказка Филострата[259] о невесте-Эмпузе,[260] разоблаченной Аполлоном Тианским,[261] доживает до чести превратиться в «Коринфскую невесту» Гёте. Гностический маг, выдававший свою любовницу за перевоплощение Елены Спартанской, воскресает в «Фаусте» Марло,[262] а еще 200 лет спустя Гёте пользуется тою же наивною сказкою о суккубе-Елене для одного из грандиознейших исторических символов, обратив союз Фауста и Елены в призрачный праздник Возрождения. Венера, перестав быть богинею, сохранила свои чары, как прелестнейшая и губительнейшая из чертовок. Она очаровала и завлекла в вечный плен доблестного рыцаря-поэта Тангейзера, за что XIX век мог послать ей позднее, но заслуженное спасибо, так как этой легенде мы обязаны чудесною балладою Генриха Гейне и гениальною оперою Рихарда Вагнера. Тангейзер был не единственною жертвою богини. Во мраке и скуке узких Средних веков ее — древнюю и неувядаемо юную — любили и искали многие, и она многих любила, как в старину, — по крайней мере, так же ревновала. Английский летописец XII века Вильгельм Мальмсберийский[263] рассказывает сильным и красочным латинским языком удивительный случай, как некий знатный римский юноша сенаторского рода был захвачен демоном Венерою в самый день своей свадьбы. В промежутке пира брачные гости вздумали сыграть партию в шары. Боясь сломать обручальное кольцо, молодой снимает его и, чтобы не потерять, надевает на палец близ стоящей статуи. Окончив игру, он подходит, чтобы взять кольцо обратно, но с изумлением видит,

что палец статуи, бывший дотоле прямым, согнут и крепко прижат к ладони. Пробившись довольно долго, но напрасно, чтобы возвратить кольцо, юноша возвратился к пирующим друзьям, но о приключении своем не сказал ни слова, боясь, что его поднимут на смех или кто-нибудь пойдет тайком да и украдет кольцо. Когда пир кончился и упали сумерки, он, в сопровождении нескольких домашних и слуг, вновь идет к статуе и — поражен, видя палец опять прямым, а кольцо исчезло. Жене удалось рассеять его смущение и досаду на убыток. Наступила брачная ночь. Но едва юноша лег рядом с супругою и хотел к ней приблизиться, как почувствовал, что между ним и ею волнуется нечто неопределенное, как бы густой воздух: ощутимое, но невидимое. Отрезанный таким образом от супружеских объятий, молодой муж вслед за тем слышит странный голос:

— Будь не с нею, а со мною, так как сегодня ты обручился и мне. Я Венера. Ты надел мне кольцо на палец. Кольцо у меня, и я его больше не отдам.

Юноша, испуганный чудом, не посмел возразить ни слова и провел остаток ночи без сна, молча обсуждая в душе своей этот загадочный случай. Прошло немало времени, но в какой бы час он ни пробовал приблизиться к супруге, всегда слышал и чувствовал то же самое, — вообще же оставался мужественным хоть куда и способным, лучше чего желать нельзя. В конце концов, побуждаемый жалобами жены, он во всем открылся родным, и семейный совет пригласил уврачевать его некоторого священника из пригорода, по имени Палумб. Этот Палумб был знаток черной магии и командовал демонами, как ему было угодно. Заранее выговорив огромнейшее вознаграждение, он пустил в ход все свое искусство и, написав письмо магическими знаками, вручил его молодому человеку с наставлением:

— Поди в таком-то часу ночи на такой-то перекресток, где дороги расходятся на четыре стороны света, и внимательно смотри, что будет. Пройдут там многие человеческие образы мужского и женского пола, всяких возрастов, сословий и состояний; иные — верхом, другие — пешие; одни — с повешенной головой; другие — с гордо поднятым носом; в их лицах и жестах ты увидишь все виды и образы радости и скорби, сколько их есть на земле. Ни слова ни с одним из них, даже если кто заговорит с тобою. За толпою этою будет следовать один — всех выше и грузнее, — восседающий на колеснице. Молча подай ему

письмо, и желание твое исполнится немедленно, если только ты не струсишь и будешь действовать решительно, как прилично мужу.

Молодой человек отправился, куда ему было указано, и ясная ночь показала ему все чуда, обещанные Палумбом. Между проходившими призраками он вскоре заметил женщину, едущую на лошачихе, одетую как куртизанка, с волосами, распущенными по плечам, и золотой диадемой на голове. В руках она держала золотой хлыст, которым погоняла свою лошачиху; по тонкости одевавших тканей тело ее казалось как бы нагим, и она бесстыже выставляла его вызывающими жестами. Это и была бесовка — богиня Венера. Наконец, вот и последний — на великолепной колеснице, сплошь отделанной изумрудами и жемчугами. Вперив ужасные глаза свои в лицо молодого человека, он спросил:

— Зачем ты здесь?

Но тот, не отвечая, протянул к нему руку с письмом.

Демон, видя знакомую печать, не осмелился не принять письма и, в негодовании воздев руки к небу, воскликнул:

— Всемогущий Боже! Доколе же Ты будешь терпеть подлости Палумба!

Затем, не теряя времени, он послал двух своих приспешников немедленно взять у Венеры требуемое кольцо. Чертовка долго сопротивлялась, однако отдала. Таким образом, получив желаемое, молодой человек был возвращен объятиям законной любви. Но Палумб, когда узнал, что демон воззвал против него жалобу к Богу, догадался, что, значит, близок его конец. Поэтому, чтобы избежать лап гневного дьявола, он поторопился сам устроить себе искусственное мученичество: велел отрубить себе руки и ноги и умер с жалобным покаянием, исповедавшись перед папой и всем народом в неслыханных преступлениях и грехах. Любопытно, что подобный плачевный конец с предсмертной пыткою во искупление чародейства легенда приписывает папе Сильвестру II (знаменитому ученому математику Герберту, ум. 1003).

Гейне в «Стихийных духах»[264] рассказывает эту легенду в несколько ином варианте, подставляя на место Венеры Диану и давая ей более царственную роль в ночном бесовском поезде. Во времена Вильгельма Мальмсберийского эта история была ходячею в Риме и римской Кампанье, и матери передавали ее детям, чтобы она жила в

памяти поколений из рода в род. Действительно, ей посчастливилось дожить, в числе немногих сохранившихся народных сказок Италии, до нашего времени. В прошлом столетии из эпизода статуи, похищающей кольцо, Герольд взял сюжет для оперы («Цампа»), и — не помню кто, кажется, Пуни,[265] — для балета «Мраморная невеста».[266] В изящной словесности тот же сюжет обработан Проспером Мериме в волнующей повести «La Vénus d’Ille» («Венера Илльская»). Вилльмен,[267] заимствуя легенду из летописи некоего Германа Контракта (Hermanus Contractus),[268] воспользовался ею в своей «Истории Григория VII» для характеристики суеверий, царивших в Риме XI века. Но она была широко распространена в продолжение всего Средневековья. Ею пользовались как доказательством демонического характера древних богов и подтверждением их способности вступать в брачные союзы с людьми. Фаблио на тему статуи-невесты имеются в старых сборниках западного фольклора Меона[269] и Ле Гран д’Осси[270] (Le Grand d’Aussy). Но, помимо целей полемических, христианство, в особенности по утверждении безбрачия духовенства, воспользовалось столь благодатною темою и с целью дидактической. В книге Ле Гран д’Осси (Contes dévots, Fables et Romans anciens pour servir de suite aux fabliaux, Paris, 1781) есть монашеская поэма XIII века в рифмованных стихах под заглавием «О человеке, который надел обручальное кольцо на палец Пресвятой Богородице» («De celui qui met l’anneau nuptial au doigt de Notre-Dame»). В этой поэме молодой римлянин уже подменен молодым веселым диаконом, а статуя Венеры или Дианы — статуей Мадонны. Эпизод с кольцом, которое статуя принимает вместе с клятвою «не любить другой женщины, кроме тебя», остается неизменным. Диакон женится, но в брачную ночь ему является, в сонном видении, Дева Мария:

— Лгун и изменник! — восклицает она. — Где же твое обручение со мною?

И — отделила диакона от молодой его супруги. Конец дидактически изменен. Христианский обет клирика Богородице, конечно, сила более крепкая, чем шутка какого-то полуязычника с Венерою или Дианою, — и против вмешательства оскорбленной Мадонны в семейную жизнь диакона не нашлось, конечно, никакого Палумба. Диакон покидает свою жену, раздает имущество, бежит в пустыню и постригается в монахи. (P. Saintyves. Les saints successeurs

des dieux).[271] Распространенность мифа в такой христиански перерожденной версии достаточно доказывается тем обстоятельством, что Цотенберг[272] нашел это чудо, среди других чудес Святой Девы, в одном рукописном эфиопском сборнике Парижской национальной библиотеки.

Такое перерождение пережили с течением веков не только легенды, но и самые феномены инкубата и суккубата. В XIX веке, говорит Жюль Делассю,[273] случаи были не так часты, вернее, реже получали огласку. Наука, презирающая все оккультное, видит в наблюдаемых ею случаях не более как болезни пола, для происхождения которых она не ищет особых внешних причин. Зато если бы можно было откровенно поговорить с духовенством, мы наслушались бы редкостных признаний. Но священников сдерживает тайна исповеди, а также боязнь религиозного скандала, который могли бы произвести подобные разоблачения. По изредка всплывавшим все-таки гласным признаниям такого рода совершенно ясно, что в наше время побежденный средневековый демон, для любовных похождений в качестве инкуба или суккуба, систематически «облачается в ангела света», и в фантастических романах истериков и истеричек место дьяволов и дьяволиц заняли святые обоего пола, не исключая — даже чаще всего — стоящих на самых высоких ступенях небесной иерархии. (Случай экстатички Мари Анж в 1816–1817 годах; случай Гауденберга в 1855 году. В обоих влюбленная греза витает вокруг видений И. Христа и Девы Марии.)

Незаконнорожденный потомок древнего общения с духами, спиритизм, неминуемо должен был приблизиться к явлениям инкубата и суккубата. Начали вызывать мертвых, говорить с ними, касаться их, — покойники так постоянно и покорно откликаются на все призывы. Неисполнимая мечта вновь обладать отошедшими любимыми существами нашла возможность осуществления. Вдовец ищет свидания с утраченной женой, вдова утешается объятиями призрака-мужа. А там пошли и дальше. Стали вызывать тени прославленных женщин, куртизанок и цариц, тела которых давно обратились в прах. По словам Делассю, во Франции еще недавно совсем не редкостью было встретить спирита, серьезно мечтающего о прелестях Семирамиды, Клеопатры, Лаисы, Феодоры, подобно тому как Фауст влюбился в Елену Спартанскую. И обратно,

сентиментальные дамы мечтали о материализации любимых своих поэтов или исторических героев. По уверению демонологов, или, вернее, демономанов XIX века, вроде де Муссо[274] или С. де Гуайта,[275] дьявол, который пришипился было после перепуга, заданного ему инквизицией Возрождения, но всегда держался наготове, воспользовался спиритическим моментом, чтобы снова выйти на сцену. По рассказу де Муссо («Hauts phénomènes de la Magie»), 17 июля 1844 года общество молодых барышень вздумало вызвать дьявола; он явился, держал себя очень прилично, очаровал барышень своим остроумием, но потом вовлек их в самый гнусный разврат и на заре «улетучился как тень». Затем в течение целых одиннадцати лет дьявол время от времени навещал барышню, которая ему тогда особенно понравилась. Чем, собственно говоря, эта демономанка XIX века, французская барышня, страдавшая 11 лет, лучше устюжской поповны XVII века Соломонии Бесноватой, которая маялась в тех же половых галлюцинациях именно тоже одиннадцать лет да еще пять месяцев? Тот же де Муссо рассказывает, что во время некоторых спиритических сеансов дамы, сидевшие ближе к медиуму, ощущали незримые, но пребесстыдные прикосновения «к нижней части бюста».

Фантастические истории де Муссо (M. des Mousseaux) довольно забавны. Но вот, совсем недавно инкубат принял значительные размеры, сопровождаясь весьма безнравственными явлениями благодаря странной секте ересиарха Вэнтра[276] (Vintras) «Le Carmel» («Кармель»). Секта эта основательно изучена Станиславом Гуайта в его книге «Храм Сатаны» («Temple de Satan»), из которой и приводятся следующие документы. Эжен Вэнтра и его преемник аббат Буа[277] учили, что искупление существ должно осуществиться через «акт любви», совершаемый:

1. С высшими духами и избранными земли — для того чтобы усовершенствовать себя в небесность, напитаться добродетелями и возвысить свою индивидуальность до способности вознесения.

2. С непосвященными мирскими людьми и с низшими духами стихийного и животного порядка — затем чтобы совершенствовать в небесность эти злополучные павшие существа.

Таким образом, в секте Вэнтра инкубат был объявлен и средством, и свидетельством святости, и приверженцы этой странной религии гордились своим единением с духами как небесного, так и стихийного

порядка. Письма, цитируемые Гуайтою, не оставляют никакого сомнения в характере этих оккультических единений. Вот одно из них, писанное одним доверчивым священником, духовником какой-то истерической дамы, попавшей в эту западню:

«Несчастная должна принимать и ласки, и объятия не только от духов света, но также и от тех вонючих чудовищ, которых она называет человеко-зверями. Зачумляя ее комнату и постель, они совокупляются с нею, чтобы возвыситься до очеловечения. Она уверяла меня, будто они несколько раз делали ее беременною и что в течение девяти месяцев затем она испытывала все симптомы настоящей беременности, даже со всеми наружными признаками. В природный срок она рожает без всякой боли, но вместо младенца из органа, откуда у женщины при нормальных родах выходят дети, у нее вырываются ветры». Сам Буа «еженощно ублажается лобзаниями ангелов света Сахаэля, Анандхаэля и других, а развратный призрак обрезанного Эзекиэля вовлекает его играть роль женщины в содомском грехе». И еще: «In ventrem ergo cubans, manu stupratur. Tunc foeminei crebro Spiritus vocati apparent quorum formas modo simul modo alternis vicibus sibi submissas sentit…» Буа умер в январе 1893 года. Секта его распалась.

Но, по уверениям клерикальной полемики, таких сатанических обществ было очень много. На их собраниях, буржуазных отголосках шабаша, Сатана являлся в образах «зримых и осязаемых», и сатанисты и сатанистки вступали с ним в половые сношения. Поэтому все лица, которые предаются сатанизму совершенно добровольно и с полным сознанием своего поступка, являются в глазах Церкви уже тем самым виновными и в инкубате или суккубате (Жюль Делассю).

Медики очень часто наблюдают явления инкубата у истеричек, которые жалуются, будто их по ночам насилуют фантастические существа либо знакомые им мужчины. При этом такие женщины, будучи часто весьма холодными в нормальных половых сношениях, испытывают живейшее наслаждение от страстных своих галлюцинаций. Люди, одержимые чрезмерною повышенностью полового чувства (hypéresthésie sexuelle), в известном периоде прогрессирующей болезни доходят до способности так называемого «умственного соития» («coit idéal»), которое весьма схоже с инкубатом. По свидетельству Краффт Эбинга,[278] Гамманда, Моля и др., таким

людям, когда они находятся в присутствии женщины, возбуждающей их желания, нет надобности в телесном общении, чтобы силою воображения проделать половой акт, так сказать, психологически, — и довести себя до оргазма со всеми его физиологическими последствиями.

Таким образом, по мнению Делассю, в феноменах инкубата и суккубата надо различать две главные категории:

Инкубат противовольный: у больных и у «порченных».

Инкубат вольный: у магов, спиритов и разных субъектов, сознательно предающихся.

Эти две категории, однако, подразумевают собою третью, которая если не охватывает их обеих, то уже, конечно, соприкасается с ними обеими: категорию полового невроза, которым одинаково вызываются и вольный, и противовольный инкубат, как два разных по впечатлению, пассивный и активный, но по существу совершенно однородные виды мистического, галлюцинаторного онанизма.

Можно считать за общее правило, что инкубы беспокоили женщин чаще, чем суккубы мужчин. Фома Катипратийский уверяет, что ему много раз приходилось выслушивать исповедь женщин, изнасилованных инкубами. По свидетельству Жана Бодэна, в Риме и течение одного года было 82 случая, что инкубы завладевали женщинами. Целий Аврелиан[279] приводит справку из Калимаха, сторонника гиппократовой доктрины, что в Риме же одно время посещение инкуба стало эпидемическим и многие от того умерли. Любопытнейший и вряд ли выдуманный пример этой галлюцинации рассказан в «Житии» св. Бернарда: в Нанте инкуб преследовал своим бесстыдством одну почтенную даму даже на супружеском одре ее, нисколько не стесняясь присутствием спящего рядом мужа.

Результаты подобных отношений были пагубны для жертв не только морально, но и физически. Фома Вальсингам, монах из Сен-Альбано,[280] в Англии, рассказывает как факт 1440 года, что одна девушка умерла три дня спустя после того, как осквернил ее дьявол, от страшной болезни, которая раздула ее тело, как бочку, причем разложение сопровождалось нестерпимым зловонием. Другая женщина, описанная Цезарием, поплатилась тем же самым за один дьявольский поцелуй. Суккубы, конечно, были столько же ядовиты. Тот же Цезарий повествует о послушнике, умершем самым жалким

образом через три дня после любовного свидания с суккубом, пришедшим к нему в образе монахини. Поддаться суккубу значило погубить себя, отразить его тоже было небезопасно. Одного юношу, целомудренно уклонившегося от ласк навязчивого суккуба, взбешенный дьявол поднял на воздух и ударил об землю с такой силой, что несчастный зачах и год спустя умер.

Однако, по-видимому, против столь злополучных последствий имелись какие-то презервативы, настолько существенные, что во множестве других случаев связь между инкубом и женщиною или между мужчинами и суккубами длилась годами без всяких вредных последствий для смертной половины. Вопреки утверждению теологов, будто развращенной природе демонов чуждо чувство любви, многие дьяволы оказывались весьма страстными любовниками. Гервасий Тильбюрийский, великий знаток всех этих секретов, утверждает, будто некоторые демоны до того падки к женщинам, что нет хитрости и обмана, которых они не пустили бы в ход, чтобы овладеть предметами своей страсти. Но нельзя не признать, что в огромном большинстве таких случаев дьявол встречал со стороны женщины совершенную взаимность. Многие считали втайне величайшим счастьем жизни испытать объятия царя пламени. Превосходно это у Лохвицкой в «Мюргит»:

«Эй, расступись честной народ!» — Расхлынула волна.
Монахи с пением кадят и между них — она.
Идет. Спадает грубый холст с лилейного плеча;
Дымясь, в руках ее горит пудовая свеча.
Доносчик тут же; вслед за ней, как бык, ревет Жако:
«Прости, прости меня, Мюргит, — и будет мне легко, —
Души своей не загубил, — суду про все донес,
А что-то сердцу тяжело и жаль тебя до слез».
Лиловым взором повела красавица Мюргит:
«Отстань, дурак! — ему она сквозь зубы говорит. —
Не время плакать и тужить, когда костер готов.
Хоть до него мне не слыхать твоих дурацких слов».
Но все сильней вопит Жако и воплем говорит:
«Эх, что мне жизнь! Эх, что мне свет, когда в нем нет Мюргит!
Скажу, что ложен мой донос, и вырву из огня.
Я за тебя на смерть пойду — лишь поцелуй меня!»
Блеснула жемчугом зубов красавица Мюргит,
Зарделся маком белый свет нетронутых ланит,
В усмешке гордой, зло скривясь, раздвинулись уста —
И стала страшною ее земная красота.
«Я душу дьяволу предам и вечному огню,
Но мира жалкого рабом себя не оскверню.
И никогда, и никогда, покуда свет стоит,
Не целовать тебе вовек красавицу Мюргит!»

Альвир Пелагий,[281] епископ в Сольве, жалуется в книге своей «О плаче церкви» (около 1332 года), что даже в числе лично ему знакомых монахинь есть такие, которые добровольно предались дьяволу. По словам Делассю, в Париже конца XIX века слагались целые женские клубы, в которых ожидание и, так сказать, приманка к себе дьявола-любовника были главною целью и единственным занятием…

Избавиться от подобного любовника было мною труднее, чем получить его. Артуро Граф нашел в одной из бесчисленных легенд о чудесах Святой Девы историю несчастной женщины, с которою Сатана устроился в совершенно супружеское сожительство, и не помогали ей против этого адского нахала ни крест, ни молитвы, ни мощи, ни святая вода. Наконец однажды, находясь в обычной опасности, она простерла руки к небу, призывая святое имя Марии, —

и что же? Адский любезник мгновенно потерял способность вредить своей жертве. Цезарий из Гейстербаха рассказывает, что в городе Бонне дьявол соблазнил дочь священника и жил с нею. Девушка призналась отцу, и священник, чтобы прекратить этот скандал, отправил дочь куда-то за Рейн. Является дьявол. Не найдя любимой девушки, он набросился на отца и с криком: «Злой поп! как ты смел отнять у меня мою жену?» — дал несчастному такого пинка в грудь, что бедняга через два дня умер.

Сопровождалось ли это чудовищное общение оплодотворением? Почти все авторы это утверждают. Правда, демон, не имея ни тела, ни костей, не мог иметь и семени. Но он собирал результаты мужских поллюций либо, во образе суккуба, похищал сперму у особенно крепких мужчин. Затем, сделавшись инкубом, он переносил украденную сперму в матку женщины, которую хотел сделать беременной. Так утверждали Фома Аквинат и Бонавентура (1221–1274). В противность Михаилу Пселлу (ум. 1079), который стоял на том, что дьявол располагает всеми средствами для того, чтобы быть в данном случае самостоятельным агентом. Дети, рожденные от подобных сношений, отличались необычайною, сравнительно с другими, тяжестью, безобразною худобою и способностью высасывать хоть трех кормилиц, нисколько от того не толстея.

Кто был отцом ребенка — демон или мужчина, у которого он украл семя?

По господствующему мнению теологов, отцом был человек. Но, прибавляет Артуро Граф, адский характер всех порождений от инкубов и суккубов свидетельствует, что роль Сатаны в момент зачатия была не чисто передаточная, что он заранее отравлял собою будущий зародыш и, так сказать, делал его одержимым уже в чреве матери. Синистрари д’Амено в XVII веке, видевший в инкубах и суккубах особую породу существ, среднюю между человеком и ангелом, настаивал на том, что они, будучи человекоподобными, снабжены половыми органами и выделяют собственную сперму. Не надо думать, что все эти бредни были рассеяны только просвещающим временем и не имели решительных противников даже в те времена, когда они победоносно свирепствовали. Людовик Добрый в своей комедии «Муж» заставляет монаха Иеронима произнести весьма решительную тираду против тех, кто воображает, будто бестелесное

существо может производить потомство, а крещеная женщина зачинать от дьявола. «А некрещеная?» — победоносно возражали казуисты, и народное поверье примыкало к ним, а не к представителям здравого смысла. Так продолжалось целые века, покуда в XVIII столетии здравый смысл не поделил суеверов и богословов и не заставил их замолчать пред лицом науки и силою знания. Но только замолчать, а не забыть. «В наше время, — говорит Бриер де Буамон (A. Brière de Boismont), — сношения с дьяволом стали гораздо реже, чем в старые времена; между сотнями женщин, подвергавшихся моему наблюдению, я ни у одной не замечал бреда этого рода. Теперь половые галлюцинации истеричек направляются на ангелов, на идеально прикрашенных воображением известных людей и очень часто на директоров лечебницы. Однако доктор Макарио[282] записал несколько случаев». Из них один, от 1842 года, своею типичностью совпадает со всеми россказнями об инкубате, наполняющими дедовские процессы. Маргарита Ж., богомольная старуха 59 лет, в климактерическом периоде впала в манию преследования, воображая, будто ее родные хотят ее отравить и спасают ее от гибели только три священника, незримо живущие в ее доме, которые предупреждают ее, как скоро пища отравлена. Отчаявшись погубить ее ядом, родня вступила против Маргариты Ж. в союз с адом, и с тех пор дьяволы ее преследуют днем и ночью, причем разыгрываются сцены, которых содержание лучше оставить без перевода.

> «Noctu, vix quieti indulget, quum repentino adventu daemones illam e somno excutiunt; mox intentantes minas et obscene dictitantes, illam saliunt, et manu impure contrectant quidquid secretus est in muliercula. Debilem vero carnem esse scimus omnes: jam cedit femina et cum eis voluptatem, corporibus immixtis, copulat; prae amore fatigatur, exhauritur. Hi vero libidinosi daemones ante illius oculos apparent nunc quasi formosi, juvenes qui nudi pudenda ei ostendunt vultumque ejes excrementis suis maculant».

Правда, Маргарита Ж. легко освобождается от бесстыдных бесов, разгоняя их крестным знамением. Но, по наглости их, ей приходится креститься не переставая, и она не в состоянии уснуть до белой зари. Иногда вместо дьяволов приходят мертвецы, которые ругают Маргариту Ж. унылыми загробными голосами и хотят ее бить, но от

крестного знамения расточаются дымом. Макарио утверждает, что в первой половине XIX века этот вид галлюцинаций был еще весьма распространен в деревнях глухих департаментов Франции, а Артуро Граф думает, что в Италии можно и сейчас с ними встретиться.

Легенды приписывают подобное происхождение великому множеству знаменитых людей. Не считая гигантов Книги Бытия и бесчисленных демонических зачатий, столь властно обозначающих талант и удачу, в чем бы они ни выражались, во всех языческих мифологиях, а также легендах и преданиях полуисторического периода всех народов, не считая религиозно-политических вымыслов и сказок дохристианской государственности (Сервий Туллий,[283] Александр Великий, Август и др.), Средние века либо приняли от древности и Востока и усовершенствовали, либо сами приобрели множество сказаний об инкубах, сыгравших впоследствии такую огромную роль в романтической поэзии начала XIX века и в музыке на всем его протяжении.

Широкое развитие получили эти поверья у народов Севера, в Исландии, Норвегии, Шотландии. Тролли и эльфы часто вступали в союзы с сынами и дочерьми человеческими. Эльфы, стихийные духи, обитали в туманных фьордах, среди скал, в гротах, в лесах, по берегам потоков или морских бурунов. Их женщины с кожею голубого цвета отличались чудною красотою. «Многие фамилии в Исландии, — говорит Христиан, — обязаны происхождением этим таинственным союзам». Эти северные легенды, в связи с алхимическими иносказаниями, дали новый толчок и новые толкования легендам об инкубате в смутной мифологии мистических сект XVIII века, неверно обобщаемых под именем розенкрейцерства.[15] Любопытный роман XVIII века «Граф Габалис»,[284] ложно выдаваемый за произведение века XVII (с целью хронологически приблизить его к литературе настоящих розенкрейцеров), почти весь посвящен вопросу о браках между людьми и стихийными духами, провозглашаемых и весьма частыми, и чрезвычайно желательными, так как порода, дескать, получается от них великолепная. Так, например, Зороастр, по графу Габалису, был сыном жены Ноя и некоего могущественного «саламандра» (духа огня). Сим и Яфет также, с либерализмом, достойным героев Жорж Занд и русского «Подводного камня»,[285] уступили жен своих демонам, ими любимым. Хам — один — оказался

таким ревнивым, что не отпустил своей подруги, так вот, за это он, Хам, и проклят, и осталось его потомство на нижней ступени в лестнице человеческих рас…

Иногда поверье инкубата принимало такие широкие размеры, что метили клеймом своим не только семьи и роды, но даже целые народности и чуть ли не расы. Так, по свидетельству Иорнанда,[286] в эпоху переселения народов сложилось и долго потом держалось убеждение, что гунны произошли от готских ведьм, изгнанных в Мэотийские (в устьях Дона) болота, и злых духов, которых они там повстречали.

В течение Средневековья была резкая тенденция считать за детей дьявола всех новорожденных уродов, которых поэтому и губили без малейшего угрызения совести. В 1265 году в Тулузе одна дама, уже за 50 лет, призналась, что имела от дьявола ребенка с волчьей головою и змеиным хвостом; кормить это милое дитя надо было мясом маленьких детей. Если эти дьявольские ублюдки не были чудовищами, то отличались быстрым физическим и умственным ростом, богатырским здоровьем, талантами и ярыми страстями. Историк Матвей Парис[287] (ум. 1259) уверяет, что один такой ребенок в шесть месяцев по рождению казался уже восемнадцатилетним юношею.

Любимая тема легенд в эти эпохи — сверхъестественный брак, в котором таинственный супруг или супруга неизвестно откуда являются и счастливо живут с избранными любви своей, под одним условием:

Не спрашивай, откуда родом я.
Не любопытствуй, кто мои друзья,
И где живут мои отец и мать —
Тогда меня сумеешь удержать.[288]

Счастье продолжается, покуда человеческая половина союза выполняет условие. В один печальный день любопытство Евы или Адама обостряется до нестерпимой потребности нарушить принятый завет роковым вопросом — и прекрасный инкуб или красавица-суккуба исчезают, бросив супругов и детей, в свою безвестную страну. Красноречивейшее из подобных сказаний — о рыцаре Лебедя — гениально развито Рихардом Вагнером в поэтическом его «Лоэнгрине».

Но рыцарь Лебедя не всегда рыцарь света, как является он в этой общеизвестной опере. В «Адельстане», балладе Соути,[289] переведенной нашим Жуковским, рыцарь Лебедя, наоборот, служитель темной силы, за счастье обладать красавицею Лорою запродавший дьяволу душу будущего своего первенца, и таинственный Лебедь, влекущий его очарованную ладью, приплывает с ним совсем не из замка св. Грааля, но чуть ли не прямехонько из ада, послом от Сатаны. Рейнское предание относит это событие к эпохе Карла Великого. Женские суккубные варианты легенды почти все без исключения намекают на темную демоническую силу, если не злую, то и не добрую — в лучшем случае, так сказать, нейтральную стихийную. Их очень много. Такова самая знаменитая из всех подобных хронических суккуб — женщина-змея Мелузина, родоначальница Лузиньянов.[290] В Сицилии, в царствование короля Рожера,[291] один юноша, купаясь в море при лунном свете, заметил в волнах женщину, которая как будто тонула. Он ее спас, влюбился в нее, женился на ней, имел от нее сына. Однажды, охваченный сомнениями, какой природы, какого рода-племени его таинственная супруга, он пристал к ней с расспросами столько же настойчиво, как Эльза к Лоэнгрину. «Ты губишь меня, заставляя отвечать об этом!» — вскричала она в отчаянии и — исчезла. Некоторое время спустя ребенок, ею покинутый, купался в море: вдруг исчезнувшая мать всплыла над водою, схватила дитя свое и вместе с ним скрылась уже навсегда.

Были, однако, супруги твердого характера, которые выдерживали испытание. Таков бургундский король Гунтрам в балладе, удостоившийся рисунков Каульбаха.[292] Женатый на лесной фее, он обуздал свое любопытство и был счастлив любовью без вопросов, но не мог удержать от любопытства свой народ, и в особенности духовенство, заподозрившее в королеве язычницу и колдунью. Так как король не желал ни отпустить свою супругу, ни открыть ее происхождения, то папа отлучил его от Церкви, а епископ Бенно поднял народное восстание, во время которого без вести пропали и очарованный Гунтрам, и его загадочная королева.

Как упоминалось уже, поверье пробралось в историю и плотно укоренилось в генеалогии многих знатных домов, в том числе и царственных, как, например, английские Плантагенеты, имевшие в родословии своем какую-то прабабушку из кровных чертовок.

Подобная же история рассказывается о Балдуине, графе Фландрском, герое одного старого французского романа. Этот граф был человек настолько гордый, что отверг руку дочери французского короля. Однажды в лесу на охоте встретил он девицу необычайно величественной красоты. Девица назвала себя принцессою, дочерью могущественного императора Азии. Балдуин влюбился, женился. По истечении года родились у молодых двойняшки — две девочки необычайной красоты. Но напрасно граф ждет известий от восточного императора, якобы родителя молодой графини: посольства нет как нет. Между тем некий святой муж почуял обман и сообщил свои подозрения графу. В один прекрасный день, когда граф и графиня давали обед своим вассалам, святой муж внезапно входит в зал пиршества и без долгих околичностей повелевает графине исчезнуть в ад, откуда она явилась. Графиня мгновенно обратилась в свирепую дьяволицу и взвилась в воздух с ужасным, поистине ужасным криком. Граф, чтобы искупить грех свой, предпринял крестовый поход и перебил великое множество неверных. Дочери его кончили совсем не так худо, как можно было бы ожидать по наследственности от такой странной матери.

Здесь не будет неуместным перечислить несколько исторических и полуисторических сыновей, которых Средние века и Возрождение ставили на счет дьяволу.

1. Каин. О нем говорено выше, равно как и о Зороастре.

2. Атилла,[293] бич Божий. По одним преданиям, прижит матерью от дьявола, по другим — от меделянского пса.

3. Теодорих Великий,[294] король готов. Обнаруживал свое происхождение способностью изрыгать изо рта пламя и заживо провалился в ад к отцу своему.

4. Мерлин. Его легенда весьма сложна, подробна и замечательна, как не только романтическая, но и философская концепция. Ад, побежденный и опустошенный Христом, ищет средств оправиться от своего бедствия. Сатана решает, что единственный способ к тому — ускорить пришествие Антихриста: он, Сатана, должен родить сына, который, будучи бесочеловеком, распространит на людей власть ада и уничтожит дело Искупления. Долго и внимательно готовится к нему ад. Совместными усилиями демонов некоторая почтенная и знатная семья впадает в нищету и бесчестие и вымирает в позоре. Из двух

уцелевших дочерей одна предается самому бесстыдному распутству. Другая, прекрасная и целомудренная, долго противостоит всем искушениям. Но однажды ночью она, ложась в постель, забыла осенить себя крестным знамением, вследствие чего временно лишилась охраны небес, а дьявол тут как тут — овладел ею и осуществил предначертанный план. Сознавая свое несчастие и ужасаясь ему, девушка старается искупить грех свой трудами тяжкого покаяния. В положенный природный срок она дала жизнь сыну. Чудовищная волосатость тела сразу выдала его демоническое происхождение. Мальчика окрестили, — о согласии отца при этом, понятно, никто не спрашивал, — и нарекли Мерлином. Тогда в небесных сферах возникла мысль, что было бы немалым торжеством отнять у ада сына самого Сатаны, — и милосердный Бог принимает к тому нужные меры. Сатана преподал сыну знание прошедшего и настоящего. Бог убивает этот опасный дар, награждая Мерлина знанием будущего и, таким образом, сделав его непроницаемым для обманов света и козней дьявола. Возрастая, Мерлин совершил много чудесных дел, как о том повествует Бэда Преподобный, древние хроники и повести Круглого Стола, и изрек много прекрасных пророчеств, из которых многие уже исполнились, а остальные, надо думать, тоже исполнятся когда-нибудь в свое время. Ничто в нем не напоминало о грозном отце его, а сам Мерлин родителя своего и знать не хотел. Время и образ смерти Мерлина неизвестны в точности, но все позволяет думать, что дух его отправился в обитель не кары, но блаженства.

История Мерлина — типический пример божественного предопределения, которое не может спасти, по воле Божией, даже существо, всеми видимыми условиями своего рождения обреченное погибели и аду. Гораздо ярче и драматичнее легенда о другом чертовом сыне, которого спасение было торжеством человеческого духа и свободной воли. Это —

5. Роберт Дьявол, герцог Нормандский.[295]

Некая герцогиня Нормандская сгорала жаждою иметь детей, но — напрасно. Отчаявшись в помощи невнемлющих небес, обратилась она к дьяволу, и тот ее желание немедленно исполнил. Герцогиня рождает сына — богатыря и буяна. Младенцем он отгрыз соски на грудях своей кормилицы; отроком распорол живот своему гувернеру; двадцати лет

от роду сделался атаманом разбойничьей шайки. Его посвящают в рыцари, надеясь тем перевоспитать его и смирить в нем буйство злых инстинктов, но в рыцарстве он забушевал еще хуже. Никто не мог превзойти его силою и отвагой. На одном турнире он отличается, победив и убив тридцать противников подряд. Потом некоторое время скитается по свету куда глаза глядят, а возвратясь на родину, снова принимается за разбой и хищение — грабит, поджигает, убивает, насилует. Однажды, только что вырезав поголовно монахинь одной обители, он вспоминает, что давно не видал матери, и отправляется ее навестить. Как только слуги герцогини завидели его, все врассыпную бросились бежать в паническом страхе; никто не посмел встретить его, спросить, откуда он явился и чего хочет. Впервые в жизни смутился Роберт. Впервые поразило и уязвило его зрелище ужаса, который он внушает своим ближним; впервые он глубоко ощутил чудовищную злобность свою и почувствовал нечто вроде угрызений совести. Задумался над собою: почему же он злее других людей? Кто сделал его таким? Отчего он родился извергом? Он бросается к матери и с обнаженным мечом в руке заставляет старуху открыть ему тайну его рождения. Узнав, он раздавлен ужасом, стыдом, горем. Но могучая природа Роберта не сломилась в отчаянии. Напротив: дерзновенная душа его вспыхнула жаждою борьбы за собственное искупление и надеждою многотрудной победы. Он сумеет одолеть ад и себя самого, он разрушит оковы проклятого духа, который родил его на службу себе и мечтает превратить его в послушное орудие своей свирепой воли. Роберт не медлит. Он едет в Рим, падает к ногам папы, исповедуется во всех грехах своих пред одним святым отшельником, налагает на себя суровейшее покаяние и клянется: не принимать иной пищи, кроме той, что удастся ему отнять из зубов у собаки. Рим осаждают сарацины. Роберт дважды дерется с ними, не будучи никем узнан, и дважды доставляет христианам победу. Император взволнован: что за чудесного союзника послало ему Небо? Наконец Роберта узнают. Но он отклоняет все предложенные ему дары и благодарные почести. Напрасно император хочет уступить Роберту свою корону, напрасно соблазняет он Роберта рукою своей прекрасной дочери. В обществе наставника-отшельника Роберт удаляется в пустыню. Там жил он в подвигах и молитвах, покуда не скончался, прощенный Богом и благословляемый людьми. Впрочем, по другим версиям, Бог простил

грешника раньше, и Роберт успел-таки жениться на прекрасной принцессе, влюбленной в него. Великолепная легенда эта в первой половине своей отчасти напоминает нашу новгородскую былину о Ваське Буслаеве.

Несомненным вариантом Роберта Дьявола, но совсем в другом свете, является

6. Эццелин да Романо,[296] тиран падуанский (1215–1256):

Тиранов лютых всех лютейший, Эццелин
Заставил верить мир, что дьявола был сын.

Альбертин Муссато[297] рассказывает легенду этого исторического негодяя в трагедии, так и называемой — «Eccelinis».[298] Мать изверга, Аделаида, сама посвящает сына в страшную тайну: он, Эццелин, и брат его, Альберик, зачаты ею от дьявола, который ради этого приключения принял, подобно Юпитеру в романе с Европою, вид быка. В противовес Роберту Нормандскому, Эццелин весьма счастлив и горд своим происхождением и дает слово, что покажет себя миру достойным сыном столь замечательного отца. Сатана большой неудачник в потомстве, но на этот раз ему повезло. Завладев Падуей, Эццелин и брат его свирепствовали подобно фуриям, недоступные никакому человеческому чувству, слепые и глухие к предупреждениям, которые милосердное небо не уставало почему-то им посылать. Но кара, слишком заслуженная, не заставила долго ждать себя. Побежденный в битве при Понте ди Кассано, злодей погиб в отчаянии. Брат его последовал за ним.

7. Мартин Лютер. Паписты считали великого реформатора сыном дьявола, обольстившего в Виттенберге мать его, служанку в гостинице, приняв для того вид коммивояжера по ювелирной части.

Самым замечательным и властным сыном Сатаны будет предвестник его погибели Антихрист. Нас не касается богословская сторона учения об Антихристе. Что же касается легендарной, она невероятно пестра и разнообразна. В одной англосаксонской поэме IX века утверждается, будто Антихрист однажды приходил уже и Сатана пытался не только противопоставить его Христу, но подменить им Иисуса, как чаемого Мессию. Проделать на живых лицах тот замысловатый подмен, который так интересно и довольно глубокомысленно рассказала Сельма Лагерлэф в своем романе[299] о

сицилийском городке, принявшем статуэтку младенца-Антихриста за изображение Младенца-Христа и погибшем от разврата и богатств, которые хлынули в город, когда статуэтка привлекла туристов, стала творить чудеса и т. д. и т. п. Так как план Сатаны не удался, то повторит он свою затею только под конец мира, когда исполнятся времена. Антихрист — его главная и решительная надежда. Его, как основную опору своей власти и силы, выставит Сатана в последнем бою с Божеством. Множество исторических лиц, враждебных Церкви, были принимаемы за Антихриста: Нерон, Магомет, император Фридрих II, Лютер и т. д.; у нас в России, в старой вере, — Никон, Петр Великий. По мнению св. Ефрема Едесского,[300] Антихрист родился от публичной женщины; по обещанию нашего знаменитого вероучителя, протопопа Аввакума, «родится Антихрист от Галилеи, от колена Данова, от жены жидовки. Чти о сем Ефрема, Ипполита, тамо обрящеши пространно» (Послание к Ионе). Другие, наоборот, полагают, что от девушки и даже малолетней девочки: это мнение оспаривает Ассон[301] в своем трактате «Об Антихристе» (De Antichristo). Последнее представление о рождении от малолетней злою силою богатыря, должного вступить в смертельный бой с силою добра, дышит в европейский миф из древнего индийского эпоса.

«Землетрясения и небесные знамения возвещают Викрамадитье рождение Саливаханы в Pratishtâna’е. Мудрецы объясняют, что эти явления знаменуют близкую смерть какого-то царя. Тогда Викрамадитья обращается к ним с такою речью: „О вы, ведающие все божественное! Однажды господь (Сива), довольный моим покаянием, сказал мне: царь, я к тебе благосклонен; попроси у меня какой-нибудь милости, кроме бессмертия. Я отвечал ему: я желал бы умереть от руки человека, который родится от двухлетней девочки. Бог обещал мне это. Где бы такое дитя могло народиться?“ Чтобы открыть это опасное дитя, царь посылает Vêtâla’у, который находит в Pratishtâna’е мальчика и девочку, играющих перед домом горшечника. Один брахман говорит ему, что девочка — его дочь, и что Çêsha, князь змей, породил от нее мальчика. При этом известии сам Викрамадитья отправляется в Pratishtâna’у, чтобы убить Саливахану, но, пораженный жезлом смерти, умирает» (Веселовский).

Что касается отца Антихриста, то некоторые полагают, что им будет человек, но Сатана вселится в ребенка в момент его рождения.

Но господствующее мнение, что отцом будет сам Князь тьмы. Бесчисленные трактаты об Антихристе, оставленные Средними веками, свидетельствуют об ужасе, с каким католический мир ждал появления этого таинственного врага. Время от времени пробегали по Европе грозные вести, что он родился или скоро родится. Бывало это, по преимуществу, в переломные эпохи: в IV веке, около 1000 года, в XVI веке. В 380 году это утверждает св. Мартин Турский, в 1080-м — епископ Райнери Флорентийский, потом Норберт, архиепископ Магдебургский. При папе Иннокентии VI (1352–1362) один французский монах предвещал рождение Антихриста на 1365 год, а Арнольдо из Вильнева[302] (1238–1314) предсказывал то же событие на 1376 год. В 1412 году Винченцо Феррер[303] прознал из достоверных источников и известил о том антипапу Бенедикта XIII, что Антихрист народился и ему уже девять лет. Перед священным трибуналом инквизиции многие колдуны признавались, что очень хорошо знакомы с Антихристом и имели с ним сношения…

Наш знаменитый столп и учитель старой веры протопоп Аввакум тоже лично видел Антихриста. «Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет Антихрист враг последний и коим образом, да сидя, молитвы говоря и забыхся: понеже не могу стояти на ногах, — сидя молюся окаянной. А се на поле нечистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: чего ради людей много в собрании? Он отвеща: антихрист грядет; стой, не ужасайся. Я подперся посохом своим двоерогим протопопским, стал бодро: ано ведут ко мне два в белых ризах нагово человека, — плоть-та у него вся смрадна, зело дурна, огнем дышит изо рта и из ноздрей, и из ушей пламя смрадное исходит. За ним наш царь последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его: я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвещал: что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладати, но волею последующих ми, сих во области держу. Да изговоря, пал предо мною, поклонился на землю. Я плюнул на него да очутился; а сам воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мне сильно стало и ужасно; да нечего на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе без показания: скоро ему быть». Столь же твердое знакомство с Антихристом помогло Аввакуму решительно опровергать тех ревнителей, которые хотели провозгласить пришедшим Антихристом патриарха Никона. «А Никон

веть не последней антихрист, так шиш антихристов, — бабо… бъ, плутишко, изник в земли нашей. А которые, в зодийстем крузе увязше, по книгам смотрят, и дни, седмицы разделяющие, толкуют, антихристом последним Никона называют, то все плутня, а не Святым Духом рассуждение. Афанасий Великий[304] пишет: идеже нозе Спасителя нашего Христа походиша, оттоле от Галилеи и антихрист изникнет; а не от нашей Русии. Я Никона знаю: недалеко от мене родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Мина да Манька, а он Никитка колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводие с книгою поводился, да выше, да выше, да и к чертям попал в атаманы, а ныне, яко кинопс волхвуя, ужо пропадет скоро и память его с шумом погибнет. Потрясы церковью тою не хуже последняго черта антихриста, и часть его с ним во огни негасимом».

Мы не имеем права смеяться над этими старыми бреднями, потому что и наше время рассуждает об Антихристе не лучше. Нет еще и 15 лет, как плут и авантюрист Леон Таксиль,[305] нечто вроде французского Лютостанского, только с большею удачею, одурачил правоверных католиков вестью о рождении Антихриста, воспитываемого где-то в Америке, и подложною перепискою с его матерью Дианою Воган, якобы пребывающею где-то в Богемских горах. Владимир Соловьев, один из талантливейших и красноречивейших напустителей мистического тумана, тоже немало грозил Европе и России пришествием Антихриста, и речь об этом скором госте была его лебединою песнью.

Программа Антихриста общеизвестна. Он соединит в своих руках все сокровища мира и щедрою раздачею поравняет людей в богатстве, результатом чего будет ужасающий разврат и всемирное царство Антихриста. Он разрушит великую северную стену и железные ворота Александра Македонского и выпустит на крещеный мир запертые завоевателем «дивии народы» Гога и Магога. С помощью их он зальет кровью города и царства, разрушит Церковь и собственноручно убьет пророков Еноха и Илию, которые напрасно явятся защищать ее. Но когда он объединит все царства и венцы мира и станет единым владыкою Вселенной, настигнет его заслуженная кара: он будет убит или самим Христом, или архангелом Михаилом, и с Антихристом падет и разрушится могущество дьявола над человеком. Врата бездны

будут заперты и запечатаны навсегда. Кончится царство Сатаны, и утвердится царство Божие, ему же не будет конца.

* * *

В русской старинной литературе поверье инкубата утверждено очень прочно, хотя говорится о нем чаще всего вкратце и намечно — «стыда для», что и резонно, так как, когда Московская Русь принималась обсуждать половые вопросы, то выражалась таким языком и с такою обстоятельностью, что уши вяли и стены краснели. На Западе в подобных случаях выручал целомудренный латинский язык, на Руси же он был неупотребителен. Однако именно старинной русской литературе принадлежит весьма пространное и одно из замечательнейших по своей подробности и правдоподобию, с точки зрения психофизиологического наблюдения, изображение демономании на почве полового расстройства. Это знаменитая «Повесть о бесноватой жене Соломонии», напечатанная в 1860 году Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы» (издание графа Г. Кушелева-Безбородко), по списку XVII века, вряд ли много старшему самого события, которое в нем повествуется. Несмотря на фантастические вычуры и украшения, наполняющие эту повесть, несмотря на ее церковную тенденциозность и наивно истекающие отсюда неуклюжие вымыслы, протокольная последовательность и точность изложения в описании страданий Соломонии ясно указывают, что этот любопытный и тяжкий случай истероэпилепсии, окруженной половыми и религиозными галлюцинациями, записан незнаемым автором с натуры. Он путает и сбивает с толку читателя там, где вводит религиозный вымысел, либо сам наивно скрывается от исследования своего в темноту всепокрывающих вековых суеверий. Вообще же настолько обстоятелен, что даже начинает повесть свою точнейшими хронологическими и географическими данными: «В лето 7169 (1661) февраля в (пропуск) день содеялся сице в пределах от града Устюга за четыре-десять поприщ: вверх по Сухоне реки есть волость, глаголемая Ерогоцкая, в ней же церковь Пресвятыя Богородицы; тая же церкви иерей именем Димитрий, и жена его именем Улита, имяста же у себя дщерь, именем Соломонию, о ней же нам ныне слово принадлежит». Когда эта поповна Соломония заневестилась, родители выдали ее за

крестьянина, по имени Матвей. В брачную ночь молодой супруг «восхоте от ложа изыти на предверие храмины, телесныя ради нужды». Покуда он отсутствовал, кто-то постучал в клеть, окликнув молодуху: «Соломоне! отверзи!» Соломония, думая, что это муж, встает с постели, отворяет дверь — и вот тут начинаются чудеса. «Пахну ей в лице, и во уши, и во очи, аки некоторый вихор велий, и явися аки пламя некое огнено и сине». Соломония очень испугалась, а когда «помале прииде муж ея к ней во храмину, наипаче ужасеся», и начался с нею тяжкий истерический припадок («и бысть во всю нощь без сна; прииде на нея трясение и велкий лютый озноб»), который, нарастая в продолжение трех дней, превратил Соломонию в обычный русский деревенский тип кликуши-демономанки: «и в третий день она очюти у себе в утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то время во иступлении ума от живущаго в ней демона».

На девятый день после свадьбы у этой девочки-истерички, так странно и тяжело перепуганной в критический момент превращения своего в женщину и, конечно, уже внушившей себе, что она испорчена «от человека недобра» и забрался в нее, с синим пламенем, бес, — у несчастной припадочной Соломонии этой начались половые галлюцинации. «И в девятый день по браце, по захождении солнца, бывши ей в клетце с мужем своим, на одре восхотеста почити, и внезапу виде она Соломония демона, пришедша к ней зверским образом, мохната, имуща кнохти, и ляже к ней на одр. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же зверь оскверни ее блудом, абие же она очютися на утрия в третий час дня, и не поведа никому бывшее диавольское кознодейство, и с того же дни окаяннии демон начаща к ней приходити кроме великих праздников по пяти и шти человеческим зраком, яко же некотории прекраснии юноши, и тако нападаху на нея, и скверняху ея, и отхождаху, людям же ничто не видевшим сего. Она же, Соломония, поведа мужу своему яже о себе, како тие демони приходя скверняху».

Но галлюцинации стали повторяться, сделались ежедневными, «кроме великих праздников».

Муж сперва жалел Соломонию, но, не видя конца ее диким видениям, струсил и отвез жену на житье обратно к отцу ее иерею Димитрию. Здесь припадки Соломонии еще ухудшились, а сладострастные грезы, вдали от мужа, участились. И так как

родительский присмотр за нею, надо думать, оказался слабее мужнина, то истеричка стала убегать из дому, а возвращенная, лгать, будто черти уносят ее к себе в воду.

Иллюзии полового сожительства повели за собою (совершенно как у той злополучной дамы, пример которой приводил я выше по Делассю и Гуайте) иллюзию беременности la grosseuse hysterique, с развязкою фантастических родов.

«И бысть у них два дни и две нощи, и зача у них в утробе, и носила их полтора года. Приеде же ей время родить; и бе она в дому отца своего, и выслала отца из дому вон со всеми живущими, сказа ему, еже хотяще родити и еже бы их темнозрачных не убили. И в кое время нача она родити, и прииде к ней от тех темнозрачных демонов жена, и нача с нею водитися; и роди их шесть, а видением они сини, и взя их та жена, что с нею водилась, и унесе из храмины под мост».

Было бы длинно, скучно и ненужно исчислять все исчезновения Соломонии, насилия над нею демонов и беспрестанные роды ее, в которых она наплодила множество чертенят.

Дальнейшая история Соломонии, как в смене галлюцинаций демонических и религиозных прожила она десять лет с лишком; как бесновалась она во время богослужения, особенно когда один священник решился ее насильно причастить («нача демон устами ея вопить великим гласом: сожже мя, сожже мя!»); как являлись ей с ободрением святые Прокопий и Иоанн, устюжские чудотворцы, и, наконец, сама Богородица, — вся эта обычная и частая история кликуши-демономанки малоинтересная. Но исцеление ее в высшей степени любопытно и показательно и как клинический случай, и как комбинация ложных представлений. Великим постом 7179 (1671 года) Соломония говела и — в результате воздержания и физических утомлений, сопряженных с говением, — разрешился в ней какой-то внутренний болезненный процесс: на левом боку у нее сделался огромный нарыв, который вскрылся накануне того дня, как ей надо было причащаться. Процесс совершался очень трудно и мучительно, и окружавшие Соломонию «сердоболи», как и сама она, приняли его за новое злодеяние дьявола: «по захождении солнца смятеся в ней окаянный демон, и начат утроба ея рвати;, она же от тяжести нач велми кричати; и прогрызе у нея левый бок на скрозь; и егда прогрызе, Соломония же очюти себе, а во ум пришед, и виде срачицу свою

окровавлену, и показа сущим ту: что ей сотвори демон в нощи; он иже, видевши гибель ея от демона плакохуся зело». Весь этот день и потом до 27 мая (значит, месяца полтора) припадки Соломонии были сильнее, чем когда-либо, — «ни мало ни даяше покоя живущий в ней демон: терзаше утробу ея и люте рваше, и велми мучаше ю паче перваго. Позна бо он окаянный свою гибель». Демон Соломонии был догадливее ее сердоболей: почувствовал, что сильная натура ее переломила-таки болезнь, кризис совершился и дело пошло на выздоровление. Половой бред прекратился: после того как внутренний демон прогрыз Соломонии бок, никакие внешние демоны уже ея не «скверняху». Состояние потрясенного организма еще очень тяжело, но улучшенное самочувствие уже прогностирует выздоровление и подсказывает радостные сны. 27 мая Соломония видит во сне особо чтимых ею устюжских чудотворцев «и глаголаша святии ей: Соломоние! молися Прокопию и Иоанну; они тебя по мале времени избавят от таковаго мучения… уже ты, Соломония, последний год хидиши!» Предсказание оправдалось даже скорее, чем обещали святые: того же лета 7179, июля в 8 день в самую в память святого праведного Прокопия, значит, шесть недель спустя после видения, Соломония, придя в соборную церковь Пресвятой Богородицы, торжественно заявила «всему освященному собору» и «прилучившимся православным» о полном своем исцелении. По словам ее, оно пришло к ней опять-таки во сне. «И видеша мя яки мертву, а чрево мое надмеси зело люто оными лукавыми; и зряща мя вси плакаху, видяще мое гибельство. И се внезапу свет возсия неизреченный, ид еже аз лежах, и видех юношу, идуща во храмину тою и свещу несуща, и по нем идуще святии Прокопий и Иоанн, и ставше уз главы моя, глаголаша святии мужи собою; аз же того не вем что они глаголют; и паки приступи ко мне святый Прокопий, и перекрестил рукою своею утробу мою, а святый Иоанн, держа копейцо в руке малое, и той приступи ко мне, и разреза утробу мою, и взя из меня демона, и подав его святому Прокопию; демон же нача вопити великим гласом и витися в руце его; и святый Прокопий показа ми демона, и рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть в утробе твоей. Аз же зря его видением черн и хвость бяше у него же дебела и страшна; и положи его окаянного на помост и закла его кочергами. Святый же Иоанн паки изымати из утробы моея по единому и давати

святому Прокопию; он же закалаша их по-единому… и приимаше, и металше их на помост церковный, и давляше их ногою своею. И глагола святый Прокопий ко святому Иоанну; чиста ли утроба у Соломонии от живущих в ней демонов? И отвеща святый Иоанн: чиста есть, и несть порока в ней! Посем святый Прокопий смотряще сам в утробу мою, да бы чиста».

В последних галлюцинациях Соломонии замечательно сосредоточение ее фантазии на хирургическом, так сказать, акте: «разреза утробу мою, чтоб у меня, грешной, режа, срачицы не окровавить», «нача изимати тою же раною демонов, яко же и прежде». Все это говорит о самочувствии, ощущающем в «утробе» опять-таки какой-то острый, режущий процесс, вроде того, как за два с половиною месяца пред тем, когда демон-нарыв прогрыз Соломонии бок и тем началось ее исцеление. Приостановленное рецидивом, острым по форме явлений, но значительно слабейшим по существу, оно благополучно закончилось в новом нервном кризисе, вызванном переутомлением Соломонии на празднике св. Прокопия в церковной давке, и религиозным ее экстазом. Предположение это находит себе подтверждение в подробности, которой нет в Костомаровском списке «Повести», но есть она в списке Буслаевском: «а на чреве моем, коим местом вынимали святии демонскую вражию силу, и то место знать, ради истиннага свидетельства, дабы не помышляли людие привидение се быти, а не истинное чюдо святых и праведных чюдотворцев». Закрылась рана старого нарыва («язва, иже от диавольского злаго прогрызения исцеле»), но сохранился шрам от нового.

Нет никакой необходимости относиться к «Повести о бесноватой жене Соломонии» как к вымыслу, вроде беллетристического, для легкого чтения благочестивых читателей XVII века, для литературного развлечения современников, как выразился о ней в свое время Костомаров. В 1913 году легко можем поверить, что простодушная запись эта действительно, и даже проверенно, запротоколила истинный факт (возможность исторического существования Соломонии допускал и Костомаров). Работы и наблюдения Шарко, Рише, Маньяна,[306] Крафт-Эбинга, Мержеевского[307] и др. дают нам полное право признать это «преславное чюдо, страха и ужаса исполнено», во всем его объеме, не нуждаясь ни для одного его момента ни в сверхъестественном толковании, ни даже в возможности,

что бесовская драма Соломонии была целиком или в большей части весьма человеческой комедией, разыгранной истеричкою-симулянткою (эти-то оба качества присущи Соломонии в высокой степени и чередуются с замечательною типичностью), с какими-либо двусмысленными целями, при помощи шайки шарлатанов. Пред нами просто правильно и точно — «клинически», так сказать, — но не врачом, а церковником записанная история полового невроза, которую автор и в причинах, и в подробностях, и в исходе истолковал и осветил согласно теологическому мировоззрению своего века. Но в изложении хода и явлений невроза внимательная добросовестность автора оказалась выше похвал, почти фотографическою. Поэтому мы не имеем никаких оснований сомневаться в его предисловии, что он записал повесть со слов самой ее героини: «еже аз слышах грешных у нея Соломонии из самых уст ея, при свидетелях отца ея духовнаго священноиерея Никиты, того же Устюга, соборные церкви Пресвятыя Богородицы, и отца ея роднаго священноиерея Димитрия, и написах сие в память будущим родом». Сквозь строки повести все время неизменно смотрит живое лицо живой, из медвежьего угла, поповны-мужички, порченной Соломонии. Выступает временами и испуганное лицо отца ее Димитрия, который потом — вероятно, под впечатлением пережитых в семье событий, — оказался монахом Дионисием в Троицком Гледенском монастыре. Ибо силою настоящего, живого, на собственной шкуре пережитого семейного ужаса дышат простые строки хотя бы такого дополнения: «мучаху бо ея темнии проклятии дуси, живищи в ней, и тогда она вне себе вбываше, и бегаше из храмины своея, в ней же живяше, обнаженна в раздранней ризе и простертыми власами, и пометашеся в воду зимним и летним временем; прилучившия же ся людие ту овогда постигаху ея на край воды, а иногда в воде удерживаху и извлекающе ю из воды на берег и из пролуби на лед, аки мертву; утроба же у нея тогда бываше яко у жены родити хотящей, и во чреве ея терзахуся темнии демони яко рыбы во мрежах; и сие страдание ея видяще ту предстоящий людие, удивляхуся зело, и отношаху ю аки мертву в дом, идеже она живяще, и сие мучение и томление от демонския силы многажды ей бываше». Это вставка попа Димитрия, который присутствовал при рассказе в качестве свидетеля, и нельзя не признать, что сделана она с энергией и образностью человека, живо помнящего, как ловил он по берегам реки

и выхватывал из прорубей спешащую на какие-то таинственные зовы, охваченную загадочною жаждою самоубийства полоумную дочь. Роль автора повести свелась к тому, что, когда Соломония или поп Димитрий наивно говорили: «нечистый стал визжать, как поросенок», — он, начитанный и письменный церковник, облекал эту деревенщину в литературность: «яко свиния малыя». Но и только. Протокол же остается протоколом, и факты его — фактами.

* * *

Кроме своих природных детей дьяволы любили брать приемышей. Доставались им дети либо через похищение, либо через проклятие или неосторожное обещание родителей, либо чрез неправильность в обряде крещения. Мы видели в примере Соломонии Бесноватой, что достаточно было крестящему попу быть в пьяном виде, чтобы отдать ребенка во власть «чернородных демонов». Английский летописец Роджер из Ховдена[{308}] (около 1200) рассказывает, что одна девушка, забеременев, ушла из дому, чтобы скрыть приближающиеся роды. В открытом поле в час ужасной грозы схватили ее муки. Устав напрасно призывать помощь Божию, взмолилась она к дьяволу. Он тотчас же появился в виде молодого человека и сказал ей: «Следуй за мною». Привел ее в овчарню, сделал из соломы постель, развел хороший огонь и ушел за едою. Шли мимо два человека, заметили огонь, вошли в овчарню, расспросили лежащую родильницу и, ужаснувшись дьявольского коварства, побежали в ближайшую деревню за священником. Тем временем черт возвратился с съестными припасами и водою, подкормил родильницу и, когда настал ее час, принял у нее младенца, как искуснейший акушер. А тут как раз подоспел священник с толпою прихожан и начал заклинания, которых дьявол, конечно, не выдержал и бежал, умчав и новорожденного на руках своих. Добрая мать, мало о том заботясь, возблагодарила Создателя за избавление от лукавого и с миром возвратилась в дом свой. Нельзя не сознаться, что в удивительном этом происшествии дьявол едва ли не единственное действующее лицо, которое вело себя, как прилично порядочному человеку.

Вальтер из Куанси[{309}] (ум. 1236) знает другую историю. Добродетельные и богатые супруги, родив несколько детей, дали Святой Деве обет — впредь жить в целомудрии. Но демон хитер, а

плоть немощна. Однажды, да еще как раз в ночь на Пасху, демон разжег супруга такою лютою страстью, что после долгих отказов, уговоров и угроз жена должна была уступить его желаниям. Но перед тем как отдаться, она воскликнула:

— Если от этого нашего греха будет ребенок, знай, что я дарю его дьяволу!

Ребенок таки родился — и очаровательный. И чем дальше растет, тем больше восхищает всех красотою, умом, милым характером, добрым поведением. А мать заливается слезами, памятуя свое проклятие и ожидая от него самых мрачных последствий. Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, матери явился ужасный демон и предупредил ее, что через три года он придет за своею добычею. Бедная женщина в отчаянии призналась сыну, какая участь его ожидает. Мальчик горько заплакал и, покинув родительский дом, пошел в Рим к папе просить защиты. Папа стал в тупик пред таким казусным делом и послал юношу к иерусалимскому патриарху, мудрейшему человеку на земле. Этот мудрец, однако, тоже не находил средства выручить ни в чем не повинного мальчика от когтей ада. — Разве вот поможет тебе такой-то отшельник: он настолько свят, что ангелы сходят с неба, чтобы побеседовать с ним… Горько рыдая, призывая Бога и Святую Деву, мальчик ходит-ходит, а три года тем временем почти прошли и до срока остаются одни сутки. В Страстную субботу находит он своего отшельника. Тот сперва тоже растерялся было, но потом приободрился и кое-что придумал. После ночи, проведенной на молитве, отшельник, служа обедню, поставил мальчика между собою и алтарем. Это не помешало дьяволу ворваться и схватить свою добычу. Но отшельник призывает Святую Деву. Она сходит с неба во всей славе своей, и дьявол, конечно, бежит, посрамленный, а юноша спасен и, возвратясь на родину, посвящает себя на всю жизнь культу Святой Девы.

В другой истории дьявол в высшей степени заботливо воспитывает похищенного им ребенка и путешествует с ним по свету. Но в пятнадцать лет юноши св. Иаков отнимает его у дьявола и возвращает родителям.

Поверья эти широко разработаны в русской народной демонологии. По одним — «младенцы, проклятые родителями или умершие некрещеными, захватываются демонами и обращаются в кикимор. В

их сообщество поступает также игоша — мертворожденный ребенок, недоносок, выкидыш, уродец без рук и без ног, который поселяется в избе и тревожит домохозяев своими проказами». Точно так же достается нечистым заспанный (задавленный во сне) младенец; «чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи в церкви — в кругу, очерченном рукою священника, и тогда в третью ночь, как только пропоют петухи, черти отдадут ей мертвого ребенка». Некоторые из народных рассказов о несчастных, попавших во власть демонов через родительское проклятие, замечательно красивы и трогательны. Для характеристики их возьму одну из знаменитой книги А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу», в которой их много:

> «Жил старик со старухою, и был у них сын, которого мать прокляла еще во чреве. Сын вырос большой и женился; вскоре после того он пропал без вести. Искали его, молебствовали о нем, а пропащий не находится. Недалеко в дремучем лесу стояла сторожка; зашел туда ночевать старичок-нищий и улегся на печке. Спустя немного слышится ему, что приехал к тому месту незнакомый человек, слез с коня, вошел в сторожку и всю ночь молился да приговаривал: „Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!“ Утром пришел нищий в деревню и прямо попал к старику со старухой на двор. „Что, дедушка, — спрашивает его старуха, — ты человек мирской, завсегда ходишь по миру, не слыхал ли чего про нашего пропащего сынка? Ищем его, молимся о нем, а все не объявляется“. Нищий рассказал — что ему в ночи почудилось: „Не ваш ли это сынок?“ К вечеру собрался старик, отправился в лес и спрятался в сторожке за печкою. Вот приехал ночью молодец, молится Богу да причитывает: „Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!“ Старик узнал сына, выскочил из-за печки и говорит: „Ах, сынок! насилу тебя отыскал; уж теперь от те я не отстану“. — „Иди за мной!“ — отвечает сын, вышел из сторожки, сел на коня и поехал; а отец вслед за ним едет. Приехал молодец к проруби и прямо туда с конем — так и пропал. Старик постоял-постоял возле проруби, вернулся домой и сказывает жене: „Сына-то сыскал, да выручить трудно; ведь он в воде живет“. На другую ночь пошла в лес старуха и тоже ничего доброго не сделала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, взошла в

сторожку и спряталась за печкою. Приезжает молодец, молится и причитывает: „Бог суди мою матушку — за что прокляла меня во чреве!“ Молодуха выскочила: „Друг мой сердечный, закон неразлучный! теперь я от тебя не отстану!“ — „Иди за мной!“ — отвечал муж и привел ее к проруби. „Ты в воду, и я за тобой!“ — говорит жена. — „Коли так, сними с себя крест“. Она сняла крест, бух в прорубь — и очутилась в больших палатах. Сидит там Сатана на стуле; увидал молодуху и спрашивает ее мужа: „Кого привел?“ — „Это мой закон!“ — „Ну, коли это твой закон, так ступай с ним вон отсюдова! закона разлучать нельзя“. Выручила жена мужа и вывела его от чертей на вольный свет!»[310]

Множество легенд и сказок варьирует общеизвестный мотив — царь, купец, богатый мужик запродают или обещают за услугу черту то, чего дома не знают. Обещая, рассчитывают отделаться какими-нибудь пустяками, ибо какой же хозяин всего важного в своем доме не знает? Но оказывается, что это — ребенок, которым беременна жена обещателя, о чем она еще не успела сообщить мужу. Обещанному таким образом ребенку впоследствии приходится тяжкими трудами добывать себе свободу от безвинно закабалившей его злой власти. Славянские сказания этого рода имеют, по большей части, бодрый тон и счастливый конец. Германские мрачны и трагичны, образцом чего может служить не раз упомянутая баллада Гейне о Германе Веселом Герое (German, den fröhlichen Held).

Когда черт не в состоянии похитить или выманить ребенка у родителей, он не прочь купить. Это особенно часто в немецких легендах. В знаменитом «Громобое» Жуковского, заимствованном из немецких образцов, герой покупает у Асмодея отсрочку адской казни ценою душ двенадцати своих дочерей, по году за каждую. И хотя сделка очевидно незаконна и дочери Громобоя могли бы отказаться от платежа по своим кровавым векселям уже в силу своего несовершеннолетия, однако контракт оказывается достаточно сильным, чтобы превратить их в «двенадцать спящих дев», правда избавленных от ада, но не впущенных и в рай.

Продать или передать черту можно не только своего ребенка, но и, например, жену, как сделал один рыцарь, о котором упоминает Артуро Граф. Больше того, при достаточно благоприятных условиях можно отправить к черту человека совершенно постороннего, лишь бы дар

был сделан не только на словах, но от чистого сердца. Артуро Граф сообщает на этот счет такую улыбчивую притчу, которою я однажды воспользовался для сатирического рассказа.

Был сборщик податей, человек безжалостный, прижимистый, жадный. Шел он однажды деревнею, и пристал к нему в товарищи черт. Идут. Вдруг видят: гонит мужик свинью, а она артачится, так что привела его в отчаяние, и ругает он ее:

— Черт бы тебя побрал!

Сборщик и говорит дьяволу:

— Не слышишь? Он тебе отдает свинью, — поди возьми ее.

— Нет, — отвечает дьявол, — это не от чистого сердца.

Идут еще. Мать не может унять разревевшегося младенца и ругается:

— Черт бы тебя взял!

— Почему же ты не берешь его? — опять удивляется сборщик.

И опять возражает дьявол:

— Не от чистого сердца дает. Это только так, присловье.

Наконец, подходят они к крестьянам, с которых сборщик собирается выколачивать недоимки. Как завидели они своего мучителя, так и закричали хором:

— Черт бы тебя побрал! Вечно бы тебе быть в когтях у черта!

— Вот это дело! — сказал черт. — Эти дают от чистого сердца. А потому — пойдем-ка, любезный!

Ухватил сборщика за шиворот — и был таков!

Глава восьмая

АД

Что такое ад? Где он? Какой?

Вселенная есть здание в два этажа с подвалом.

Верхний этаж — рай, дворец Божий, жилище ангелов и святых, полное светов неописуемых и гармоний звуков неизрекаемых, украшенное цветами нетленными, благоуханное ароматами неистощимыми, — царство непорочной святости и непреходящей радости.

Нижний этаж — наш земной мир, населенный человечеством, падшим и страждущим, греховный, в жажде искупления скорбящий в мечтах о блаженстве, хрупкое царство превратности, опасного коловращения судеб, в постоянно обновляемой смене и смешении добра и зла.

Подвал — ад: мрачная пропасть, где Сатана, со своими ангелами и бесчисленным населением погибших грешников, уплачивает божественной справедливости долг, никогда не погасимый, — царство неисправимого греха, неискупимой преступности, безмерного отчаяния и вечных мук. В католическом представлении этот подвал мира снабжен надстройкою, в которой грех может быть исправлен и искуплен и страдания облегчаются надеждою: это чистилище, темная прихожая сияющего рая.

Среднее царство представляет собою огромный рассадник душ, которые беспрерывно уходят из него двумя течениями: одно поднимается к небу, другое опускается в ад. Сатана и его несчетное воинство только одною целью и живут, направляя на нее все свое искусство и злобу: как бы увлечь вниз возможно большее число душ, чтобы заселить ад в ущерб раю. И, как известно, работают не без успеха.

Где же, собственно, находится ад?

Блаженный Августин в знаменитом трактате своем «О граде Божием» предостерегает против этого вопроса, говоря, что ни один человек не в состоянии узнать местоположение ада, если сам Бог не открыл ему этой тайны. Но Средние века, пытливые насчет

мистической географии, не послушались блаженного Августина, и вот — целым градом пестрых мнений — ад помещается то в воздушных сферах, то на солнце, в Иосафатовой долине, под полюсами, у антиподов, внутри вулканов, в центре Земли, на крайнем Востоке, на далеких островах, затерянных среди неведомых океанов, — иные же отделываются от адской топографии неопределенным, но решительным указанием: «вне мира». Григорий Великий повествует о некотором отшельнике с острова Липари, зревшем однажды, как папы Иоанн и Симон ввергли в кратер тамошнего вулкана душу Теодориха Великого. Альберих от Трех Источников,[311] французский монах, летописец XIII века, хронику которого впоследствии огласил Лейбниц в своих «Accessiones Historicae», полагал, что души сожигаются в Этне. Истории в том же роде рассказывают Аймоин Флерийский[312] (X век) и Цезарий из Гейстербаха (XII–XIII вв.), автор «Диалога о чудесах». Св. Брандан (484–578), с именем которого связана легенда об одном из древнейших и, конечно, таинственнейших дальних плаваний в Атлантическом океане, видел где-то остров, изрыгающий пламя, в котором демоны, во образе кузнецов, ковали молотками распростертые на наковальнях раскаленные души. «Гион Бордосский»,[313] французская поэма XIII века, помещает ад на острове, называемом Моусант, а другая поэма, «Otinel»,[314] растягивает его «под Татарией». На дальнем баснословном Востоке находит пекло герой рыцарской повести Угоне Альвернийский.

Однако же наиболее распространенным, господствующим и самым естественным оставалось мнение, согласное с представлением древних, по которому ад находится внутри земли, как вечная угроза бездны, готовой разверзнуться под ногами грешных. Земная кора — не более как тонкий потолок ада, дрожащий и трепещущий под напором карающего пламени и воя вечных мук. Земля, красиво одетая солнцем в цветущие поля, густые леса, светлые воды, в действительности — червивый плод: кожа — румяная, а сердцевина — гнилая. Это яблоко с берегов Мертвого моря: с вида прекрасно, на обоняние душисто, а возьмите его в рот — оно рассыплется пеплом. Червь, источивший и испортивший великое яблоко земли, есть Сатана. Данте так буквально и называет его: «Преступный червь, который точит землю», и поразительною силою фантазии рисует картину, как через падение Сатаны с неба на землю создалась адская пропасть.

Ад должен был иметь свои жерла — входы и выходы для вечно снующих взад и вперед по делам своим дьяволов. Уже в Евангелии есть указание на «врата адовы», которые не одолеют церкви. Нисходящий во ад Христос, в Никодимовом евангелии, придя к вратам ада, повелевает князьям мрака, чтобы они открыли пред Ним врата эти, и когда те медлят, то Христос взламывает врата и, опрокинув, входит. Гервасий Тильбюрийский (ум. 1235) знал о вратах ада, разбитых Христом, что они были бронзовые, и обломки их можно видеть на дне одного озера близ Поццуоли. Данте вошел в ад уже вратами без дверей, и над ними была надпись литерами темного цвета. Количество адских отдушин на поверхность земли предполагалось, впрочем, весьма значительным и помимо этих главных ворот. Такими считались все вулканы — трубы, предназначенные выпускать пары и дым вечной адской кухни, многие пещеры и пропасти, водоворот Мальстрема, а в Ирландии — знаменитый колодезь Св. Патрика. Кроме подобных входов, обычных и постоянных, демоны могли заставить землю раскрыться в любом месте, чтобы пропустить их из ада или в ад либо чтобы поглотить какого-либо выдающегося злодея. Ад воображается громадным лютым чудовищем, на теле которого непрестанно умножаются пасти, чтобы жадно ловить и пожирать все новую и новую добычу в насыщение бездонного брюха. В средневековой живописи и мистериях ад так и олицетворяется — в виде драконовой пасти, пожирающей души, дышащей столбами пламени и дыма. Изображение это можно видеть на папертях старинных русских церквей XVII–XVIII веков. Воображать ад исполинским животным, положенным, так сказать, в фундамент земли, исконно свойственно русской религиозно-эпической мысли. Хорошо известно поверье, что земля стоит на трех китах. Прежде их было четыре, но один помер и настолько нарушил тем земное равновесие, что тогда произошел Всемирный потоп. Когда же помрут остальные три, то наступит кончина мира. В «Беседе трех святителей»[315] говорится, что «земля основана на огнеродном ките или змие, который живет в огненном море; из уст его выходят громы пламенного огня; из ноздрей — ветер буйный, воздымающий огонь геенский. В последние времена он задвижется, восколеблется, и потечет река огненная, и настанет свету переставление» (Генерозов).[316]

Рай — царство радости и света. Ад — царство страданий и тьмы. Тьма там — густая, глубокая и как бы плотная. Она в некотором роде представляет собою основное вещество ада. Созерцая «печальную долину бездны», Данте видел ее «настолько темною, глубокою, в туманах, что, сколько взор ни устремлялся ко дну, не мог ни одного различить очертания». Это — «слепой мир», «место, онемелое в лишении всякого света», вечный туман его нарушают только сверкания пламенных облаков и вихрей, рдеющие кучи раскаленного угля, потоки расплавленных металлов. Впрочем, некоторые (в том числе и наш московский Филарет) утверждали, что адский огонь обладает только свойством жара, но не света, так что неугасимое адское пламя — «темное».

Царство мертвых должно приять бесчисленные народы. Поэтому оно обширно и глубоко. В одной старинной англосаксонской поэме Сатана, по повелению Христову, измеряет пространство ада и определяет расстояние от врат до дна его 100 000 миль. Однако теолог и экзегет XVII века Корнелис ван ден Стеен (Cornelius a Lapide, 1566–1627), автор десятитомных комментариев на Священное Писание, иезуит, довольствуется для ада шириною всего лишь в 200 итальянских миль. Немного, сравнительно с предполагаемым населением, но один немецкий богослов вычислил, будто объем кубической мили достаточен, чтобы вместить сто тысяч миллионов осужденных душ, так как они должны располагаться отнюдь не просторно и с комфортом, но одна на другой, подобно сельдям в бочонке или виноградинам в кадке. Подобную вечность только немец мог придумать! Это хуже даже свидригайловского бреда:

> «— Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность».

Геометрически построенный ад Данте — опрокинутая воронка, опущенная к центру земли девятью кругами последовательно укороченных радиусов, — встречается у некоторых подражателей великого поэта, но не у его предшественников, визионистов. Их ад — всегда подобие земной области, с тою разницею, что он много

сквернее самого скверного места на земле, которое знают люди, и что он никогда не видит сияния небес. Адские декорации визионистов — крутые, голые скалы, загроможденные каменистые равнины, разверстые пропасти, леса странных деревьев, смоляные озера, гнилые и угрюмые болота. Ад прорезан в длину и ширину реками, то чуть ползущими, то бурно стремительными, причем названия их — Ахерон, Флегетон, Лета, Коцит, Стикс — показывают, что они, переменив русло, притекли в христианский ад из античного языческого Аверна. Реки эти описывает и упоминает также Данте.

Печальное царство имело города и замки. Данте рисует город Князя тьмы Дия — в долине, окруженной глубокими рвами, с вечно раскаленными башнями, с тяжелыми стенами. Часто весь ад рассматривался как один большой город и под именем проклятого Вавилона противопоставлялся небесному Иерусалиму, как Сатана противопоставляется Богу. Таким воображал себе ад Бонавентура (1221–1274), а контраст между двумя городами — горним и преисподним — воспел Джиакомино из Вероны,[317] поэт-францисканец XIII века, в стихах, довольно грубых по форме, но горящих верою. Среди достопримечательностей адской области многие упоминают узкий мост, по которому должны проходить души, причем наиболее отягченные срываются с него, чтобы упасть в кипящую внизу пламенную бездну. Этот образ заимствован у семитического Востока. Он свой в Коране и Талмуде, а латинскому Западу его подарили, вероятно, Византия и крестовые походы.

У царства вечной скорби имеется своя топография, метеорология, флора и фауна. В нем свирепствуют буйные ветры, то леденящие, то сожигающие; льют неукротимые дожди, падают град и снег. Растения, питаемые ужасною почвою ада, покрыты шипами острее ножей, плоды их налиты ядом. Воздух отравлен нестерпимою вонью. Животные — в самом деле животные или демоны в виде животных: трехголовый Цербер, трехтуловищный Герион, свирепые собаки, драконы, змеи, жабы, отвратительные насекомые…

Средневековый ад снабжался душами всех классов и профессий, положений и условий общественных — от императора до шута, от папы до злого ребенка, от рыцаря до купца, от монаха до проститутки — с таким усердием и в таком обилии, что можно подумать, будто человечество только для того и существует, чтобы населять адские

бездны. Отшельник VIII века, св. Баронт,[318] видел демонов, носивших души в ад, — они летели в мир и возвращались с добычею, совсем как пчелы в улей со взяткою, снятою с цветов. Св. Обинцо (ум. 1200) видел души, падавшие в ад, как густой снег, а св. Бригитта[319] (1302–1373) в одном из своих «Откровений» считает ежедневное поступление душ на рынок преисподней «паче песку морского». Кто же попадает в рай? Святые безмолвствуют.

Некоторым мертвецам демоны делают честь, являясь за душами их целою толпою. Так была унесена с поля сражения душа Родриго, последнего короля готов в Испании. Св. Иаков из Вораджио (de Voragine), собиратель «Золотой легенды», рассказывает поучительную историю, как некоторые монахи всю ночь, до восхода солнца, сидели на берегу реки и вели непристойные и праздные разговоры. Вдруг видят: стремительно плывет лодка, полная гребцов, работающих веслами с какою-то неестественною силою. «Кто вы такие?» — спрашивают монахи. А те отвечают: «Мы демоны; несем в ад душу Еброина,[320] мажордома Невстрийского…» Услыхав такие страсти, монахи струсили и, бледные, закрестились: «Святая Мария, моли Бога за нас!» — «Вы вовремя спохватились призвать Марию, — сказали демоны, — потому что мы намеревались растерзать вас и утопить в наказание за вашу распутную и несвоевременную болтовню…» Монахи не заставили повторять нотацию дважды и поспешили в монастырь, а нравоучительные черти с высокопоставленным багажом своим поплыли себе в ад.

Впрочем, иногда дьяволы не довольствовались тем, что уносили злую душу. Некоторых злодеев они забирали живьем и целиком, прихватывая и тело. Цезарий из Гейстербаха рассказывает, как у них в Кёльне один солдат, ярый игрок, играл с чертом в кости и проиграл. Черт ухватил его и унес сквозь крышу с такою стремительностью, что следом и памятью о бедном солдате остались лишь кишки несчастной жертвы, прилипшие к черепицам. Легенда эта была известна и в древней русской литературе. Костомаров напечатал ее по списку XVI века, принадлежавшему Румянцевскому.

> «Некий воин отдаде себе на всякую игру, и ни в нощи, ни во дни не даде себе покоя, но на всяк час о сем печашеся, и мешец нося сребра, потрясая им и ко игранию призывая; и во всяких играх зело

получен: и никто бо от него тако отходя, но всех обыгрывая. Что же Бог о нем впредь будущим родом показа?

Попущено бысть от Бога, дабы с тем воином играл диявол. И прииде к нему во образе человечи, предложи сребро, и воин свое, и начата играти; и нимало поступи воину, но все демону сприсобляло, воину же и сребра недостало. И вскочи воин разгневався, рече: или диявол еси? И рече демон: престанем о сем, яко уже приближается день; несть же мне что у тебе, кроме самого пояти. И восхитив того сквозь кров храмины, повлече с таковою силою, иже вся внутренняя его обретоша между крова изриновенна и осташася; что же телу сотвори и нигде не обретеся, аще и много жена его и сынове о сем пекущёся; точию чрево и вся внутренняя его обретошася».

Близка по содержанию легенда того же века о пьянице, продавшем душу бесу.

«Приключися яко нецыи человецы честнии по мирскому в корчемнице пияху, и глаголюще с собою о различных вещах, бысть же беседа и о сем, что будет после сего жития? тогда один рече: всуе нам сие иереи поведают яко по смерти души живут. И сему словеси начата вси смеятися; и прииде ту абие некий человек силный и великий, и седе с ними, повеле продавцу принести вина, и начаша пити, и вопрошеть; и рече оный первый: о душах глаголем, аще бы кто хотел купити мою душу, то убо бы за всех заплатил, еже испити, и продам ю с радостию. Они же вси безумному глаголанию смеяхуся. Он же пришлец рече: аз сицевого продателя ищу; готов ю есмь купити: повеждь ми, что хощеши за ню прияти? Той отверз уста рече: за злато и серебро хощу продати. И абие согласистася о цене, купец души абие оточте сребро; едаже вси пияху радостно полными сосудами, ничто же печащеся, сей же предал есть душу; егда же прииде вечер, рече оный купец: время уже всякому возвратитися во своаси, обаче нежели разыдемся, да разсудим си: егда кто купит конь, тоже будет со уздою или несть того узды, иже купи? И отвещаща вси согласно яко тако есть правда. И се абие оный окаянный предатель начат от страха трепетати, а купец оный восхитив его с телом пред очима всех, вознесе горе, и несе душу и тело с собою во ад, ибо диавол бысть во образе человека. Ктоб есть иной, иже душу купует? Но так оный, о нем же в гаданиях еще и в

сени ко Аврааму речено бысть: даждь ми душу, а богатство возьми себе».

Порою для подобных похищений дьявол гримируется черным конем или рыцарем на черном коне В первом виде — известная легенда — он похитил Теодориха Великого: прельстил старого гота сесть на вороного коня неслыханной красоты, который, едва король очутился на нем, помчался быстрее птицы. Напрасно лучший из всадников свиты хочет догнать его, напрасно мчатся вслед ему собаки, спущенные со своры. Напрасно сам Теодорих, почуяв сверхъестественную силу коня, пробует спрыгнуть на землю: прилип! Тогда всадник стал издали звать короля: «Государь! Зачем ты скачешь так и когда вернешься?..» И слышит ответ: «Это черт уносит меня. Вернусь, когда будет угодно Богу и Деве Марии».

Яков Пассаванти (1298–1357), флорентийский доминиканец, приор Св. Марии Novella, рассказывает в своем «Зеркале истинного покаяния»:

«Читаем у Елинанда,[321] что был некий граф в Матисконе, человек развратный и великий грешник, гордый против Бога, безжалостный и жестокий к ближним. Будучи важным барином, обладая властью и большими богатствами, здоровый и сильный, он не думал, что должен будет умереть или что лишится земных благ и будет судим Богом. Однажды, в день Пасхи, когда он в своем дворце, окруженный многими рыцарями, отроками и почтеннейшими из граждан, разговлялся за праздничным столом, внезапно въехал в ворота дворца на огромном коне некто неизвестный; никому не сказав ни единого слова, приблизился он к тому месту, где находился граф с обществом гостей своих, и — слышимый и видимый всеми — произнес: „Встань, граф, и следуй за мной…“ Граф, совершенно перепуганный, трепеща, встает и следует за неизвестным, которому никто не решается ничего возразить. У ворот дворца всадник приказал графу сесть на одну из приготовленных там лошадей и, взяв ее за узду и увлекая за собой, понесся во всю прыть по воздуху. Весь город это видел и слышал жалобные вопли графа, кричавшего: „Помогите мне, о граждане, помогите вашему бедному, несчастному графу!“ И с этими криками исчез он из общества людей и отправился на века вечные в ад, в общество чертей». Еще раньше Елинанда и Пассаванти совершенно подобную историю рассказывает Петр Преподобный (1094–1156) в

книге «О чудесах». Эти легенды о дьяволе-коне дали сюжеты нескольким балладам: Соути («Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди») и Уланда[322] («Рыцарь Роллен»), усвоенным в русской литературе прекрасными переводами Жуковского, и гениальному рассказу Эдгара По «Метцгерштейн».[323]

Обремененные работою, хватая второпях, черти часто забирают души, не принадлежащие им по праву, но просто те, что, так сказать, плохо лежат. Когда умер император Генрих II,[324] один отшельник видел, как дьяволы целою шайкою волокли его — в образе медведя — на суд, которым покойный был, однако, оправдан. Григорий Великий рассказывает историю некоего константинопольского нобиля по имени Стефан. Вельможа этот внезапно заболел и умер. Приведенный пред адским судьею, он слышал, как этот последний воскликнул: «Кого вы взяли? Я приказывал привести сюда не этого, но кузнеца Стефана!..» И тотчас же нобиль Стефан возвратился к жизни, а вместо него умер Стефан-кузнец. Бывало, однако, и наоборот, что впадали в ошибку Небеса и торжествовало дьявольское право. Фома Кантипратийский (1201–1270) сообщает случай, когда дьяволы овладели душою очень злого ребенка и понесли ее в ад. Архангел Михаил отбил у них добычу, но св. Петр не впустил мальчишку в рай и приказал Михаилу вернуть его Сатане.

Попасть в ад на вечное жительство было очень легко. Напротив, чрезвычайно трудно было сойти в ад в качестве простого посетителя, так сказать, на положении любопытствующего туриста. Несмотря на то, многим все же удалось побывать в преисподней заживо. Список начинается с Девы Марии, которая посетила ад в сопровождении архангела Михаила и множества ангелов. «Хождение Богородицы по мукам» — популярнейший апокриф русского, да и вообще православного крестьянства. Затем — св. Павел. Легенда о его нисшествии во ад была очень распространена в Средние века и, несомненно, известна Данте. Обыкновенно подобные нисшествия являлись результатом божественного милосердия к какому-либо несчастному грешнику, вымоленному от казни чьим-либо святым заступничеством, или к народу, нуждающемуся в наглядном уроке адских мучений, потому что он забыл заповеди и предупреждения Божии. Но св. Гутлака сами черти однажды вытащили из кельи и

носили по преисподней, чтобы возмутить его против божественной справедливости нестерпимым зрелищем адских мук. Смелый рыцарь Угоне Альвернийский отправился в ад по приказанию своего короля, который пожелал взять дань с Люцифера. Вот эффектное перерождение сказки о работнике Балде на почве романтического феодализма! В 1218 году некий граф предложил большую награду тому, кто сможет принести ему вести, как существует на том свете отец его, незадолго умерший. Один бравый рыцарь взялся за это дело. Купив секрет у какого-то колдуна, он пробрался в ад, нашел старого графа в самом плачевном положении и получил от него поручение убедить сына, чтобы тот возвратил Церкви некоторые имения, им, стариком, неправильно захваченные: тогда, может быть, черти не так будут его мучить. Путешествие в ад по тем же мотивам и с тем же нравоучительным заключением известно и русскому сказочному эпосу. Некий злодей-генерал уверяет короля, будто удачливый солдат Тарабанов похваляется «на тот свет идти да узнать, как поживает там ваш покойный батюшка». Тарабанов принимает поручение, но требует, чтобы и генерал шел вместе с ним. «Вышли они на двор: у крыльца стоит дорожная коляска — четверней запряжена. „Это кому?“ — спрашивает солдат, — „Как кому! мы поедем“. — „Нет, ваше превосходительство! коляска нам не потребуется; на тот свет надо пешком идти“. Путь далекий, захочется солдату есть — вынет из ранца сухарик, помочит в воде и кушает; а товарищ его только посматривает да зубами пощелкивает. Коли даст ему солдат сухарик — так и ладно, а не даст — и так идет. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — не так скоро дело делается, как скоро сказка сказывается, — пришли они в густой, дремучий лес и спустились в глубокий-глубокий овраг. Тут кольцо остановилося. Солдат с генералом остановились и принялись сухари глодать; не успели покушать, как глядь — мимо их на старом короле два черта дрова везут — большущий воз! и погоняют его дубинками: один с правого боку, а другой с левого. „Смотрите, ваше превосходительство, никак это старый король?“ — „Да, твоя правда, — говорит генерал, — это он самый дрова везет“. — „Эй, господа нечистые, — закричал солдат, — освободите мне этого покойника хоть на малое время; нужно кой о чем его расспросить“. — „Да, есть нам время дожидаться. Пока ты будешь с ним разговаривать, мы за него дрова не потащим“. — „Зачем самим трудиться, вот возьмите у меня

свежего человека на смену“. Черти мигом отпрягли старого короля, а на его место заложили в телегу генерала и давай с обеих сторон нажаривать: тот гнется, а везет. Солдат спросил старого короля про его житье-бытье на том свете. „Ах, служивый! плохое мое житье. Поклонись от меня сыну да попроси, чтобы служил по моей душе панихиды: авось Господь меня помилует — свободит от вечной муки. Да накрепко ему моим именем закажи, чтобы не обижал он ни черни, ни войска; не то Бог заплатит“. — „Да ведь он, пожалуй, веры не даст моему слову; дай мне какой-нибудь знак“. — „Вот тебе ключ, как увидит его — всему поверит“. Только успели они разговор покончить, как уж черти назад едут. Солдат попрощался со старым королем, взял у чертей генерала и отправился вместе с ним в обратный путь. Приходят они в свое королевство, являются во дворец. „Ваше величество! — говорит солдат королю. — Видел вашего покойного родителя — плохое ему на том свете житье. Кланяется он вам и просит служить по его душе панихиды, чтобы Бог помиловал — свободил его от вечной муки; да велел заказать вам накрепко: пусть-де сынок не обижает ни черни, ни войска. Господь тяжко за то наказывает“. — „Да взаправду ли вы на тот свет ходили, взаправду ли моего отца видели?“ Генерал говорит: „На моей спине и теперь знаки видны, как меня черти дубинками погоняли“. А солдат ключ подает; король глянул: „Ах, ведь это тот самый ключ, от тайного кабинета, что, как хоронили батюшку, так позабыли у него из кармана вынуть“». В другом варианте еще выразительнее:

> «Что же с тобою отец наказывал?» — «Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет».

Вера в возможность посещения ада была очень распространена в народе, о чем свидетельствует великое множество шуточных сказок и анекдотов о разных плутах, которые, играя на этой струнке, дурачили глупых ханжей и суеверных баб. Рассказы эти бесчисленны в фольклоре безусловно всех европейских стран, а русский ими, кажется, богаче всех. «Сидит на печи старуха. Пришел солдат: „Бабушка, дай пообедать“. Она дала ему пообедать. „А как тебя зовут, родимый?“ — „Я — Тихон, с того света спихан“. — „У меня там сынок Филатушка; повести, как живет там!“ — „Он, бабушка, свиней пасет;

ну, да и хлопотно ж ему: весь-то он оборвался, весь-то он обносился!“ — „Ах, батюшки-светы! ну, служивый, я с тобой к сынку гостинец пошлю: унеси к нему шубу, поддевку да целковый денег“. — „Хорошо, бабушка, унесу!“ Взял шубу с поддевкой да целковый-рубль и ушел, куда сам знал. А старухин сын на ту пору за дровами в лес ездил; воротился он домой, старуха и говорит: „А ко мне весточка пришла от Филатушки!“ — „Какая весточка?“ — „Давеча приходил солдат Тихон, с того света спихан…“ — „Коли так, — говорит сын, — прощай, матушка! я поеду по вольному свету; когда найду дурковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну“. Повернулся и пошел в путь-дорогу».

Посещение могло совершиться двояким образом: телесно — путешествием и духовно — видением. Второй способ наиболее частый. Видениям ада подвергались обыкновенно люди, обретавшиеся либо в крайне возбужденном, экстатическом напряжении организма, либо, наоборот, ослабленные долгою болезнью или какою-либо другою причиною до полного упадка жизненной энергии, до летаргического состояния, похожего на смерть. Так видел ад св. Фурсей, ирландский монах VII века. После трех дней болезни ему явились два ангела, которым предшествовал третий с огненным мечом и сверкающим щитом, и повели его смотреть грозящие человечеству муки. Карл Толстый[325] (839–888) однажды, ложась спать, услыхал страшный голос, сказавший ему: «Вот, Карл, сейчас душа твоя оставит тело и будет отведена, чтобы видеть суды Божии!..» Так и случилось. Альберих, сын одного барона в Кампании, в девятилетнем возрасте подвергся обмороку, продолжавшемуся девять дней. За это время он, сопровождаемый св. Петром и двумя ангелами, успел осмотреть и ад, и рай. В 1149 году один ирландский рыцарь по имени Тундал, человек нечестивый и безнравственный, был ошеломлен в драке со своим должником тяжелым ударом топора. Придя в себя, он рассказывал, что видел на том свете. К такого рода загробным путешествиям относится русский летописный рассказ о летаргии Федора Красного и великолепная поэтическая концепция некрасовского «Власа». Напротив, герои рыцарских романов: Угоне Альвернийский, Гверин Злополучный и рыцарь Оуэн — побывали в аду живою плотью и кровью, по следам Улисса и Энея, которых литературными потомками они были. Точно так же посетил ад Данте.

И в том и в другом случае посещение ада было небезопасно. Св. Фурсей всю жизнь носил следы от обжога адским пламенем. Демоны терпеть не могли видеть у себя живых пришельцев. Карла Толстого они пытались зацепить огненными крюками, а одного благочестивца из Нортумберланда, о котором рассказывает Бэда Преподобный (673–735), едва не захватили раскаленными щипцами. Страдали от них и юный Альберих, и рыцарь Оуэн, и все другие. То же самое в наших староверческих легендах. И, наконец, даже сам Данте признается, что без защиты Вергилия и небесного посланника ему не раз могло прийтись плохо от мрачных хозяев печального царства, как гостю неудобному и непрошенному. Так что посетителям, нисходившим в ад по непосредственной силе божественного милосердия, обыкновенно давался в охрану ангел-путеводитель.

Глава девятая

АДСКИЕ МУКИ

Ад существует для совместного наказания грешников и дьяволов, казнимых и палачей. Противоречивое существо Сатаны совмещает в себе качества и обязанности по первому взгляду, казалось бы, непримиримые. Первая причина зла в мире, неустанный подстрекатель греха и вечный соблазнитель душ, он в то же время оказывается и главным палачом человечества, карающим зло и искупающим грех чрез справедливое возмездие.

Нет в жизни человека проступка настолько мелкого, в уме — мысли настолько незначительной, чтобы демоны их не поймали и не сохранили в своей цепкой памяти, если есть в них хоть намек на грех. Святой Августин видел однажды дьявола, несшего на плечах огромную книгу, в которой были записаны все грехи человеческие. Но чаще дьявол является, вместо такого гроссбуха, со специальною особою книгою для грехов каждого грешника. Книгу эту, черную и увесистую, он противопоставляет маленькой золотой книжке, в которую ангел-хранитель с любовью записывает заслуги и добрые дела человека. К весам божественного правосудия дьяволы тащат свою книгу шумною оравою и с треском гневно швыряют ее на чашу весов, но маленькая книжка ангела-хранителя всегда перетягивает их том. Во многих средневековых церквах, например в Гальберштадтском соборе, изображен на картинах дьявол, записывающий имена тех, кто во время богослужения спит, разговаривает или нарушает благочиние. В «Житии» св. Аикадра[326] мы читаем, как один бедняга нарушил святость воскресного дня тем, что вздумал остричь волосы. И что же? Сейчас же явился дьявол, и домашние видели, как он, притаясь в углу, поспешно записывал совершенный грех на листке пергамента.

Обыкновенно грешник, не удостоенный помилования, отбывает свою кару в аду. Но бывали случаи, что Сатана, захватив грешника на месте преступления, расправлялся с ним еще при жизни, предупреждая божественное отмщение. Так задушил он св. Регула,[327] унес убийц св. Годегранда,[328] одна потаскушка, пытавшаяся вовлечь в

грех св. Илию Пещерника,[329] получила от дьявола жесточайшую трепку. По словам Лиутпранда,[330] дьявол избил до смерти порочнейшего из пап, Иоанна XXII,[331] застав его в постели в объятиях наложницы, причем не принял во внимание даже любезности, с которою этот первосвященник, покуда был жив и здоров, имел обыкновение пить за столом своим его, дьяволово, здоровье. Монах Филипп из Сьены[332] рассказывает историю одной тщеславной красавицы, имевшей обыкновение проводить целые часы за туалетом, украшая свою прелестную особу. Дьявол так ее изуродовал, что несчастная умерла от стыда и страха. Это случилось в Сьене в 1322 году по Р. Х. А 27 мая 1562 года в семь часов вечера в Антверпене дьявол задушил одну девушку за то, что она, будучи приглашена на свадьбу, посмела купить себе полотна по девяти талеров аршин, чтобы сшить воротник в сборку веером, как тогда носили. Часто дьявол бьет, душит или уносит тех, кто выказывает неуважение к мощам или смеется над священными обрядами; входит в тело тех, кто невнимательно слушает священную службу; либо, к великому стыду виновных, во всеуслышание обличает их в тайных грехах. Часто бешенство дьявола насыщается не ранее того, как он натешится над трупом грешника. Много ужасных историй рассказывалось о телах, вихрем выброшенных вон из церкви или адским огнем сожженных в своей могиле или растерзанных на куски. О «растерзанного Фауста кусках» говорит заключительная сцена трагедии Марло.

Иногда даже честное погребение грешника не помогает ему. Могила его проваливается, и тело вместе с гробом падает в ад, откуда несчастного могут выкупить разве только бесчисленные панихиды, сорокоусты, заупокойные обедни, милостыня, строение церквей и прочее. Это сюжет древнерусского «Сказания о Щилове монастыре, иже в Великом Новеграде». Посадник Щило нажился от ростовщичества, хотя и сравнительно умеренного: «имаше же лихвы на 14 гривен и 4 деньги точию по единой денге на год, боле же того отнюдь не имаше». На деньги эти он выстроил церковь. Епископ «Иван», узнав происхождение денег, «рече ему: уподобился еси Исаву, лестию взем благословение от мене на таковое божественное дело; ныне же повелеваю ти ити в дом свой, и повеле (и) у здания своего в стене устроити гроб, и повеж вся своя тайны отцу своему духовному, и вздев срачицу и саван и вся яже суть подобна на погребание мертвым,

и ляси в создании своем во гробе оном, и повеле (и) и надгробное отпети, и Бог всех нас сведый тайная сердец, елико хощет, то и сотворит, мы же ко освящению готови будем. Щил же в недоумении велице быв, рыдаа и плачася иде в дом свой, повеления же святителева не сме преслушати, вскоре вся повелевает устроити заповеданная святителем. Егда же надгробное пение соборне отпеша над ним, внезапу не обретеся гроб с положенным в нем и бысть в том месте пропасть. Святителю же пришедшу на освящение церкви по молению Щилову и видит страшное оно и ужасное видение страха и трепета исполнь и повеле иконописцем написати вапы на стене, видение поведающе о брате Щиле во адове дне над всем гробом его, и несвященну церковь повеле запечатлети, дондеже изволит Бог о нем своего человеколюбия смотрением, и отъиде в дом святей Софеи». Сын Щилов, чтобы вызволить провалившегося в ад родителя, по совету епископа заказывает сорокоусты в 40 церквях. По истечении 40 дней «видит в надстенном писании, иже над гробом, Щила во аде во гробе, главу же его вне ада». После второго приема сорокоустов надстенное писание возвестило, что Щило выбрался из пекла уже до пояса. После третьего — «виде в надстенном писании Щила вне ада с гробом всего изшедша; такоже и гроб его верху земли обретеся над пропастью, пропасти же не бе видети, во гробе же весь цел обретеся, якоже и положен».

Св. Тереза[333] вымолила однажды у Бога разрешение — немножко попробовать адских мук. Даже шесть лет спустя после этой дарованной ей милости воспоминание испытанных страданий леденило ее ужасом.

Много есть историй о грешниках, выходивших из ада на короткий срок с единственною целью предостеречь живущих о невыразимых муках, которыми свирепствует ад. По рассказу Якова Пассаванти, сэр Ло, профессор философии в Париже, имел ученика — «острого и тонкого в диспутах, но гордого и порочного в жизни». Студент этот умер, но несколько дней спустя явился своему профессору и сообщил, что он осужден и терпит муку в аду. Чтобы дать профессору хоть малое представление об испытываемых им страданиях, мертвец стряхнул с своего пальца на ладонь учителя капельку пота, и она «прожгла руку насквозь с страшною болью, подобно пламенной и острейшей стреле».

По словам богословов, адские мучения не только вечны во времени, но и не менее настойчивы в пространстве — в том смысле, что нет в существе грешника такой, хотя бы малейшей, частицы, которая не испытывала бы невыносимых страданий, всегда одинаково напряженных. Главным орудием адской казни был огонь. Ориген, Лактанций, Иоанн Дамаскин почитали адский огонь чисто духовным и метафорическим. Но большинство Святых Отцов держалось за его материальность, а бл. Августин утверждает, что если бы все моря хлынули в ад, то все-таки бессильны были бы умягчить ярый жар ужасного пламени, вечно там пылающего. Во всех без исключения славянских языках, а также в новогреческом и многих германских наречиях ад напоминает о происхождении своем от *горящей смолы*. «Все гореть в огне будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой», — сулит в «Грозе» сумасшедшая барыня… Кроме огня, есть в аду и лед, яростные ветры, проливные дожди, ужасные чудовища и тысячи видов мучений, которые выдумывают дьяволы для жертв своих. Св. Фома доказывает, что это их право и долг, — поэтому они делают все, чтобы пугать и мучить грешников, а в довершение страданий злобно смеются и издеваются над ними. Главное мучение грешников состоит в том, что они навеки лишены лицезрения Божия и знают о блаженстве святых. В последнем пункте, впрочем, мнения расходятся. Некоторые авторы утверждают, что святые-то видят муки грешников, но грешники не видят блаженства святых. Св. Григорий Великий находит, что страдание грешников — приятное зрелище для праведных, а Бернард Клервосский основывает это положение на четырех причинах: 1) святые радуются, что столь ужасные муки не выпали на их долю; 2) они успокоены, что, раз все виновные наказаны, им, святым, уже нечего бояться никаких козней, ни дьявольских, ни человеческих; 3) в силу контраста их блаженство кажется еще более совершенным; 4) то, что нравится Богу, должно нравиться и праведным.

Уже в VI и VII веках появляются попытки к реализации этого воображаемого зрелища. Монах Петр, о котором вспоминает Григорий Великий в одном из своих диалогов, видел души осужденных погруженными в безбрежное море огня. Фурсей видел четыре великих пламени, на близком расстоянии одно от другого: в них казнились по разрядам четыре вида грешников, а около хлопотало множество

демонов. Это деление казнящего пламени на четверо знакомо и русским духовным стихам:

Подымутся с неба волменский гром (молния и гром),
Расшибет мать-сыру-землю на две полосы,
Расступится мать-сыра-земля на четыре четверти;
Протечет грешным рабам река огненная
От востоку солнца до запада,
Пламя пышет от земли и до небеси.

Древность этих видений сказывается однообразием кары — так сказать, оптовой и поголовной. Позднейшие века явили себя более изобретательными на ужасы.

Монах Веттин, видение которого, рассказанное одним аббатом из монастыря в Рейхенау, относится к IX веку, достиг в сопровождении ангела гор неподражаемой красоты и вышины: казалось, они были из мрамора. Подножия их опоясывала огромная река пламени. В волнах ее горели в бесчисленном множестве грешники, другие же терпели иные муки по берегам. Так, в одном пламенном столбе Веттин видел множество священнослужителей различных степеней привязанными к кольям — каждый против своей наложницы, точно так же связанной. Ангел объяснил Веттину, что этих грешников во все дни года, за исключением одного, секут по детородным частям. Некоторых знакомых монахов Веттин видел заключенными в мрачном, полном копоти замке, из которого валил густой дым, а один из них, в довершение казни, томился, замкнутый в свинцовом гробу.

Еще разнообразнее муки ада в видении монаха Альбериха (XIII век), которого он удостоился еще ребенком. Он видел души погруженными, среди какой-то страшной долины, в лед — одни по щиколотку, другие до колен, третьи по грудь, четвертые по самую голову. Далее тянулся лес ужасных деревьев по 60 локтей вышиною, покрытых иглами: на их старых колючках висели, прицепленные за груди, те злые бабы, которые при жизни отказывались кормить своим молоком младенцев, оставшихся сиротами без матери; за это теперь каждую из них сосало по две змеи. По лестнице из раскаленного чугуна вышиною в 365 локтей (по числу дней солнечного года) поднимались и спускались те, кто не воздерживался от плотского совокупления в воскресенье и праздничные дни; внизу лестницы

кипел смолою и маслом громадный котел, и грешники падали в него по очереди.[16] В ужасном огне, подобном огню хлебной печи, жарились тираны; в огненном озере кипели убийцы; в огромном тазу, наполненном расплавленной медью, оловом и свинцом в смешении с серою и смолою, варились маловнимательные прихожане, терпимо относящиеся к дурным нравам своих священников. Далее разверзлось, подобно колодцу, жерло самой глубокой адской пропасти, дышавшее ужасами мрака, зловонием и воплями. Поблизости прикован был на цепи громадный змей, пред которым реяло в воздухе множество душ; втягивая дыхание, змей поглощал души эти, как мошек, а выдыхая, изрыгал их горящими искрами. Святотатцы кипели в озере расплавленного металла, на котором буря воздымала шумные волны. В другом озере, серном, полном змей и скорпионов, вечно тонули изменники, предатели и лжесвидетели. Воры и грабители закованы были в тяжелые цепи из раскаленного железа, а также и в тяжелые, тоже железные, шейные рогатки.

Эти первобытные западные «оды» вполне сходятся с широко распространенным в народе русском «Словом о муках» или «Хождением Богородицы по мукам», любимым апокрифом русских старообрядцев. Списки и варианты «Хождения» бесчисленны. Привожу для сравнения один из кратчайших, духоборческой редакции.

«*Первая мука*. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: „Поведи меня по мукам, где много мучиться, где тьма кромешная, черви неосыпающие“. Повел ее Михаил Архангел по мукам; привел к древу железному и огненному и ветви на ней огненные. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди с древо двор с двором смутились, за то мучатся“.

Вторая мука. Привел к трем кругам огненным, наполненным народами. Речет Пресвятая Богородица Михаилу Архангелу: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди по воскресным дням блуд творили — за то и мучатся“.

Третья мука. Привел к огненной реке от Востока до Запада. Речет Пресвятая Богородица: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди в огне стоят по колено — те родителей не почитали; какие стоят по пояс — те блуд творили. Какие стоят по грудь — те учились

сквернословить. Какие стоят в огне по уши — те не питали отцов своих духовных и бранили их, за что и мучатся“.

Четвертая мука. Привел к палате болезненной и огненной. Речет Пресвятая Богородица: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди неправедные правосудцы“.

Пятая мука. Привел к червям не осыпающимся. Речет Пресвятая Богородица: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди жили на земле, не знали ни постов, ни сред, ни пятниц, не получали церковных заповедей, оставляли святость, возлюбили тьму, за то и мучатся“.

Шестая мука. Привел к змеям лютым, зубом грызут тело человеческое и сердца их сосут. Речет Пресвятая Богородица: „Сии люди о каких грехах мучатся?“ — „Сии люди чародею прислужники, отцов и матерей с детьми разлучали — за то и мучатся“.

Седьмая мука. Привел к смоле кипучей. Речет Пресвятая Богородица: „Сии люди каким грехом мучатся?“ — „Сии люди сребролюбники, торгующие грабители, за то и мучатся вечной мукой“».

Но из всех описаний ада, оставленных нам Средними веками, самою возвышенною поэзией ужаса дышит и наибольшею изобретательностью сверкает «Видение» Тундала. Избежав лап бесчисленных демонов, душа Тундала, сопровождаемая светлым ангелом, достигла сквозь густейший мрак ужасной долины, усеянной пылающим углем и покрытой небом из раскаленного железа толщиною в шесть локтей. На эту ужасную крышу непрерывным дождем падают души убийц, чтобы растаять в ее жару, подобно жиру на сковороде; сделавшись жидкими, они протекают сквозь металл, как воск через сукно, и капают на горящие внизу угли, после чего принимают свой первичный вид, обновляясь для вечного страдания. Далее возвышается гора невиданной громадности, ужас наводящая своим пустынным величием. На нее поднимаются по узкой тропинке, по одну сторону которой пылает серный огонь, зловонный и дымный, а по другую — падают град и снег. Гора заселена демонами, вооруженными крюками и трезубцами; они ловят души интриганов и вероломцев, вынужденных идти по этой тропе, тащат их вниз и переменно перешвыривают из огня в лед, изо льда в огонь. Вот другая долина, такая угрюмая и мрачная, что не разглядеть в ней дна.

Бушующий в ней ветер зверем воет, разнося грохот протекающей в ней серной реки и непрерывный стон казнимых грешников, и невозможно дышать в ней от зловредного серного дыма. Через бездну эту перекинут мост длиною в тысячу шагов, а шириною не более одного вершка для гордецов, которых гонят по нем, покуда они не сорвутся и низвергнутся в муку вечную. Долгий и трудный путь приводит душу, изумленную ужасом, к зверю, величайшему высочайших гор и нестерпимо страшного вида. Его глаза подобны пылающим холмам, а пасть могла бы вместить десять тысяч вооруженных воинов. Два гиганта, подобные двум колоннам, держат эту пасть всегда разверстую, и она дышит неугасимым огнем. Торопимые и понуждаемые полчищем чертей, души скупцов устремляются против огня в пасть зверя и падают в чрево его, из коего вырывается вопль тьмы там мучимых. Затем следует озеро, огромное и бурное, населенное свирепыми, ужасно ревущими зверями. Через него тоже переброшен мост, длиною в две мили, шириною в четверть аршина и утыканный острейшими гвоздями. Звери сидят под мостом, изрыгая пламя, и поглощают падающие к ним души воров и похитителей. Из колоссального здания, имеющего вид круглой печи, вырывается пламя, язвящее и обжигающее души на расстоянии тысячи шагов. Перед вратами, среди лютого огня, расположились дьяволы-палачи, вооруженные ножами, косами, буравами, топорами, мотыгами, заступами и другими острыми инструментами. Тут казнь обжор. С них дерут кожу, рубят им головы, нанизывают их на шесты, четвертуют, режут на мелкие куски и наконец бросают в огонь чертовой лечи. Далее, на озере, покрытом льдом, сидит зверь, совершенно не похожий на других: у него две ноги, два крыла, длиннейшая шея и железный клюв, извергающий неугасимое пламя. Этот зверь пожирает все души, которые к нему приближаются, и, переварив, выбрасывает их калом на лед озера, где каждая душа принимает свой первоначальный вид и — тотчас же каждая становится беременною, все равно, душа ли то женщины или мужчины. Беременность души протекает в обычном порядке, причем они все время остаются на льду и изнывают от боли во внутренностях, раздираемых носимым ими потомством. В назначенный срок они разрешаются от бремени, — мужчины, как женщины! — чудовищными зверями, имеющими головы из раскаленного железа, острейшие клювы и хвосты, усаженные острыми

крючками. Эти звери выходят из какой угодно части тела и при этом разрывают и тащат за собою внутренности, грызут тело, царапаются, ревут. Это, по преимуществу, казнь сладострастников, в особенности тех, кто нарушил данный Богу обет целомудрия. Еще долина. Она застроена кузницами. Бесчисленные черти в виде кузнецов хватают души раскаленными щипцами, бросают их в жар, постоянно поддерживаемый раздувалом, и когда душа накалится до ковкости, берут ее из огня большими железными вилами и, наткнув таким образом двадцать, тридцать, сто душ, бросают эту пламенную массу на наковальни под молоты других чертей, которые стучат без перерыва. Когда молоты сплющат души в лепешку, ее перебрасывают другим кузнецам, не менее свирепым, которые перековывают их обратно в первобытный вид, чтобы потом повторить всю игру сначала. Сам Тундал подвергся этой муке, установленной для тех, кто беспечно накопляет грехи, не избывая их исповедью. Выдержав последнее мытарство, душа достигает жерла последней и самой глубокой адской пропасти, похожей на четырехугольную цистерну, из которой поднимается высочайший столб огня и дыма. Бесконечное множество душ и демонов крутятся в столбе этом наподобие искр, а потом опять падают в бездну. Здесь, в недосягаемой глубине провала, лежит Князь тьмы, растянутый цепями на громадной железной решетке. Вокруг него теснятся черти, разжигая и раздувая под решеткой с треском пылающий уголь. Князь тьмы — необычайной величины, черен, как вороново крыло; он машет во мраке тысячей рук, вооруженных железными когтями, и длиннейшим хвостом, усаженным преострыми стрелами. Корчится и тянется во мраке страшное чудовище и, бесясь от боли и злобы, вскидывает руки свои в воздух, напитанный душами, и все их, сколько ни схватит, выжимает в свою пересохшую пасть, подобно тому как жаждущий крестьянин делает это с кистью винограда. Потом он выдыхает их, но только что они полетели во все стороны, как новый вздох исполинской груди опять тянет их в нее. Это казнь атеистов, скептиков, сомневающихся в милосердии Божием, а также всех великих грешников, для которых прочие мучения были только подготовительною ступенью к этому — высшему и вечному.

Другие описывали ад огромною кухнею или трапезною, в которой дьяволы — повара и едоки, а души осужденных — кушанья разного приготовления. Уже Джиакомино Веронский изображает, как

Вельзевул «поджаривает душу, что добрую свинью» (com’un bel porco al fogo), заправляет ее соусом из воды, сажи, соли, вина, желчи, крепкого уксуса и несколькими каплями смертельного яда и в таком аппетитном виде отправляет ее к столу адского царя; но тот, попробовав кусочек души, сейчас же отсылает ее обратно, жалуясь, что она не дожарена. Современник Джиакомино, французский трубадур Радульф де Гудан,[334] описывает в своей поэме «Сон об аде» («Le songe d’enfer») большое пиршество, на котором-де и он присутствовал в день, когда король Вельзевул держал открытый стол и общее собрание. Едва он вошел в ад, как увидел множество чертей, накрывающих стол к обеду. Всходил всякий, кто желает, никому не было отказа. Епископы, аббаты и клирики ласково приветствовали трубадура. Пилат и Вельзевул поздравили его с благополучным прибытием. В урочный час все сели за трапезу. Более пышного пиршества и более редких яств никогда не видал ни один королевский двор. Скатерти были сделаны из кожи ростовщиков, а салфетки — из кожи старых потаскушек. Сервировка и кушанья не оставляли желать ничего лучшего. Жирные шпигованные ростовщики, воры и убийцы в соусе, публичные девки с зеленой подливкой, еретики на вертеле, жареные языки адвокатов и много лакомых блюд из лицемеров, монахов, монахинь, содомитов и другой славной дичины. Вина не было. Кто хотел пить, тому подавали морс из ругательств. Со временем тема пиршества в аду стала одною из любимых форм, которыми пользовалась и до сих пор пользуется художественная сатира. Таков веселый ад Беранже. У нас в России к ней обращался даже А. С. Пушкин. Сатирический образ дьявола, пожирателя душ, вдохновил Эдгара По на известный рассказ «Бон-Бон». В русской литературе им воспользовался О. И. Сенковский в «Большом выходе у Сатаны».

В качестве мучителей и палачей дьяволы распределялись и по рангу; как бесы-искусители группировались по специальностям управляемых ими грехов, так на каждую категорию последних предполагались и особые черти-мстители.

Теперь вопрос: исполняя свои палаческие обязанности, эти мстители страдали ли сами? Муча преступных людей, отбывали ли они в то же время и собственными муками кару за преступления своей извечной злобы?

Мнения расходятся. По мнению Обера, «Бог неоднократно удостаивал святых своих чести быть очевидцами мучений демонов». В доказательство он ссылается на известное письмо бл. Иеронима к Евстохии[335] — «Похвала св. Павле». Именно на то место, когда, описывая паломничество св. Павлы и, в частности, посещение ею Себастии (древней Самарии), бл. Иероним говорит: «Там задрожала она, испуганная множеством чудесного: ибо она видела демонов, рыкающих от различных мучений, а пред гробами святых людей, воющих как волки, лающих как псы, рычащих как львы, шипящих как змеи, ревущих как быки. Были и такие, которые оборачивали кругом голову и через спину касались земли макушкою; а у женщин, висевших вниз головою, одежда не опускалась на лицо. Она сострадала всем и, пролив слезы за каждого, молила Христа о милосердии». Но, вопреки мнению Обера, можно думать, что тут скорее имеются в виду мучения бесноватых от демонов, чем самих демонов, к которым может быть с грехом пополам отнесена только первая фраза. По другим писателям, бесы не страдают от адских мучений, так как если бы они страдали, то весьма неохотно исполняли бы обязанности искусителей и палачей, тогда как, наоборот, известно, что это для них — величайшее удовольствие. В «Видениях», и в «Божественной комедии» Данте Люцифер, согласно словам Апокалипсиса, терпит жесточайшую муку, но о других бесах обыкновенно не говорится того же. Конечно, в общежитии своем они иногда мучают и колотят друг друга: примеры имеются и в «Видении» Тундала, и у Данте — в круге, где мучаются корыстолюбцы. У бесов не было недостатка в развлечениях и радостях. Как всякое доброе дело их огорчало, так всякое дурное радовало, и, следовательно, по естественному ходу дел человеческих, поводов к радости у них было гораздо больше, чем к огорчению. В благочестивых легендах мы часто видим, как бесы ликуют вокруг души, которую они к себе заманили. Петр Келиот[336] (ум. 1183) уверяет в одной из проповедей своих, что дьявол, постоянно пребывая в адском огне, давно бы умер, если бы силы его не подкреплялись грехами людей. Данте утверждает, что дьявол в аду гораздо спокойнее, потому что очевидность уверяет его, что история мира слагается по его воле. Так что, если даже допустить, что наказание бесов было очень серьезно, все же было у них довольно и чем утешиться.

Богословы единогласно говорят, что в чистилище бесов-мучителей нету. Но авторы «Видений» держатся другого взгляда: их чистилища кишат бесами, состоящими при обычных своих палаческих должностях. Церковь, которая только на Флорентийском соборе 1439 года установила догмат чистилища, учение о котором было ранее развито св. Григорием и св. Фомою, не высказалась по этому частному пункту. Данте в своем «Чистилище», воображенном совершенно субъективно, принял сторону богословов против мистиков. Правда, древний враг пытается пробиться в чистилище Данте в образе змея — «быть может, такого же, как тот, что дал Еве горестный плод», — но ангелы немедленно обращают его в бегство. Надо здесь заметить, что, по мнению некоторых, муки чистилища были острее мук адских, так как первые не длились вечно, подобно вторым.

Итак, ад был обычным местом вечного заключения грешников, где они отбывали по положению каждый свою муку. Однако правило это имело свои исключения. Ниже мы увидим, что были счастливые грешники, которых особая милость Божия извлекала из бездны и возносила на небо. Сверх того, в известных определенных случаях осужденные могли выходить из своей тюрьмы на более или менее долгий срок. Примеры тому, по словам легенд, были часты, но грешнику было мало радости оттого, что он удалялся от обычного места своих мучений, так как ад мог быть и вне ада, и мучение следовало за осужденным, как тень за телом. Иных грешников ад почему-то не принимал, и они мучились в каком-нибудь странном месте на земле — быть может, для того, чтобы являться поучительным примером для людей, становясь им известными через тех путешественников, которые на них в своих странствиях натыкались. Так, св. Брандан, плавая в розысках земного рая, видел Иуду Искариота брошенным в великий морской водоворот, бешеные волны которого вечно играют предателем Христа. Герой одной поэмы круга Карла Великого, Гюго Бордосский, странствуя по Востоку, нашел Каина, замкнутого в железную бочку, утыканную внутри гвоздями, которая безостановочно катилась по пустынному острову. Подобным же образом отбывают казнь свою убийцы великого князя Андрея Боголюбского,[337] по преданию, зашитые мстителями в короба и брошенные в таком виде в озеро. Короба обросли землею и мохом и обратились в плавучие острова, а заключенные в них убийцы все живы

и мучаются, и, когда на озере буря, можно слышать их стоны. Жестокая судьба внеадских мучений постигла и Стеньку Разина. «Раз, возвращаясь из тюркменского плена, русские матросы проходили берегом Каспийского моря; там стоят высокие-высокие горы. Случилась гроза, и они присели у одной горы. Вдруг вылез из горного ущелья седой древний старик — ажно мохом порос. „Здравствуйте, — говорит, — русские люди, бывали ль вы у обедни на первое воскресенье Великого поста? слыхали ль, как проклинают Стеньку Разина?“ — „Слыхали, дедушка“. — „Так знайте ж: я — Стенька Разин. Меня земля не приняла за мои грехи; за них я *проклят*, и суждено мне *страшно мучиться. Два змея сосали меня:* один со полуночи до полудня, а другой со полудня до полуночи; сто лет прошло — один змей отлетел, другой остался, прилетает ко мне в полночь и *сосет меня за сердце, а уйти от горы не могу — змей не пускает*. Но когда пройдет еще сто лет, на Руси грехи умножатся, люди станут забывать Бога и зажгут перед образами сальные свечи вместо восковых; тогда *я снова явлюсь на белый свет и стану бушевать пуще прежнего*. Расскажите про это всем на Святой Руси“» (Костомаров). В разных деревнях можно услышать рассказы, что не только Стенька Разин, но и Гришка Отрепьев, Ванька Каин[338] и Емелька Пугачев до сего дня живы и скрываются в *змеиной пещере* на том острове, где живут *получеловеки или сидят заключенные в Жигулевских горах* (Афанасьев). Джованни Боккаччо, обновляя по-своему старинные легенды, передает страшную историю Гвидо из рода Анастаджи, самоубийцы по несчастной любви. Осужденный на вечные муки, должен он метаться по земле каждый день, но сегодня здесь, завтра там, преследуя свою безжалостную красавицу, осужденную, как и он. Верхом на черном коне, с длинною шпагою в руке, сопровождаемый двумя меделянскими псами, бегущими впереди, гонится он за жестокою женщиною, а она, босая и нагая, бежит от него. Наконец он ее настигает, пронзает шпагою, рассекает кинжалом и бросает голодным псам ее сердце и внутренности. Стефан Бурбонский[339] (ум. около 1262) говорит, что в его время где-то на Этне можно было видеть души, осужденные вечно строить замок: всю неделю они строили благополучно, но в ночь на воскресенье он рушился, а в понедельник призраки опять сносились на работу. Впрочем, Стефан считает этих призраков душами не из ада, но только из чистилища.

Много раз видим был весь адский народ, проносившийся в глубокой ночи, как бы процессией, по воздуху или проходивший по лесу подобно войску на походе. Монах Отлоний[340] (в конце XI века) повествует о двух братьях, которые однажды, путешествуя верхами, увидели внезапно огромную толпу, мчавшуюся по воздуху невысоко над землею. Перепуганные братья, осенив себя крестным знамением, спросили у странных путников, кто они такие. Один из них, который, судя по коню и доспехам, был знатный рыцарь, открылся им, сказав: «Я ваш отец. И знайте, что если вы не возвратите монастырю известное вам поле, неправильно мною у него отнятое, то я буду безвозвратно осужден и та же участь постигнет всех моих потомков, которые будут держать неправдою похищенное». Отец дает детям образчик ужасных мучений, которым он подвергается; дети исправляют его вину и таким образом освобождают его из ада. Мошеннические проделки такого рода завещаний бывали нередко. Одна из них дала тему для трагикомического эпизода похорон живого покойника, графа Ательстана, в «Айвенго» Вальтера Скотта.

Еще более удивительную и страшную историю рассказывает другой монах-летописец Ордерик Виталь[341] (XII век). В 1091 году некий инок по имени Гуалькельм (Гульельмо, Вильгельм), священник в Бонневале, возвращался однажды ночью от больного прихожанина, жительствовавшего довольно далеко от его дома. В то время как он брел пустынными полями под высоко в небе стоявшей луной, слух его был поражен великим и грозным шумом как бы от движения огромного войска. Охваченный ужасом, священник хотел спрятаться в первые встречные кусты, но ему загородил путь какой-то гигант, вооруженный палицею, и, не принося ему никакого вреда, запретил лишь двигаться с места. Священник стоит как пригвожденный и видит пред собою странное и ужасное шествие. Сперва потянулась бесчисленная толпа пешеходов: они вели за собою огромное количество скота и тащили всякого рода скарб. Все они громко стонали и торопили друг друга. Затем проследовал отряд могильщиков: они пронесли пятьдесят гробов, и на каждом гробе сидел безобразный карлик с огромною головою, величиной с бочонок. Два эфиопа чернее сажи протащили на плечах бревно, к которому крепко привязан был злодей, оглашавший воздух ужасными воплями. Черт чудовищного вида сидел на нем верхом и колол ему бока и спину раскаленными

шпорами. Затем скакала бесконечная кавалькада прелюбодеек: ветер время от времени приподнимал их воздушные тела на высоту одного локтя и сейчас же ронял их обратно на седла, утыканные раскаленными гвоздями. Дальше тянулась процессия священнослужителей всякого сана и, наконец, полк рыцарей во всевозможных доспехах, верхами на огромных конях, под веющими по воздуху черными знаменами… Летописец Ордерик утверждает, что слышал рассказ из уст самого священника-очевидца. Собственно говоря, это христианская обработка германского языческого мифа о «дикой охоте». Поверье о загробном мучении посредством участия в дьявольских походах держится и в русском народе. Лесков искусно воспользовался им в известном эпизоде «Очарованного странника», заставив чрез подобное видение сурового митрополита Филарета простить пьющего попика, который вопреки церковному запрещению молился за самоубийц:

> «Только что они снова опочили, как снова видение, и такое, что великий дух владыки еще в большее смятение повергло. Можете вообразить: грохот… такой страшный грохот, что ничем его невозможно выразить… Скачут… числа им нет сколько рыцарей… несутся, все в зеленом убранстве, латы и перья, и кони, что львы вороные, а впереди их горделивый стратопедарх в таком же уборе, и куда помахнет темным знаменем, туда все и скачут, а на знамени змей. Владыко не знает, к чему этот поезд, а оный горделивец командует: „Терзайте, говорит, их: теперь нет их молитвенника“, и проскакал мимо; а за сим стратопедархом — его воины, а за ними, как стая весенних гусей тощих, протянулись скучные тени, и все кивают владыке грустно и жалостно, и все сквозь плач тихо стонут: „Отпусти его! Он один за нас молится“. Владыка, как изволили встать, сейчас посылают за пьяным попиком и расспрашивают: как и за кого он молится? А поп повинился: „Виноват, — говорит, — в одном, что сам слабость душевную имея и в отчаянии думая, что лучше жизни себя лишить, я всегда на святой проскомидии за без покаяния скончавшихся и руки на себя наложивших молюсь…“ Ну, тут владыко и поняли, что за тени пред ним в видении, как тощие гуси, плыли, и не восхотели радовать тех демонов, что впереди их спешили с губительством».

Весьма часто подобными призрачными процессиями великие грешники предупреждаются о приближающемся конце их преступной жизни и потребности покаяния. Многим из них в один печальный день виделись свои собственные похороны. Этой галлюцинации удостоились беспутный и отважный Энио, герой мистической драмы Кальдерона «Чистилище св. Патрика», беспечный севильский обольститель Дон Жуан ди Маранья и разбойник Роллон в мрачной поэме Уланда, жутко переведенной Жуковским:

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту;
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попоной покрыт он; глаза из огня.

С дрожью невольной спросил у слуги паладин:
«Кто вороного коня твоего господин?»
«Верный слуга моего господина, Роллон.
Ныне лишь парой перчаток расчелся с ним он,

Скоро отдаст он иной и последний отчет;
Сам он поедет на этом коне через год».
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне!» — в страхе сказал щитоносцу Роллон.

«Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою;
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».

В ближний пришел монастырь, он приору сказал:
«Страшный я грешник, но Бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще недостоин носить;
Служкой простым я желаю в обители быть…»

В «Апокалипсисе» Иоанна осужденным грешникам обещаны мучения вечные, не облегчимые ни днем, ни ночью. Все церковные

писатели утверждают единогласно, что Бог совершенно покидает осужденных и забывает о них. Св. Бернард ясно говорит, что в аду нет ни милосердия, ни возможности покаяния. Однако человеческое чувство и христианское представление Бога, как высшей любви, не могло помириться с таким суровым догматом, и поверья об отдыхе мучимых грешников нашли широкое отражение в священной поэзии и апокрифах. Уже Аврелий Пруденций[342] (348–408) назначает для такого отдыха ночь на Воскресение Христово. В апокрифическом «Апокалипсисе» св. Павла, сочиненном в конце IV века каким-нибудь греческим монахом, апостол языков нисходит в царство вечной скорби. Ведомый архангелом Михаилом, он обошел уже всех грешников, видел все муки, горько их оплакал и готов уже удалиться из обители мрака, когда осужденные восклицают в один голос: «О Михаил! О Павел! сжальтесь над нами, молите Искупителя за нас!» Архангел отвечает: «Восплачьте все, и я буду плакать с вами, и со мною будет плакать Павел и хоры ангелов: как знать, может быть, Бог и смилуется над вами?» И осужденные дружно восклицают: «Милостив буде к нам, сыне Давидов!» И вот нисходит с неба Христос в венце из лучей. Он напоминает грешникам их злодеяния и свою бесплодно пролитую за них кровь. Но Михаил, Павел и тысячи ангелов преклоняют колена и молят Сына Божия о милосердии. Тогда Иисус, растроганный, дарует всем душам, страдающим в аду, праздничный отдых от всех мучений — с девятого часа субботы по первый час понедельника.

Эта прелестная легенда в различных вариантах широко распространена и усвоена всеми христианскими народами Европы. Быть может, именно она и вдохновила Данте к его бессмертной поэме. Но идея праздничного отдыха душ звучит и во многих других средневековых легендах. Св. Петр Дамиан[343] (XII век) рассказывает, что близ Поццуоли есть черное и зловонное озеро, а на нем утесистый и каменистый мыс. Из этих зловредных вод еженедельно в урочный час вылетают страшные птицы, которых каждый может видеть от вечерень в субботу до утрени в понедельник. Они реют на свободе вокруг горы, расправляют крылья, приглаживают клювом перья и вообще имеют вид наслаждающихся отдыхом и прохладой. Никто никогда не видел, чтобы они питались, и нет охотника, который пытался бы овладеть хоть одною из них, сколько бы ни старался. На заре понедельника появляется огромный ворон, величиною с ястреба,

сзывает этих птиц громким карканьем и торопливо гонит их в озеро, где они исчезают — до следующей субботы. Поэтому некоторые думают, что это не птицы, а души осужденных, которым в честь Воскресения Христова дарована льгота отдыха в течение всего воскресного дня и двух заключающих его ночей.

В русском «Хождении Богородицы по мукам» эта «амнистия» еще шире: «За милосердия Отца моего, яко посла мя к вам, и за молитвы матери моея, яко плакася много за вас, и за Михаила Архистратига завету и за множество мучеников моих, яко много трудишася за вас, — и се даю вам (мучащимся) день и нощь от великого четверга до святого пянтикостия (Пятидесятницы), имете вы покои и прославите Отца и Сына и Святого Духа. И отвещаща вси: „Слава милосердию Твоему“».

Представление души усопшего в виде птицы свойственно всем народам арийского корня и некоторым семитическим. Равным образом обще и представление о солнечном празднике души усопших как птичьем празднике. Этим объясняют мифологи стихийной школы (и весьма правдоподобно) повсеместный европейский обычай: «При начале весны, особенно 25-го марта — в день благой вести о воплощении „праведного солнца“ Христа — и на праздник его Светлого воскресенья, выпускать птиц на волю из клеток: символической обряд, знаменующий освобождение стихийных гениев и душ из той неволи, в которой томились они — заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетевший аист, первая ласточка или кукушка почти у всех индоевропейских народов приветствуются как вестники благодатной весны; с их прилетом связывают начало и ясной погоды. Стрелять в этих птиц и разорять их гнезда считается за величайший грех» (Афанасьев).

Но Церковь не пошла навстречу этим человеколюбивым уступкам и твердо стояла на том, что адские мучения вечны и постоянны. Учение, провозглашенное в третьем веке Оригеном, несомненно, одним из величайших умов, порожденных древним христианством, утверждало, что в конце концов все твари спасутся и что от Бога изошло, то к Богу же и возвратится. Но это учение, хотя в следующем, IV веке его поддерживали такие авторитеты, как Григорий Назианзин[344] и Григорий Нисский,[345] было не только отвергнуто ортодоксальною догмою на Александрийском соборе 339 года, но и самую память Оригена подвело под анафему Константинопольского

собора 553 года. Церковь настаивала на постоянстве угрозы, которую считала исправительно-полицейским орудием против человеческой распущенности, и стремилась не умягчать ее, но обострять. Искусства наперерыв спешили на помощь религии: Джотто в падуанском Арене,[346] Орканья[347] в церкви Св. Марии во Флоренции (Santa Maria Novella), неизвестный художник на кладбище в Пизе и десятки других в иных городах воспроизводили пламя и ужасы адской бездны. В драматических мистериях появлялась на сцене бездонная пасть дракона, поглотителя душ. Данте описывал во всеуслышание народов всего мира царство мрака, на вратах которого высечена уничтожающая надпись:

Lasciate ogni speranza voi ch’entrate.[17]

Монах на церковной кафедре, подъемля распятие как свидетеля слов своих, исчислял пред устрашенными прихожанами одну за другою муки проклятых, павших во власть Сатаны. А едва он умолкал, как в темноте, под мраморными сводами, взывало стенание органа и гремел страшный гимн, повествующий все те же ужасы, казни и муки адской пропасти, где

Мрак густейший непроглядный,
Вопль свирепый, безотрадный,
Искры сыплет пламень жадный
От бесчисленных костров.
Место мрачно и бездонно,
Жарко, дымно и зловонно,
Стоном, воем оглашенно, —
Вечно жадной бездны ров.[348]

Глава десятая

МАГИЯ[18]

Весьма часто договор с дьяволом был первым шагом к изучению и профессии запретной науки — магии. Но договор с дьяволом — не безусловная необходимость для магических занятий. Было в общем и безразличном по имени, да и в народных представлениях, понятии магии как бы две магии, глубоко различные если не по результату и характеру действующей в них бесовской силы, то по взаимоотношениям в них человека и беса. В одном случае взаимоотношения эти строятся на началах добровольного контракта: дьявол обязывается оказывать магу такие-то и такие-то услуги, а маг, в уплату за то, обязывается отдать ему душу. В другом случае маг средствами своего собственного искусства принуждает дьявола к услугам, которые тому совсем нежелательны и даже несвойственны. Тут договорные начала отсутствуют совершенно, а взаимоотношения сводятся к закрепощению дьявола магом силою интеллекта и воли последнего, обостренных наукою и искусством до степени, превышающей интеллект и волю дьявола. В первом случае дьявол активный контрагент, во втором — пассивный раб. Оба вида магии, однако, одинаково обсуждаются богословами и Учителями Церкви. Изобретение магии, как повелительной над чертом науки, приписывается ими не кому другому, как самому же Сатане, хотя непостижимо, зачем ему, на свою голову, понадобилось сообщать людям эту роковую, столь опасную для него науку. Существо магии основано на предположении в природе таких таинственных средств и сил, которые в известных сочетаниях и соотношениях могут обуздывать или, наоборот, возбуждать энергию демонской деятельности. Но каким бы путем маг ни получил свое страшное могущество, с помощью дьявола или помимо дьявола, оно все равно было запретно и преступно и одинаково предполагалось ведущим человека в конце концов в ад. Все маги и колдуны, какого бы то ни было происхождения, в последнем результате оказываются одинаково союзниками и помощниками дьявола.

Источники магии — страсть и невежество. Вечное брожение желаний, ненасытимых в обычных условиях земного бытия, вызывают в уме мечты о могуществе абсолютном, способном удовлетворить все аппетиты жизни. А незнание непреклонных законов природы окрыляет подобные мечты упованием найти законы высшего порядка, сверхъестественные, которыми действие естественных законов, как низших, может быть изменено, прекращено, вообще управляемо по желанию знахаря-супернатуралиста. Любовь, ненависть, жажда богатства, здоровья, власти, мудрости при известной интенсивности желания переводят магическую мечту в магическое действие, что искони делало, теперь еще делает и, быть может, долго еще будет делать магию, в том или ином ее виде, самою распространенною нравственною болезнью человечества на всех ступенях его цивилизации, от первобытно шаманствующей дикости до нашего электро-теософического века включительно. Задача магии в том, чтобы властно овладеть тайною природы, не разменивая жизнь и труд и сводя на нет время ее превышающего всякие жизненные пределы изучения. Цезарий из Гейстербаха рассказывает об одном студенте, который сам по себе был умен, но ленив и плохо учился. Но он раздобылся волшебным камнем, который, стоило взять в руку, давал своему обладателю все знания мира. «Вот, — замечает А. Граф, — вкратце вся история магии». Тургенев говорил, что всякая молитва сводится, в переводе на обыкновенный язык, к просьбе божества о том, чтобы дважды два не было четыре. Магия есть человеческая попытка добиться того, чтобы дважды два не было четыре, средствами, обходящими железный закон мирового Разума, как он ни назывался: божеством ли в теологическом мировоззрении, силою ли и материей — в мировоззрении позитивном. Собственно говоря, это — доведенный до абсурда идеал приобретения наибольшего блага при наименьшей затрате усилий.

Магия и Сатана — две согласные, взаимодействующие, неразрывно союзные силы. Там, где растет вера в Сатану, растет и магия. Там, где растет потребность в магии, нарастает вера в Сатану. Человеку мистического мировоззрения, но взбунтовавшемуся против божества, нужен был посредник между его волей и природой: вечно живое и беспокойное могущество, которое окружало бы и проникало собою все вещи зримые и незримые, «князь мира сего», владыка извращенной

природы, — «изнанка божества»[349] (А. Толстой), вездесущий, как божество, имеющий под державою своей бесчисленное воинство, готовое, по его манию, на всякую послугу. Не было такой трудности, которой нельзя было бы преодолеть, такого чуда, которого нельзя было бы совершить при его помощи, а на последнюю он являлся гораздо быстрее и отзывчивее, чем враждебное ему божество. Твердо верили, что он охотно вступает в союз с человеком, так как этим путем легче достигает осуществления собственных своих целей. Более всего способствовала обаянию Сатаны Католическая церковь. Ее бешеная проповедь о могуществе и лукавстве Сатаны, о господстве его над вещественным миром, об аде, царстве его, гораздо более заселенном, чем рай, привела к результатам, ею не рассчитанным, неожиданным и нежеланным. Там и сям пробуждаются смутные догадки, что господин мира — не Бог, но он, Сатана, страх и ужас к нему сменяются восторгом и поклонением, Тринадцатый век выдвигает в Европе как бы воскресший ряд дьяволопоклоннических сект. Обвинения такого рода предъявляются люциферианам, тамплиерам, альбигойцам, катарам и т. д. Несомненно, во многих случаях эти обвинения клеветнически возникали из религиозного фанатизма и интриг церковной политики. Но уже одно упорство и постоянство этих клевет, уже одна возможность решать ими судьбы могущественных корпораций (орден тамплиеров) и целых громадных областей (альбигойский Прованс) ясно показывают, что в веке этом религия и культ Сатаны живут — может быть, как раз не там, где их преследуют, но близко и понятно сознанию католических народов. В отрицательном порядке вера эта знаменуется процессуальным гонением на ведьм; в положительном — повсеместным признанием реальности таинственных дьявольских сборищ, шабаша (Sabbat — во Франции, «игры госпожи», giuoco della signora — в Италии и т. д.), о которых у нас еще много речи будет впереди. Тяжкая жизнь простолюдина Средних веков, зажатого в тиски между гнетом баронов и гнетом Церкви, гнала в объятия Сатаны и в глубины магии целые классы людей, обобранных, голодных, отчаявшихся, ищущих либо облегчения своим бесконечным бедствиям, либо мщения. Отдаться дьяволу было для этих горемык последним средством к спасению, значило найти хоть и страшного, но все же помощника и друга. Сатана — злодей и изверг, но все же не такой, каков был для средневекового

мещанина и виллана барон или поп. Нищета, голод, тяжкие болезни, непосильная работа и жестокие истязания всегда были главными поставщиками рекрутов в армию дьявола. Несчастных, охочих продать свою душу Сатане, во множестве знали полки старинной долгосрочной службы, каторжные тюрьмы, сумасшедшие дома и ужасные учебные заведения, вроде описанной Помяловским[350] «бурсы». «При этой страшной порке был один приходский ученик, только что привезенный из дому, которого мамаша гладила по головке. Как он увидел такую знатную порку, так чуть не умер со страху и после порки упал в обморок. Этим он вооружил против себя учителя, который начал преследовать его и каждый раз порол жестоко. Ученику до того тяжко было жить, что он решился бежать из училища. Его поймали. Тогда он сначала хотел повеситься, но потом решился на следующую шутку. Дождался он ночи, достал перочинный нож, разрезал себе руку и своей кровью написал на бумажке: „Дьявол, продаю тебе свою душу, только избавь меня от сеченья“. С этой бумажкой он залез ночью в двенадцать часов под печь. Что там с ним было, неизвестно. Оттуда его вытащили замертво. Он говорил, что видел черта. Начальство, узнав его проделку, высекло его под колоколом, после чего, говорят, он был снесен в больницу, где и отдал душу Богу».

«Такой рассказ, — прибавляет Помяловский, — подействовал даже на крепкое воображение бурсаков. Разговоры смолкли, и все впали в раздумье. Ученики понимали, а в эту минуту особенно ясно осознали, что и при их житье-бытье подчас хоть продавай душу черту».

Мельмот-Скиталец[351] искал охотников выкупить его погибшую душу у черта ценою своей души в тюрьмах испанской инквизиции. Что касается продажи черту души своей солдатом старой службы, эпохи Александра I и Николая I, ознаменовались на этот счет в народе невеселою исторической сатирою: «Солдат продал свою душу черту, чтобы он выслужил за него срок; но скоро от палок, розог и солдатской службы черту пришлось так жутко, что он бросил к ногам солдата амуницию и отказался от его души, чтобы только самому освободиться от службы» (Семевский).

Большинство делалось колдунами и колдуньями уже через тот простой факт, что вступали в полчища Сатаны и получали от него за то дары и власть в той степени, какую Сатана находил нужным и возможным уделять. Это и есть та низкопробная и договорная магия, в

недрах которой равноправно объединяются и великий Фауст, и какой-либо вульгарнейший деревенский колдунишко, насылающий гусениц на поля соседей. Что касается магии высшей, повелительной, подчиняющей демонов знанием сил, более властных, чем они, эта магия — дитя Востока — считалась достоянием, по преимуществу, еврейских и сарацинских мудрецов. Были знаменитые школы, в которых она будто бы преподавалась: Саламанкский и Толедский университеты в Испании, Краковский в Польше. Знаменитейшая из школ — в Толедо: ее слушателями легенды изображают Виргилия, преображенного из поэта в мага, Герберта (папа Сильвестр II), блаженного Эгидия из Вальядореса[352] (ум. 1265), конечно, ранее его обращения, и многих других.

Первою магическою операцией, как необходимым вступлением ко всем дальнейшим, было заклинание, которым маг вызывал на свидание Сатану или кого-либо из дьяволов. Операция эта почиталась для сведущего человека нетрудною, но опасною, так как требовала мелочнейшего внимания и тщательнейшей осторожности. Обыкновенно она совершалась в полночь, но могла совершаться и в полдень, так как в этот час имеет большую силу «бес полуденный». Этот любопытный бес — акклиматизировавшийся в Европе гость из знойной Африки, потомок египетского Сэта и карфагенских Ваала и Молоха. Он гораздо старше христианских бесов. В языческом Риме и Карфагене эпохи империи благочестивые люди опасались выходить из дома в часы полуденные, т. е. в пору сиесты, когда все порядочные люди в южных странах закрывают в домах своих ставни и спят. Опустелые улицы становятся достоянием злых духов, и нет ничего легче, как встретить в час сиесты гуляющее среди древних развалин привидение… Африканское происхождение мифа о бесе полуденном глубоко и тонко поняла Мирра Лохвицкая в своей балладе «В час полуденный»:

У окна одна сидела я, голову понуря.
С неба тяжким зноем парило. Приближалась буря.
В красной дымке солнце плавало огненной луною.
Он — нежданный, он — негаданный, тихо встал за мною.

Он шепнул мне: «Полдень близится; выйдем на дорогу.
В этот час уходят ангелы поклоняться Богу.
В этот час мы, духи вольные, по земле блуждаем,
Потешаемся над истиной и над светлым раем.

Полосой ложится серою скучная дорога,
Но по ней чудес несказанных покажу я много».
И повел меня неведомый по дороге в поле.
Я пошла за ним, покорная сатанинской воле.

Заклубилась пыль, что облако, на большой дороге,
Тяжело людей окованных бьют о землю ноги.
Без конца змеится-тянется пленных вереница,
Все угрюмые, все зверские, все тупые лица.

Ждут их храма карфагенского мрачные чертоги.
Ждут жрецы неумолимые, лютые, как боги,
Пляски жриц, их беснования, сладость их напева,
И колосса раскаленного пламенное чрево.

«Хочешь быть, — шепнул неведомый, — жрицею Ваала,
Славить идола гудением арфы и кимвала,
Возжигать ему курения, смирну с кинамоном,
Услаждаться теплой кровью и предсмертным стоном?»

<…>

Бойтесь, бойтесь в час полуденный выйти на дорогу;
В этот час уходят ангелы поклоняться Богу,
В этот час бесовским воинствам власть дана такая,
Что трепещут души праведных у преддверья рая.

В старообрядчестве русском и в близком к его преданиям простонародье «от вещи во тьме преходящей, от срящего и беса полуденного» до сих пор заговаривают стихом из псалма «Живый в помощи Вышнего»: «яко ангелом своим започесть о тебе сохранится во всех путех твоих…»

Местом для заклинаний выбирались перекрестки прохожих и проезжих путей, глубины мрачных чащ, пустынные степи, старинные развалины. Заклинатель замыкался в круг, трижды очерченный по земле острием шпаги, и должен был очень внимательно следить за

тем, чтобы не высунуться за эту границу хотя бы малейшею частицею своего тела, как бы ни смущал и ни выманивал его дьявол. Тут дело шло о жизни и смерти. Цезарий из Гейстербаха рассказывает, что одного священника, поддавшегося искушению выйти из круга, черт искалечил так, что бедняга три дня спустя умер. По его же рассказу, один толедский студент вдруг увидел на границе круга красивую танцовщицу, предлагавшую ему золотое кольцо; сдуру он протянул палец, за который дьявол тотчас его ухватил и потащил в ад. Там бы и пропасть студенту, если бы не отстоял его усердными мольбами заслуженный колдун, который руководил им в обряде.[19]

Формулы вызывательных заклинаний были многочисленны и странны, иные очень длинные, другие короче, разной действительности, и не каждая для каждого беса годилась. Если дьяволу не хотелось являться или он был не в духе, то малейшей неточности в формуле достаточно было, чтобы вызывание оказалось недействительным. Обыкновенно черт не ленив на появления к вызывающим его, за формальностями не гонится, а иногда — чтобы войти в сношение с лицом, которое его интересует, — является и когда его вовсе не звали, привязавшись просто к присловью, к «черному слову», как говорят в русском народе. Папа Григорий Великий рассказывает об одном священнике, как он сказал своему слуге: «Иди, дьявол, сними с меня сапоги!» — и тотчас же перед ним появился самолично дьявол, о котором он в ту минуту и не думал. Но иногда на дьявола находят лень и упрямство. Тогда надо усиливать и учащать заклинания, которые в конце концов должны привлечь его, если только в формулах нет недостатков. К сожалению, люди в большом волнении мало способны к точности. Может быть, именно это причина тому, что ленивые черти не являются на зов как раз тех, кому они особенно спешно нужны. Так, напрасно в 1405 году вызывал дьявола последний падуанский герцог из каррарской династии, когда Падую осаждали венецианцы, а внутри стен, быстро пожирая солдат немногочисленного гарнизона, свирепствовала чума.

Появление дьявола может сопровождаться разными чудесами и метаморфозами. Один немецкий рыцарь, историю которого рассказывает Цезарий, стоя в кругу вместе с другом своим колдуном, сначала увидел бушующее вокруг наводнение, потом заревела буря и захрюкали кабаны, и наконец, после других еще чудес, явился дьявол

— ростом выше леса стоячего и столь ужасного вида, что рыцарь как побледнел от страха, так и остался таким на всю жизнь.

В заклинательных формулах было много слов, странных по звукам и непостоянных по смыслу, и чем страннее и непонятнее они были, тем больше силы им приписывалось. Древний эллинский мир передал в Средневековье свои амулетные формулы: абракадабра, абрахас. В первобытной мысли слово неотделимо от вещи, сливается с нею в одно. В сознании слово мгновенно вызывает идею вещи, а отсюда вера в таинственную связь между ними и как бы творческую силу слова: «Звук есть Брама»; «Бог сказал: Да будет свет! — и бысть свет»; «В начале бе Слово». Суеверие, запрещающее называть некоторые вещи своими именами, потому что имена влекут за собою самое существо вещи, распространено между всеми народами земли. Перемена имени знаменовала перемену человека: до сих пор меняются имена иноверцев, принимающих христианство, и христиан, отрекающихся от мира для иноческого сана. Слово ясное и понятное влечет за собою представление о реальности ясной и понятной; слово темное, таинственное, сумасбродное связывается в воображении с представлением таким же темным, смутным, таинственным. Таких бредовых нечеловеческих имен и слов много в русской чернокнижной словесности — между прочим, у Сахарова[353] в «Сказаниях русского народа». К сожалению, нельзя доверяться их подлинности, так как Сахаров много сочинял «для интересности». Гр. Алексей К. Толстой искусно воспользовался этим странным словарем для знаменитой фигуры колдуна в «Князе Серебряном». Впрочем, еще гораздо раньше искусно использовал подобные заклинания, только для комических целей, Аблесимов[354] в «Мельнике — колдуне, обманщике и свате».

Магическая сила приписывалась, кроме слов, также цифрам, буквам, фигурам. Все это — наследия глубочайшей древности. Из слов, цифр, букв и фигур составлялась магическая «Книга повеления», которая давала обладателю своему способность заклинать дьяволов, повелевать ими и творить, при их посредстве, всевозможные чудеса. Обладание такими волшебными книгами приписывается решительно всем прославленным легендами чародеям: Фаусту, Герберту, который стянул драгоценную книгу у своего учителя, и другим. Близ Нурсии был Сибиллин грот и озеро, заселенное злыми духами, к которым то и дело ходили чародеи, чтобы испробовать силу своих волшебных книг.

В рыцарских поэмах творит чудеса магическая книга волшебника Маладжиджи. В помощь волшебной книге чародей обыкновенно обладает еще магическим жезлом.

Взять в плен демона и повелевать им возможным почиталось при посредстве некоторых драгоценных камней и трав, описания которых находятся в средневековых лапидариях и гербариях. Арабские и еврейские предания о Соломоне, великом поработителе демонов, докатились в средневековую Европу сказаниями о демонах, замкнутых волшебниками в кольце или склянке. Так, о знаменитом медике и астрологе Петре из Абано[355] (Pietro d'Abano), умершем в 1316 году в тюрьме инквизиции, рассказывают, будто он держал запертыми в пузырьке целых семь штук дьяволов да еще обладал кошельком с неразменными деньгами, которые возвращались к нему, сколько бы он их ни тратил. Парацельс[356] (ум. 1541) заключил покорных ему дьяволов в рукоятке своей шпаги. Кроме того, с помощью магии и астрологии можно было сооружать механические снаряды, которые до известной степени даже упраздняли необходимость для мага в содействии демонов: например, искусственные головы, весьма мудро отвечавшие на заданные вопросы. Одну такую голову сделал Герберт,[357] другую — Альберт Великий,[358] третью — Рожер Бэкон;[359] имели эту хитрую механику и многие другие.

Волшебники и ведьмы были неравного достоинства и могущества; они имели свою иерархию, или табель о рангах, с соответственным наделением силою. Но даже самая жалкая ведьма, самый захудалый колдунишко на лестнице этой могли творить с помощью своего бесовского искусства удивительные деяния, побеждающие всякую человеческую власть и предусмотрительность. Компетенция колдовского могущества неописуема и неисчислима. При помощи особых напитков или влияния послушных демонов волшебник властен вынудить любовь или обратить ее в ненависть, отнять любовницу у любовника либо заставить ее летать в его объятиях в ночное время по воздуху. Он мстил своим врагам и врагам своих клиентов, накликая на их домы пожары, а на их поля — град и бурю, на их корабли в дальних морях — крушения, на их головы — болезнь и смерть. Чтобы причинить последнюю, ему достаточно было пронзить булавкою или кинжалом восковое подобие ненавистного человека, а иные убивали просто проклятием либо даже только одним взглядом (отсюда —

«дурной глаз», jettatura). Для волшебника не существовало ни дальних расстояний, ни трудных и опасных путей. На хребте дьявола он летал сам и носил других с одного края света на другой, тратя немного часов на путешествия, для которых обыкновенным смертным нужны были месяцы и годы. Он фабриковал амулеты и талисманы на спрос всевозможного употребления, заколдовывал оружие, чтобы не боялось оно ни железа, ни огня, в одну ночь воздвигал роскошные дворцы, неприступные замки, целые города, обнесенные крепкими стенами. По одному слову его помрачался день, начинала свирепствовать лютая буря, разверзались хляби небесные, и одного же слова было ему довольно, чтобы стихии угомонились и день засиял бы краше прежнего. Стоило ему шевельнуть пальцем, чтобы целые армии цепенели от страха, либо он вызывал на них другие армии, составленные из демонов, вынырнувших из ада. В присутствии мага природа меняла все свои законы и все свое существо. Он превращал одно вещество в другое, делал из грязи золото, а золото разлагал в грязь, обращал мужчин в женщин, а женщин — в мужчин и вообще людей — в животных. Ему ведомы были самые сокровенные вещи: чтобы узнать тайну в настоящем или безошибочно предсказать будущее, ему достаточно было взглянуть в стакан с водою. И наконец, самое приятное чудо: он возвращал и себе и другим утраченную юность («Фауст»).

Маги высокого полета любили поражать своими чудесами разные знатные собрания, в которых они бывали почетными гостями. Альберт Великий однажды глубокою зимою пригласил к себе на обед императора со всем двором его. Стол был накрыт в саду, под сучьями обнаженных деревьев, на снегу. Приглашенные стали роптать, находя эту шутку неприличною. Но едва император и свита уселись за стол, каждый на приличное его сану место, в небе вдруг засияло летнее солнце, снег и лед растаяли в мгновение ока, земля зазеленела, деревья покрылись листьями и зацвели, а другие дали спелые плоды, и сад зазвенел нежными песнями бесчисленных птиц. Вскоре стало так жарко, что пирующие поскидывали кафтаны и искали тени. Но, едва кончилась трапеза, многочисленные и нарядные слуги волшебника исчезли вместе со столом, подобно туману, и тотчас же небо потемнело, деревья обнажились и наступил такой страшный мороз, что гости, дрожа, бежали в дом, чтобы отогреться у огня.

Михаил Скотт,[360] которого Данте удостоил места в аду своем среди великих волшебников за то, что он

…и вправду
Магических иллюзий знал игру, —

слыл таким же мастером мороки. Однажды, находясь в Палермо при дворе Фридриха II, он внушением своим заставил одного рыцаря совершить огромное морское путешествие за Гибралтарский пролив, посетить неведомые чужие страны, победоносно драться в них с могучими врагами, завоевать обширное и цветущее царство, жениться, иметь многих детей — словом, пережить огромную сложность жизни за целые двадцать лет… а в действительности времени на то не ушло и часу. Все это — переотражения с Востока. Те же темы еще цветистее развиты в сказках 1001-й ночи и даже в наших русских, причем в последних всегда выступает на первый план комический элемент приключения…

Около 1400 года при дворе богемского короля Венцеслава, прозванного Пьяницею и Лентяем, отличался чародей по имени Зито, или Зитек. На глазах двора он садился в скорлупу ореха и катался в ней, как в коляске, запряженной парою дрессированных жуков; заставлял петуха поднимать огромное бревно с такою легкостью, будто сухой прутик; обращал копны сена в свиней и продавал их за свиней. Множество подобных штук рассказывается о Фаусте. В XVI веке один раввин в Праге, по имени Леви, достиг такого могущества, что сама смерть стала бессильна подступиться к нему. К сожалению, мудрец любил розы. Смерть спряталась в розу, и Леви умер, нечаянно понюхав ее.

Средневековая вера в магию не ослабла и в Возрождении. Террор, обрушенный на дьявольское искусство законами церковными и гражданскими, только обострял его жуткое очарование. Вера в сверхъестественное зло-добро стала всеобщею, всегдашнею и ежеминутно вездесущею. Разбойничьим бандам, равно как и атаманам кондорьеров, приписывали дьявольское происхождение. Не было ни одного образованного человека, над которым не тяготело бы обвинение в волшебстве, начиная с исторических знаменитостей давно умершей древности, вроде Аристотеля, Гиппократа, Вергилия, и вплоть до современников Льва X и даже позже. В магии подозревался

Петрарка. Уже в половине XVII века Александр Тассони[361] попал под суд за то, что в доме у него нашли так называемого картезианского чертика, фигурку, прыгающую в стеклянной трубочке, — излюбленную детскую игрушку наших русских «верб», известную под названием «морского жителя». Из пап римских почитались причастными к волшебству Лев III, Сильвестр II (Герберт), Бенедикт IX, Григорий VI, Григорий VII, Климент V, Иоанн XX. В конце XI века кардинал Бенно в своем «Жизнеописании Гильдебранта» настаивал, что в Риме была школа магии, откуда и вышел будущий Григорий VII. А от XII и XIV веков имеются подлинные письма Сатаны (сфабрикованные предшественниками Реформации), адресованные им князьям церкви как к своим друзьям и сотрудникам. Такую штучку, к позору католического духовенства, смастерил было — с целью обвинить французских масонов в сатанизме и волшебстве — пресловутый и не раз уже упомянутый шарлатан Лео Таксиль в самом конце XIX века… В 1625 году ученый француз Габриель Нодэ (Naudé)[362] издал большую книгу — апологию всех великих людей всякого чина и звания, подвергавшихся обвинениям в волшебстве.

Но столь блистательные чародеи были не более как отборною гвардией из бесчисленных полчищ мелких кудесников, колдунов и ведьм, в особенности последних. Все писатели, специалисты по демонологии, сходятся в мнении, что на одного предавшегося волшебству мужчину надо считать по крайней мере десять женщин. В настоящее время мы знаем, что это не было ошибкою дурного предупреждения, а настоящим наблюдением — только, к сожалению, бессознательным и отсюда получившим грозно-мистическое направление — над недугом истерии и истеро-эпилепсии, в статистике которого женщины действительно и естественно подавляюще господствуют над мужчинами. Некоторым из знаменитых волшебников удалось обмануть Сатану и не только ускользнуть из его рук в час последней с ним расплаты, но еще и употребить его злую волю во благо, обратив ее страшное могущество на добрые дела, что Сатане, конечно, приходилось не по вкусу. Так Рожер Бэкон искусством своим освободил однажды рыцаря, запродавшего было Сатане свою душу, а сам под конец жизни сжег все свои магические книги и заперся в монастырской келье, из которой более уже не

выходил и в которой после двух лет покаянного подвига скончался воистину святою смертью. Из мелких чародеев ни один не избегал худого конца, то есть вечного огня на том свете, которому часто предшествовало пламя костра и на этом.

Все это стадо дьявола в самом деле носило тавро своего господина, так называемую «печать дьявола» (stigma, sigillum diaboli). Место этой печати узнавалось на теле волшебников по тому, что сверхъестественная сила лишала его всякой чувствительности. Иногда на одном теле находилось таких печатей несколько, и инквизиторы, неслышно втыкая в них иглу, ловко обличали виновность своего подсудимого. Иногда же чувствительности лишалось даже все тело, и допрашиваемые не только не страдали на дыбе, но даже засыпали среди ужаснейших мук. Девятнадцатый век разобрался в этих состояниях анестезии и аналгезии как в естественных нервных аномалиях организма. Но в XVI–XVIII веках они в ведовских процессах слыли «волшебством безмолвия» (maleficum taciturnitatis) и считались тягчайшими уликами против обвиняемых.

В известные сроки колдуны и ведьмы собирались на поклон своему господину, а он задавал им пир. Каждая страна имела определенные урочища, слывшие местами подобных собраний, число участников в которых насчитывалось тысячами. Во Франции главным местом колдовских сборищ почитался Puy de Dôme. В Германии — Блоксберг, Хорсельберг, Бехтельсберг и многие другие горы. В Швеции — Блакулла. В Испании — ланды Бараона и пески под Севильей. В Италии знаменитейшее сборище — у Беневентского орешника (Noce di Benevento), гора Патерно близ Болоньи, гора Спинато близ Мирандолы. В Литве — гора Шатрия (в Шавельском уезде), в польских Карпатах — Бабья гора. В России — Лысая гора близ Киева. Впрочем, Лысые горы такой же скверной репутации имеются и в других славянских землях. Ходовский насчитывает до пятнадцати урочищ этого имени. А мифологи стихийной школы с А. Н. Афанасьевым во главе считают, что «Лысая гора, на которую, вместе с бабою-ягою и нечистыми духами, собираются ведуны и ведьмы, есть светлое, безоблачное небо». Славились сборища и в пустыне на берегу Иордана в Палестине, и на огнедышащей Гекле в Исландии. Обыкновенно сборища бывали раз в неделю, в разных странах обводились для них и разные дни. Но, сверх того,

предполагалось, что у колдовскою народа имеются и свои большие годовые праздники, обыкновенно совпадавшие с канунами больших праздников христианской Церкви. В Германии главный праздник ведьм падал на Вальпургиеву ночь (Walpurgisnacht, ночь св. Вальпурги), что хорошо известно всякому, кто читал «Фауста» Гёте или хоть видел заимствованные из него оперы и балеты.

Ведьмы и колдуны отправлялись на игрища по воздуху, натерев тело свое особыми летучими мазями, верхом на метлах, вилах, лопатах, скамьях либо на дьяволах в образе козлов, свиней и собак. Летели они не слишком высоко над землею и во время перелета должны были остерегаться, как бы не обмолвиться Христовым именем, — если это случалось, испуганный дьявол ронял забывшегося седока наземь, не разбирая, с какой высоты. Иные хитрые черти сами провоцировали подобные восклицания в расчете погубить своих седоков. Однажды дьявол, в виде черного коня, нес по воздуху через Ла-Манш, из Шотландии во Францию, великого волшебника Михаила Скотта.

— Скажи, пожалуйста, Михаил, — задал он колдуну простодушный вопрос, — что это за ерунду бормочут себе под нос ваши шотландские старушонки вечером, перед тем как лечь в постель?..

Неопытный маг, конечно, не замедлил бы осведомить любопытного черта, что шотландские старушонки читают на сон грядущий «Отче наш». А черт воспользовался бы этими двумя словами, чтобы расточиться и сбросить седока своего в бушующее море… Но дьявол не на таковского напал.

— Тебе что за дело до этого, дубина? — возразил дьяволу хладнокровный шотландец. — Знай вези, куда везешь…

Тот же злополучный эффект получался, если ведьму в ее полете настигали звуки молитвы Ave Maria или колокольный звон. На тему такого падения написана одна из лучших баллад Мирры Лохвицкой — «Мюргит».

Проснувшись рано, встал Жако, шагнул через забор.
Заря окрасила едва вершины дальних гор.
В траве кузнечик стрекотал, жужжал пчелиный рой;
Над миром благовест гудел — и плыл туман сырой.
Идет Жако и песнь поет; звенит его коса;
За ним подкошенных цветов ложится полоса.
И слышит он в густой траве хрустальный голосок:
«Жако, Жако! иль ты меня подкосишь, как цветок?»

Взглянул Жако — сидит в траве красавица Мюргит,
Одними кудрями ее роскошный стан прикрыт…
«Кой черт занес тебя сюда?» — смеясь, спросил Жако.
«Везла я в город продавать сыры и молоко.
Взбесился ослик и сбежал — не знаю, где найти.
Дай мне накинуть что-нибудь, прикрой и приюти».
«Э, полно врать, — вскричал Жако. — Какие там сыры?
Кто ездит в город нагишом до утренней поры?
Тут, видно, дело неспроста. Рассмотрят на суду.
Чтоб мне души не погубить — к префекту я пойду».

«Тебе откроюсь я, Жако, — заплакала она, —
Меня по воздуху носил на шабаш Сатана.
Там в пляске время провели — потом запел петух.
Меня домой через поля понес лукавый дух.
Вдруг снизу колокол завыл — метнулся Сатана.
В траву, как пух, слетела я. Вот вся моя вина.
О, горе мне! То — не заря, то — мой костер горит.
Молчи, Жако! Не погуби красавицу Мюргит».

Церемонии, обряды и увеселения бесовских игрищ менялись в зависимости от народности и эпохи, которые о них рассказывали. Подробностями их переполнены так называемые «Молоты (Martelli) ведьм» и «Бичи (Flagelli) ведьм» — специальные трактаты, написанные величайшими светилами святой инквизиции, составленные на основании личных показаний обвиняемых в бесчисленных колдовских процессах, а также и протоколы этих процессов. Сатана являлся своим подданным на троне или на алтаре в образе человека, старого козла, кабана, обезьяны, собаки — как ему нравилось, смотря по случаю. В образе человека он бывал по большей

части угрюм, казался сердитым и суровым, но иногда развеселялся и, придя в дух, шутил с ведьмами, играл на музыкальных инструментах и пел песни.

И арфу он взял, и на арфе играл,
И звуками скорби наполнился зал.
И вздохи той песни росли и росли,
И в царство печали меня унесли.

Он пел о растущих над бездной цветах,
О райских, закрытых навеки вратах;
И был он прекрасен, и был он велик,
В нем падшего ангела чудился лик.
(Лохвицкая. Праздник Забвения)

Эта песня тоскующего дьявола не давала покоя воображению русской поэтессы-демономанки. Она вернулась к арфе Сатаны в своей драме «Бессмертная любовь».

Эдгар

Откуда эта музыка несется?

Агнеса

Не узнаешь? То арфы нежный звон,
Она звучала нам, когда впервые
Внимала я любви твоей, Эдгар.

Эдгар

Она слышна из комнат Фаустины.

Агнеса

Но это не она играет, нет.
А тот, в одежде черной, бледноликий,
Кто ходит к ней.

Эдгар

Ты видела его?

Агнеса

Раз, только раз. Но этого довольно,
Чтоб потерять рассудок навсегда.

Эдгар

Ужасен он?

Агнеса

Да. Но прекрасен тоже.
То было утром рано, на заре.
Сквозь сон я слышу — арфа зазвучала,
Как звон пчелы; потом властней, властней.
Мелодия росла и разрасталась,
Она лилась, как льет из раны кровь.
Три ноты в ней победно повторялись,
То затихали, то звенели вновь.
И было мне так сладостно — до боли.
И плакать мне хотелось, и стонать.
Полуоткрыв тяжелые ресницы,
Сквозь дымку сна я видела его.
Он близко был, там, на краю постели,
И он играл на арфе золотой.

Эдгар

Но кто же он?

Агнеса

Я не скажу… мне страшно.

И, по-видимому, попытку найти смысл и текст для этой таинственной песни падшего духа, не забывшего «блаженства бессмертных духов под кущами райских садов»[363] (Лермонтов), являет также известный «Триолет» Мирры Лохвицкой:

В моем аккорде *три струны,*
Но всех больней звучит вторая:
Тоской нездешней стороны.
В моем аккорде три струны.
В них — детства розовые сны,
В них — вздох потерянного рая.
В моем аккорде три струны,
Но всех больней звучит вторая.

На портале церкви д’Аурау в Лионе Сатана подыгрывает на старинной виоле пляске Иродиады, выпрашивающей головы Ионна Крестителя (Аубер). Жаль, что Рихард Штраус, сочиняя свою удивительную Саломею, не знал об этом удивительном мотиве средневекового художника. Ведьмы, воздавая Сатане поклонение, опускались на колени пред ним или за ним и, в соответствии тому, прикладывались, лобызая, либо к его гениталиям, либо к заду, реже к каким-либо иным частям тела. Затем они исповедовались Сатане, сообщая ему о злодействах, совершенных ими в честь его со времени последнего сборища. Сатана слушал, хвалил или порицал, и тех, которые оказывались ленивыми на зло либо неаккуратно являлись на сборища, наказывал побоями либо крупною пенею. Принимал новеньких, перекрещивал их во имя свое и, как некий катехизатор, поучал их и вводил в свою веру. Младшие черти, окружая своего повелителя, вместе с ведьмами проделывали ряд церемоний, существо которых сводилось к пародии церковных таинств и обрядов, поруганию Святых Даров и тому подобным кощунствам. Вместо святой воды сатанослужители кропили присутствующих черною вонючею жидкостью. Собрание освещалось особого рода свечами, подсвечниками для которых служили зады ведьм, поставленных на четвереньки. Угощение на пиру состояло, по одним показаниям, из тонких и вкусных кушаний, по другим — ели мерзости, достойные адской кухни и такого же аппетита. Пожирали грудных детей либо трупы, вырытые из могил. После ужина начинался бал под звуки дьявольского оркестра. Среди танцев каждый черт хватал свою ведьму и при всем честном народе вступал с нею в плотские забавы. Однако большинство ведьм утверждало на допросах, что для них эти забавы были совсем не забавы, объятия дьявола мучительны, а не приятны, сопровождаются болезнями и даже смертью и т. д. В диалоге Пико де

Мирандолы,[364] носящем название «Ведьма», одна из участниц диалога дает на этот счет разоблачения неповторимые.

Впрочем, ведьмы встречались со своими чертями не только на игрищах. Страшные любовники часто навещали их на дому, в колдовских кухнях, наполненных орудиями, утварью и тысячами гнусных принадлежностей волшебства. Ведьмы ходили с чертями на прогулки, иные пары обживались совершенно по-семейному и в знак супружеской фамильярности называли друг друга уже не дьявольскими именами, но ласкательными человеческими, а иногда какими-нибудь смешными, вычурными кличками.

Со мной танцует милый друг,
Хорошенький Гри-Гри.
Мы с ним пойдем плясать на луг
До утренней зари.
Пушистый хвостик твой мохнат,
Рога твои блестят.
Пойдем, пойдем, пушным хвостом
Следы мы заметем.
(Лохвицкая. Песня молодой ведьмы в «Бессмертной любви»)

Черти были очень щедры на подарки своим любовницам, но, по дьявольскому своему предательству, и тут часто не могли утерпеть, чтобы не надуть: монеты вдруг оказывались сухими листьями и стружками, драгоценные камни — грязью или пометом. Беременные от дьяволов ведьмы рожали множество чудовищ, имевших иногда образ человеческий, а иногда — «неведомых зверюшек» (ср. «Соломонию Бесноватую»), Но, как ни бесконечно было множество ведьм на свете, ненасытным чертям все было мало. Приняв вид красивых молодцов, в одеянии рыцаря или студента, бродили они по земле, соблазняя и заманивая в свою кабалу женщин и девушек. Ведьмы, для того чтобы удобнее обделывать свои преступные делишки, тоже любили принять чужой вид и, оборотясь (чаще всего кошкою), безнаказанно бегали по ночам, строя людям разные пакости. Иным из них случалось в этом состоянии оборотня быть ранеными или изувеченными. Назавтра, обратясь в женщину, ведьма сохраняла эту рану или увечье — и тем обнаруживала свою колдовскую натуру и преступления. Лохвицкая отозвалась и на этот колдовской мотив,

создав в своей «Бессмертной любви» тип ведьмы-оборотня, графини Фаустины:

Фаустина

Хочу я быть свободною волчицей,
Дышать прохладным воздухом полей,
Визжать и выть, и рыскать в темной чаще,
Пугать мужчин, и женщин, и детей,
Вонзать клыки в трепещущее тело
И забавляться ужасом людей,
Хочу я воли, бешенства, простора,
В крови я жажду скуку утопить!

Ведьма

А если вдруг охотник ненароком
При встрече грудь прострелит госпоже, —
Тогда старуха будет виновата?
Одна ведь я за всех ответ держу.

Фаустина

Хоть бы и так. Хочу я рыскать зверем!

Ведьма

А помнит ли преданье госпожа,
Как рыцарь лапу отрубил волчице,
Ее в лесу дремучем повстречав,
И как рукой та лапа обернулась,
Рукой с кольцом одной прекрасной дамы,
И как потом несчастную сожгли?

Фаустина

Пусть жгут меня, а душу примет дьявол!
Свободы мне!

Германский бенедиктинец Иоанн Тритемий[365] (1462–1516), весьма замечательный ученый, богослов и историк, но и не менее замечательный мистификатор, оставил любопытную книгу, озаглавленную им «Antipalus maleficiorum». В ней он поучает всех порядочных людей, как надо остерегаться ведьм и их проклятого

колдовства. Способы и средства его бесчисленны и достаточно смешны, чтобы во многих из них заподозрить сатирическое двусмыслие и мистификацию. Настоящим же, воистину серьезным и действительнейшим средством борьбы с ведьмами был, по единогласному мнению всех инквизиторов, один избавитель — костер. Церковь с полною искренностью признавала страшное могущество Сатаны, ярко обнаруженное признаниями ведьм в колдовских процессах. По уверению католических писателей той эпохи, малого недоставало, чтобы Сатана увлек в проклятую науку и практику магии весь человеческий род. И в числе инквизиторов бывали такие ревностные и проницательные фанатики, которые, предвидя это падение, в свою очередь охотно сожгли бы весь род человеческий, лишь бы чрез то предотвратить грех и поразить известного врага.

Преследования ведьм свирепствовали с особою силою в конце XV века и в двух последующих веках. Примеры ведовских процессов бывали и раньше, но странным образом они умножались и росли как в числе, так и в свирепости по мере того, как время шло вперед, удаляясь от средневекового варварства и приближаясь к новой культуре Возрождения. Глубина Средневековья скептически равнодушна к волшебству. В одном капитулярии Карла Великого «занимающиеся обманчивым искусством магии» приравниваются к «упорствующим в языческом суеверии», что карается тюремным заключением и церковным послушанием, покуда виновные не покаются в своих заблуждениях и не докажут, что исправились. В другом капитулярии славный император говорит еще цельнее: «Всякий, кто, поддавшись обману дьявола, верит, по обычаю язычников, будто существуют колдуны и ведьмы, пожиратели людей, и, побуждаемый этим суеверием, предаст их сожжению или отдаст тела их на растерзание, — да будет тот повинен смерти». Итак, около 800 года по Р. Х. Карл Великий считал магию ложною наукою, и, если бы инквизиторы жили в его времена, он казнил бы их смертью как человекоубийц. Агобар,[366] епископ Лионский (ум. 840), один из самых просвещенных и либеральных умов не только средневековой, но и всех времен Церкви, порицал веру в магию как простонародное суеверие и сожалел, что невежды позволяют обманывать себя предполагаемым колдунам. Воздушный полет ведьм, за который инквизиция вынесла столько смертных приговоров, суеверие весьма древнее, но не менее

стары и мнения о нем как о бредовой мечте. В XII веке Иоанн Салисберийский[367] называет его дьявольским обманом; в XIII — Стефан Бурбонский, еще решительнее, — фантазией больных женщин.[368] Сама Церковь весьма долго не применяла к обвиненным в волшебстве никаких других наказаний, кроме духовных, что поддерживалось даже папами, вроде Григория VII, который с резким осуждением запретил разбирательство в уголовном порядке дел против лиц, виновных только в пустом и глупом суеверии. Венгерский король Коломан[369] (1095–1114), владыка страны почти что варварской, тем не менее категорически заявил в одном своем указе: «Ведьм на свете нет, и, следовательно, против тех, которые себя таковыми почитают, не должно возбуждать никакого судопроизводства». С такою же решительностью выступало в XII–XIII веках против веры в колдовство и в особенности против казней колдунов и ведьм православное духовенство на удельно-вечевой Руси. В этом отношении особенно выразительно известное слово Серапиона,[370] епископа Владимирского (XIII век), выступившего с пылкою резкостью против сожигания ведьм огнем и испытания их водою:

«Мал час порадовахся о вас, чада, видя вашу любовь и послушание… А еж еще поганского обычая держитесь, волхованию, и *пожигаете огнем* невинныя человекы и наводите на весь мир и град убийство. Аще кто и не причастися убийству, но в соньми быв в единой мысли — убийца же бысть, или могай помощи, а не поможе — аки сам убить повелел есть. От которых книг или от ких писаний се слышасте, *яко волховнием глади бывают на земли, и, пакы волхованием живота умножаются?* То аже сему веруете, то чему *пожигаете я?* Молитесь и чтите я, и чтите я, и дары приносите им, ать (пусть) строят мир, *дождь пущают, тепло приводят, земли плодити велят*. Се ныне по три лета житу рода несть — не токмо в Руси, но и в Латене: се влхвове ли створиша? аще не Бог ли строит свою тварь, яко же хощет, за грех нас томя?.. Правила божественныя повелевают многыми послухи осудити на смерть человека; *вы же воду послухом поставите, и глаголите: аще утопати начнет — неповинна есть, аще ли попловет — волхов есть*. Не может ли дьявол, видя ваше маловерье, подержати да не погрузится, дабы въврещи в душьгубство; яко оставльше послушьство боготворенаго человека, идосте к бездушну естьству». Такой человечности и благоразумия у восточного

духовенства тоже не надолго стало, и начиная с XIV века костры ведьм и колдунов учащаются и мало-помалу из права церковно-обычного переходят в законодательство. Но все же явлением постоянным, а тем более эпидемическим, как на Западе, они не стали и считаются на протяжении пяти столетий много если сотнями единиц, а не сотнями тысяч, как в землях католических и протестантских.

На Западе, к сожалению, правилам разумной гуманности не суждено было удержаться надолго. В XIII веке св. Фома Аквитанский, будущий непогрешимый оракул Католической церкви и неугасимый светоч ее философии, объявил волшебство, по силе догмы, делом не призрачным, но реальным. В том же веке инквизиция по ересям доверяется доминиканцам, которые злоупотребляют своими полномочиями, как только успевают. А папа Иннокентий IV благословляет процессуальную пытку, против которой другой папа, Николай I, за четыре века пред тем восставал в благородных и достопамятных словах. С этих пор открывается странное и прискорбное зрелище. Церковь становится открытою покровительницею и пропагандисткою враждебного ей суеверия, льстит самым низким инстинктам черни, провоцирует их и разжигает. Смешивает преднамеренно воедино ересь с колдовством и создает чудовищное поле для юридических злоупотреблений, около которых отныне будут согласно и союзно греть руки свои невежество, суеверный страх, глупость простака и злой умысел мошенника. Начинаются процессы против ведьм; вспыхивают первые костры — и что дальше, то их больше. Папы — Григорий IX, Иоанн XXII — стараются превзойти один другого в пожарах человеческого тела, которые они обобщают громким именем «войны Бога против Сатаны». Так приходит 1484-й год, в котором 5 декабря папа Иннокентий VIII обнародовал свою знаменитую буллу — Summis desiderantes affectibus. Это указ об инквизиции и наказ ей по вопросу о колдовстве, разъяснитель канонических и юридических норм инквизиции, по которым инквизитор становится фактически полномочным владыкою общества. Булла Иннокентия VIII открывает эру террора и скорбей, которой подобных ни раньше, ни позже не было в истории человеческой.

Инквизитор-доминиканец Яков Шпренгер[371] выпускает в свет свою безумную и свирепую книгу — «Malleus maleficarum» («Молот на ведьм»). Она принимается всеми инквизиторами Европы как руководящий кодекс, а за нею падает град подражаний и продолжений — таких же безумных и ужасных книг, наставляющих в святом искусстве, как открывать ведьму, допрашивать, пытать и, наконец, изжарить на костре, вопреки всем обманам и хитростям дьявола, ее естественного друга и покровителя. Костры все множатся; папы раздувают их ужасно, в том числе даже Лев X, гуманный и блистательный Медичи, покровитель ученых и художников, восторженный любитель всяких изяществ. В одной Лотарингии сожигают за 15 лет 900 человек; в Вюрцбургском епископстве столько же — всего за пять лет; епархия Комо сожигает 100 человек в один год; тулузский парламент — 100 сразу, за один прием. Никто не уверен, что завтра обвинение в колдовстве не обрушится на него и не поведет его на почти неизбежный тогда костер. Никто не предвидит, какой именно повод даст толчок к его обвинению в колдовстве. Ведь даже простое сомнение в существовании волшебства уже вменяется в вину, бросает в тюрьму и застенок. Пытка делает чудеса, у самых закоснелых и упрямых вырывает она признания в гнусном общении с Сатаною, вырывает клубы доносов, бесконечно переплетенных между собою, тянувшихся из судебной камеры в устрашенный народ, подобно цепким щупальцам гигантского полипа. Сами инквизиторы порою терялись. Не один из них в ужасе ставил себе вопрос: уж не перешел ли в служение Сатане весь род человеческий? Чтобы обогнать противодействием злу распространение зла, сокращают и ускоряют порядок судопроизводства. Допросы чинятся не по существу каждого отдельного дела, а по сборникам готовых формул, так составленным, что сами вкладывают обвиняемым в уста признания в их преступлениях. Обостряются и умножаются пытки, беспощадно сожигается на кострах все подозрительное, не зачумлено ли бесовскою заразою: люди и животные, мужчины и женщины, старики и дети. В некоторых местах палачи, разбитые чрезмерною работою, переутомленные, одуревшие, отказываются от исполнения обязанностей и бегут с своих должностей. Бывали инквизиторы, которые от переутомления ужасами допросов с пристрастием не выдерживали систематически повторного нервного потрясения и

расплачивались за свои зверства сумасшествием: начинали сами себя подозревать в сношениях с дьяволом, гласно себя обвиняли и требовали себе костра. Мережковский очень чутко, хотя, к сожалению, лишь вскользь схватил этот любопытный патологический момент в своих «Воскресших богах» (Леонардо да Винчи).

Результаты такого правосудия превосходят все ожидания. Николай Реми[372] (Remigius), судья в Лотарингии, восклицает в справедливой гордости: «Дело правосудия у нас так хорошо налажено, что в один год шестнадцать ведьм покончили сами с собою, только бы избежать моего суда». Протестанты в этих ужасах ничуть не уступали католикам. Лютер верил в ведьм и одобрял сожигающие их костры. Во главе особенно пылких пропагандистов этого ужасного суеверия и подстрекателей судопроизводства на отвратительнейшие свирепости первое место принадлежит королю Якову I Английскому (1566–1625), «английскому Соломону», толкователю Апокалипсиса, ученому демонологу-педанту и трусу, как всякий искренний демономан. Так-то в течение трех веков совместною работою католицизма и Реформации были обращены в пепел даже не десятки, а сотни тысяч человеческих жизней.

В ведовском процессе имел суд пред собою не одного, но двух противников: видимую ведьму и видимого дьявола, так как последний, естественно, не покидал свою подругу и возлюбленную в постигшей ее беде и продолжал ей, сколько мог, покровительствовать. По утверждению опытных инквизиторов, он помогал жертве лгать и мужественно переносить пытку, он отнимал память у свидетелей, затемнял соображение судей, наводил усталость на палачей. Все было от него. Если ведьма умирала под пыткою, это дьявол душил ее; если ведьма накладывала на себя руки, это дьявол толкал ее, чтобы отнять у правосудия честь и славу процесса. В гессенской деревне Линдгейм несколько женщин подверглись обвинению в том, будто бы они вырыли труп ребенка и сварили из него «ведьмовский отвар». Пытаемые по всем правилам искусства, они сознались в преступлении. Но муж одной из них оказался хлопотун: добился постановления о разрытии могилы, и трупик мнимо похищенного ребенка оказался на месте, нетронутым в своем гробу. Тогда инквизитор, ничуть не смутясь, объявляет, что тельце это — призрак, наваждение дьявола; ему же, ввиду признания виновных, нет нужды в иных

доказательствах. И правосудие пошло своим ходом ad majorem Dei gloriam, неповинные женщины были сожжены живыми.

Чтобы обезоружить коварства и обманы дьявола, в разных местностях практиковались разные средства и меры пресечения. Ведьму одевали в сорочку, вытканную и сшитую в один день; поили ее настоем разных противодьявольских веществ, кропили святою водою, окуривали дымом ладана с примесью некоторых специальных трав и т. д. В результате таких мер редко удавалось дьяволу оказать своим друзьям помощь действительную и долговременную. Сицилианский историк Фома Фацелл (Tommaso Fazello, 1498–1570) сообщает об одном волшебнике Диодоре, который с помощью дьявола несколько раз ускользал из рук стражников и улетал по воздуху из Катании в Константинополь. Но в конце концов епископ Лев все-таки успел изловить его и сжечь в раскаленной печи.

Первым борцом против этого отвратительного суеверия и ужасных его результатов выступил в XVI веке знаменитый Корнелий Агриппа из Неттесгейма (1486–1535). За ним следовал и превзошел учителя ученик его Иоганн Вейер[373] (1518–1588), книга которого составила эпоху. Однако в результате чрезмерной осторожности, с которою им приходилось формулировать свои мысли, оба эти мудреца сыграли свою двойственную роль в истории сатанизма и волшебства. Разрушая магию демоническую, они много содействовали замене ее магией мистической, и последняя была горше первой… Вслед за тем число защитников здравого смысла и человечности быстро растет, но суеверие держалось упорно, глубоко впущенными в землю корнями, и война, ему объявленная, тянулась долго и стоила недешево. В Европе последние ведовские процессы со смертными казнями относятся к половине XVIII века. В Мексике же два костра, воздвигнутые католическим фанатизмом, загорелись еще в 1860 и 1873 годах. Самосудные убийства колдунов и ведьм в России до сих пор не редкость. И было бы слишком смело утверждать, чтобы инквизиция, с ее человекоубийственными вожделениями, умерла действительною смертью, — она только лишена всех прав и сил, находится в состоянии политического омертвения. Суеверия же ее, вкусы и намерения живы и копошатся в недрах католического мира по-прежнему: она ничего не забыла и ничему не научилась. Не проходит года, пишет А. Граф, чтобы не вышло в свет из-под пера какого-нибудь запоздалого

неудачника-теолога книги, вопиющей о том, что весь мир — в когтях дьявола и учеников его и приспешников, только мир по-прежнему полон волшебников, только еще более опасных, чем старинные, потому что они переоделись в науку, литературу, политику, а что хуже всего — дьявол, их повелитель, нашел-таки наконец способ разбить тюрьмы и застенки, в которых волшебников мучили, и погасить костры, на которых их сожигали. Немножко бы огоньку — и все еще можно поправить. Но, как удачно формулировал один из этих воздыхателей по кострам о. П. Равиньяни, «главный успех Сатаны заключается в том, что он уверил нашу эпоху, будто Сатаны нет»: le chef d’oeuvre de Satan c’est de faire se nier par notre siècle.

Глава одиннадцатая

ВРАГИ ДЬЯВОЛА

У Сатаны бесчисленное множество приверженцев, но и противников у него немало. Приверженцы его разделены между землею и адом, противники — между землею и небом. Приверженцы Сатаны — 1) все другие бесы; 2) все порочные люди, в особенности же колдуны и еретики. Противники — 1) все добродетельные люди, в особенности же святые (живые и умершие), 2) все священнослужители; последние, если даже не по силе своей добродетели, то по силе сана, 3) различные ангельские чины, 4) Дева Мария, 5) Господь Бог.

Прямое участие Бога в битвах с нечистым духом редко, так как битвы эти — собственно говоря, борение лишь временное, хотя и ежеминутное. Бог спокойно ждет исполнения времен для рокового предела, который положит дьявольскому нахальству вечный конец. Покуда Он предоставляет усмирять бушующего врага, чтобы тот не слишком безобразничал, так сказать, во времени и пространстве, младшим силам светлой иерархии, по исчисленным выше ступеням.

Для сражения с бесом христианин был снабжен весьма изрядно оружием, как оборонительным, так и наступательным, и как материальным, так и духовным.

Во-первых, его осеняла помощь милосердия Божия, без нее же несть спасения; во-вторых — вера и добродетель окружали его как бы стенами мощной крепости; затем следуют усердие к церковной службе, молитва, частое приобщение Святых Тайн, посты, неусыпное бдение. Ужасным для Сатаны орудием — тем более что оно всегда наготове — почиталось крестное знамение. Бесчисленное множество чертей признавалось, что пред крестным знамением никак не устоишь. Крестное знамение не только прогоняло бесов, но тушило пожары, утишало бури, излечивало больных, усмиряло диких зверей и совершало много других чудес. Большую силу имело также своевременное призывание Бога Отца, Иисуса, Девы Марии. Затем следовала святая вода. Черти почитали ее гораздо более жгучей, чем кипящая смола и расплавленный свинец адских котлов.

Воспетый Мицкевичем Твардовский заставил служившего ему дьявола выкупаться в святой воде:

Тварь нечистая не рада,
Весь в поту холодном бес,
Но приказ исполнить надо,
Крякнул он и в таз полез.

«Ну и баня! Вот так страсти! —
Черт взвился, как из пращи. —
Уж теперь ты в нашей власти,
Едем в пекло — не взыщи!»

«Нет! Еще одно осталось!
Тут спасует Сатана!
Погоди, нечистый, малость, —
Вон идет моя жена!»

Колокольный звон, как символ божественных служб, призывающий верующих к молитве или хоть религиозным размышлениям, злейший враг черта: он бежит куда попало, лишь бы не слыхать колокола.[20] Поэтому колокольный звон прекращает бури, если они бесовского происхождения, и имеет много других благодетельных последствий, изображенных в известной надписи:

Laudo Deum verum,
Plebem voco,
Congrego clerum,
Defunctos plero,
Pestem fugo,
Festa decoro,
Funera plango,
Fulgura frango,
Sabbata pango,
Excito lentos
Dissipo ventos,
Paco cruentos,
Est mea cunctorum
Terror vox daemoniorum.{374}

Мощи святых, восторжествовавших над всеми нападениями и кознями Сатаны, помогали бесчисленному множеству других святых добиться подобного же торжества, равно как некоторые папские грамоты (brevi), носимые в ладанках на шее или зашитые в платье, а также разные амулеты. Довольно много предметов и в естественном мире, которыми можно воевать с чертом, так как он чувствует к ним острую антипатию. Из драгоценных камней таковы хризолит и агат: они обращают беса в бегство, и сапфир: он примиряет человека с Богом. Из растений — чеснок, мята и трава, называемая французами permanable: она дает силу повелевать демонами. Соли они также чрезвычайно боялись. В животном мире злейший враг их — вестник утра и восходящего солнца — петух. От крика его разбегается нечистая сила, хотя бывали случаи, что и не вся. Наконец, иным христианам случалось пускать против черта в ход просто собственные кулаки или добрую палку — и ничего, даже помогало. Даже так или иначе попав под власть дьявола, можно было считать свое дело не вовсе проигранным, ибо чистосердечное покаяние с суровыми эпитимьями не только выручало грешника из плена, но еще могло покорить ему «под нозе» и беса-то самого.

Однако жития множества святых, от малых и средних до самых великих, свидетельствуют, что арсенал всех этих надежных орудий оказывался состоятельным далеко не всегда. Попадались черти настолько дерзкие и бесстыжие, что, передразнивая угодника, повторяли слово за словом молитвы, которыми тот думал удержать их, и даже пели псалмы. Другие нагло издевались над крестом, хотя он обыкновенно обращает бесов в бегство. Третьи пускались в пляс и амурились под самым кропилом. Словом: чем сильнее была защита, тем яростнее и упорнее становились их нападения.

Из людей самыми грозными врагами Сатаны являлись святые. Они сражались с ним то ради самозащиты, то других защищая от его мерзостей. Они должны были терпеть от него много козней и докуки, но часто они наверстывали все с лихвою, и торжество над бесом было тем полнее и славнее, чем дольше и упорнее вел он свою атаку. Повестью о пакостях, учиненных Сатаною святым Божиим, и наказаниях, понесенных им же от них же, можно наполнить многие толстые томы. Угодники и угодницы, анахореты с седыми бородами и

юные благочестивые девы, едва вышедшие из детства, одинаково испытывали и ковы дьявола, и торжество над ними.

Св. Антония бес тысячами досаждений — даже до побоев! — до того довел, что однажды отшельник взял да просто плюнул ему в рожу. Бес так растерялся, что поджал хвост и дал тягу. Впрочем, плевок святого мог обладать специфическими силами, которых лишен плевок обыкновенного человека. По крайней мере, епископ Донат во времена Аркадия и Гонория[375] умертвил громадного и престрашного дракона, именно только плюнув ему в самую пасть.

Св. Сульпиций[376] и св. Фродоберт[377] еще детьми отгоняли крестным знамением беса, который мешал им ходить в школу. Другие святые тем же средством достигали еще более выразительных результатов. По рассказу Петра Преподобного, однажды проник в аббатство Клюни черт с намерением искусить уж не знаю какого монаха. Но приор, бывший человеком большой прозорливости и не меньшей святости, как пошел крестить нечистого, так, без всякого иного средства, загнал его в отхожее место.

Мы видели, что святые Сульпиций и Фродоберт воевали с дьяволом, еще будучи школьниками. Святость и сопряженные с нею способности проявлялись иногда необычайно рано. Св. Пахомий неумолимо поражал нечистого уже в самом раннем своем возрасте, а св. Виктор Аршиакский пугал чертей даже из чрева своей матери. Но всего удивительнее ужас, который черти чувствуют к св. Игнатию Лойоле:[378] даже самые наглые и озорные из них расточаются от его образков и статуэток, яко воск от лица огня. По всей вероятности, ад искони предчувствовал пикантную притчу Беранже, что, когда Сатана помрет, св. Игнатий Лойола попросится на его место.

Пришел Игнатий: «Я решился
Его права и место взять.
Его никто уж не страшился;
Я всех заставлю трепетать.

Откроют нам карман народный
Убийство, воровство, война.
А Богу то, что нам негодно, —
Хоть умер, умер Сатана!»[379]

Св. папа Сильвестр — тот самый, который крестил императора Константина и, по легенде, в награду за Миланский эдикт подарил ему всю Западную империю, — так этот св. Сильвестр[380] однажды изловил беса в глубокой пещере под видом дракона, связал его веревкою и запечатал ему пасть крестным знамением. В Ибернии св. аббат Мунна[381] оковал беса раскаленною цепью. Другие святые действовали проще. Св. Аполлон,[382] игумен пустыни Фиванидской, захватил беса гордости во образе маленького эфиопа и зарыл его в песок. Св. Контекст[383] поймал суетившегося подле него блудного беса, набросив последнему на шею собственную свою епитрахиль, и потом провел его по городу, как собаку. Св. Иллидий[384] заставил одного беса перенести две колонны из Тревиров в Авернию. Св. Прокопий Пражский[385] заставлял чертей пахать плугом по камням. Блаженный Нотчер Вальбул,[386] войдя раз ночью в церковь, застал там дьявола в виде собаки; приказал ему подождать и, взяв посох, принадлежавший ранее св. Колумбану,[387] сломал его на спине нечистого. Св. Дунстан (924–928), аббат Гластонбюрийский,[388] обошелся с чертом еще хуже. Однажды, когда он работал в своей кузнице, бес-искуситель явился ему во образе прекрасной юницы. Святой притворился, будто не узнал черта, и вступил с ним в дружескую беседу, а тем временем накалил клещи докрасна и — вдруг, среди разговора — неожиданно хвать ими беса за нос и давай таскать по кузнице с такой яростью, что тот со страха вертится как волчок, ревет как буйвол и при первой возможности улетает как стрела. Св. Доминику черт мешал в его научных занятиях. Святой, нимало не выходя из терпения, взял из подсвечника свечу и вложил в лапу черту, приказав крепко держать ее, пока он будет читать. Заклятый дьявол вынужден повиноваться, но свеча горит, догорает — и бедный бес сжег себе все пальцы. Говорят, то же самое проделали с ним св. Антоний и св. Бернард. В более или менее подобном случае Лютер пустил в черта чернильницей. Но Лютер не был святым. Напротив, ходили о нем слухи, будто он и сам-то был бесовского происхождения: родился от черта, обольстившего его мать во образе золотых дел мастера. Св. Бернард Клервосский ехал раз в тележке; черт сломал ему колесо. Тем хуже для черта: святой обернул его самого колесом и заставил везти себя дальше. Подвиг необыкновенный даже для святого, но, к сожалению, заимствованный

из старинной сказки германского эпоса о железном Гансе. Едет Ганс лесом в телеге на паре волов. «Прибежал к нему страшный волк и заревел: „Я съем одного быка“. — „Нужды нет, — отвечает Ганс, — но тебе придется заместо его самому тащить воз“. Едва волк сожрал быка, как железный Ганс схватил его за шею и запряг в телегу. Немного погодя явился черт: „Я, — говорит, — изломаю у тебя ось“. — „Пожалуй, только тебе самому придется занять ее место“… Черт не обратил внимания на эти слова; но едва изломал он ось, как железный Ганс схватил его за шиворот и буквально исполнил свое обещание» (Гримм).

Когда черти плутуют со святыми, они то и дело попадаются в собственные сети. Св. Луп стоит на молитве. Бес навел на него сильную жажду. Св. Луп[389] приказывает подать себе кувшин свежей воды. Черт сейчас же влез в кувшин в расчете вместе с водою проникнуть в тело угодника. Но св. Луп, вместо того чтобы пить, спокойно положил на кувшин подушку с кровати и, закрестив, продержал наглого беса узником до следующего утра. Такое же точно приключение пережил с большею пользою и удовольствием для себя новгородский владыка Иоанн.[390] «Был у владыки круглый медный сосуд, с двумя носками, висевший на цепи в маленькой впадине с внешнею щелью для стока воды. Этот сосуд служил для владыки умывальником. Впадина затворялась дверцами от холода, проникавшего в щель. Все это и теперь показывается в Новгороде. Однажды, когда святой муж ночью стоял на молитве, бес вошел в сосуд и начал плескаться водою, чтобы прервать молитву старца праведного. Иоанн уразумел бесовские козни, подошел ко впадине, и осенил крестным знамением сосуд; бесу некуда было выскочить; он пробил дыру в сосуде, но крестное знамение крепче меди; все-таки не выскочил бес и стал проситься; тяжело было отверженному духу под крестным знамением. Иоанн потребовал, чтобы он превратился в коня и свозил его в Иерусалим так скоро, чтобы в одну и ту же ночь можно было воротиться в Новгород. Велика была сила крестного знамения у праведника. Бес повиновался. Он явился в образе черного коня пред келиею Иоанна. Владыка сел на него и помчался быстрее ветра по воздушному пространству. Он прибыл в Иерусалим к церкви Воскресения. Церковные двери сами собою отворились; лампады сами собою зажглись во храме; святой поклонился Гробу Христову и прочей

святыне и опять сел на своего волшебного коня, и на рассвете конь принес его в Новгород. Святой отпустил беса. „Смотри же, отче, — сказал бес, — никому об этом не рассказывай! А то я тебе великую пакость сочиню!“ Верно, бесовское самолюбие не могло выносить, как над ним, духом гордыни, будут смеяться и радоваться тому, что он попался впросак». Впоследствии владыка, однако, проговорился, и бес действительно отомстил ему жестоко, хотя в конце концов был опять посрамлен… (Костомаров. «Северные народоправства»).[391] Другие святые запирали бесов подобными же способами надолго. Св. Конон Исаврянин[392] заключал чертей в запечатанные горшки и потом закладывал их в фундамент своего дома. Урок, как запечатывать чертей, дошел к святым, как известно, еще от Соломона. К сожалению, совершенно невозможно передать шутку, которую сыграл с чертом св. Къюпилло — угодник, которого нет ни в одном календаре, что не мешает ему быть чрезвычайно чтимым в Неаполе. И не только сыграл, а еще такие слова прибавил, что пришлось посрамленному черту со стыда сгореть!

Святые девы школили беса не хуже святых мужей. Достаточно двух примеров. Св. Юлиания[393] отказалась вступить в брак с Евлогием, префектом Никомидии, идолопоклонником. Префект напрасно убеждал ее и грозил ей. Наконец, потеряв терпение, велел сначала сечь ее розгами, потом повесил ее за косы и лил ей на голову расплавленный свинец. Так как все это нисколько ей не повредило, он заковал ее в цепи и бросил в темницу. Здесь является к деве дьявол и, приняв образ ангела, говорит:

— О, Юлиания! Господь послал меня к тебе с разрешением поклониться идолам, чтобы ты не умерла такою постыдною смертью.

Но Юлиания обратила молитву к небу, и дьявол должен был снять личину и явиться в настоящем виде. Тогда мужественная девушка, чтобы проучить нечистого, вперед не морочил бы святых дев, связала ему лапы за спину, бросила его на пол и, сколько он ни вопил, отхлестала его тою же цепью, в которую была закована. Префект приказывает привести Юлианию из темницы для новых пыток. Юлиания выходит, но ведет за собою на привязи и врага своего. Этот плачет и молит:

— О, Юлиания! не выставляй меня на посмешище: ведь после такого срама на что я гожусь и какой же кому буду искуситель? Ведь

говорят, что христиане милосердны: почему же ты не хочешь сжалиться надо мною?

Но Юлиания не внемлет, торжественно проводит беса через весь форум и наконец бросает его в отхожее место. Префект все это видел, но по безрассудству своему ничуть таким чудом не убедился и приказал деву колесовать. Ангел сломал колесо, и дева осталась цела и невредима. Бесчисленные толпы зрителей, очевидцев чуда, обращаются к вере Христовой, и префект, тут же на месте, приказывает обезглавить на скорую руку 500 мужчин и 130 женщин, а Юлианию погрузить в котел с расплавленным свинцом. Когда же и это не помогло, велит, уж так и быть, без новых ухищрений, ее просто обезглавить. В это время снова является дьявол, во образе юноши, и подзадоривает палачей, напоминая им поругания Юлианией идолов и его, бедного беса. Но достаточно Юлиании чуть приоткрыть глаза, чтобы черт пустился бежать без оглядки. И тогда лишь наконец небо дозволило Юлиании принять мученический венец.

Другая Юлиания, настоятельница обители Монте-Корнелио,[394] когда дьявол уж очень надоел ей, бросила его себе под ноги и топтала, как топчут виноград в точиле.

Более поэтично укротила беса одна из многочисленных св. Гертруд. В нее безумно влюбился некий рыцарь. Но она, не будучи расположена к земным радостям и не мечтая об ином браке, как с небесным женихом, ушла в монастырь. Тогда благородный рыцарь отдал все свое имущество ордену, в который вступила Гертруда, и в течение трех лет щедрая благотворительность довела его до нищеты. Огорченный не тем, что обеднел, но тем, что ему нечего больше жертвовать в честь своей возлюбленной, рыцарь уныло бродил по полям и лесам и однажды ночью повстречал черта. Последний обещает его сделать богаче, чем был, под условием, что по прошествии семи лет рыцарь заплатит ему своею душою. Влюбленный принял условие, расписался на контракте собственною кровью и, сделавшись несметным богачом, пошел опять сорить деньгами во славу своей дамы. Между тем годы бегут, приходит условленный срок. Рыцарь идет проститься с девушкой и дает ей понять, какая судьба его ожидает. Затем, выпив стакан вина, который Гертруда ему предложила, садится на коня и, как честный должник, едет в полночь к условленному месту, где ждет его грозный кредитор. Но дьявол, едва его увидел, затрясся от испуга и,

ничего не требуя, возвратил рыцарю контракт. Дело в том, что он увидал — позади рыцаря, на крупе коня — незримо сидящую самое св. Гертруду.

Иногда естественная вражда между демонами доходила до дуэльных вызовов, поединков и настоящих сражений врукопашную. Св. Вульстан[395] получил вызов на борьбу от какого-то глупого черта, когда молился в церкви пред алтарем, — принял поединок и задал бесу жесточайшую трепку. Святому Андрею Скифскому было однажды странное видение: будто он находится в цирке, где с одной стороны выступает партия эфиопов, т. е. бесов, а с другой — партия мужей в убеленных одеждах, т. е. христиан. Эфиопы, беседуя между собою о беге и борьбе, казалось, возлагали свои надежды, главным образом, на некоторого черного исполина, превосходившего всех их ростом и силою. А белые сомневались: кто из них в состоянии помериться с этим эфиопом? Андрей выступил против него и победил. Цирк гремит рукоплесканиями белых, и ангел приносит в награду победителю обычные три венка. Иногда подобные цирковые состязания между силой христианской благодати и дьявольским обаянием происходили не в сонном видении и не с аллегорическим задним смыслом, а в самой осязательной реальности. Бл. Иероним рассказывает в житии св. Иллариона, что некий «Италик, гражданин города Газы Палестинской, бывший христианином, приготовлял коней для состязания в цирке с газским дуумвиром, поклонником идола Марны. Итак, он, имея соперником своим чародея, который известными демоническими заклинаниями препятствовал коням одного и возбуждал к бегу коней другого, пришел к блаженному Иллариону и просил его не столько повредить врагу, сколько запретить его самого. Почтенному старцу показалось неуместным тратить молитву по пустякам такого рода. Когда он засмеялся и сказал: „Зачем ты не отдашь лучше цену твоих коней бедным?“, тот отвечал, что это — общественная обязанность и что это он делает не столько по желанию, сколько по принуждению: что он не может, как христианин, употреблять волшебство, но просит прежде всего помощи от раба Христова, особенно против газских врагов Божиих, которые и ругаются не столько над ним, сколько над церковью Христовой. Тогда, упрошенный братиями, которые присутствовали при этом, он велел наполнить водою глиняную чашку, из которой обыкновенно пил, и отдал ему. Взяв ее, Италик окропил и

стойло, и лошадей, и возниц своих, колесницы и запоры карцеров. Ожидание народа было удивительное: потому что соперник, смеясь над этим самым, бесчестил Италика, а доброжелатели Италика торжествовали, обещая верную победу себе. Вот, когда был дан знак, эти летят, те встречают помехи; под колесницею этих горят колеса; те едва видят спины пролетавших мимо. Крик народа был чрезвычайный; так что сами язычники гремели, что Христос победил Марну. После этого взбешенные противники требовали на казнь Иллариона, как зловредного христианина. Но победа, несомненная как для них, так и для многих, возвращавшихся с торжественных игр, была поводом к обращению в христианство очень многих».

Некий дюжий и набожный ломбардец только о том и молил Бога, как бы ему намять бока черту. Однажды, путешествуя в Испании, встретил он в поле нищую старуху, разбитую параличом, высохшую, как пергамент, и с такою гнусною образиною, что честный ломбардец, нисколько не усомнившись, что наконец-то судьба послала ему черта навстречу, без долгих разговоров набросился на эту бабушку и выколотил из нее остаток жизни. Но не было особенно редким чудом и взаправду побить черта — самого настоящего черта огненной породы и прямо из ада. Когда Сатана похитил перчатку разбойника Роллона, —

Смело на страшного гостя ударил Роллон,
Отнял перчатку свою у нечистого он…

И даже добродушный кузнец Вакула не забыл отблагодарить черта, возившего его в Петербург, несколькими добрыми ударами хворостины…

Неисчислимо добро, принесенное святыми чрез то, что они мешали дьяволу делать зло. Черт пред святым всегда на подневольном отчете: вынужден говорить то, что более всего желал бы замолчать, признаваться во всех своих секретах и планах, в злодеяниях, уже совершенных и только задуманных. Святые распознают беса, под какою бы личиною он ни скрывался, а иные — даже и незримо чуют по запаху. Таков, например, был св. Илларион, о котором блаженный Иероним уверяет, будто он «имел благодатный дар по запаху тела и одежд, и всего, чего кто касался, узнавать того демона или тот порок, которому был предан кто». Эта тонкость обоняния может сравниться

только с чуткостью вкуса английского короля Якова I, о котором есть предание, будто он приказывал кипятить подозреваемых ведьм в котле и потом, попробовав на язык несколько капель получившегося бульона, безошибочно определял, действительно ли покойница была ведьма или сварилась понапрасну. Все это было весьма на пользу человечеству, и агиографы с важностью утверждают, что единственною помехою, воспрепятствовавшею бесам в XIV веке разорить и погубить Италию, был св. Франциск из Паолы.[396]

Когда дьявол нападает извне, то справиться с ним при помощи вышеупомянутых благословенных средств нетрудно даже не святому человеку. Но борьба осложнялась, если бес, подобно врагу, проникшему тайными путями в осажденную крепость, входил в тело человека. Последний в таких случаях не мог избавиться от беды иначе, как с посторонней помощью. Правда, Фома Кантипратийский упоминает об одном церковнослужителе, который самолично избавился от одержимости бесом чрез то, что сжег какого-то еретика, но это исключение. Притом не всегда же бесноватый мог иметь под рукою еретика, годного для сожжения, да и жечь еретиков было делом инквизиции, ревнивой к своим прерогативам. Обыкновенно одержимый считался вне сражения, возникающего из-за него, и битва велась не между ним и бесом, а между бесом и бойцом-специалистом, который и атаковал нечистого всеми известными ему приемами борьбы. Строго говоря, одержимый рассматривался как замок, внутри которого дьявол или дьяволы укрепились против осады и отбиваются от штурмов — увы! — часто весьма победоносно.

Способы к изгнанию бесов были многочисленны, а действительность их зависела отчасти от присущих им собственных свойств, отчасти от качеств лиц, которые пускали их в употребление. Была большая разница в том, кто произносит заклинания — простой ли священник, не имеющий за собой иных заслуг, кроме своего сана, или святой чудотворец, способный вешать плащ на солнечный луч и превращать воду в вино. Там, где первый побеждал только после долгих и утомительных хлопот, зачастую подвергаясь опасности, что тот же бес, от которого он освобождал другого, вселится в него самого, — там святой побеждал одним жестом, словом, взглядом. Разнились и системы заклинаний. Иногда последние надо было сопрягать с длинною путаницей нарочных молитв, обрядовых формул,

постов и других убиений плоти, возжения свечей, курения ладаном и т. д. Иногда дело обходилось и без всего этого, по простоте. Дело в том, что не все черти оказывались одинакового характера. Одни обращались в бегство не то что при первом штурме, но даже при первом звуке военной трубы. Другие, наоборот, защищались отчаянно, именно как черти, и вытащить их из тела одержимых было едва достижимо, потому что держались они в жертвах своих, как гвозди, по головку забитые в стену. Сообразно тому многие одержимые исцелялись уже одним прикосновением к мощам какого-нибудь славного святого или глотком воды, в котором разведена была щепотка пыли с его надгробья. Очень помогала вода, служившая для омовения деревянных башмаков св. Илии Пещерника (Спелиота). Заклинаемые святыми дьяволы обыкновенно немедленно подавали какие-либо существенные признаки своего смятения и страха. Один черт, таившийся в брюхе больного, когда стал заклинать его св. Апр,[397] выскочил из своего убежища через первое отверстие, какое нашел, что сопровождалось, сообщает точный описатель, большим извержением из живота. Бегство, вполне достойное столь мерзостного неприятеля.

Эразм Роттердамский[398] в одной из своих бесед, озаглавленной «Exorcismus sive Spectrum», весело издевается над всеми этими формулами, обрядами и сумасбродствами заклинателей. Однако его насмешки не помешали одному капуцину сочинить, уже в конце XVI века, огромную латинскую книжищу под заглавием «Бич на демонов», содержащую ужасные, могущественнейшие и действительные заклинания и наиболее испытанные средства, способные изгонять из тела одержимых бесом нечистую силу и всякого рода колдовства посредством своей благодати и всех других вещей, потребных для вышесказанного изгнания.

Не будем забывать, что среди наиболее испытанных средств имелась и палка, и не один бесноватый, будучи хорошо поколочен каким-либо дюжим святым, смирялся как по чуду и выздоравливал, не требуя каких-либо иных заклинаний. Большим мастером на такие исцеления был наш «протопоп-богатырь», незабвенный Аввакум.

Глава двенадцатая

ЧЕРТ-ВЕСЕЛЬЧАК

Венгерский драматург Мольнар[399] написал черта фамильярным существом среди буржуазной обстановки, товарищем и добрым малым; un diavolo dabbene, как говорят итальянцы. В этой идее много народного, а потому и интимно-понятного, чуткого, бросающего к сверхъестественной условности мост правдоподобия. Почти во всех странах и во все века народ относится к черту гораздо лучше и добрее, чем учит и требует запугивающая Церковь. «Не так страшен черт, как его малюют». Демон-победитель, «царящее зло», сила грозная, мрачно-величественная, наводящая трепет и ужас. Но роль победителя выпадает черту сравнительно редко, а побежденный он только противен, иногда жалок, всего же чаще смешон. Народ любит фамильярно приближать к себе сверхъестественные силы. Первые же века христианства низвели с небес и заставили бродить по свету, принимая самое оживленное участие в делах человеческих, не только ангелов, святых, Деву Марию, но и самого Христа и Бога Отца. Раз фамильярный антропоморфизм умел приспособить к своим представлениям даже такие сокровенные высоты, как же бы мог он обойтись, не укротив по-своему и не одомашнив дьявола, предполагаемого постоянным враждебным спутником человеческой жизни? Черт в народе резко отличен от черта богословов и аскетов. Народный черт — нечто вроде скверного соседа, незримого, полузримого или даже вовсе зримого в том или другом, большем или меньшем человекоподобии. У черта есть дом, профессия, свои занятия, нужды, хлопоты, иногда он землевладелец, иногда рабочий, он ест, пьет, курит, носит платье и обувь, иногда он впадает в долги и должен ломать голову, из каких источников уплатить, иногда он болеет, принимает скверные лекарства — во всем этом очень мало чертовского и очень много человеческого. Одомашненный народный черт никогда не носит многозначительных, важных, торжественно-грозных имен из календаря Святого Писания или магической демонологии. Люцифер, Вельзевул, Сатана, Астарот, Бельфэгор, Мефистофель — дети и достояние «черных книг». Имена народных чертей будничные,

уничижительные, смехотворные, а иногда так даже и ласкательные. В Италии — Фарфаникио (пустельга), Фистоло, Берлик, Фарфарелло (мотылек), Тентеннино (мямля, увалень), Куликкия, Тики-Таки. В Англии — Старый Ник, Старый Джентльмен (Old Gentleman — когда-то мой псевдоним!), Гусберри (крыжовник). В Испании — Дон Мартин или Мартин Пиньоль. В Польше — Хохлик, Ськерка. У нас — Анчутка Беспятный и прочие. Как только литература начала находить народные основы, она сейчас же подхватила и восприяла смешного и фамильярного народного черта. В так называемых макаронических поэмах черт является таким курьезным страшилищем, так дурачится, гримасничает и скачет, что свидетели этого зрелища едва живы от смеха. Народный черт совершенно чужд унылости, любит посмеяться сам и посмешить других. Св. Иероним рассказывает, что некоторый святой муж увидел однажды черта, хохочущего во всю глотку. На вопрос: чего ты? — черт отвечал:

— Да как же? Сейчас товарищ мой ехал верхом на шлейфе вон той дамы. Дама, переходя лужу, приподняла платье, — товарищ не удержался и бух прямо в грязь!

У св. Карадака[400] шутливый черт стянул однажды пояс с кошельком и радовался как ребенок, покуда святой напрасно искал пропавшие вещи. Чудесно написаны шалости лукавых народных чертей в «Очарованном страннике» нашего Лескова. А совсем уж гениальную феерию народных чертей с их курьезным шабашем создал Роберт Бёрнс в своем «Tam O’Shanter»,[401] с которым не может сравняться даже пушкинский «Гусар»…

Черт далеко не всеведущий и всепроницательный гений. Напротив, он доверчив, как ребенок, — охотно принимает на веру самую дикую чепуху, в контрактах и пари его то и дело надувают, в практике жизни он круглый невежда. Он вечно пытается обмануть — и вечно обманут. Ведь даже Мефистофель и тот дал маху на контракте с Фаустом — по крайней мере в трагедии Гёте. По некоторым Отцам латинской Церкви, самое дело искупления рода человеческого было по отношению к дьяволу колоссальным обманом, в котором дьявол работал на собственную свою голову со всем слепым усердием, ему свойственным. Он-де потому так старался погубить Иисуса, что вообразил, будто получает Его душу взамен искупленных душ человеческих, — и в конце концов, как водится, остался с носом: души

Иисуса не приобрел, а души человеческие потерял. Во многих средневековых сказаниях Бог забавляется, играя доверием дьявола к обещаниям и уступкам, которыми тот никак не в состоянии воспользоваться.

Точно так же обманывают черта святые, волшебники и обыкновенные смертные. Легенды Талмуда и восточных сказок о Соломоне почти дословно повторились в средневековых сказаниях о маге Вергилии, о Парацельсе и т. д. Будущий маг слышит вой дьявола, заключенного силою чернокнижного искусства в тесную дыру, припечатанного заклятием: «Освободи меня, и я выучу тебя магии!..» Вергилий ломает печать, черт выходит на волю и, сдержав слово, делает поэта величайшим волшебником в мире. Перестав в нем нуждаться, Вергилий выражает сомнение: «Неужели ты мог поместиться в таком тесном заключении?» Тщеславный черт готов доказать: моментально влезает в свою старую тюрьму, а Вергилий его в ней тотчас же снова заклинает — и идет себе дальше своею дорогою. Парацельс точно таким же образом извлек черта, заключенного в дупло, выманил у него лекарство от всех болезней и золотую шкатулку и опять заколотил. Это — почти история Ариэля из «Бури» Шекспира:

Просперо

За то, что ты ее преднамереньям
Не захотел усердно помогать,
Взбешенная колдунья Сикоракса,
При помощи других своих духов,
В расщеп сосны тебя заколотила.
Там пробыл ты двенадцать долгих лет
В безрадостном, тяжелом заключеньи…
А между тем колдунья умерла,
Забыв тебя в твоей тюрьме сосновой,
Где вопли ты так часто испускал,
Как в мельнице колес удары часты.
Ты заставлял стенаньем выть волков,
Ты пробуждал медведей вечно-гневных.
Проклятые не будут так страдать,
Как ты страдал; но злая Сикоракса
Уж не могла тебя освободить.
Прибыв сюда, я внял твоим стенаньям,
Я с помощью искусства раздвоил
Опять сосну и дал тебе свободу.

Ариэль

Благодарю тебя, мой господин.

Просперо

Но если я услышу вновь твой ропот
Против меня, то раздвою я дуб
И там в его узлистой сердцевине
Оставлю выть тебя двенадцать зим.

Бесчисленны сказки и легенды о надувательствах черта его должниками. Крестьянин обязуется отдать черту душу под условием, что тот выстроит ему дом, гумно либо вспашет поле, вообще исполнит какую-нибудь сложную работу прежде, чем запоют петухи. Честный черт трудится в поте лица своего, но, когда работа уже близка к концу, плут-мужик заставляет петуха петь раньше срока, и бедный черт вынужден провалиться восвояси, имея только то одно утешение, что работу, им не довершенную, уже никакою человеческою силою нельзя довести до конца: здание останется недостроенным, незапаханный

кусок полосы — навсегда пустырем и т. д. Либо черт подрядится построить для какого-нибудь города мост с условием, что ему будет принадлежать душа первого, кто пройдет по мосту. Горожане мост примут, а первыми пройти по мосту пустят осла, козла или собаку, и опростоволосившийся черт должен удовольствоваться этой скромною добычей. Часто вместо души ему подсовывают тень. В Саламанке, в университете, черт читал курс магии, предупредив слушателей, что в виде гонорара он возьмет душу того, кто на последней лекции останется последним в аудитории. В роковой день студенты бросили жребий, кому быть жертвою беса. Но парень провел кредитора. Когда черт устремился на него, он закричал:

— Я не последний, профессор: есть еще один!

И указал на свою тень. Черт бросился на нее, принимая ее за человека, а студент благополучно улизнул.

Эта сказка дала сюжет известной балладе Теодора Кёрнера.[402] Тему тени, проданной недогадливому черту под видом души, разработал в замечательном романе своем «Жизнь и приключения Петера Шлемиля» Адальберт Шамиссо.[403]

Русский черт в житейских делах совершенный невежда и всегда обманут смертными самым жалким и нелепым образом. Достаточно вспомнить сказки о Шабарше и работнике Балде (переложенную в стихи А. С. Пушкиным), чтобы видеть, как ограничены умственные способности и, наоборот, велика честность русского черта: на какие детские шутки можно его поймать!.. В других сказках — дадут черту пулю вместо ореха, он добросовестно грызет; чугунного болвана принимает за человека; дается в обман солдату, который запирает Сатану вместе со всею его командою в свой ранец и отдает пленный ад в таком виде и кузницу: «Ваше царское величество! прикажите изготовить тридцать железных молотов, каждый молот в три пуда». Царь отдал приказ: сейчас же изготовили тридцать молотов. Солдат принес ранец в кузницу, положил на наковальню и велел бить как можно сильнее. Плохо пришлось чертям, а вылезть никак нельзя! Угостил их солдат на славу! «Теперь довольно!»[404] Хитрый барин замучил чертей, заставляя их возить его по зыбучему болоту, и они сами никак не могли догадаться злодея своего утопить, покуда их не надоумила встречная баба. Примеры бесовской наивности в русских

сказках бесчисленны. Даже в предметах по собственной своей, так сказать, профессии черт слаб, недогадлив и несведущ. «Первый винокур», но — его ничего не стоит напоить допьяна, и в таком виде делай с ним что хочешь В карты играть — православные его непременно обжулят, а шулер он такой плохой, что даже простоватого деда в «Пропавшей грамоте»[405] не удалось обыграть сатанинской шайке. И наконец, кто знаком с запретными русскими сказками, тот вспомнит, какими забористыми дурачествами морочат черта разные игривые бабенки, попадьи и прочие внучки Евы, как бы в отмщение за свою прародительницу, которую великий Змий-сатана соблазном своим лишил рая… Очевидно, черт с тех пор совершил эволюцию, обратную исторической эволюции человеческого рода: люди в несчастье поумнели, а черт нестерпимо поглупел.

Весь век торгуя душами, черт, по-видимому, совершенно не знает толку в своем товаре, и потому вместо души ему можно всучить самую невыразимую дрянь. Французский трубадур Рютбёф[406] рассказывает, как глупый черт, ловя в мешок душу умиравшего крестьянина, поймал сдуру ветры, которые испустил больной, да так и остался с этой благодатью. Знаменит подобными несчастиями черт Paperfiquiere (Бумажный черт), историю которого рассказал Рабле. Не больше, чем с душами, везет черту в его земных женитьбах: свидетели — Бельфэгор, приключения которого описаны Макиавелли и Страпаролою,[407] и черт известной испанской сказки, которого теща загнала в бутыль, закупорила и бросила на вершине горы.

Черти Дантова ада, встреченные поэтом в пятом рву восьмого круга, великолепная смесь обоих дьявольских начал: ужасного и смешного. То и другое перепутано в их наружности, поведении, именах. Их общее родовое имя — Malebranche, Скверная поросль. А частные имена: Malacoda (Скверный Хвост), Scarminglione (Шкуродер), Alichino (Хлопокрыл; впрочем, некоторые комментаторы думают, что это искаженный французский черт Hellequin), Calcabrina (Черт-Правёжник, выжимающий пользу даже из инея: равносильно русскому простонародному «с дерьма пенки снимает»), Cagnazzo (Пес Паршивый), Barbariccia (Плут-Борода), Libicocco (Скверный Южный Ветер), Dragignazzo (Ядовитый Драконишко), Ciriatto (Хрюкало), Graffiacane (Собаколуп, по одному из комментаторов, Данте именем

Graffiacane превратил в дьявола современного ему флорентинца, кардинала Ruffiacane), Rubicante (Краснорожий).

Данте оставил им жесты и мимику подонков флорентийского простонародья. Они щелкают языком и подмигивают, чтобы привлечь к себе внимание своего атамана, а атаман подает им трубные сигналы способом, о котором лучше не вспоминать. Они даются в обман Чиамполо или кому-то другому, скрытому под именем «слуги доброго короля Тебальдо», и двое из них, Аликино и Кальбарино, вступают из-за этого в драку, падают сгоряча в озеро кипящего олова, и товарищи тащат их оттуда крюками.

Очень похожи на этих дантовских чертей те дьяволы-интриганы, которых выводят мистерии и морали Средних веков и Возрождения. Главным назначением их было смешить зрителей дурацки-чудовищным видом, проказами, гримасами, комическою погонею друг за другом и постоянною дракою с щедро рассыпаемыми пинками и оплеухами. Это шуты и клоуны священной сцены, столь же частые и необходимые на ней, как цинические и первобытные дураки в трагедиях Шекспира. Особенно часты такие черти-клоуны в священном театре французском, английском и немецком; реже — у итальянцев.

Французская мистерия XV века «Рождество, страсти и воскресение Господа нашего Иисуса Христа» (La nativité, la passion et la resurrection de N. S. Jésus Christ), сочинение Арнуля Гребана,[408] имеет 34 574 стиха, разделенных между 303 действующими лицами, в числе которых много чертей, играющих роль смешную и жалкую. Получив сведения, что близится Искупление мира, Люцифер велит трубить сбор всем чертям; тех, кто не отвечает на призыв и ленится прийти на собрание, нещадно секут плетьми, возят голым задом по всему аду, семь раз окунают в самый глубокий адский колодезь. Является Сатана. Он только что с земли, где тщетно старался хоть чем-нибудь повредить Христу. За неудачу ему немедленно задают достодолжную таску, хоть он и протестует, взывая к справедливости всего ада. В другой сцене Сатана, Астарот и Берик присутствуют при Вознесении Христовом, но удается видеть чудо только одному Сатане. Астарота, едва попробовал поднять глаза к небу, незримая сила бросает ничком, а Берика оглушает ударом по голове. Они решают возвратиться в ад, хотя предчувствуют, что не очень-то любезно их там встретят.

В другой сцене Сатану, скованного раскаленными цепями, волочат по всему аду.

— Что, брат? трудишься в поте лица своего? — спрашивает его Люцифер.

В «Мистерии св. Дезидерия», сочиненной около того же времени Вильгельмом Фламангом,[409] черти высмеиваются как глупейшие хвастуны и говорят языком нарочно пошлым, дурацким и непристойным. В «Мистерии о Петре-Меняле»[410] (Pierre le changeur marchand) озлобленные черти, у которых заступничество Святой Девы отняло принадлежащую им погибшую душу, острят насчет Бога за то, что Он произнес приговор не в их пользу:

Ведь он послушный маменькин сынок:
Все исполняет, как она велит.
Скажи он хоть словечко поперек —
И тут же будет ей нещадно бит.

В одной немецкой «Мистерии Страстей Господних» Люцифер беседует с чертями о своем и их падении и о гордости, которая была тому причиною. Но черти ругают его и бьют:

— Довольно уж нам проповедей-то!

В другой мистерии — «Воскресение Христово» (1464) — Люцифер, после того как Искупитель опустошил его царство, закован в цепи и посажен в бочку. Сатана и другие черти отправляются на ловлю новых душ, которые могли бы пополнить убыль старых. Но едва они уходят, Люцифер начинает звать их обратно и орет так громко и так долго, аж у него смертельно разболелась голова. Черти вернулись, но больной Люцифер уже успел позабыть, зачем он звал их, и черти ругают его, жалуясь и сожалея о душах, ими тем временем потерянных. Сатана вновь отправляется-таки на ловитву. Так как его долго нет, то Люцифер начинает беспокоиться:

— Уж не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья? Да уж не убили ли его?

Наконец Сатана возвращается с душою одного священника — и Люцифер хохочет, удивляясь, что прежде всего попадают в ад именно те, кто должен был бы показывать другим дорогу в рай. Но хитрый священник не остается в долгу и, грызясь слово за слово, так

обрабатывает Люцифера, что тот велит отпустить его как можно скорее восвояси.

В плачевном виде выставляет черта испанская комедия XVII века «El Diablo predicator» («Черт-проповедник»).[411] Черт оклеветал в скверном поведении монахов одного францисканского монастыря в Лукке и возмутил против них население. Бедным монахам приходилось очень плохо, как вдруг с неба спускается архангел Михаил с младенцем Христом на руках и приказывает клеветнику обратить свои каверзы в благо и возвратить оклеветанным их прежнюю репутацию.

К числу смешных чертей принадлежат дьявол Скарапино во «Влюбленном Роланде» Боярдо[412] — какой-то мальчик-с-пальчик адского мира, живущий в атмосфере винного погреба и кухонного чада, — и черти, которых Лоренцо Липпи[413] написал в своем «Malmantile».

Осмеяние, направленное против черта, должно было рано или поздно коснуться и некоторых явлений, тесно связанных с чертовщиною, — обрушиться на магию и ее причудливые тайны. Этот веселый скептический смех прорывается в народе бодрою сатирою как раз в период, когда учащаются процессы против колдуний и костры ведьм горят по Европе с усиленной яростью, — в XV–XVI веках. Ни у кого смех над магией не звучит так громко, как у Теофила Фоленго,[414] остроумного, богатого воображением, веселого автора «Бальдо», короля макаронических поэтов (1496–1544). В VII макаронике этой поэмы он издевается над доминиканцами, которым вверена была инквизиция:

Вся их обязанность в том, чтобы седлать ослов для колдуний.
(Officiumque gerunt asinus imponere struas).

В макаронике XXI он описывает в невыразимо смешном и непристойном виде кухню, школу и лупанар ведьм в царстве Кульфоры и извиняется, что кое о чем должен умолчать, так как побаивается, не послали бы его инквизиторы в пытку и на костер. В «Куртизанке» Пьетро Аретино[415] некая Альвиджия оплакивает смерть своей хозяйки, старой колдуньи, которую только что сожгла инквизиция:

— Она была Соломонией (Salomona), Сибиллою, Хроникою для сыщиков, кабатчиков, носильщиков, поваров, монахов и всего честного света; она строго соблюдала все вечерние службы и теперь мне, своей ученице, оставила весь свой скарб и всю колдовскую утварь: пузырек со слезами любовников, cara non nata (кожа животного, добытого оперативным путем из материнской утробы), заклятия к усыплению, молодильные рецепты, черта, запертого в ночном горшке, и прочее, и прочее.

В «Одержимой» (Spiritata) Ласки[416] (1503–1583) Трафела говорит: «Когда кто-нибудь обидится до того, что начинает верить колдовству, ведьмам, духам, заклятиям, можно по справедливости сказать, что он стал гусь-гусем…» Вообще в итальянских комедиях и повестях XV века колдуны, ведьмы и магические операции — частая тема шуток. Костры горят — чего нельзя серьезнее, а народ и демократическая литература острят. Любопытную смесь суеверия и скептицизма, ужасного и комического, смеха и страха представляет знаменитый рассказ Бенвенуто Челлини[417] о том, как он выживал чертей в Колизее. Хотя подлинность записок Бенвенуто Челлини более чем сомнительна, зато совершенство этого превосходного романа и верность его духу эпохи настолько несомненны, что его можно смело цитировать как исторический документ. «Во время этого странного образа жизни я познакомился с сицилийским священником, человеком очень ученым, глубоко изучавшим греческую и латинскую литературу. Однажды зашел у нас разговор о некромантии; между прочим я сказал, что мне чрезвычайно хочется узнать, что это за искусство, а еще более увидеть самые его действия.

— Для этого нужна душа твердая и предприимчивая, — отвечал священник.

— Только бы представился мне случай посвятить себя в эти таинства, а твердости у меня хватит.

— Если так, я удовлетворю твоему желанию.

Вот мы и условились приступить к делу.

Вечером священник сделал необходимые приготовления и велел мне взять с собою одного или двух товарищей. Пригласив Винченцио Ромоли, мы отправились в Колизей. Там священник облекся в одежду некроманов и стал чертить на земле круги с чудными церемониями.

Когда все было готово, он сделал в кружке двери и перевел каждого из нас туда. Потом распределил между нами занятия: приятелю своему Пистойа, пришедшему с ним, он отдал талисман, нам поручил надзор за огнем и куреньями и начал заклинания. Эта история продолжалась часа полтора. Колизей наполнился легионами адских духов; видя, что их набралось довольно много, священник обратился ко мне и сказал: „Бенвенуто, проси у них, чего хочешь“. Я отвечал, что прошу их соединить меня с сицилианкою Ангеликой. В эту ночь мы не получили ответа, тем не менее я был очень доволен всем тем, что видел.

— Надо прийти вторично, — сказал некроман, — и привести невинного еще мальчика.

Я выбрал одного из моих учеников, которому было около двенадцати лет, взял с собою Винченцио Ромоли и еще Аньолино Гадди, моего приятеля. В Колизее начались все прежние проделки. Надсмотр за огнем и куреньями поручен был Винченцио и Аньолино Гадди, а мне дан был талисман с приказанием поворотить его к тому месту, куда некроман укажет. Ученик стоял под талисманом.

Священник начал свои ужасные заклинания, вызывал по именам множество демонов и именем Всемогущего, несотворенного, живого и вечного Бога повелевал им, употребляя еврейский, греческий и латинский языки. Скоро Колизей наполнился бесчисленным множеством демонов. По совету некромана я снова попросил их соединить меня с Ангеликой.

— Слышишь? — возразил некроман. — Они отвечали, что через месяц ты с нею увидишься. Не робей, — продолжал он, — стой тверже: легионов гораздо более того, сколько я вызывал, притом эти самые опасные. Так как они ответили на твой вопрос, то надо обойтись с ними как можно ласковее.

Вдруг мальчик, которого я все держал под талисманом, стал в ужасе кричать, что около нас легионы страшных людей и четыре великана, порывающихся войти в круг. Некроман, дрожа от страха, всевозможными ласками старался от них освободиться. Я боялся не менее других, но старался скрыть это и ободрял товарищей. Ученик, спрятав голову между своих колен, кричал, что он умирает. Священник велел закурить assa foetida;[418] но Аньоло Гадди находился в совершенном оцепенении от ужаса: глаза у него были навыкате, он был ни жив ни мертв.

— Полно, Аньоло, — сказал я, — страх тут не у места; лучше помоги-ка нам: насыпь поскорее assa foetida на угли.

Мальчик мой решился поднять голову; видя, что я смеюсь, он ободрился. Дорогой он уверял нас, что два чертенка бежали перед нами и прыгали то на крыши, то с крыш. Некроман клялся, что с тех пор, как он занимается этим искусством, с ним никогда не случалось ничего подобного, уговаривал меня присоединиться к нему, обещая от некромантии неисчислимые богатства.

— Любовные дела — пустяки, тщеславие, — говорил он, — и ни к чему не ведут.

Разговаривая таким образом, мы пришли домой. Ночью нам только и снилось, что демоны».

Итак, хотя по натуре своей черт смешной такой же пакостник, как черт угрюмый, но он менее опасен и вреден, а потому является как бы переходною ступенью к «доброму черту».

Противоречие между самым понятием «злого духа», с одной стороны, и «добра» — с другой, казалось, должно было бы помешать народу создать идею о добром черте, в контраст или в поправку к черту злому. Но не только народ, а и богословы не удержались от соблазна открыть двери этой примирительной идее. Одни считают, что дьявол может покаяться и обратиться к Богу, другие — что он непременно должен покаяться и обратиться. Притом не все дьяволы виноваты в одинаковой мере, а мера их первой вины предполагается пропорциональною их последующей злости. Ориген считает, что в великой битве между ангелами верными и отпавшими не все небесные духи приняли прямое участие, но многие вели себя выжидательно, сохраняя нейтралитет. Этих духов, которые «не были ни мятежными, ни верными Богу, но остались сами по себе», Данте встретил в преддверии ада при «жалких душах тех, кто прожил век ни славно, ни позорно». В путешествии св. Брандана упоминается таинственный остров, на острове — чудесное древо, а на древе — стаи птиц самой чистой, снежной белизны: эти птицы как раз и были ангелы падшие, но не порочные. Они не терпели никакой нарочной кары, но Бог исключил их из вечного блаженства. Угоне Альвернийский нашел подобных же ангелов в окрестностях земного рая, они поклонялись истинному Богу и по воскресеньям свободны были от своих наказаний.

Порядочный черт прежде всего услужлив. Он помогает людям в опасностях и нуждах совершенно добровольно, без всякого дурного намерения, не прося никакой награды или же довольствуясь самою малою. Примеров тому несть числа.

Порядочный черт — существо благодарное.

«Однажды зимою, — говорит старая немецкая хроника, — некоторый бедный черт, полузамерзший на страшном холоде, попросил приюта в доме рыцаря Бернгарда фон Штретлингера. Последний, тронувшись жалким видом черта, подарил ему плащ. Вскоре затем рыцарь отправился на поклонение святым местам. На возвратном пути он попался в плен и заключен был в тюрьму на горе Гаргано. Как вдруг является рыцарю тот самый черт, одетый в подаренный ему рыцарем плащ, и говорит:

— Я послан архангелом Михаилом, чтобы отнести тебя домой. Поспешим, потому что жена твоя собралась уже выйти замуж за другого.

И доставил рыцаря восвояси как раз вовремя, чтобы помешать беззаконному браку».

Многие другие рыцари и святые путешествовали тем же способом, без малейшего участия в том магических средств. Святой Антидий[419] (ум. ок. 411) ездил на черте в Рим, чтобы намылить голову тогдашнему папе за какой-то грешок против седьмой заповеди.

Многие черти поступали в услужение к порядочным людям и даже в монастыри. Конечно, услуги их были не всегда бескорыстными и могли быть очень опасны для хозяев. В VI веке св. Эрвей[420] поймал и уличил двух таких чертей: один служил лакеем в доме графа Элено, а другой — работником в монастыре святого аббата Majano. Оба сознались, что имели злые намерения. Вальтер де Куанси описывает черта, поступившего в услужение к одному богачу: он не только пытался совратить господина своего с пути истинного, но и покушался на жизнь его. Но нет правила без исключения, и некоторые черти в услужении вели себя на славу. Один черт, определившись лакеем к рыцарю, долго служил ему с величайшею верностью и преданностью; однажды даже спас господина и супругу его от верной смерти. Раскрыв, кто был слуга, рыцарь не посмел держать его более. «Сколько я тебе должен?» Честный черт спросил небольшую сумму и, получив, возвратил ее рыцарю с просьбою купить на эти деньги колокол для

одной бедной церкви. Это — рассказ Цезария. По свидетельству Тритемия, другой черт долго служил у епископа Хильдесгеймского. В одном старом итальянском житии мы находим черта монастырским служкою; он работал с величайшим усердием и аккуратностью, отвечая трудом своим за десятерых слуг. «Поэтому в одно мгновение он накрывал на стол и убирал со стола, подметал трапезную, мыл посуду и в таком же роде исполнял многие другие услуги; больше того: при первом благовесте к заутрени он брал палку и стучал в двери келий, торопя заспавшихся иноков идти в церковь на молитву». О таком же черте-служке во францисканском монастыре города Шверина рассказывает немецкий летописец Бернард Хедерих[421] (XVI век). Уходя из монастыря, черт в награду за честную службу попросил только то, что раньше выговорил: пеструю одежду с бубенчиками.

Добрые черти умеют быть полезными и на другие манеры. Благодаря пари одного из них с архангелом Михаилом, кто выстроит церковь красивее, возник в Нормандии храм на Mont St. Michel. Другой был настолько великодушен, что научил св. Бернарда семи стихам из псалмов, повторяя которые ежедневно человек обеспечивает себе рай. Третий, даже без всякой о том просьбы, перенес душу больного рыцаря в Рим и Иерусалим и тем вернул ему здоровье. Все это, конечно, были черти высших степеней, черти-нобили, одаренные могуществом, соответственным их рангу. Добрые черти из адской мелочи по-мелочному и добры. По Цезарию, один черт сторожил виноградник за одну корзину винограда. Известный историк запорожской старины Д. Эварницкий[422] сообщает такую легенду: «Жил когда-то между запорожцами один кузнец, да не такой кузнец, какие теперь повелись, — пьянюги да мошенники, — а кузнец настоящий, честный, трезвый человек, еще старинного завету. И ковал он коней чуть ли не на всю Сечь. Чуть свет, а он уже в кузнице, уже и „гукает“ молотом. Только сколько он ни делал, сколько ни годил себе и казакам, а все бедняком был: ни на нем, ни под ним. В кузнице его всегда висело две картины: на одной срисован был Господь Иисус Христос, а на другой намалеван чертяга с рогами; первая картина прибита была на стене, что прямо против дверей, а вторая — на стене, что над дверьми. Так вот войдет, бывало, кузнец в кузницу, то сейчас же станет лицом к иконе и помолится Богу, а потом обернется назад и плюнет черту, да и плюнет как раз в самую рожу. Вот так он и делал

каждый день: Богу помолится, а черту плюнет. Однажды вот приходит к этому кузнецу парняга, здоровый, красовитый, с такими черными усами, что они так и „вылискуются“ у него; а на вид несколько смугловатый. Кузнец пожаловался гостю на плохие заработки, а тот предложил ему бросить кузницу и заняться новым ремеслом: старых людей переделывать на молодых. „Неужели можешь?“ — „Могу!“ — „Научи меня, спасибо тебе!“ — „Э, не хотелось бы мне, но жаль уж очень тебя. Так вот же что: пойдем вместе по свету, посмотришь ты, как я дело делаю, то и себе научишься“. — „Пойдем“. Вот и пошли они. Идут-идут; приходят в одну слободу и сейчас же спрашивают: „А что это, панская слобода?“ — „Панская“. — „А есть тут пан?“ — „Есть!“ — „А что он, старый или молодой?“ — „Да лет с девяносто будет“. — „Ну, вот это и наш; идем к нему“. Сторговались с паном помолодить его за тысячу рублей. Тогда тот молодой парняга взял долбню, „ошелешил“ пана по лбу, изрезал его на куски, покидал те куски в бочку, налил туда воды, насыпал золы, взял весилку да и давай все это мешать весилкою. Мешал-мешал, мешал-мешал, а потом плюнул-дунул да как крикнет: „Стань передо мною, как лист перед травою!“ Тут по этому слову из бочки выскочил такой молодец, что аж любо на него посмотреть, молоденький-молоденький, как будто ему лет семнадцать. Получил парняга тот деньги, часть дал кузнецу, а часть зарыл зачем-то в курган. Так переделали они в молодых еще несколько панов и паней. Вот кузнец видит, что наука того парня не особенно мудра, и говорит сам себе: „Э, кат тебя бери! Я и сам теперь могу то же самое сделать!“ Положились спать. Вот только что наш парняга заснул, а кузнец поднялся да и ушел. Нашел старого пана, охочего помолодеть, и принялся мастерить, как выучился: взял долбню, убил ею пана, изрезал его на кусочки, побросал те кусочки в бочку, налил туда воды, насыпал золы, взял весилку и давай мешать. Мешал-мешал, мешал-мешал, а потом как свистнет, как крикнет: „Стань передо мною, как лист перед травою!“ А оно ничего и не выходит. Он вновь мешает; мешал-мешал, мешал-мешал — пот беднягу прошиб, и снова крикнет: „Стань передо мною, как лист перед травою!“ И снова ничего не выходит. Он и в третий раз, и в третий не выходит. Что тут делать? А дети убитого пана пристают, чтобы кузнец воротил им отца, а не воротит, то в Сибирь зададут. „Погодите, — говорит кузнец, — стар он чересчур, не вскипел!“ Да снова мешает.

Вот уже и ночь обняла его; устал бедный кузнец, сел и задумался. Коли кто-то торк его за руку! Оглянулся кузнец, а это парняга тот с блескучими глазами и черными усиками. „Чего это ты, дядько, так зажурился?“ — „Э, голубчик мой сивый, выручь из беды! До веку не забуду!“ Задумался парняга, а кузнец все просит. „Ну, вот что: я тебе помогу, только дай мне один зарок“. — „Какой твоей душе угодно, такой и дам; что же именно тебе нужно?“ — „Да что? Не будешь ты плевать вот на ту картину, которая висит у тебя в кузнице над дверьми?“ — „Да это та, что черт на ней намалеван?“ — „Та самая!..“ Понял тогда кузнец, что у него за товарищ и какая у него наука… Ну, что же было делать? „Не буду, до веку не буду!“ С тех пор перестал кузнец плевать черту в рожу, с тех пор люди и пословицу сложили: „Бога не забывай, да и черта не обижай“. Это сделалось между запорожцами, а от них уже и к нам перешло…»

Еще страннее просто доброго черта черт, который верует, молится, исполняет религиозные обряды. В «Житии св. Иоанна Гвальберта»[423] повествуется о черте, который, войдя в тело одной старушки, пел гимны, псалмы, «Кирие элейсон» и прочее. В лубочной истории о Фаусте последний ведет с Мефистофелем длинный богословский разговор. Демон весьма обстоятельно и правдиво рассуждает о красоте, в которую облечен был на небе его повелитель Люцифер и которой лишился он за гордость свою, в падении мятежных ангелов: об искушениях людей дьяволами; об аде и его ужасных муках.

> «**Фауст**. Если бы ты был не Дьявол, но человек, что бы ты сделал, чтобы угодить Богу и быть любимым людьми?
>
> **Мефистофель***(усмехаясь)*. Если бы я был человеком, тебе подобным, я преклонился бы пред Богом и молился бы ему до последнего моего издыхания, и делал бы все, что от меня зависит, чтобы не оскорбить Его и не вызвать Его негодования. Соблюдал бы Его учение и закон. Призывал бы, восхвалял бы, чтил бы только Его и чрез то заслужил бы после смерти вечное блаженство».

Есть чудесный малороссийский рассказ о чертяке, который, влюбившись в одну молоденькую девушку, попавшую в ведьмы не по собственной охоте, а по наследственности от матери, не только помогает этой бедняжке разведьмиться, но и продает себя в жертву за нее мстительным своим товарищам… Таким образом, народному

черту оказывается доступною даже высшая ступень христианской любви и готовность положить душу свою за други своя. Мало того, бывают черти, которые добрыми своими качествами превосходят людей, и зрелище человеческой подлости и жестокости приводит их в искреннейшее негодование и ужас. Так, в народной английской сказке, рассказанной Диккенсом,[424] Сатана вышел из себя от грубости, тупости и нелюдимости безжалостного могильщика Грубба. Чрезвычайно любопытна в этом отношении фламандская легенда о «Притворщике Матвее», злодее-монахе, удивившем ад безграничною подлостью своего лицемерия. Есть литовская сказка о бесе, который никак не мог поссорить крепко любящих друг друга супругов. Старая баба взялась устроить ему это за пару башмаков и разожгла между мужем и женою ненависть и подозрения в один день. «Черт все это видел и глазам не верил; после взял он длинный шест: нацепил на один конец обещанные лапти и пару башмаков и подал их старухе издали. „Я ни за что не пойду к тебе ближе, — сказал нечистый, — не то, пожалуй, ты и меня обморочишь; ведь ты куда хитрей и лукавее меня“. Отдал ей башмаки и лапти, бросил шест и быстро исчез, словно выстрел из ружья. Рассказ этот известен и между нашим простонародьем» (Афанасьев). Бесчисленны рассказы о чертях, страдающих от злых жен, которые то выживают их злобою своею из ада на землю, то заставляют бежать с земли в ад.

Но самый добропорядочный, милый и любезный из чертей, когда-либо вылезавший из ада на свет, конечно, Астарот в поэме Луиджи Пульчи[425] (1432–1484) «Morgante Maggiore». Добрый маг Маладжиджи предчувствует предательство изменника Ганелона и гибель, грозящую Роланду и другим паладинам в Ронсевале. Тогда он вызывает Астарота, чтобы узнать, где находится Ринальдо и Ричиардетто. Астарот рассказывает длинную историю их похождений в Азии и Африке. Затем, в обмене беседы, у него срывается с языка обмолвка, будто Бог Сын не знает всего того, что ведомо Богу Отцу. Маладжиджи озадачен и спрашивает почему. Тогда дьявол произносит новую, длинную-предлинную речь, в которой очень учено и вполне ортодоксально рассуждает о Троице, о Сотворении мира, о падении ангелов. Маладжиджи замечает, что кара падших ангелов не очень-то согласуется с нескончаемою благостью Божией. Это возражение приводит демона в бешеное негодование: неправда! Бог всегда был

одинаково благ и справедлив ко всем своим тварям. Падшим не на кого жаловаться, кроме себя самих. Затем Астарот, прихватив с собою черта Фарфарелло (Мотылек), отправляется в Египет за Ринальдо и Ричиардетто. На возвратном пути он оказывает им тысячи любезностей, превосходно питает их и успешно борется с коварством другого беса, Скварчаферро (Разрыв-трава), посланного враждебным волшебником. Занимает Ринальдо описанием многих странных животных Африки и Азии и, подобно тому как раньше пред Маладжиджи, разъясняет рыцарю наиболее темные догматы веры, причем настаивает, что

Права лишь вера христиан. Закон
Их свят и справедлив и крепко утвержден.

По прибытии в Ронсеваль Астарот прощается с рыцарями словами, вполне им оправданными:

Поверьте: в мире нет угла без благородства —
Оно есть и в аду, средь нашего уродства.

Ринальдо сожалеет о разлуке с Астаротом, как будто теряет в нем брата родного.

— Да, — говорит он, — есть в аду и благородство, и дружба, и деликатность!

И приглашает Астарота, Фарфарелло, а также Скварчаферро, который успел превратиться из врага в друга, побывать к ему в гости, и молит Бога — простить этих милых и добрых чертей!

Из семьи добрых чертей происходит и «Хромой бес» Гуэвары (1574–1646) и Лесажа (1668–1747).[426]

Ясно, что добрый черт Средних веков — прямой потомок и ближайший родственник кротких стихийных духов древней языческой мифологии, каковы гномы, сильфы, эльфы. Но он, так сказать, редактирован христианством, а со своей стороны вынудил у христианского богословия снисходительный компромисс, которым дьяволу открывался путь к спасению. Уже во втором, третьем и четвертом веках по Р. Х. вопрос о раскаянии дьявола занимал умы мужей Церкви, причем в пользу черта высказывались такие силы, как Иустин Философ,[427] Климент Александрийский, Ориген, а в IV веке — Дидим Александрийский[428] и Григорий Нисский. Однако одержало

верх противоположное мнение: что дьявол раскаяться не в состоянии и осуждение его вечно и неизменимо. Начиная с IV века это догмат, суждение единственно православное. Обратное мнение — ересь. В Средние века еретическое мнение находит защитников единственно в Скотте Эригене[429] (ум. 886). Наоборот, св. Ансельм[430] (1033–1109) восстает на него самою яркою полемикою, а величайший светоч богословия, св. Фома Аквинат, категорически отрицает возможность для дьявола улучшить свою природу и участь. В «Житии св. Мартина», написанном в VI веке Венанцием Фортунатом,[431] говорится, что дьявол, если бы мог раскаяться, то, конечно, был бы спасен, но в том-то и дело, что раскаяться он никак не может. Чтобы доказать невозможность эту, в то же время сохранить за дьяволом свободу воли, которою он одарен не в меньшей степени, чем человек, сочинялись теории странные и тонкие. Например, утверждали, будто дьявол потому не способен к покаянию, что покаяние есть путь совершенствования от плоти к духу, а у дьявола не двойная натура, как у человека, но одна — духовная. Тема «Может ли дьявол грешить?» до сих пор занимает схоластические умы. О ней, к слову заметить, упоминает и наш Помяловский в своих «Очерках бурсы». Народ был всегда добрее ученых и стоял, чутьем благости, выше богословов и философов. Он просто не понимал и не принимал вечного проклятия, жалел черта, сочинял ему путь к избавлению от вечного проклятия, и — справедливо говорит Артуро Граф — если бы народ имел в том право голоса, то некоторые черти преотлично были бы спасены и оказались бы даже святыми. «Святой черт» — великолепно прозвал недавно бывший инок Илиодор[432] своего сотоварища-шарлатана «старца» Григория Распутина. В этом случае народ близок к восточным идеям. Возвращение дьяволов в ангельский вид пророчит и учение раввинов, и Коран. Ад когда-нибудь потеряет свой ужас и станет святым местом. Популярная поэма Томаса Мура «Рай и Пери» (из «Lalla Roukh»), переведенная Жуковским, красиво отразила один из примеров такого совершенствования из беса в ангела путем покаянных даров деятельного добра.

Желание возвратить себе утраченное небо и раскаяние в нелепом возмущении высказывали многие дьяволы. Об одном из них, весьма достойном сожаления, сообщает неистощимый Цезарий. В старой английской поэме «The Deuelis Perlament, or Parlamentum of Feendis»

дьявол сперва борется против Христа, пришедшего освободить души из ада, но, убедившись, что не в силах Ему противостать, молит:

— Освободи же и меня вместе с ними!

Из стремления к искуплению, естественно, родится воля к поступкам, к искуплению ведущим. Понятно, однако, что эти покаянные средства иногда приходятся чертям не по вкусу и не один черт, попробовав их, отступал, махнув на судьбу свою рукою.

Св. Ипатий[433] уговаривал однажды какого-то черта сотворить покаяние, но черт оказался таким остервенелым, что даже не пожелал признать себя грешником. Значит, не захотел сделать даже первого шага к спасению, потому что покаяние начинается сознанием греха. В одном итальянском апокрифе о состязании между Христом и Сатаною последний упрекает Искупителя, что Он возлюбил человека более, чем его, Сатану, создание чина ангельского:

— Человека Ты искупил, а меня покинул в бездне отчаяния!

Христос возражает:

— Если я не помогаю тебе, причина тому только та, что ты сам помочь себе не хочешь. Потому и помогаю я человеку, что он сам себе помогает. Точно так же, как его, я спас бы и тебя, если бы ты догадался помочь себе: покайся, обожай меня, проси у меня милости, признай свою вину и поклонись мне, как владыке.

Сатана с гордостью отвечает:

— Я скорблю и сокрушаюсь о том, что пал с неба, но не потому, чтобы я хотел поклоняться Тебе или признать себя виноватым. Скорее, чем поклониться Тебе, я согласен быть брошенным на дно ада, в муки, во сто тысяч раз злейшие моих нынешних!

В древнерусской литературе всем вышеприведенным историям соответствует «Повесть о бесе Зерефере»,[434] сохранившаяся в списке конца XV или начала XVI века. Дьяволы заспорили между собою, могут ли они быть прощены от Господа Бога. Один из них, по имени Зерефер, берется узнать, как о том мыслит сам Господь, и научает одного святого подвижника вознести о том молитву. Явившийся ангел предупреждает праведника, что его обманывает лукавый бес, но так как Бог не отвергает никакого грешника, ищущего с ним примирения, то ангел сообщает подвижнику покаянный обряд, которым дьявол может возвратить себе прежнее ангельское состояние. И когда бес явился за ответом, «старец же отвеща: „Заповедати тебе повели Бог

сице: яко да стоиши на едином месте три лета к востоком, взывая во дни и в нощи: Боже помилуй ми древнее зло! Глаголя сие числом сто, и паки другое сто глаголя: Боже помилуй мя мерзости запустения! И паки тоже число: Боже помилуй мя помраченную прелесть! И егда сия сотвориши, тогда спричтешися со ангелы Божиими, якоже преже“. Зерефер же лестный он покаяния образ отверг, восмеяся велми и глагола старцу: „О калугере! аз аще бых хотел нарещи себе древнюю злобу и мерзость запустения и помраченную прелесть, преже от начала се хотел сотворити и спастися; ныне же древнее зло не буди то аз, и кто се глаголет? Аз бо даже и до ныне дивен и славен бех, и вси бо аще повинуются мне, и аз сам себе нареку мерзость запустения и помраченную прелесть! Никако, калугере! не буди то, яко да аз в таковое бесчестие себе всажу!“ Сия рек диавол, невидим бысть».

Черти не столь строптивого нрава, как этот угрюмый бес, не только не интересовались путями к обращению, но даже пробовали исповедоваться. Но это редкий случай. Гораздо чаще брали они на себя маску духовников. В этом случае они бывали очень опасны, так как развращали исповедников своею безграничной снисходительностью. В каком бы пакостном грехе ни признался человек, черт-духовник знай утешает:

— Ничего! Не велика беда! Не обращай внимания!

Каков черт в роли проповедника морали и житейской мудрости, показал Мефистофель в «Фаусте» Гёте, дьявольски мороча студента, пришедшего к Фаусту за поучением и советом о выборе карьеры… Следуя дьявольским советам, студент — во второй части «Фауста» — обратился в такого пошлейшего «приват-доцента», что самому черту стало совестно: какого вывел он «профессора по назначению»!

Собственно говоря, казалось бы, исповедь для черта совсем уж не такое трудное дело, потому что он, уже по природе своей, страшный болтун. Даже скрывая адское существо свое, этот великий любитель мистификации не удерживается от искушения потанцевать немножко на канате, ежеминутно рискуя опасностью обнаружить себя. Так, демон в «Волшебнике-чудотворце»[435] Кальдерона, явившись Киприану моряком, потерпевшим кораблекрушение, рассказывает, под видом своей биографии, возмущение небесных духов против Бога и всю, так сказать, историческую эволюцию дьявола…

Очень часто болтливые черти рассказывали святым мужам, без всякой в том нужды и спроса, самые сокровенные и плутовские ухищрения злобы своей. Петр Преподобный пытается изъяснить, какою силою они, такие хитрецы, вынуждены, однако, к откровенностям этим. Цезарий повествует, что однажды дьявол пришел-таки исповедоваться, уповая на милость Господню. Духовник, священник жалостливый и умеренный, назначил ему в эпитимью всего лишь трижды в день преклонять колена и с сокрушенным духом читать молитву: «Господи Боже, сотворший мя, согреших пред Тобою, помилуй мя!» Но черт — так черт и есть: нашел, что такое унижение ему невместно, и — тем дело и кончилось. Вильгельм из Вадингтона,[436] автор «Руководства прегрешений», сообщает историю другого черта, который, заметив чудотворственное действие и спасительные результаты исповеди, сам решил испытать ее силу и принес некоему святому мужу бесконечный и ужасающий список грехов своих. Но исповедь осталась без последствий, потому что грехи-то черт сосчитал, но покаяться в них отказался.

К другим таинствам черт терпимее: они меньше уязвляют его самолюбие. В одном шведском процессе 1669 года выяснилось странное обстоятельство: на шабаши местных ведьм дьявол приглашал священника и приказывал себя крестить.

Демон, подавленный сознанием своего несчастья, а еще более ужасом пред самим собою, рыдающий о грехе совершенном, о рае, навсегда потерянном, но чувствующий, что он не способен ни просить, ни получить прощения, — Сатана Мильтона. Кому не известен знаменитый монолог его ужасного отчаяния — конец обращения к солнцу:

Итак — прощай, надежда; страхи все
И совести терзанья вместе с ней,
Прощайте. Безвозвратно для меня
Все доброе погибло. Зло, лишь ты
Моим отныне вечно благом будь.
Благодаря тебе, с царем небес
Я властвую над миром наравне,
И больше чем полмира, может быть,
Покорным станет власти Сатаны,
О чем узнает вскоре человек
И этот новый во вселенной мир.
(Перевод К. А. Лигского)

Не менее упрямым и свирепым являет себя Адрамелех в «Мессиаде» Клопштока. Но обоих затмевает гордый и неукротимый Люцифер Байрона, когда отвечает Каину, который напомнил ему о Боге, владыке Вселенной:

Нет, клянусь небесами,
Где царствует лишь Он, клянуся бездной
И всею бесконечностью миров,
Где царствуем мы оба, — нет! Он мой,
То правда, победитель, но не высший;
Моя борьба против Него все та же,
Как в небесах небес была. За все,
Что в вечности таинственной сокрыто,
В пространстве, не имеющем конца,
Во мраке бездн неизмеримых ада,
За далью беспредельною веков —
За все, за все я с ним бороться буду.
За миром мир и за звездой звезда,
За новою вселенною другая
Трястися на весах должны, пока
Конец борьбы великой не наступит,
С конечным истреблением Его
Или моим. Иначе наступить
Не может он. Но можно ль истребиться
Бессмертию? Возможен ли предел
Неистребимой ненависти нашей?
Как победитель, он объявит злом
Того, кто побежден им; но добро,
Которого он должен быть податель,
В чем состоит? Будь победитель я,
Каким бы злом дела его считались![437]

Контрастом к этим грозным и свирепым дьяволам являются довольно многочисленные в поэзии дьяволы-покаянники, умевшие таки найти спасение в милосердии Божием и возвращенные в рай, так сказать, на вторичную службу. Таковы Аббадона Клопштока, оплакавший смерть Иисуса на Голгофе; обращенный и искупленный Сатана в «Консуэло» Жорж Занд и «Искушении» Монтанелли;[438] «Спасенный Сатана» Альфреда де Виньи, недописанная поэма, в которой Сатану спасала любовь Эллоа, ангела-женщины, родившейся из слезы Христовой, воспетого также и нашим Случевским, — к сожалению, нельзя не признаться, в довольно-таки нескладной и

топорной поэме того же имени.[439] Осталась недоконченною поэма Виктора Гюго «Конец Сатаны», имевшая сюжетом примирение Сатаны с Богом.

Глава тринадцатая

СМЕРТЬ ДЬЯВОЛА

Обращению и искуплению дьявола есть помеха, которой не предвидели богословы; дьявол умер, не выждав конца мира. Умер или умирает.

Что дьяволы смертны, утверждали еще раввины. О том, что черт заболевает, опасно болеет, лежит при смерти, потом опять оправляется, известно из многочисленных показаний обвиняемых по ведьмовским процессам. В народных сказках, еще сохранившихся там и сям в Европе, умирающий черт — обычное действующее лицо. Достаточно напомнить о мантуанской сказке про юношу-оборотня, который, спасаясь от черта, принимает разные образы, пока не удается ему принять вид хорька в то время, как черт замешкался в виде курицы, и, понятно, хорек задушил курицу. Вот почему, заключает сказка, и нет больше черта… Странно и многозначительно подобное утверждение в устах народа. Проследим историю — признаки и причины исчезновения нечистой силы (А. Граф).

Дьявол родился из известных причин, жил и расцветал в известных условиях, приспособлялся к их медленному, но неизбежному изменению. Как всякий живой организм, он прошел все степени жизненной эволюции и умирает потому, что эволюция завершена. Функция организма закончена. Идея, которая давала ему жизнь, не в состоянии победить на обширной арене житейской конкуренции других более могучих и юных идей.

Чтобы заметить симптомы умирания черта, достаточно оглянуться вокруг себя. Он перестал быть прежним страшилищем, кознодеем и злобным чудотворцем. Куда девались чудовищные полчища, с которыми он, бывало, в ночную пору проходил равнинами или лесами либо мчался по воздуху? Где черные кони, на которых он похищал злодеев? Где пожары, бури, моровые язвы, обязанные ему своим происхождением? Сама Церковь, хотя и не может допустить, чтоб дьявол умер, вынуждена признать, что он стал гораздо смирнее и отказался от многих прежних своих проделок.

Помысел о бесе и страх пред бесом постепенно гасли в умах не только образованного общества, но и черни, не только в городах, где эволюция идей свершается быстрее, но и в деревнях, последних приютах древних верований и пережитков. Теперь имя черта часто упоминается в обыденной речи, как побранка, присловье, ради поговорки, но за словом уже нет ни образа, ни духа. Магические обряды существуют кое-где в народе, но черт уже не принимает в них участия; а пресловутых шабашей — бесовских игр и сборищ — давно уже и след простыл. Разве сумасшедшему придет сейчас в голову вызывать черта для договора с ним о продаже души своей в обмен на богатства и почести.

В России один из последних случаев такого рода приключился в 1843 году. В местечке Белице рядовой местной конно-этапной команды Федоров, не стерпев жестоких побоев, бежал было, но в бегах сробел и сам явился с повинною в город Гродно. «При обыске Федорова караульным офицером найдена у него за обшлагом шинели написанная им от своего имени кровью записка следующего содержания:

„Рукописание сие дано в том, что я отрекся уже от матери, отца и родственников всех своих, от белого света и всего, что есть на оном, и матушки сырой земли, от Бога и лица Его, теперь проклинаю Его; а я предался нечистым духам, то есть дьяволам, за деньги и их услуги, сроком на тридцать лет, в чем и подписуюсь своею кровью мизинца левой своей руки, апреля 22 дня 1843 года Иван Федоров руку приложил, не Богу, а черту“.

На допросах при следствии и в суде подсудимый Федоров, под священническим увещанием, объяснил, что слышал от разных неизвестных людей, что если кто пожелает предаться нечистым духам и даст им написанное своею кровью из мизинного левой руки пальца рукописание, то будет иметь все, что только пожелает». Дорого обошлась злополучному Федорову его попытка войти в знакомство с нечистою силою. «Генерал-аудиториат признал, что написанная подсудимым Федоровым записка о предании себя нечистым духам заключает в себе богохуление и покушение к отступлению от православной веры; но как это учинено им единственно по легкомыслию и грубому невежеству, то, применяясь к 145 и 146 ст. 5 ч. свод. воен. постан., определил: Федорова, как за сие преступление, так и за самовольную от команды отлучку, наказать шпицрутенами,

прогнав чрез пятьсот человек один раз, и отослать к духовному начальству для поступления с ним по церковным правилам, а потом обратить на службу во фронт, по распоряжению инспекторского департамента военного министерства». Любопытно заключение об этом деле Любавского, опубликовавшего процесс: «Грамотность сгубила Федорова; не знай он грамоты, Федоров не мог бы написать своею кровью записку, которая судом признана была содержащею в себе богохуление». Сама Церковь, которая во время оно карала подобные грехи кострами, теперь молчит о них и старается забвением замять прошлое. Более того, она избегает много говорить и о самом черте. Еще сравнительно недавно она усердно напирала на то, чтобы держать память человеческую под гипнозом его имени, образа, могущества и ухищрений. Сравните современную проповедь с проповедью 300 лет тому назад. В последней чуть не через слово — дьявол и геенна огненная. В нынешней мельком скользнет его имя. Сравните современную архитектуру церковную и средневековую. В церкви Средних веков черт столько же необходимая фигура, как святые, да и больше многих святых в живописи, скульптуре, в резьбе, глядит он с фресок, капителей, орнаментов, скамей, цветных окон, барельефов. В церкви современной изображение дьявола — величайшая редкость.

Никто уже, путешествуя мрачными лесами, пустынными горами, бездонными озерами или пучинами морскими, не боится вдруг попасть в предательские и убийственные лапы чертей. Если теперь безвестно пропадает закоснелый грешник, никто не предположит, что черт уволок его за волосы в ад, но полиция открывает следствие, печатаются вызовы, премии и объявления в твердой уверенности, что пропавший должен найтись живым или мертвым не на том, а на этом свете. Администрация не верит больше в людей, задушенных дьяволом в постели; женщины не боятся, что черт навяжется им в любовники и сделает их матерями, либо выкрадет их ребенка, либо напросится в кумовья, чтобы потом потребовать к себе крестника. Больные не воображают себя заколдованными и идут лечиться не к заклинателю, а к врачу. Умирающий не видит больше у одра своего черных бесов, которые, щелкая острыми зубами, таращат глаза и тянут когтистые лапы в готовности схватить грешную душу. Наилучшее доказательство, насколько пала боязнь дьявола, — совершенное

уменьшение так называемой демонопатии. Психоз этот стал клиническою редкостью, тогда как три века тому назад в бесноватость переходило почти каждое нервное заболевание, и в особенности истерия.

Было бы ошибочно думать, что черт погибает под рукою торжествующей цивилизации только потому, что она сознает в нем врага. Нет, он просто жертва своей ненужности, жертва сознания, что он отслужил свою службу и обречен ею на отставку, как обрекаются на слом леса, когда выстроено при помощи их здание. Наша цивилизация изгоняет из себя черта по тому же закону, по которому изгоняет она рабство, привилегии, религиозный фанатизм, божественное право и еще многое другое, с чем она борется в настоящем и что предстоит ей одолеть в будущем. Бес был главою и неотделимою частью цельного порядка вещей и идей, сложного и могущественного режима, определявшего собою церковную цивилизацию Средних веков. Борьба жизни со всем режимом отозвалась и на черте, как на части режима, последовательно сокращая его права, покуда совсем его всяких прав не лишила. Полудикая нравственность, требовавшая грубой религии, изобрела в невежестве своем то пугало отрицательной совести, которое выразилось средневековым чертом. При всех злоупотреблениях католицизма идеей дьявола, которого западная Церковь вырастила в гиганта-антибога, почти что воскресив древнего Аримана, дуалистически исказив тем идею царства Божия и религией ужаса почти отменив простую, строгую, чистую доктрину Евангелий, — при всех темных последствиях католического демонизма, нельзя взваливать грех его только на произвол Церкви в лице пап, инквизиторов, монахов и профессоров на теологических кафедрах. Черт — продукт истории и в качестве такового был непобедимо жизнеспособен, покуда длились условия, вызвавшие его к жизни. Церковь, если бы даже хотела, то все-таки не смогла бы задавить и уничтожить его, так как он беспрерывно возрождался в совести полудикой эпохи, которая, собственно говоря, не имела общей религии, ибо, кроме внешнего христианства, каждый еще носил в душе свое личное, наследственное или местное суеверие и только истинно его стеснялся и боялся. Вообразить себе Средние века с единою общею религией положительной идеи и без беса так же трудно, как вообразить религию низших ступеней цивилизации без

идолов, оракулов и кровавых жертвоприношений. Правда, средневековый бес утвержден догматом более раннего происхождения. Но это не корень его, не рождение, но историческая встреча и усыновление, пришедшиеся так вовремя и кстати, что старинный догмат расцвел всею полностью существа своего и всем разнообразием своих возможностей. Его требовал весь характер эпохи: вся сложность ее мысли, институтов и нравов. Черт был необходим. Это так верно, что Реформация не подняла на него руки своей и приняла его таким же, как создал его католицизм.

Но этика имеет также свою эволюцию, и в более культурный век развитое чувство общественности и более зрелая нравственность порождают силу положительной совести, которая очищает религию от элемента страха, от власти совести отрицательной. И вот — час дьявола пробил. Дух отрицания сам, в свою очередь, становится добычею отрицания. Одухотворение религии, устремляя мысль человеческую к идеалу надежды и любви, блаженства и мира, отрекается от грозного дуализма. «Сколько знал я и знаю христиан, — восклицает Артуро Граф, — из числа самых искренних и верующих, которые не хотели и слышать о дьяволе, решительно отвергая, чтобы Бог милосердия и любви мог присудить свою бедную тварь к вечному аду, к безысходному отчаянию, к наказанию страшному, но бесполезному — именно потому, что оно вечно… Общество в этой духовной революции, восстановившей фактическое единство благого Бога, далеко опередило церковный догмат и его служителей, застылых на давно пройденном и мохом поросшем пороге Средних веков».

Рост общественности есть рост нравственности; рост нравственности есть понижение страха вечной угрозы и повышение внутренней самоответственности. Вот почему из современных законодательств исчезает смертная казнь и многие жестокие кары, обыкновенные в прежнее время. И потому же исчезает и вера в дьявола-мучителя и в ад, полный осужденными грешниками, которым нет надежды на прощение. В Средние века судья за самую ничтожную вину угрожает смертью, а духовник адом, и оба имеют к тому основание, так как всякий другой довод был неубедителен в обществе буйном, грубом, невежественном и ничего не боявшемся, кроме смерти и загробной расплаты, воображаемой с чисто языческим материализмом. Повышение этнического сознания параллельно

погашает надобность и в смертной казни, и в бесе. Царство страха сменяется царством разума. Правления деспотические сменяются правлениями либеральными. Впереди брезжит заря социалистического строя… Великому этическому деспоту, бесу, нечего делать в их условиях, и он исчезает, как король старого режима, бежавший от восставшего народа в бесповоротное и бесславное изгнание.

Кроме религиозно-этической эволюции, вернее сказать, как великая и самая деятельная часть ее сложного состава, выдвигается против беса наука. «Демонизм» и «наука» — два слова, выражающие две противоположности, два взаимоотрицания, два враждебные мировоззрения и мироотношения. На заре цивилизации дикарь не в состоянии уяснить себе множества явлений природы иначе, как предположив за каждым волю и разум, подобные своим, и чрез то населяя мир добрыми и злыми существами, высшими, чем природа. Это — анимизм, демонизм: начало религиозной, метафизической эволюции. Но в то же время положительный опыт труда кладет начало наблюдению повторности явлений, которое замечает, что силы природы — не волевые, а дисциплинированные, в порядке известных причин и следствий, постоянными законами. Возникает наука, и анализ ее мало-помалу сперва освобождает человека от демонического мировоззрения, но потом совершенно разрушает все здание демонизма. Средневековый человек еще видел и слышал черта во всем: в вихре, наводнении, пожаре, молнии, граде, блуждающих огнях, болезнях, в собственных мыслях и чувствах. Мы видели аббата Рикальма дошедшим в демоническом мировоззрении до того, что вся жизнь его, до глубочайших мелочей, обратилась в сплошную механику доброго и злого демонического произвола. Нельзя не изумляться быстроте, с которою научный прогресс справился с демоническим мировоззрением, когда вглядишься в средневековую мощь его и оценишь его могущество. Водворяя на место царства произвола царство закона и необходимости, наука логически перегоняла черта с позиции на позицию, покуда не вытеснила его со всех постов и не оставила ему ни одного опорного пункта ни на земле, ни на небе. Более того, психология показала нам, как и почему родился черт, из каких элементов духа нашего он сформировался, и мы, отрицающие черта, знаем его и о нем гораздо больше, чем те века, которые в него верили. Генрих Гейне в одном своем сонете говорит, как однажды он,

вызвав черта, узнал в нем одного своего знакомого. Еще вернее было бы сказать, что, приглядевшись к черту, мы обыкновенно узнаем самих себя.

Удивительное круговращение судеб в подлунном мире! Умирает и исчезает благодаря науке тот самый черт, которого еще так недавно считали ее отцом и подстрекателем. Satis scis, si Cristum scis — довольно тебе науки, что ты Христа знаешь. С высоты этого положения средневековая наука аскетов и попов подозрительно рассматривала всякое естественное знание, а натуралистов обвиняла в союзах и договорах с дьяволом, старым лгуном, обманувшим женщину обещанием посвятить ее в науку. Eritis sicut Deus scientes bonum et malum. И триумфы науки, и рост новой цивилизации, во взаимодействии с которыми созидает она исторический прогресс, оплакивались и проклинались как триумф и рост дьявольской силы.

Цивилизация не забыла в победе своей этой заслуги беса и отблагодарила его устами своих поэтов, превративших дьявола в светлый и могущественный символ бесстрашного и неутомимого знания. «Дух отрицанья, дух сомненья» рушит догматы и искореняет предрассудки, бунтует мысль и страсть, поражает все виды духовной тирании и утверждает свободу, под широкими крыльями которой нарождается жизнь нового человечества. Вольтер называл своих друзей и единомышленников, в том числе Д’Аламбера и Дидро, «братьями во Вельзевуле» (frères en Belzebouth), против чего католические попы решительно ничего не возражали. Мишле[440] посвятил этому символическому Сатане свою «Ведьму» (Le Sorcière), Кардуччи[441] прославил его в знаменитом своем могущественном гимне:

Будь славен, Сатана,
Восстанья сила,
Величье разума
И мщенье мысли.
Тебе — моления
И дым кадильный:
Поповский Егова
Тобой низринут.[442]

Другой поэт, Бодлер, призвал Сатану на помощь тоске своей звуками божественной молитвы:

О ты, всех Ангелов мудрейший, славный гений,
О Бог развенчанный, лишенный песнопений!
Мои томления помилуй, Сатана!

Владыка изгнанный, безвинно осужденный,
Чтоб с силой новою воспрянуть, побежденный!
Мои томления помилуй, Сатана!

Усыновитель всех, кто, злобою сгорая,
Изгнали прочь отца из их земного рая!
Мои томления помилуй, Сатана![{443}]

Побежденный обращается в победителя, возвращается на небо, откуда был изгнан, и уничтожает своего вечного врага. Марио Рաписарди[{444}] (ум. 1912) описал эту конечную победу Люцифера удивительными стихами…

Поэтические символы и мифы неосатанического культа не могли не вызвать обратного поэтического движения. В «Армандо» Прати[{445}] Сатана (Мастрагабит) умирает от истощения сил. В небольшой поэме Максима Дюкана[{446}] (Maxime Du Camp) «Смерть Дьявола» Сатана просит у Бога смерти, как милости, и погибает под пятою Евы, когда-то им обманутой, причем последняя совершает акт не мщения, а милосердия. В развеселой песенке Беранже дьявол умирает, отравленный св. Игнатием Лойолою, основателем ордена иезуитов. Монахи и попы на сем свете от известия о смерти дьявола пришли было в великое отчаяние: кому мы теперь нужны с нашими мессами и молитвами?

Все кардиналы возрыдали:
Прощай, богатство, власть, комфорт.
Отца, отца мы потеряли!
Ах, умер черт! ах, умер черт!

Но Игнатий Лойола поправил дело, попросившись на место покойного и, в качестве наследника, устроив ад лучше прежнего. Нельзя не сознаться, что эта злая поэмка куда остроумнее и действительнее русского «Воскрешения Ада», написанного

приблизительно на ту же тему Л. И. Толстым с какою-то совсем не толстовскою грубостью и аляповатостью… Это едва ли не самая неудачная из всех толстовских сказок.

Черт не только умер, но в Германии Вильгельм Гауф, во Франции Фредерик Сулье издали «Замогильные записки Черта»…[447] Requiescat in pace!

Так, в торжестве цивилизации, ведомой наукою, оправдалось слово древнего Вергилия:

Счастлив тот, кто причину явлений познал, — тем поверг он
Ужас себе под пяту и напрасные рока угрозы,
И уж ничто ему жадного шум Ахерона….

Подобно тому как романтически настроенные круги общества неохотно верят смерти некоторых исторических лиц, что не раз вызывало подлоги и самозванства, так немало еще людей в современном мире, которым очень не хочется поверить в смерть такой важной исторической особы, как дьявол, и за неимением других проявлений эти добрые люди пытаются открыть его деятельность в явлениях животного магнетизма и мошенничествах спиритизма. Католическая церковь, словно нарочно для того, чтобы оправдать смешные стихи Беранже, особенно старается о поддержании жизни нечистого. В конце прошлого столетия сам папа Лев XIII публиковал нечто вроде пылкой молитвы к архангелу Михаилу, чтобы он снова взялся за страшный меч свой и, бросив военный клич на все четыре стороны ввысь и вниз от Млечного Пути, еще раз вышел бы в поле помериться со старым врагом, которого он не доконал в первый раз, и тот теперь опять, дескать, мутит умы, и пора выбить у него дурь из головы. Итальянские газеты недели две издевались над папским воплем. Кардуччи спросил:

— Уверен ли святой отец, что старый архангел еще жив и в силах?

Артуро Граф отвечал:

— Святейший отец! Я не знаю, какой ответ на ваше приглашение последовал свыше, но — к чему тревожить покой доблестного небесного воина? Дело, начатое Христом восемнадцать веков назад, закончила цивилизация. Она победила ад и навсегда искупила нас от дьявола.

Именно этими выразительными словами туринский профессор и закончил свою знаменитую книгу «О дьяволе», положенную мною в основу этого сочинения.

1909–1913

Анджей Иконников-Галицкий

«МОСКОВСКИЙ ФАУСТ» И ЕГО ЧЕРТ

Александр Амфитеатров — не великий писатель. И не великий мыслитель. Если принять за «первый ряд» в современной ему русской литературе таких богатырей, как Чехов, Горький, Бунин, Куприн, Булгаков, Платонов, то наш Александр Валентинович окажется даже не во втором ряду, а разве что в третьем. Его литературная фигура выглядывает из-за спин Петра Боборыкина, Леонида Андреева, Дмитрия Мережковского, Николая Гарина-Михайловского, Дмитрия Мамина-Сибиряка, Викентия Вересаева и других литераторов почетного «второго ряда». Да и в своем массовом, но не престижном «третьем ряду» Амфитеатров-беллетрист был бы не особенно приметен среди собратьев по перу, коих перечислять можно разве что в алфавитном порядке: Абрамов, Авдеев, Авенариус, Аверкиев, Альбов, Андреевич, Ардов, Арцыбашев… Был бы — если бы не одно «но». Эти, идущие по алфавиту, прочно забыты, и вспоминать о них, кажется, не собираются ни издатели, ни читатели. А Амфитеатров вдруг, через семь десятилетий после смерти, оказался востребован. С чего бы это?

Пользовался ли Амфитеатров известностью при жизни? Безусловно. Можно ли назвать эту известность писательской славой? Едва ли.

В советское время об Амфитеатрове редко вспоминали, а если и вспоминали, то в уничижительно-бранном тоне. Как же, бульварный писака и мелкобуржуазный публицист, к тому же еще «белой акации цветы эмиграции»! Историки литературы и литературные критики дореволюционной поры отзывались о нем устало-пренебрежительно, примерно так, как, рассказывая о роскошном обеде, упоминают какое-нибудь незатейливое, но непременное блюдо. «Коньяк был „Отар“, шампанское „Моэт“, черная икра, перепела, устрицы… ну да, еще икра баклажанная, то да се…» Многие вообще не удостаивали упоминания. Такая, скажем, акула критического пера, как А. М. Скабичевский, в «Истории новейшей русской литературы», разбирая по косточкам всех

литераторов 1880—1890-х годов, ни слова не пишет об Амфитеатрове. С. А. Венгеров в «Очерках но истории русской литературы» высказывается о нем кратко: «И ряду этих выходцев (*речь идет об авторах одиозной в глазах тогдашней „прогрессивной“ интеллигенции суворинской газеты „Новое время“ — А.И.-Г.*) есть только одно исключение — талантливый фельетонист Александр Валентинович Амфитеатров (родился в 1864 году). Он больше по легкомыслию и отсутствию в обществе ярких настроений, чем по органическому сродству, примкнул к „Новому времени“ и уже в конце 90-х годов резко порвал с ним всякие связи, для того чтобы в „России“, а затем в „Руси“, а в наши дни и в заграничном „Красном знамени“ выступить горячим борцом за освободительное движение». Отзыв, по сути, убийственный: Амфитеатров — не писатель, а талантливый, но легкомысленный фельетонист, к тому же меняющий убеждения как перчатки. Примечательно, что всезнающий профессор Венгеров перепутал дату рождения Амфитеатрова, омолодив его на два года.

Столь же кратки литературные справочники. Дореволюционный словарь Брокгауза и Ефрона дает нашему герою сдержанно-противоречивую оценку: с одной стороны, он «журналист плодовитый и отзывчивый; блестящий и колоритный стилист», «написал длинный ряд интересных повестей, рассказов и драм», с другой — в этих бесчисленных сочинениях «легкость манеры преобладает над художественною выдержанностью». Ну, а советские словари сообщают с нескрываемым презрением: «Бульварные приемы Амфитеатрова способствовали широкой популярности его, особенно в мелкобуржуазных слоях»; «Амфитеатров — типичный представитель той части буржуазии, которая революционна в словесных упражнениях, причем упражнения эти не отличались излишней принципиальностью».

Писатель Иван Шмелев не без некоторой доли ехидства похваливал язык бесчисленных его романов — «живой, с русской улицы, с ярмарки, из трактира, из гостиных, из „подполья“, из канцелярий, от трущоб». Беллетрист и критик Александр Измайлов поругивал: скачет Амфитеатров по верхам, «бегом через жизнь, не давая ее углубленной трактовки». Иные говорили, что он — как Эмиль Золя, другие тут же поправляли: «маленький русский Золя». Алексей Сергеевич Суворин, творец репутаций, как-то обмолвился: «Что и говорить, человек

талантливый, но уж не бог весть что такое. Ему под сорок. А сделал он мало». Злоязычный Виктор Буренин, первое перо «Нового времени», по словам Суворина, называл Амфитеатрова «талантливым, но глупым». А «матерый человечище» Лев Толстой, если верить тому же источнику, отказывал нашему герою и в талантливости.

Особенно интересны отзывы Чехова об Амфитеатрове. Их судьбы чуть-чуть пересеклись и в этом пересечении успели бросить друг на друга весьма поучительные отблески. Антон Павлович и Александр Валентинович, почти ровесники, вместе начинали литературный путь в юмористических журнальчиках 1880-х годов: в «Будильнике» у Николая Петровича Кичеева, в «Осколках» у Николая Александровича Лейкина. Оба вскоре завоевали, как забавники-фельетонисты, известность — не слишком почетную, правда, напоминающую отчасти известность модных куртизанок. Чехов тогда был проникнут идеей коллективного писательства. В письме собрату по перу Владимиру Тихонову (1889) он формулировал это так: «Я… верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни „слоном среди нас“ и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а „восьмидесятые годы“, или „конец XIX столетия“. Некоторым образом артель». Что это, если не апология литературных принципов «третьего ряда»?

Прошли годы. Чехов стал великим при жизни, всеобщим умом, честью и совестью, а за Амфитеатровым закрепилась репутация поверхностного борзописца и бойкого фельетониста, успешного артельщика литературы. Пройдут еще десятилетия, и Чехов будет отлит в бронзе, вписан отдельной главой в учебники русской словесности. Амфитеатров переживет Чехова на 34 года, но также переживет и собственную известность и надолго будет вычеркнут из списков литературных знаменитостей.

За три месяца до своей смерти Чехов, вдыхавший в Ялте последние порции целебного крымского воздуха, получил от Амфитеатрова письмо, трогательное, как всякое обращение здорового к умирающему, и две статьи, напечатанные в газете «Русь», — одна про Московский художественный театр, другая — про чеховский «Вишневый сад». Ответ Чехова проникнут дежурной вежливостью с хорошо дозированным радушием. Статьи он прочел «с большим

удовольствием». «От этих ваших рецензий так и повеяло на меня чем-то давним, но забытым, точно вы родня мне или земляк…» Чехов любил делать людям приятное. Однако в письме жене, Ольге Леонидовне Книппер, годом раньше он высказался прямее и безнадежнее: «С Евлалией (*так Антон Павлович то ли по ошибке, то ли с сознательной иронией называет жену Амфитеатрова, Иларию Владимировну, по сцене Райскую. — А. И.-Г.*) я знаком, знаю ее. Статьи ее супруга читаю иногда в „Русском слове“, но пока они мало интересны». Это «пока» в применении к< сорокалетнему писателю — почти приговор.

Та же сдержанная двойственность оценок Амфитеатрова-литератора — в письмах Чехова к Суворину. Журналист, писатель, антрепренер и великий делец А. С. Суворин — еще один пункт пересечения биографий Чехова и Амфитеатрова. Для первого Суворин долгое время оставался главным издателем, другом и корреспондентом. Второй много лет сотрудничал в уже упомянутом суворинском «Новом времени», самой ненавидимой «передовой общественностью» и самой читаемой газете России. Ушел из нее со скандалом, о чем — чуть позже. В письме Суворину 22 октября 1892 года Чехов роняет фразу постскриптум: «Амфитеатров хорошо пишет». Тому же Суворину через месяц: «Фельетоны Амфитеатрова гораздо лучше, чем его рассказы. Точно перевод со шведского». Еще откровеннее — в письме брату Александру 5 февраля 1899 года: «Как-никак, а в общем „Новое время“ производит отвратительное впечатление… (*далее Чехов перечисляет с негодованием пороки сего издания. — А. И.-Г.*) А ястребиные налеты Амфитеатрова! Это не газета, а зверинец…» Среди суворинских зверей есть такое животное — Амфитеатров. Если не хуже других, то и не лучше.

Антон Павлович дает, пожалуй, самую точную характеристику стиля беллетристических произведений Амфитеатрова: «перевод со шведского». То есть не оригинал, а переложение с чужого, не очень понятного языка. Этакая усредненная литература, в чтении которой читатель ищет не сжигающих душу откровений, а душевного комфорта. Он платит за книгу деньги и вправе получить ожидаемое. Его надо не стращать, а чуть попугивать, не изумлять, а слегка удивлять, де жечь глаголом, а приятно и пикантно щекотать. Амфитеатровские «переводы со шведского» полным-полны хорошо

дозированной экзотикой и душевной щекоткой. К тому же они написаны языком хотя и сравнительно богатым, но простым, без творческих вывертов.

В подтверждение чеховской мысли сейчас же приведем и образчик. Вот, к примеру, роман — один из множества амфитеатровских романов. «В стране любви». Хорошее название, не правда ли? Угадайте, какая страна так пламенно именуется? Угадали. Действие происходит в Италии. Действующие лица — угадайте кто? Правильно, русские форестьеро, среди которых видим и талантливого, но несчастного художника, и одного-двух светских мерзавцев, и скучающую прекрасную даму, супругу богатого старика, с которой крутит безумный роман главный герой. Герой этот — писатель и супермен, в образе которого явственно просматриваются портретные черты автора… «Угадайку» можно продолжить и дальше: без кого еще невозможен полнокровный бульварный роман о русских в Италии? Разумеется, без очаровательной молодой итальянки и ее ревнивого ухажера. Они и появляются на первых страницах. Красота итальянки описана следующим образом.

> «Это была, действительно, одна из прекраснейших девушек, какие когда-либо рождались даже и под южным солнцем. Не большая и не маленькая, стройная, еще не совсем развитая фигура ее производила впечатление поразительной гибкости, юной, девической упругости… В ней было что-то дикое и вместе благородное. Черты лица ее были правильны, но полны жизни…; кожа смуглая, но не грубая, янтарно-прозрачная, с румянцем, как на вызревающем персике; огромные глаза, — карие, а не черные, как казалось с первого взгляда благодаря длинным ресницам, — и ослепительной белизны зубы придавали этому вечно улыбающемуся лицу столько света и веселья…»

Достаточно. Все понятно. Штамп на штампе. Солнце какое? Южное. Белизна какая? Ослепительная. Ресницы какие? Длинные. А девушка какая? Одна из прекраснейших. (Уж лучше было бы — просто «прекраснейшая». Получилось бы что-то восточное: «Прекраснейшая!». «Огромные глаза», «ослепительной белизны зубы», «румянец, как на вызревающем персике» — прямо картинка из журнальчика подростковых комиксов. Точно такими же штампами

написан весь роман. Естественно, ревнивый любовник, Отелло и Эскамилио в одном лице (разумеется, моряк и, разумеется, неаполитанец), убивает «одну из прекраснейших» (пыряет ее ножом). Потрясенный этим событием главный герой решает разорвать отношения с замужней возлюбленной, рассуждая следующим образом: «Давно ли я — опытный стареющий человек с сединой в волосах — горячился, выкрикивал монологи и ставил в них жизнь на карту за честную любовь. Слова, слова, слова! <…> Альберто знал, за что любил Джулию: он ее добивался, как тигр добивается тигрицы. А я не знаю…» И так далее. Писатель добивается успеха у невзыскательного читателя примерно таким же способом, каким тигр добивается тигрицы. После Толстого и Достоевского несколько простовато.

Для того чтобы больше не возвращаться к теме художественных достоинств произведений Амфитеатрова, сообщу, что остальные его произведения ничуть не лучше. Бойкие переводы с усредненного иностранного. Так почему же его сочинения вновь стали переиздаваться? Может, ключик к разгадке этой неожиданной актуальности в его биографии? Посмотрим.

Наш герой изволил родиться Филипповым постом — 14 (26) декабря 1862 года в Калуге, в семье соборного протоиерея Валентина Амфитеатрова.

Интересное это было сословие в Российской империи — духовенство. Плохо исследованное, мало описанное, оно так и осталось одной из великих загадок русской культуры и общественной жизни XIX — начала XX столетия. Писатели-дворяне относились к его быту и лицам свысока и не удостаивали своим благородным вниманием. Интеллигенты-разночинцы, проникнутые духом социальных утопий, презирали его, хотя многие из них как раз были выходцами из его глубин. Среди светил литературы «золотого» и «серебряного» веков один только Лесков в «Соборянах» предпринял серьезную попытку проникнуть внутрь этого своеобразного и богатого мира и явить его «образованному» обществу. Прямо скажем: «образованное» общество не проявило к попытке Лескова должного интереса…

Мало кто знает сейчас, что в дореволюционной России служение священника было делом почти исключительно наследственным. Чаще

всего происходило так: сын священника, окончив духовную семинарию и перед принятием сана женившись на поповне, наследовал со временем приход своего тестя. Семьи священников были, как правило, многодетными и в силу этого небогатыми, трудовыми. Помню, моя крестная рассказывала, как за несколько лет до революции гостила у своей подруги по Свято-Владимирской церковно-учительской школе. Подруга была поповна, из далекой деревни где-то в дебрях Новгородской губернии. Вот они поехали на каникулы туда, в дом деревенского батюшки. В семье было одиннадцать детей, большей частью девочки. Приход небогатый. Жили своими трудами, возделывали огород, пасли скотину, батюшка сам землю пахал. За стол садились все вместе, отец читал молитву и благословлял трапезу — большой котел вареной картошки с маслом.

Это вспомнил я к тому, что семьи священнослужителей постоянно поставляли обществу весьма ценный и своеобразный человеческий материал. Дети, рожденные в духовном звании, в среде, чуждой пороков и соблазнов, не развращенной барством и не подавленной рабством, отличались здоровьем душевным, да обычно и физическим. Существенно и то, что духовенство было в России единственным сословием, имевшим право на бесплатное (и очень неплохое) образование: сыновья священников обучались в семинариях, а дочери — в женских епархиальных училищах. О качестве этого образования говорит один пример. Иосиф Виссарионович Джугашвили, как известно, учился в духовной семинарии, хотя и не закончил ее. Берусь утверждать как историк: что-что, а уроки истории он усвоил там великолепно.

Разумеется, далеко не все сыновья священников шли по стопам отцов. Да и не всем хватило бы мест на приходах. Для остальных были открыты врата чиновничьей карьеры — ведь необходимое образование у них имелось. Но куда более заманчивым, особенно для юношей пассионарных, представлялся другой путь: в университеты и институты. Именно из среды духовенства вышли многие яркие представители «демократического» и революционного движения, выдающиеся публицисты, писатели, столпы науки, общественные и государственные деятели — начиная с предтечи русского либерализма Михаила Михайловича Сперанского и заканчивая прославленным военачальником Великой Отечественной войны маршалом

Александром Михайловичем Василевским. В этом ряду — публицист Н. Н. Надеждин, критик-демократ Н. А. Добролюбов, пророк революционного народничества Н. Г. Чернышевский, создатель народовольческих бомб (в том числе и той, которая оборвала жизнь царя-освободителя) Н. И. Кибальчич, великий физиолог И. П. Павлов, актер В. И. Качалов… А еще стоит напомнить, что потомками лиц духовного звания в том или ином поколении являются все безвестные и знаменитые носители таких фамилий, как Архангельский, Введенский, Вознесенский, Добронравов, Добротворский, Преображенский, Покровский, Пятницкий, Рождественский, Троицкий, Успенский, Флоренский, Флоровский…

Отец нашего героя из среды рядового провинциального духовенства выбился в самые высшие сферы церковного общества. В этом ему помогла женитьба — как положено, на поповне, Елизавете Ивановне, дочери священника Иоанна Чупрова из Мосальска Калужской губернии. Поначалу отец Валентин служил в провинциальной Калуге, но его карьерному росту отчасти помог шурин Александр Иванович Чупров. Этот даровитый попович по окончании семинарии поступил в Москву, в Духовную академию, но оттуда перешел на юридический факультет Московского университета. Своими научными трудами в области политэкономии, статистики и, в особенности, экономики железных дорог (сверхактуальная тема для России 1860—1870-х годов) он обратил на себя внимание собратьев по науке и сановников Министерства финансов. Был оставлен на кафедре политэкономии, обзавелся многочисленными важными связями. Впоследствии он сделался профессором, светилом экономической науки, работал в тесном сотрудничестве с такими титанами российской бюрократии, как В. К. Плеве и С. Ю. Витте. Его сын, двоюродный брат нашего героя, тоже приобретет потом известность как ученый, исследователь аграрного вопроса. И как общественный деятель, штатный экономист партии конституционалистов-демократов (кадетов), главной политической силы русской вольнодумной интеллигенции.

Так что у Амфитеатровых были неплохие связи в высших сферах российского общества. Не без протекции профессора Чупрова-старшего отец Валентин был переведен в Москву, и не куда-нибудь на приход, а в Архангельский собор Московского Кремля. Со временем

он стал настоятелем храма сего, древней усыпальницы русских царей, второго по чести среди московских соборов. Конечно, тому способствовали немалые дарования калужского священника: выдающееся красноречие (впоследствии его проповеди были изданы книгой) и прекрасный голос. Названные качества унаследовал и его сын Александр (не в честь ли дядюшки был наречен?). Голос у Александра Валентиновича был действительно чудный — бархатистый баритональный бас. Это обстоятельство едва не направило в неожиданное русло судьбу нашего героя.

Казалось, все в его жизни расчислено заранее. Благополучная, зажиточная среда, родство, покровители… Не то что у Чехова, вынужденного завоевывать себе место под тусклым московским солнцем. По окончании гимназии сын протоиерея поступил под крыло к дядюшке — на юридический факультет Московского университета — и вполне успешно закончил его в 1885 году, но… Его пассионарная натура требовала чего-то иного, большего. К тому же в светском и театральном обществе Москвы его любительские вокальные выступления имели успех. Бросив науку, Амфитеатров всерьез занялся оперным пением. Ездил ставить голос в Италию. Выступал в спектаклях профессиональных театров в провинции: в Казани, в Тифлисе. Какое-то время даже решался вопрос о его зачислении в оперную труппу Мариинского театра. Но все же судьба баритона на вторых ролях его не привлекла. Да и годы шли. Достигнув лермонтовского возраста — 27 лет, — он делает окончательный выбор: бросает сцену и отдается исключительно писательству.

Первые шаги на этом поприще Александр Амфитеатров совершил еще в бытность студентом. С 1882 года его рассказики, заметки, фельетоны стали появляться в юмористических журналах «Будильник», «Осколки», а затем и в солидной газете «Русские ведомости». В этом последнем издании он проявил себя как журналист-репортер: писал репортажи из Италии. Работа в провинциальных театрах тоже помогла делу: в конце 1880-х годов, выступая на оперной сцене в Тифлисе, Амфитеатров вошел в контакт с тифлисским светским обществом и с редакцией тамошней газеты «Новое обозрение», где много печатался. Надо сказать, Тифлис тех лет был городом русской интеллигенции и русских чиновников. Здесь начиналась политическая карьера Сергея Витте и стезя теософских

откровений Елены Блаватской; здесь гремело красноречие знаменитого адвоката Владимира Спасовича, здесь бегал со школьным ранцем гимназист Павлуша Флоренский. В литературной биографии Амфитеатрова город над Курой тоже сыграл роль заметную. Именно в тифлисский период жизни начинающий газетчик и бойкий фельетонист выпускает в свет первую свою книгу: роман «Людмила Верховская» (1888), позднее переизданный под названием «Отравленная совесть».

Относительный успех этого романа (успех у читателя, не у критики) определил судьбу автора. Он возвращается в Москву уже небезызвестным в литературно-газетных кругах человеком. В 1890 году из печати выходит его сборник «Случайные рассказы». А в следующем году — огромная удача: его приглашает к сотрудничеству сам Суворин. С 1891 по 1899 год Амфитеатров работает для петербургского «Нового времени», пишет фельетоны вначале на специально-московские, а затем и на всякие темы. В 1894–1895 годах ездит по южнославянским странам, Болгарии, Сербии, Черногории, откуда регулярно посылает в «Новое время» остроактуальные в политическом смысле и небезынтересные с этнографической точки зрения балканские репортажи. Печатается так много, что ему приходится пользоваться сразу несколькими псевдонимами: Московский Фауст, Икс, Old gentleman…

Впрочем, сотрудничество Амфитеатрова с Сувориным закончилось в 1899 году внезапной ссорой и разрывом, причем поведение фельетониста выглядело не вполне безупречно. По этому поводу друг и соратник Суворина, главный литературный злодей того времени, «сатирик-убийца» Виктор Буренин высказался так:

Своей фамилии взамен
Ты кличку взял Old gentleman;
Верней бы искренно и прямо
Назваться русской кличкой хама.

Обстоятельства разрыва Амфитеатрова с «Новым временем» любопытны. Прежде всего — внезапность этого решения, точнее говоря, скрытность, с которой готовил его наш герой. Даже опытный и тертый Алексей Сергеевич оказался застигнут врасплох. 26 марта 1899 года он спокойно записывает в дневнике, как сторонний слух:

«Мамонтов и Морозов затевают газету… Хотят сыграть на неудовольствии против „Нового времени“… Приглашают Амфитеатрова в редакторы». А на следующий день — краткая, но выразительная запись: «Амфитеатров ушел из газеты, написав мне обидное и фальшивое письмо». Еще двумя днями позже Суворин дает выход своему негодованию в неотправленном письме Амфитеатрову: «Я получил ваше письмо с намеком на „общественные условия“, которые побудили вас выйти из газеты… Значит, вы уходите по благородству и честности!» Далее: «Не проще ли было бы, если бы вы прямо сказали, что условия, вам предложенные, лучше тех, которые вы имеете у меня…» И наконец: «Выругать хозяина, которому задолжал, обидеть хозяина смертельно, которому обязан, чтобы перейти к другому, — это русская черта, одна из самых худших». Дневниковый характер этих записей и факт неотправки письма свидетельствуют об искренности Алексея Сергеевича. Но все же он несколько заблуждался насчет мотивов, двигавших Александром Валентиновичем.

Конечно, текущие финансовые условия имели некоторое влияние на поведение Old gentleman’а в этой истории. Как и то обстоятельство, что он остался Суворину должен круглую сумму — тысяч пятнадцать — двадцать, по словам заимодавца. Но главное в другом. Амфитеатрову нужен был скандал, причем публичный. «Новое время» давно считалось газетой «ретроградной», околоправитель-ственной, а после студенческих волнений в марте 1899 года и публикаций, не вполне одобряющих студентов в их революционном рвении, и вовсе одиозно-негодяйской. Уходя оттуда с треском, Амфитеатров мгновенно завоевывал положение пламенного борца против темных сил реакции, за передовую молодежь и передовые убеждения. А это по тем временам в России дорогого стоило. Это создавало имя. И обеспечивало хорошие гонорары на будущее.

Здесь мы сталкиваемся с качеством, которое делает Александра Валентиновича нашим современником. Он куда лучше старика Суворина понял, что такое самореклама. Или, говоря на нынешнем «птичьем русском», — пиар. И в самом деле: с этого момента начинается подлинный успех Амфитеатрова, писателя и журналиста. Расцвет карьеры.

Новосозданная газета «Россия», в которую перешел Амфитеатров, оказалась весьма успешным изданием. Тому способствовало участие в ней другого одаренного пиарщика и действительно талантливого журналиста, «короля репортажей» Власа Дорошевича. Собственно, на сих двух столпах, Амфитеатрове и Дорошевиче (в дополнение к мамонтовско-морозовскому начальному капиталу), все и держалось.

Но — вспомним «Сказку о рыбаке и рыбке». Уже через пару лет беспокойного Амфитеатрова перестала удовлетворять роль (и заработок) вождя одной из известнейших газет империи. И он осуществляет самый смелый, рискованный и успешный пиар-ход в своей жизни. 13 января 1902 года публикует (без ведома Дорошевича) в «России» фельетон «Господа Обмановы». Обмановы — конечно же, Романовы, императорская семья. Все персонажи фельетона, прозрачно скрытые за инициалами (Александр III — «Алексей Алексеевич», Николай II — «Ника Милуша» и т. п.), выставлены в гротескном, глупом, намеренно оскорбительном виде. Публичная пощечина самодержцу всея Руси.

Наш старый знакомый Суворин фиксирует события в своем дневнике: «Сегодня переполох в редакции „России“. Говорят, Амфитеатров сослан в Иркутск… Все дело в фельетоне „Господа Обмановы“… Точно человек старался, чтобы непременно узнали, что именно скрывается под этими именами. Разумеется, номера были расхватаны публикой. Говорят, что цена дошла до нескольких рублей (*вместо обычных пяти копеек. — А.И.-Г.*)… Непонятно, почему Амфитеатров это сделал… В квартире был обыск, потом его увезли в осеннем пальто, так как шуба была заложена…» И добавляет, что автор скандального фельетона «был все время весел и доволен». И что NN был у ММ, который был у государя, «и государь, подавая ему „Россию“, сказал: „Прочтите, как о нас пишут“».

Далее Суворин изумляется: для чего это было нужно благополучному редактору преуспевающей газеты? Не был ли он пьян? (В развитие темы Буренин прямо высказал предположение, что все это Амфитеатров наделал в белой горячке…) Или он болезненно завидовал славе Дорошевича? Или решил, как Тарас Бульба, уничтожить собственное детище — газету? Или хотел на себя обратить внимание? «Я не могу объяснить этого поступка, — разводит руками Суворин, — тем более что Амфитеатров ни в каких

неблагонадежностях не был замешан, что в политическом отношении он так же корректен, как я».

Однако мотивы поступка становятся понятными в свете наступивших последствий. Первым делом по Петербургу и Москве поползли невероятные слухи про Амфитеатрова. О нем заговорили на всех углах. Уверяли, что он умер, что он отравился, что его застрелили. Тут же толковали о том, что теперь будет с газетой. Оштрафуют? Остановят? Закроют насовсем? Даже московские извозчики судили и рядили о том, как Амфитеатров насмеялся над государем и как его за это накажут. На самом деле ничего страшного не произошло. «Россию», точно, сначала приостановили, а потом и закрыли, но вместо нее стала выходить газета «Русь», и писал для нее тот же Амфитеатров, только подписывался псевдонимами. Самого Александра Валентиновича в административном порядке сослали, правда не в Иркутск, а чуть ближе — в Минусинск. Занятно: всего за несколько месяцев до этого свое место ссылки — село Шушенское Минусинского уезда — покинул куда более серьезный враг режима, Владимир Ульянов. Будущий глава Советского правительства и будущий белоэмигрант не пересеклись в Сибири, а жаль — им нашлось бы о чем поговорить. Впрочем, вынужденное жительство на юге Енисейской губернии — в благословенных местах (скажу я вам как человек, многократно там бывавший), в милом, приятном городке Минусинске — для Амфитеатрова оказалось недолгим. Сибирь ему заменили Вологдой, а в скором времени и вовсе позволили вернуться в столицу. Конечно, вернулся он триумфатором. В те времена в глазах «передовой» общественности побывать в ссылке было все равно что орден заслужить. О безмерно возросшей популярности Амфитеатрова свидетельствует взрывной рост количества наименований и тиражей его книг, изданных в России и за рубежом за последующие десять лет. Вот их далеко не полный перечень:

«Виктория Павловна» (1903), «В моих скитаниях» (1903), «Литературный альбом» (1904 и 1907), «Марья Лусьева» и «Марья Лусьева за границей» (1904, 1908), «Житейская накипь» (1904), «Сибирские рассказы» (1904 и 1907), «Легенды публициста» (1905), «Курганы» (1905), «Контуры» (1906), «Сказочные были» (1907), «Страна раздора. Балканские впечатления» (1907), «Сказания времени» (1907), «Македонские евреи» (1907), «Покаяние Филиберта»

(1907), «Бабы и дамы» (1908), «Издали» (1908), «Красивые сказки» (1908), «Против течения. Литературные статьи» (1908), «Женское настроение» (1908), «Притчи скептика» (1908), «Современники» (1908), «Фантастические правды» (1908), «Восьмидесятники» (1907 и 1908; 2 тома), «Пять пьес» (1908), «Антики» (1909), «Сумерки божков» (1909), «Девятидесятники» (1910), «Жар-цвет» (1911), «Зверь из бездны» (1911)… Тут и романы, и путевые заметки, и сборники рассказов, и драматургические произведения… Из журналиста с сомнительной репутацией Амфитеатров превратился в одного из самых издаваемых и продаваемых писателей России. По отчетам библиотечной выставки 1911 года, его книги заняли по востребованности второе место после сочинений Вербицкой. Другое дело, что сейчас никто не помнит, кто такая эта Вербицкая, опередившая нашего героя на полкорпуса. И что клеймо сочинителя бульварных романов все бесспорнее и глубже въедалось в литературный образ Амфитеатрова с каждым новым успехом. Но каков пиар!

Разумеется, интерес к своему имени надо было подогревать. Амфитеатров время от времени делает это. Весной 1904 года в Горном институте вспыхнул конфликт между студентами и ректором Коноваловым. По условиям эпохи, конфликт принял идейный характер и разросся до политических масштабов. Амфитеатров тут же публикует по этому поводу статью, за которую ему не может не зааплодировать «передовая» общественность и не может не погрозить пальчиком власть. В результате издание газеты «Русь» остановлено, а Амфитеатров опять сослан в Вологду с запретом заниматься литературной деятельностью. Разумеется, и ссылка и запрет были недолгими — несколько месяцев. В России началась революция, властям стало не до бульварных фельетонистов. Эсеровские бомбы взрываются одна за другой, повсюду только и разговоров, что об очередных жертвах революционного террора. Амфитеатров заявляет о своем единомыслии с организаторами кровавых терактов: «Считаю себя… не записанным эсером. Но в хороших отношениях со всеми другими левыми партиями, борющимися с монархизмом».

Революция идет на спад. Революционеры от арестов спасаются в эмиграции. Амфитеатров тоже покидает Российскую империю. И его тоже награждают почетным титулом эмигранта. На самом деле

Амфитеатрову никто не запрещал жить в России, никто не собирался его арестовывать, казнить, заковывать в кандалы… Но с точки зрения саморекламы, конечно, выгоднее взирать на родину «из чудного далека». С 1905 по 1916 год Амфитеатров обитает по большей части в Италии. Пишет для многих российских газет. Сам издает и редактирует эмигрантский журнал «Красное знамя» (какое привычное советскому уху название!). Его плодовитость не снижается, а нарастает, достигнув пика к началу Мировой войны. Он уже настолько солиден, что переходит к созданию целых эпопей, «грандиозных историко-художественных полотен» (выражаясь языком некрологов Союза советских писателей): «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Зверь из бездны»… Его романы из жизни проституток и бандерш («Марья Лусьева», «Виктория Павловна») разрастаются в многотомные эпопеи… Все это — мыльные оперы, бесконечные печатные сериалы, которые можно начинать читать с любого места. Они помогают скоротать время и не заставляют думать. Поэтому они востребованы. Поэтому они — хороший товар на рынке.

Вот здесь — вторая причина того, что Амфитеатров стал созвучен нашей эпохе. Он, безусловно, наиболее успешный коммерческий литератор предреволюционной России. Все его книги (их в каталоге Российской национальной библиотеки числится около двухсот пятидесяти!) построены исключительно на принципах рыночной привлекательности. А эти принципы мало меняются в течение столетий. Несчастные Изауры, легкомысленные, но обаятельные мачо, любовь-страсть, дикая ревность, пикантный эротизм «с грязнотцой», кр-ровавые образы злодеев прошлого, поданные в манере устных рассказов Эдварда Радзинского… Все это, написанное бесхитростным языком все тех же переводов «со шведского», бывает востребовано в разные времена. Поэтому и тематически, и стилистически романы и повести Амфитеатрова вполне съедобны для современного потребителя «мыльной» литературы. В постсоветские годы было переиздано около десятка книжек Александра Валентиновича. Это ли не второе рождение?

Книга с броской надписью на обложке — «Дьявол» (полное название — «Дьявол в быту, легенде и в литературе Средних веков») была написана Амфитеатровым на самом пике его успеха и вышла в

свет в петербургском издательстве товарищества «Просвещение» в 1913 году. Для России это год празднования трехсотлетия дома Романовых, год наивысшего промышленного и культурного подъема, зафиксированного в материалах всеобщей переписи населения. Год грандиозных прожектов и беззаботного обжорства. Год, обещавший впереди великое процветание, Год, оказавшийся последним мирным перед несколькими десятилетиями войн, революций, неисчислимых жертв и чудовищных лишений. И в жизни Амфитеатрова этот год окажется переломным: высшая точка подъема и начало падения. Никогда позже его популярность не поднимется до уровня, достигнутого в предшествующее десятилетие. Скоро начнется война, за ней революция. Россия, оглушенная шумом внутренней тревоги, перестанет внимать бульварным байкам стареющего фельетониста. Кто в этом виноват? Дьявол?

Нет. Такова судьба всякого рукотворного успеха. В наше время такова слава звезд шоу-бизнеса — она не может держаться более десятка лет. Потом наступает упадок, потом — забвение. И все же любопытно: добравшись до самой вершины земного пути, потратив тридцать лет жизни на конструирование своей мирской славы, обменяв душевные силы и талант на тиражи и гонорары, сын священника Александр Амфитеатров берется за книгу о дьяволе. Что это? Прозрение? Схождение Данте во ад? Встреча Фауста с Мефистофелем? Да ничего подобного. Просто ходовая тема, которую можно выгодно обработать и хорошо продать. Тем более что не надо далеко путешествовать за источниками информации.

В Италии, столь милой сердцу Александра Валентиновича, жил-был такой поэт и историк, знаток Средневековья — Артуро Граф. Помимо всего прочего, он написал книгу «Il Diavolo», «Дьявол». В ней прослеживается история образа врага рода человеческого в литературе и искусстве европейцев — от античности до современности. С этой книгой Амфитеатров был хорошо знаком, переводил ее, использовал для внесения модных мистических мотивов в свои романы («Жар-цвет», например). Как раз в 1913 году маститый Артуро Граф скончался. Его смерть дала Амфитеатрову информационный повод и нравственно-юридическое основание для написания книги с таким же названием, в которой широчайшим образом использовалось

произведение итальянца. Собственно, «Дьявол» Амфитеатрова — на две трети и есть перелицованный «Иль Дьяволо» Артуро Графа.

Первая и главная особенность книги Амфитеатрова в том, что его дьявол — совсем не страшный. Да тут и нет дьявола, не чувствуется запах серы. Есть литературный образ, картинка, взятая из книг, не более. Такой филологический Сатана. Несколько лет спустя Александр Блок напишет по поводу одной из пьес Амфитеатрова, посвященной теме русского бунта (ведь наш герой писал еще и многочисленные пьесы): «Все изрядно упрятано в литературу, сглажено, как у Ал[ексея] Толстого (или Римского-Корсакова), отчего эта самая русская мордобойная „правда“ выходит немного слащавой, книжной, даже… газетной». Эту оценку можно перенести и на книгу о дьяволе. Владыка тьмы пострижен, побрит и одет во вполне пристойные одежды, сшитые из книжных листов.

С точки зрения филологической науки того времени, книга вполне неплохо обставлена источниками и цитатами. Однако постоянные ученые ссылки на Исидора Севильского, Татиана Сирийца, Цезария Гейстербахского, Герберта Аврилакского и иже с ними порой напоминают стиль булгаковского Михаила Александровича Берлиоза. Какая-то присутствует в них уверенная доктринерская поверхностность, и не верится, что автор действительно все это читал. Берлиоз трагически проигрывает в споре с Воландом, потому что он не знает того, о чем говорит, а Воланд знает. Амфитеатров с амбициозностью, свойственной начитанному человеку, рассказывает нам о том, чего не знает (и не хочет знать) в реальности.

Впрочем, и начитанность его весьма ограничена. Следуя за Артуро Графом, Амфитеатров в описании дьявола остается исключительно в русле традиций западноевропейской католической демонологии. Вот вехи этой традиции: Библия, откомментированная католическими теологами; античная мифология и философия; ранняя патристика, преимущественно латинская; средневековое схоластическое богословие вплоть до Фомы Аквинского; сумма католического учения, выработанная ко времени Тридентского собора. Побочный продукт — обиходная демонология, отраженная в фольклоре европейцев и в памятниках письменности от «Золотого осла» до «Молота ведьм». К этому добавлены в качестве приправы кое-какие сведения о религиях и культах Древнего Востока плюс немножко данных из этнографии и

фольклористики. Необъятное духовно-культурное наследие восточнохристианского мира практически не использовано Амфитеатровым. Из всех Отцов Восточной (Православной) Церкви, уделявших внимание вопросам происхождения зла и природы диавола, в книге упоминаются: Василий Великий, Григорий Богослов (Назианзин), Мелитон Сардийский, Иоанн Златоуст — по одному разу; Григорий Нисский, Иоанн Дамаскин — каждый дважды. Такие столпы православия, как Максим Исповедник, Дионисий Ареопагит, Симеон Новый Богослов или Григорий Палама, не упомянуты вовсе. А, скажем, Блаженный Августин — семь раз, чтимый латинскими средневековыми схоластами Ориген — девять раз, папа римский Григорий Великий — десять раз, Фома Аквинский — девять раз. Дело, конечно, не в количестве упоминаний и ссылок. Дело в том, что учение восточных Отцов, с его детально разработанной космологией, антропологией, ангелологией и демонологией, учение, воспринятое Русской православной церковью, вроде бы совершенно неизвестно русскому поповичу Амфитеатрову, как неизвестно оно было итальянцу Артуро Графу.

А между тем это учение было выработано не в латинских скрипториях, не в диспутах схоластов, не в профессорских и писательских кабинетах, а в реальном подвижническом соприкосновении с силами зла, в ежечасном борении с ними. Достаточно прочитать что-нибудь из житий православных святых, что-нибудь из описаний иноческого опыта и подвига, собранных в «Добротолюбии», чтобы кожей ощутить подлинность того знания о бесах и отце их, Диаволе, которое выстрадано Отцами христианского Востока. Но Амфитеатрова не интересует истина о добре и зле. При чтении его книги становится ясно, что ни в какого дьявола он не верит, и в Бога не верит, а только использует их имена для очередной литературной саморекламы. Он вообще не верит в то, о чем пишет. Неверие порождает незнание. От незнания происходят невольные ошибки и сознательная ложь. Порой Амфитеатров попросту вводит неискушенного читателя в заблуждение. Возьмем, например, такой пассаж из главы четвертой:

> «Христианство прокляло плоть, покрыло позором любовь. Акт любви, олицетворенный в эллинизме самыми яркими и красивыми божествами Олимпа, христианство объявило зловредною

> гнусностью, Адамовым грехом, которого гибельное влияние на человека парализуется только искуплением и исшедшими от него таинствами. Безбрачие для христианина — состояние, гораздо высшее брака, а целомудренное воздержание — одна из основных добродетелей. Ориген, прозванный Адамантом, чтобы не упасть с вершины этой, собственною рукою лишил себя возможности к половому греху. Стоя на такой точке зрения, аскеты тратили лучшие свои силы на отчаянный труд борьбы с плотским вожделением, спеша гасить в себе — часто нечеловеческими усилиями — даже самомалейшую искру любовного пожара, душить хотя бы призрак, хотя бы темный намек страстного волнения».

В этом абзаце все — передержки, подмена понятий, клевета и ложь. За основу взято вовсе не христианское мировоззрение (разделяемое и Католической, и Православной церквами), а его мракобесно-ригористическое истолкование в духе воинствующей контрреформации и «Молота ведьм», да еще присыпанное осколками откровенно сектантских учений. Церковь не проклинает, а благословляет плоть (хотя и требует сдерживать ее неуправляемые порывы). Отношения полов, находящие реализацию в акте телесной любви, осеняются церковным таинством браковенчания. Половое воздержание само по себе никогда не считалось высшей добродетелью, — иначе и сам род христианский прекратился бы. Безбрачие не ставится «гораздо выше брака»: первоверховный апостол Петр был женат и многие высоко чтимые Церковью святые состояли в браке, имели детей. Адамов грех заключается вовсе не в любовном соитии (об этом ничего не говорится в Книге Бытия), а в обмане Творца, вызванном неверием в Его слово. Истинные подвижники Церкви, аскеты, преподобные, «тратили лучшие свои силы» на борьбу с «плотским вожделением» не потому, что отвергали сотворенную Богом природу человека, а ради молитвенного сосредоточения, и не осуждали тех, кто живет простыми человеческими радостями. Да и не может вера Христова «проклинать и покрывать позором» плоть и любовь, потому что сам Христос, Бог воплотившийся, принявший в себя всю человеческую природу, сказал Своим ученикам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга». Конечно, речь в тринадцатой главе Евангелия от Иоанна идет не о половой любви, но вольно же нам, маловерам, из

всех смыслов великого слова «любовь» оставить один, выделив для него какую-то странную социально-психологическую резервацию!

Взгляды, приписываемые Амфитеатровым христианству, на самом деле принадлежат учениям и учителям, давно осужденным Церковью как еретические. Осужден Ориген, в ригористическом рвении сам оскопивший себя, причем осужден как за свои попытки оправдать Диавола, так и за акт самооскопления. Негативное отношение к плоти и отрицание истинного воплощения Христа было осуждено Церковью еще на заре христианской истории как ересь докетизма. Впоследствии и на христианском Западе, и на Востоке Церковь последовательно боролась с дуалистическими, мироотрицающими учениями гностиков, манихеев, катаров, павликиан, богумилов. Именно для этих сект были свойственны крайний аскетизм, проповедь строгого безбрачия, отказ от деторождения, неприятие телесного мира вплоть до коллективного самоубийства. Сын священника Александр Амфитеатров не мог не знать всего этого. Он лжет и клевещет на учение Христово сознательно. Почему?

Да потому что, подобно сотням и тысячам «передовых», «прогрессивных» русских интеллигентов, продал душу свою… Даже не Диаволу, а мелким бесам успеха, материального благополучия, душевного комфорта. Он писал не то, во что верил, и не то, что есть на самом деле, а то, что хотел найти в книге тогдашний атеистически настроенный читатель. И в этом стремлении угождать спросу — он тоже вполне наш современник. А ведь в Новом Завете сказано: Диавол есть лжец и отец лжи. Все, что от него исходит, есть обман. Кстати, любопытно, что Амфитеатров в своей книге старается не упоминать о Новом Завете (за исключением только Апокалипсиса, который в повествовании о Сатане никак уж не обойти, не объехать). На евангельские тексты он ссылается только дважды или трижды на протяжении всего своего трактата.

И все же книга «Дьявол» по-своему интересна — в той же мере, в какой интересен ее автор. Помимо цитат из Артуро Графа и других западных авторов, в ней содержится и оригинальный русский материал. Правда, и здесь великих открытий наш автор не делает, а пересказывает истории, собранные и записанные Афанасьевым, Мельниковым-Печерским, Костомаровым и другими серьезными

исследователями. Весьма колоритна «Повесть о бесноватой жене Соломонии», любопытны цитаты из малоизвестных сочинений Евфросина и других основоположников старообрядческой литературы. Вообще, повторимся, объем филологического материала, использованного в книге, велик, а содержание его порой забавно, порой поучительно, порой страшновато, порой увлекательно. Так что читатель не зря потратил время, прочитав сочинение Александра Валентиновича.

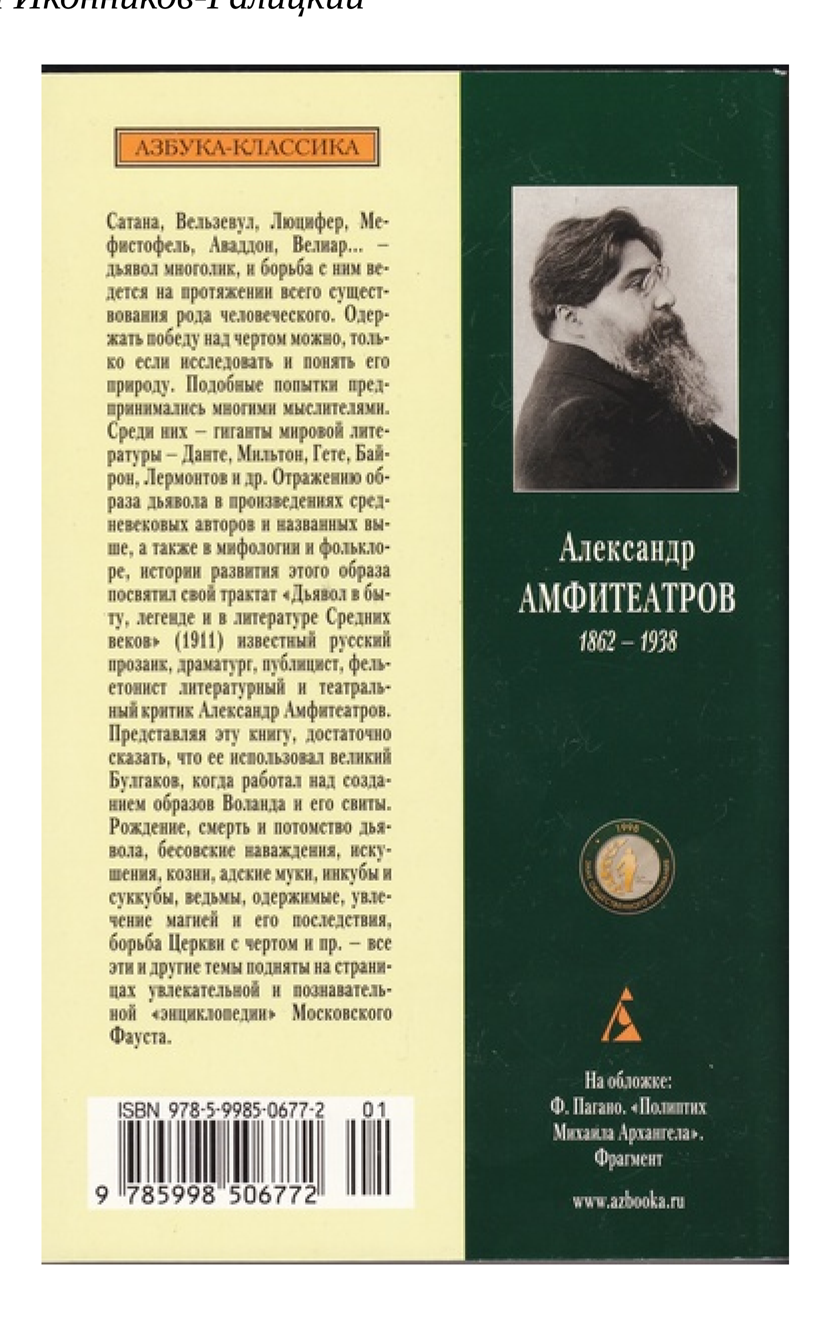
Ну, а жизнь и судьба «Московского Фауста», заключившего ради успеха и популярности договор с дьяволом, после написания этой книги неумолимо шла под гору. Мировая война требовала новых патетических газетно-журнальных голосов. Амфитеатров избрал (как он сам писал впоследствии) «яро-патриотическую позицию и в качестве корреспондента „Русского слова“ в Риме горячо отстаивал русское дело». Но чувствовал: за границей ему делать нечего, там своих военных забот хватает. В 1916-м вернулся в Россию. Печатался в газетах и журналах «Русская воля», «Петербургский листок», «Нива», «Огонек»… Где только не печатался! Но в империи зрела революция, великая и страшная. Почувствовав ее огненное дыхание, Амфитеатров снова попытался освежить свою известность политическим скандалом. В феврале 1917 года в газете «Русская воля» опубликовал «Этюды» с криптограммой, высмеивающей последнего министра внутренних дел царской России А. Д. Протопопова. За это его было выслали в Иркутск, но далеко отъехать от столицы вольнодумец не успел: грянула Февральская революция. В гуле событий 1917 года его голос потонул, заглох. Наступившая после Октября эпоха не сулила ему, коммерческому литератору, ничего хорошего.

«Исчезла чистая коммерция», как говаривал один персонаж Ильфа и Петрова. Четыре года взаимных недоразумений с новой властью закончились вполне закономерно: в августе 1921 года, в том самом августе, когда умер Блок и был расстрелян Гумилев, пятидесятидевятилетний Амфитеатров с семейством бежал из Петрограда через Финский залив на лодке в Финляндию. Впоследствии жил в Италии, сотрудничал в эмигрантских изданиях по всему свету — в берлинских, парижских, пражских, варшавских, рижских, шанхайских газетах и журналах. Писал романы, очерки, мемуары… Как прежде. Только известность его постепенно затухала, вровень с затуханием политической энергии русской эмиграции. 26 февраля 1938 года, на 76-м году жизни, бывший «Московский Фауст» скончался в Леванто, в Италии.

Помимо бесконечных томов книг, Александр Валентинович оставил миру и другое наследие, как мы полагаем, куда более ценное: талантливых детей. Из его многочисленного потомства известными стали: писатель и журналист Владимир Амфитеатров-Кадашев, композитор и дирижер Даниил Амфитеатров, музыканты Максим и

Роман Амфитеатровы. Все-таки сказалась здоровая поповская наследственность![21]

Анджей Иконников-Галицкий

Примечания

1

В образе великого змея Апепи, или, правильнее, Апапа, египетская мифология олицетворяла тьму, мрак, против которых солнце в образе Ра или Гора должно бороться и победить его, прежде чем взойти на востоке. Ежесуточная небесная битва против гиганта Апапа и его поражение являются постоянным сюжетом изображений на могилах и саркофагах восемнадцатой и следующих за ней династий. 29 глава Книги мертвых посвящена этому бою, временем для которого полагается седьмой час ночи, когда змей Апап получает смертельную рану. Этот змей является также синонимом засухи и бесплодия. Роль, которую играл он в египетском культе, должна была быть очень большою и сложною, судя по тому, что на одной деревянной стене флорентинского музея указывается, будто бы за семь столетий до Рождества Христова было известно 70 книг, написанных о змее Апапе. По большей части змей Апап изображается умирающим от вонзенных в него многочисленных кинжалов, либо окованным тяжкими цепями, либо угрожаемым от разных могущественных божеств светлого порядка, например от Тума, олицетворяющего собою ночное солнце, то есть солнце зашедшее, предполагаемое живущим за горизонтом (Lanzone).[{448}] — *Здесь и далее по тексту — примеч. автора*.

2

Книга «Bereschitt rabbath» считает этого Азазеля худшим из ангелов, пленившихся земными женщинами и чрез то сделавшихся демонами. Он научил женщин украшать себя драгоценными камнями, румяниться и белиться (Ленорман).

3

Алэн de Lille, doctor universalis, философ и поэт XII века, умер в 1203 году, многие годы занимал кафедру богослова в Парижском университете.

4

См. в моих «Мифах жизни» рассказ «Мертвые боги».

5

Это поверие нашло себе замечательно точное, подробное и яркое выражение в нашей Нестеровой летописи, под 1092 годом, по Лаврентьевскому списку: «Предивно бысть Полотьске: в мечте ны бываше в нощи тутън, станяше по улици, яко человеци рищюще беси; аще кто вылезяше из хоромины, хотя видети, абье уязвен будяше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором посем же начаша в дне являтися на конних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди полотьскыя и его область. Тем и человеци глаголаху: яко навье (мертвецы) бьють полочаны».

6

Святой Исидор, епископ Севильский, испанец из Картахены, 601–636 года. Очень образованный человек, оставил 20 книг сочинений богословского содержания, а также «Хронику, начиная от Адама по 626 год».

7

Ср. во II томе моего «Зверя из бездны» главу «Тацит, или Поджио Браччиолини».

8

Фома Кантипратийский (Thomas Cantipratensis), монах, писатель XIII века (1201–1270), сперва августинец в Катемпрэ (Catimpre) близ Камбрэ (Cambray), потом доминиканец, читал богословие в Лувэне, проповедовал в Бельгии, Франции, Германии. Ему принадлежат многие жития в «Acta Sanctorum» болландистов. Писал латинские стихи и упредил Меттерлинка сочинением «Bonum Universale de Apibus» («Всемирно-благое поучение от пчел»), книгою аскетической морали, в которой он из образа жизни пчел извлекает уроки для великих и малых мира сего. Приписывают ему также перевод Аристотеля, но, без сомнения, ошибочно.

9

Иаков из Вораджио близ Генуи (de Voragine), доминиканец, 1230–1298 года, его «Legenda aurea» (Historia Lombardina seu Legenda Sancta) — род католического «Пролога»: собрание житий святых, переполненное самыми невероятными историями.

10

Соборное послание от апостола Иуды.

11

Как окровавленный бык, демон огромен и страшен,
Мечется он и рвет, молотом яростно машет.
Молот швырнув, через миг демон подхватит зубило
Или кувальдой стучать примется с дьявольской силой.
Кузница тонет в волнах невыносимого жара,
Стены ее ходуном ходят от мощных ударов.
Демона очи горят, словно в горнилах уголья,
Пламя из легких его рвется сквозь ноздри на волю,
С ревом, подобным тому, что водопад извергает.

12

Раньше Толстого ее обработал Лесков.

13

Бернардо Джамбуллари (Bernardo Giambullari), литератор XV–XVI веков, флорентинец, покровительствуемый папой Львом X, предполагаемый автор сонетов, подписанных псевдонимом Биаджо дель Капероне (Biagio del Capperone). Сын его Пьер Франческо (1495–1564) был хранителем флорентинской библиотеки Медичей (Laurenziana) и автором «Историй происшествий в Европе от 800 года по 1200», доведенной, однако, до 913 года.

14

См. мою статью о ней в сборнике «И черти, и цветы».

15

См. мою книгу «Искатели счастья».

16

См. ниже «Слово о муках».

17

Входящие сюда да оставят всякую надежду.

18

Глава эта является не более чем коротким этюдом к истории магии, которой я посвящаю особое сочинение.

19

См. ниже рассказ Бенвенуто Челлини.

20

См. выше «Мюргит» Лохвицкой.

21

Точка зрения автора публикуемой статьи не обязательно совпадает с позицией редакции.

Комментарии

1

…из числа прекраснейших в «Аде»… — См. поэму Данте Алигьери (1265–1321) «Божественная комедия» (1307–1321, первое издание — 1472).

2

Эблис (Иблис) — в мусульманской мифологии дьявол; в Коране употребляется наряду с другим обозначением дьявола — аш-шайтан (например, в эпизоде поклонения Адаму — Иблис, а в описании акта грехопадения — аш-шайтан).

3

…стихами Мура и Байрона. — То есть в поэме Томаса Мура (1779–1852) «Любовь ангелов» (1822) и в мистерии Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) «Небо и земля» (1821).

4

Тейлор — Эдуард Бернетт Тайлор (Тэйлор) (1832–1917), английский этнограф, историк культуры, автор трудов «Первобытная культура» (1871), «Антропология» (1881) и др.

5

Доктор Джонсон — Сэмюэл Джонсон (1709–1784), английский критик, лексикограф, эссеист, поэт.

6

…в путешествиях Гауксворта… — Джону Гауксворту (1715–1773), английскому журналисту и писателю, британским Адмиралтейством было поручено редактировать отчеты о первом кругосветном путешествии Джеймса Кука. Книга вышла в трех томах в 1773 г.

7

Фта — Пта (Птах), древнеегипетский бог, сначала почитавшийся в Мемфисе как создатель «всего сущего», позже — как покровитель искусств и ремесел. Изображался в виде человека, закутанного в погребальные пелены.

8

Сэт (Сет) — древнеегипетский бог пустыни и чужеземных стран, первоначально почитался в городе Омбос, а затем, по-видимому, повсеместно в Верхнем Египте и на северо-западе Дельты. Изображался в образе животного, не поддающегося отождествлению.

9

Ормузд (Ахурамазда) — в зороастризме верховный бог, творец всех противоборствующих сил, олицетворение добра.

10

Ариман (Ангро-Майнью, Ахраманью) — в зороастризме глава и создатель дэвов, злых духов, олицетворяющих губительные явления природы и вызывающих стихийные бедствия, творец всего дурного. По замечанию Э. Б. Тайлора, «религия Зороастра сыграла роль раскола в древнем арийском культе Природы».

11

Cumont — Франц Кюмон (1868–1947), бельгийский археолог, религиовед, филолог.

12

Зенд-Авеста — совокупность священных книг у некоторых древних народов Ирана, Средней Азии, Азербайджана и Афганистана. Амфитеатров имеет в виду «Авесту» — дошедшие до нас остатки некогда более обширной литературы на одном из древнеиранских языков, которые составляют поныне литургическую и обиходно-церковную книгу парсов-зороастрийцев.

13

Порфирий (ок. 233 — ок. 304) — древнегреческий философ, представитель неоплатонизма.

14

Иезиды (езиды) — мусульманская секта в Сирии и Армении, представляет собой смесь парсизма с исламом.

15

Федор из Мопсуэтии — Феодор Мопсуэтийский (350–428), епископ Мопсуэтийский, представитель Антиохийской богословской школы, Отец Церкви.

16

Граф Артуро (1848–1913) — итальянский поэт, историк литературы. В его историко-психологическом этюде «Дьявол» (1889), художественном эссе, излагается история развития образа Сатаны на протяжении веков, освещена его роль в психологии и художественном творчестве европейских народов.

17

В поэме Пентаура… — «Поэма Пентаура», произведение неизвестного автора, в котором описывается знаменитая Кадешская битва между Рамзесом II и хеттами (нач. XIII в. до н. э.). Наиболее полно текст сохранился на папирусе, составленном писцом по имени Пентаур. Варианты текста «Поэмы» высечены на стенах храмов в Карнаке, Луксоре, Рамессеуме и Абу-Симбеле.

18

Красный цвет… — Использование черного и красного цветов в иконографии темных богов идет с древности: черный — обычный геральдический цвет хтонических сил; красный — цвет пустыни (в отличие от черной плодородной почвы речной долины), особо почитаемый приверженцами культа Сета.

19

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 220) — богослов, писатель, апологет.

20

Климент Александрийский († ок. 215) — богослов, философ, представитель Александрийской школы, Отец Церкви.

21

Ориген (ок. 185–253 или 254) — богослов, философ, ученый, представитель ранней патристики, Отец Церкви.

22

Бл. Августин († 430) — епископ Гиппонский, богослов, философ, экзегет, Отец и Учитель Церкви, представитель зрелой патристики.

23

…в Романе Розы… — то есть в «Романе о Розе», представляющем собой два отдельных произведения, написанных разными авторами в разное время.

24

…рыцаря Тангейзера… — Тангейзер, немецкий поэт-миннезингер XIII в., жизнь и личность которого стали темой для народных легенд и сказаний. Персонаж одноименного стихотворения Г. Гейне, написанного в 1836 г., и оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер и состязание певцов в Варбурге» (пост. 1845).

25

…св. Брандан… — Св. Брендан Ирландский († 570-е), путешественник, основатель и настоятель монастыря Клонферт, в Ирландии.

26

…поэма о которых относится к XI веку. — Речь идет о произведении «Плавание святого Брендана» (самый последний из дошедших до нас список создан не позднее X в.), рассказывающем о плавании св. Брендана и шестидесяти его спутников-монахов на запад, к островам Блаженных.

27

Фольфрам фон Эшенбах — Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170–1220), немецкий поэт-миннезингер, автор стихотворного рыцарского романа «Парсифаль» («Парцифаль»), входящего в цикл романов о короле Артуре, и других произведений.

28

…первыми хранителями св. Грааля. — См. книгу IX романа В. фон Эшенбаха «Парсифаль»:

…Когда небеса сотрясало войною
Меж Господом Богом и Сатаною,
Сей камень ангелы сберегли
Для лучших, избранных чад земли…
(Перев. Л. Гинзбург)

29

Св. Димитрий Ростовский († 1709) — митрополит Ростовский и Ярославский, проповедник, писатель, автор религиозных стихотворений и драм.

30

Сальвиан (V в.) — монах Леринского монастыря, затем священник в Марселе, христианский писатель.

31

Walhouse — М. Дж. Уолхаус (1848–1880), британский археолог, ученый-любитель.

32

…*в бесподобном своем «Пер Гинте»*. — То есть «Пер Гюнте» (1867), одной из самых знаменитых пьес Генрика Ибсена (1828–1906).

33

…Тяжко стенающий, к Зевсу вещал он крылатые речи… — Отрывок из «Илиады» Гомера приводится в переводе Н. И. Гнедича.

34

…из легенды о Бэле и Драконе… — Рассказ о Бэле и Драконе включен в Септуагинту в качестве дополнения к Книге пророка Даниила (гл. XIV). Бэл (Вил, Ваал) — идол, которому жертвовали в огромных количествах пищу и воду.

35

Соути — Жуковский — Соути (Саути) Роберт (1774–1843) — английский поэт-романтик; уже в начале XIX века русским читателям были хорошо известны его баллады, переведенные В. А. Жуковским. Цитируемый Амфитеатровым отрывок взят из «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» («The old woman of Berkeley. A Ballad, schewing how an old woman rode double and who rode before she», 1798. Перевод Жуковского — 1814).

36

Татиан (ок. 120 — ок. 175) — Отец Церкви, апологет, ученик св. Иустина Философа.

37

Исидор Севильский († 636) — святой, архиепископ Севильский, богослов, ученый-энциклопедист, Отец и Учитель Церкви.

38

Св. Василий Великий, Кесарийский († 379) — святитель, архиепископ Каппадокийский, богослов, экзегет, Отец и Учитель Церкви, борец против арианства.

39

Афинагор (II в.) — христианский философ, апологет.

40

Минуций Феликс — Марк Минуций Феликс (втор. пол. II — нач. III в.) — римский адвокат, апологет христианства, Отец Церкви.

41

Фирмик Матерн Юлий (IV в.) — римский христианин, астролог, писатель.

42

Св. Иоанн Златоуст († 407) — архиепископ Константинопольский, богослов, экзегет, Отец и Учитель Церкви.

43

…(№ 206 у Афанасьева). — В трехтомном издании «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (под ред. Л. Г. Барага и др., 1984–1985) сказка дается под названием «Упырь».

44

…о *горе Сен-Мишель у Гюи де Мопассана*. — См. «Легенду о горе Святого Михаила» (1882) де Мопассана (1850–1893).

45

…*в «Братьях Карамазовых»*… — в романе Ф. М. Достоевского.

46

Св. Григорий Великий, Двоеслов († 604) — папа римский (с 590 г.), Отец и Учитель Церкви, автор многочисленных сочинений, в том числе проповедей, наставлений для пастырей и др.

47

Св. Фома Аквинат — Фома Аквинский († 1274), Отец и Учитель Церкви, богослов, философ, экзегет, обладатель почетного титула «Doctor Angelicus», один из крупнейших представителей схоластики XIII в.

48

Наш Костомаров в своем послесловии… — Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — русский историк, писатель. Его послесловие к «Повести о бесноватой жене Соломонии» было опубликовано в издании: Повесть о бесноватой жене Соломонии // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. I / Под. ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860. С. 153–161.

«Повесть о Соломонии Бесноватой» («Повесть о бесноватой жене Соломонии») — литературный памятник XVII в. (первое печатное издание — 1860), составная часть жития св. Прокопия Устюжского († 1303). Здесь в привычной манере рассказывается совершенно непривычная история о том, что святые Прокопий и Иоанн Устюжские освободили Соломонию от бесов самым необычным способом: извлекли нечистых из ее живота.

49

«*Бесов вообще рисуют безобразных*»… — См. произведение М. Ю. Лермонтова «Сказка для детей» (1839; напечатана в 1842).

50

«La beau c’est le laid» — «красота есть уродство» (*фр*.).

51

Спинелло из Ареццо — Спинелло Аретино (ок. 1346–1410), итальянский художник, почти всю жизнь работавший во Флоренции. Историю о Люцифере, который явился во сне Спинелло, рассказывает также в своих «Жизнеописаниях» Джорджо Вазари.

52

Ланци Луиджи (1732–1810) — итальянский археолог и историк искусства.

53

Brière de Boismont — Бриер де Буамон Александр (1798–1881), французский врач. Амфитеатров ссылается на самую известную работу А. Бриера де Буамона — «О галлюцинациях» (1845).

54

Вакула — персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832).

55

Св. Антоний Египетский, Великий († 356) — основатель пустынножительства.

56

Влас — персонаж стихотворения Н. А. Некрасова «Влас» (1855).

57

В видении Тундала… — «Видение Тнугдала», религиозный текст XII в.

58

Бриарей (Бриарий) — в древнегреческой мифологии чудовищное существо, великан с пятьюдесятью головами и сотней рук, помогавший олимпийским богам в борьбе с титанами.

59

Св. Бригитта (Биргитта) Шведская († 1373) — провидица, основательница ордена Пресвятого Спасителя, или бригиттинцев, покровительница Швеции.

60

Цезарий из Гейстербаха — Цезарий Гейстербахский (ок. 1180 — после 1240), монах-цистерианец, приор монастыря в Гейстербахе, богослов, писатель.

61

«Чертов эликсир» — неполное название романа Э.-Т.-А. Гофмана (1776–1822) «Чертов эликсир. Бумаги, оставшиеся после брата Медарда капуцина» (1815–1816); в наше время роман более известен в переводе Н. А. Славятинского как «Эликсиры сатаны».

62

…*И бил он воздух ширью крыл своих.* — Амфитеатров приводит отрывки из «Божественной комедии» Данте на языке оригинала. В нашем издании здесь и далее мы используем перевод Н. Голованова.

63

…об известном романе Лесажа «Le Diable Boiteux». — Завязку и композицию «Хромого Беса» («Le Diable Boiteux») французский писатель Ален-Рене Лесаж (1668–1747) заимствовал у испанца Луиса Велеса де Гевара (1579–1644), который выпустил книгу под тем же названием в 1641 году. Лесаж отнюдь не скрывал данного факта: первому изданию своего романа (1707) он предпослал обращение к испанскому литератору. Но, позаимствовав завязку романа, его название и имена главных действующих лиц, Лесаж в ходе работы над книгой все более и более отступал от испанского образца, и его «Хромой Бес» представляет собою произведение вполне оригинальное.

64

Св. Фурсей († 650) — монах-бенедиктинец, провидец, чудотворец, миссионер.

65

Св. Гутлак Кроулендский († 714) — отшельник, чудотворец.

66

Св. Бригитта Кильдарская, Ирландская († 523) — основательница нескольких монастырей, в том числе Кильдарского монастыря, покровительница Ирландии.

67

…*по описанию их неким Тундалом*. — См. прим. к с. 46.

68

«La Bataille Alisians» — точнее, «La Bataille Aliscans» («Алисканс»), средневековая поэма из цикла о Гильоме Оранжском.

69

Фреццi Федериго (Федерико) (1346? — ок. 1416) — монах-доминиканец, епископ Фолиньо, поэт, автор произведения «Quadriregio» («Четвероцарствие»); ок. 1394–1403).

70

…равным образом и Клопштока… — Речь идет о поэме Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803) «Мессиада» (1751–1773), написанной под влиянием Д. Мильтона.

71

…*демоны Тассо*… — См. поэму Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» (1581).

72

…усилиями… А. де Виньи… — Амфитеатров имеет в виду поэму Альфреда де Виньи (1799–1863) «Элоа, или Сестра ангелов» (1823), близкую к лермонтовскому «Демону». Виньи оригинально развивает библейский сюжет: из слезы Иисуса Святой Дух создает Ангела-Деву Элоа. По сюжету Элоа слышит рассказы ангелов об удивительной красоте властителя царства тьмы, о его страданиях и о том, что творить зло больше не доставляет ему радости. Она мучительно жалеет падшего ангела. Жалость становится мощным импульсом к зарождению глубокого чувства. Влекомая состраданием, Элоа решается «спасти» его любовью. Для Сатаны, однако, «искушение» Девы-Ангела — лишь способ одержать победу над Богом. Убедившись в безнадежности своего порыва, Элоа по своей воле покидает небо, чтобы вместе с «вечным изгнанником» навсегда сойти в ад.

73

…*Так лучезарен и могуч!* — Отрывок из стихотворения А. Н. Майкова «Ангел и Демон» (1841).

74

Мефистофель в мраморе Антокольского… — Одно из лучших произведений М. М. Антокольского (создано в 1883), главную идею которого скульптор объяснял так: «Своего „Мефистофеля“ я почерпнул не из Гёте, а из настоящей, действительной жизни, — это наш тип — нервный, раздраженный, больной; его сила отрицательная, он может только разрушать, а не создавать; он это хорошо осознает, тем сильнее озлобление его». Один из французских критиков отмечал, что это «не пугающий воображение дьявол Средних веков, но современный гений зла — умный, культурный, рафинированный, улыбающийся горькой улыбкой миру, который он покинул и который презирает. Это — скептичный Мефистофель, как бы сжигаемый изнутри культом „Я“».

75

Поссарт Эрнст фон (1841–1921) — немецкий актер, режиссер, театральный деятель. Роль Мефистофеля в «Фаусте» считалась одной из лучших в его репертуаре.

76

…в сценическом гриме… Шаляпина… — Свою роль Мефистофеля Ф. И. Шаляпин оценивал следующим образом: она «как будто считается одной из лучших моих ролей. Я пел ее сорок лет подряд во всех театрах мира. Она таким образом в некотором смысле освящена традицией в том виде, в каком я ее представляю. Я должен сделать признание, что Мефистофель — одна из самых горьких неудовлетворенностей всей моей артистической карьеры. В своей душе я ношу образ Мефистофеля, который мне так и не удалось воплотить… Мефистофеля я вижу без бутафории и без костюма. Это острые кости в беспрестанном скульптурном действии».

77

…*С пером на шляпе, с длинной шпагой…* — Здесь и далее отрывки из трагедии И. В. Гёте «Фауст» приводятся в переводе Н. А. Холодковского.

78

Св. Мартин Турский († 397) — епископ Турский, основатель монастырской жизни в Галлии, покровитель Франции.

79

…удачно назвал г. Мережковский… — См. роман Д. С. Мережковского (1866–1941) «Воскресшие боги» (1896).

80

Св. Райнальд — св. Ринальд († 1217), монах-бенедиктинец, епископ Ночерский.

81

Блаженный Иероним, Стридонский († 420) — Отец и Учитель Церкви, переводчик Священного Писания на латынь — Вульгаты, экзегет.

82

Герардеска Пизанская († 1260/1267) — блаженная.

83

«…насилу отстал от нее злой бес!» — В трехтомном издании русских народных сказок А. Н. Афанасьева этот текст дается под названием «Вдова и бес».

84

…св. Кунигунду… — Трудно определить, о ком именно идет речь: о св. Кунигунде Люксембургской († 1033), императрице, супруге Генриха II Святого, основательнице бенедиктинского монастыря Кауфунген, или о св. Кунигунде (Кинге) Польской († 1292), супруге польского князя Болеслава V Стыдливого, затем монахине ордена кларисс, покровительнице Польши и Литвы.

85

…*образ св. Сильвана…* — Неизвестно, какого именно св. Сильвана Амфитеатров имеет в виду.

86

Иоанн Дамаскин († ок. 749) — святой, Отец и Учитель Церкви, богослов, философ, завершитель и систематизатор греческой патристики, автор песнопений.

87

Св. Колета — св. Колетта Буайе († 1447), реформатор ордена кларисс, основательница боковой ветви ордена — нищенствующих кларисс, или колеттинок.

88

Св. Эгидий — Эгидий Ассизский († 1262), блаженный, монах-францисканец, сподвижник св. Франциска Ассизского.

89

Св. Елевеерий — св. Елевферий († 532), первый епископ Турнезский.

90

Св. Мелитон (II в.) — епископ Сардийский, Учитель Церкви, апологет.

91

Auber — Обер Шарль-Огюст (1804–1892), французский аббат, историк, историограф диоцеза Пуатье.

92

Св. Ведаст — он же св. Гастон, († 540), первый епископ Аррасский, затем Камбрейский.

93

Сильвестр II (в миру Герберт Орильякский; ок. 945—1003) — папа римский (с 999 г.), ученый, знаток математики, физики, химии. Занятия папы Сильвестра II наукой и связи с арабским миром породили слухи о том, что он продался дьяволу. Сильвестр II был одним из прототипов легенды о докторе Фаусте.

94

Корнелий Агриппа Неттесгеймский — Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесгейм (1486–1535), ученый, философ-оккультист, врач, автор трактата «О сокровенной философии» (1510, первое издание — 1533) и др. работ.

95

Лохвицкая-Жибер Мирра (Мария) Александровна (1869–1905) — русская поэтесса.

96

Петр Капуанский (ум. 1214) — кардинал, папский легат во время Четвертого крестового похода, богослов.

97

Св. Бенедикт Нурсийский († ок. 547) — Отец Церкви, основатель западного монашества.

98

…в немецкой сказке, записанной Гриммами… — Известна под названием «Неблагодарный сын».

99

Св. Патрикий (V в.) — епископ, покровитель Ирландии.

100

Св. Готфрид († 1115) — епископ Амьенский.

101

Св. Бернард Клервоский († 1153) — монах-цистерианец, основатель и аббат монастыря Клерво, Учитель Церкви, мистик, богослов, один из наиболее влиятельных церковных деятелей своего времени.

102

Синистрари д’Амено Луиджи Мариа (1622–1701) — монах-францисканец, ученый, автор многочисленных трудов. Далее речь идет о его книге «De Daemonialitate» (напечатана в 1875).

103

Св. Иларий — видимо, имеется в виду св. Иларий Галеатский († 558), отшельник, основатель монастыря Галеата.

104

Преподобный Исаакий, Затворник Печерский († ок. 1090) — инок, память его празднуется 27 февраля.

105

М. Толстой — Толстой Михаил Владимирович (1812–1896), церковный писатель, историк.

106

…*Зигмунта Красинского…* — Красиньский Зыгмунт (1812–1859), польский романтик, писатель, драматург. «Небожественная комедия» (1833) — первая выдающаяся пьеса автора.

107

Св. Гильберт, — Трудно определить, кто именно имеется в виду: св. Гильберт Неффонтеский († 1152), основатель и приор мужской обители премонстрантов в Неффонтене, или Гильберт Санпрингамский († 1189), основатель ордена гильбертинцев.

108

Св. Одран († 452) — первый ирландский христианский мученик, возничий св. Патрикия.

109

Св. Фома — здесь и далее — Фома Аквинский — см. примеч. к с. 43.

110

«Повесть о Савве Грудцыне» — литературный памятник XVII века (предположительно 1660-1670-е), русская светская повесть.

111

Св. Мария Антиохийская († ?) — дева, память ее празднуется 29 мая.

112

Петр Преподобный — св. Петр Достопочтенный, Клюнийский († 1156), аббат, при котором Клюнийский монастырь стал вторым по значению после Рима центром христианской культуры; богослов; под его руководством был осуществлен первый перевод Корана на латынь.

113

Гонорий из Отена — Гонорий Отенский (Августодунский) (1-я пол. XII в.), монах, богослов, философ, писатель.

114

Лактанций Люций Целий Фирмиан († ок. 320) — Отец и Учитель Церкви, философ, апологет.

115

Св. Августин — Августин Блаженный — см. примеч. к с. 29.

116

Св. Бонавентура († 1274) — епископ Албанский, Учитель Церкви, схоласт, доктор богословия, мистик, обладатель почетного титула «Doctor Seraphicus».

117

Бонифаций VIII (ок. 1235–1303) — папа римский (с 1294 г.).

118

Боден Жан (1530–1596) — французский политический мыслитель, теоретик естественного права, правовед. Далее речь идет о его книге «Демономания колдунов» (первое издание — 1578).

119

Барбаро Ермолай (Эрмолао) (1454–1493) — патриарх Аквилейский, ученый, гуманист, переводчик работ Темистия, Плиния, исследователь философского наследия Аристотеля, автор многочисленных писем-трактатов.

120

Пассаванти Якопо (1302–1357) — монах-доминиканец, проповедник, богослов, автор книги «Зерцало истинного благочестия».

121

П. Б. Струве — Струве Петр Бернгардович (1870–1944), русский общественно-политический деятель, философ, историк, экономист, публицист.

122

Фра Филиппо Сиемский — Фра Филиппо Агаццари, Сиенский (1339–1422), монах-августинец, автор книги «Gli Assemri» («Примеры для подражания»).

123

…Самиэль Веберова «Волшебного стрелка», — Сюжетом оперы «Волшебный стрелок» (впервые поставлена на сцене в 1821 г.) Карла Марна фон Вебера (1786–1826) послужила старинная, широко распространенная в Германии и Чехии легенда о юноше, заключившем договор с дьяволом. Заколдованные пули, полученные от «черного охотника» Самиэля, принесли юноше победу в стрелковом состязании, однако последняя пуля смертельно ранила его невесту.

124

…знаменитую стену между Англией и Шотландией… — Имеется в виду построенный в 122 г. «Вал Адриана», длина стены которого достигает 118 км.

125

..мост через Дунай в Регенсбурге… — Об истории строительства «чертова моста» рассказывает в своей статье «Архитектор в эпоху Средневековья» известный искусствовед В. П. Зубов (Советское искусствознание. М., 1985. Вып. 19. С. 303): «Одна статуя помещена под крышей собора между другими фигурами для стока воды в виде человека, всем корпусом наклонившегося вниз, другая — на мосту в виде обнаженного юноши, сидящего верхом на камне с надписью „Как жарко!“ и с лицом, обращенным к собору. Легенда связала эти две фигуры с постройкой в XII веке моста через Дунай. Строитель моста будто бы бился об заклад с архитектором собора, кто скорее окончит свою работу. При помощи дьявола он опередил соперника, который от огорчения бросился с крыши собора и убился до смерти».

126

…другие, так называемые «чертовы мосты». — В данный список входит и Чертов мост в Альпах, которым в 1799 г. прошел под огнем неприятеля, над страшной пропастью великий А. В. Суворов со своим войском.

127

…рисунки для Кёльнского и Ахенского соборов… — Ахенский собор был заложен в 798 г. на месте разрушенных римских терм — самое место для нечистой силы! В его стенах неоднократно наблюдали полтергейст, явления призраков, из рук священника во время литургии зачастую кто-то вырывал чашу с претворенным в кровь Христову вином, швырял ее под ноги самым недостойным из прихожан. А в постройке Кёльнского собора (заложен в 1248 г.) принимал участие сам Альберт фон Больштедт, прозванный Альбертом Великим. О нем см. примеч. к с. 246.

128

Св. Олаф II Харальдссон, король Норвегии († 1030) — креститель и просветитель норвежцев, покровитель Норвегии. В России во имя св. Олафа были освящены храмы в Новгороде (в котором он жил несколько лет) и в Старой Ладоге, где он проездом гостил у посадника Рёгнвальда Ульвсона.

129

Wind und Wetter — Ветер и Гроза (*нем.*).

130

Н. П. Аксаков — Аксаков Николай Петрович (1848–1909), богослов-историк и канонист.

131

Н. П. Вагнер — Вагнер Николай Петрович (1829–1907), ученый-зоолог, писатель.

132

Св. Арсений Коневский (Коневецкий) († 1447) — новгородец, отшельник, основатель Коневского (Коневецкого) монастыря.

133

«Légende des siècles» — «Легенда веков» *(фр.),* лиро-эпическое собрание исторических преданий и легенд, воскрешающих библейские, античные и средневековые образы. Публиковалась в 1859, 1877 и 1883 гг., отрывок дается в переводе А. Сагаловой и П. Предбанниковой.

134

…*Враги, не совершив ловитвы.* — Отрывок из упоминавшейся уже «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» Р. Саути в переводе В. А. Жуковского.

135

Ириней Лионский († ок. 200/203) — святой, епископ Лионский, Отец Церкви, один из ведущих христианских богословов.

136

«…Сопротивляйтесь дьяволу, и он убежит от вас!» — В действительности данное высказывание принадлежит святому апостолу Иакову (Иаков, 4:7).

137

Тарновский. — Здесь и далее, возможно, цитируется одна из книг русского писателя Терновского Филиппа Алексеевича (1838–1884), автора трудов «Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси», «Московские еретики в царствование Петра I и полемические сочинения против них», «Материалы для истории мистицизма в России» и др., или его брата, Терновского Сергея Алексеевича (1848–1916), богослова, автора трудов «Краткий очерк библейской археологии», «Очерки по церковной географии и этнографии» и др.

138

Св. Феодосий Печерский († 1074) — игумен Киево-Печерский, церковный деятель, автор ряда посланий, «слов», «поучений», писатель. Житие Феодосия было составлено преподобным Нестором-летописцем, одним из составителей «Повести временных лет».

139

Св. Пахомий Великий († 346) — подвижник, аскет, основатель общежитских монастырей в Египте.

140

Св. Иларион Великий († 371) — аскет, отшельник, основатель монашества в Палестине.

141

Св. Пелагея (Пелагия) Антиохийская (Елеонская, Палестинская) († 457) — святая, подвизавшаяся в мужском образе после принятия монашеского пострига.

142

«Искушение св. Антония» — драматическая поэма в прозе, написанная Г. Флобером (1821–1880) по мотивам жития христианского отшельника III–IV вв. (1849 — первая редакция, 1874 — вторая редакция). Идея «инсценировать» сюжет из жизни святого возникла у Флобера после знакомства с картиной Питера Брейгеля «Искушение св. Антония».

143

Св. Макарий Александрийский (Новый, Градский) († ок. 394–395) — иеромонах, подвижник, церковный писатель, чудотворец.

144

«Thaïs» — «Таис» (1890), философский и историко-психологический роман А. Франса (1844–1924); события в книге разворачиваются в эпоху гибели античного мира и зарождения христианства.

145

Мейербер Джакомо, (1791–1864; настоящее имя — Якоб Либман Бер) — оперный композитор, по происхождению еврей, по музыкальному образованию немец. Жил и работал в Италии, во Франции и в Германии. Наиболее известная опера — «Роберт-Дьявол» (1831).

146

«La Tentation» — «Искушение» (*фр*.).

147

Руфин Аквилейский (ок. 345–410 или 411) — священник, богослов, церковный писатель, переводчик.

148

Св. Франческа Римлянка (Римская) († 1440) — мистик, провидица, основательница Общества облаток Елеонского бенедиктинского монастыря при одном из римских храмов, автор «Видений».

149

Аввакум, протопоп (1620–1682) — один из основоположников старообрядческого раскола, писатель, вместе с тремя другими раскольниками-учителями был сожжен на костре. Замечательным памятником русской литературы является «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», то есть его автобиография.

150

Прокопович Феофан (1681–1736) — церковный и общественный деятель, украинский и русский писатель, епископ, позже архиепископ, сподвижник царя Петра I.

151

«Легендарные характеры (Опыт систематического обозрения)» — цикл очерков Н. С. Лескова (первое издание — 1892).

152

Исаакий, затворник Печерский — см. примеч. к с. 67.

153

Губерт (Гвиберт) *Ножанский* (1053, 1055 или 1064–1124) — аббат монастыря Св. Марии в Ножане, бенедиктинец, хронист, автор книги «Деяния Бога через франков», хроники о Первом крестовом походе 1096–1099 гг. и др.

154

Св. Иаков Галицийский — Иаков Зеведеев, Старший — один из двенадцати апостолов, призванных к служению Иисусом Христом; особо почитаем в Испании, где (в Галисии, в Сантьяго-де-Компостела), по преданию, хранятся мощи святого.

155

В Евфросиновом «Отразительном писании»… — Имеется в виду произведение «Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» (1691) Евфросина (2-я пол. XVII в.), принимавшего деятельное участие в жизни старообрядческого раскола XVII в. и имевшего много учеников и последователей. Евфросин был противником «самоубийственных смертей».

156

Св. Макарий Египетский, Великий († 390 или 391) — монах, отшельник, согласно преданию, автор многочисленных трудов, считается устроителем такой формы монашеского проживания, как скитничество.

157

Шеффер Ари (1795–1858) — французский живописец, представитель романтизма. Его полотна религиозного содержания часто репродуцировались в гравюре, в том числе «Искушение Христа» (1855), картина, упомянутая в тексте Амфитеатрова.

158

…огненный дьявол нашего Репина… — Имеется в виду картина И. Е. Репина «Искушение Христа» («Иди за мною, Сатано!»; 1901–1903).

159

(Островский. Комик XVII ст.) — отрывок из стихотворной комедии А. И. Островского «Комик XVII столетия» (1872), написанной для праздничной постановки в народном театре по случаю 200-летнего юбилея русского театра. Действие происходит в 1672 г.

160

Св. Авраамий (Авраам) *Сирийский* (†?) — пустынник.

161

«Слово об иноце, молившемся Богу, дабы был, яко Иов или яко Исаак». — Подробнее о нем см.: *Тихомиров М. Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968.

162

Св. Норберт, епископ Магдебургский († 1134) — основатель ордена премонстратов (норбертинцев).

163

Св. Никита Печерский († 1108) — епископ Новгородский.

164

Св. Симеон Тревирский, Трирский († 1035) — отшельник.

165

«Почта духов» — «Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами» — журнал, который в 1789 г. выпускал И. А. Крылов. В отличие от обычных периодических журналов «Почта духов» являлась сборником сатирических новелл и публицистических фельетонов, объединенных единством композиции и наличием персонажей, проходящих через ряд писем.

166

Сеньковский (Сенковский) Осип Иванович (1800–1858) — ориенталист, критик и журналист, родом поляк. Автор многочисленных научных и литературных статей, романов и повестей, в свое время пользовавшихся большой популярностью. Фантастический фельетон «Большой выход у Сатаны» был опубликован в 1832 г.

167

«Péchés primitifs» — «Грехи изначальные» *(фр.)*. Первое издание — 1912 г.

168

…Гоголева «Проклятого места»… — Имеется в виду повесть Н. В. Гоголя «Заколдованное место» («Вечера на хуторе близ Диканьки»; 1832).

169

Пан Твардовский — герой польских народных легенд, шляхтич-чернокнижник, продавший душу дьяволу.

170

…*Но о Риме позабыл.* — Здесь и далее отрывки из баллады А. Мицкевича «Пани Твардовская» приводятся в переводе А. М. Ревича.

171

Св. Маранд (Моранд) († 1115) — монах-бенедиктинец; покровитель сборщиков винограда.

172

Св. Гудула Бельгийская († 712) — дева, покровительница Брюсселя.

173

Св. Дунстан († 988) — монах-бенедиктинец, архиепископ Кентерберийский. В бытность свою настоятелем монастыря в Гластонбери превратил его в один из центров христианской учености.

174

Св. Антоний Падуанский († 1231) — монах-францисканец, проповедник, Учитель Церкви; покровитель бедных.

175

Св. Маргарита Кортонская († 1297) — монахиня-францисканка, мистик; покровительница бездомных, матерей-одиночек и пр.

176

…*Словацкий Юлиуш* (1809–1849) — поэт, драматург, один из основоположников польского романтизма.

177

…Тебя искал, чтоб жалобу принес на Дьявола… — Отрывок приводится в переводе К. Бальмонта.

178

Св. Ромуальд. — Трудно определить, кто именно имеется в виду: св. Ромуальд († до 800), мученик, или св. Ромуальд Равеннский († 1027), аббат, бенедиктинец, основатель ордена Отцов Камальдулов.

179

…с несчастным Владимиром Соловьевым. Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), выдающийся русский философ, поэт, публицист. «Вольный писатель», без дома, без семьи, он умер, проживая в имении у одного из своих друзей.

180

Гертруда Аостская (ван дер Оостен) († 1358) преподобная, бегинка, мистик, стигматик.

181

Христина Стоммельнская — Штоммельн Кристина фон († 1312), блаженная, бегинка, стигматик.

182

Св. Симеон Столпник Младший, Дивногорец († 590) священник.

183

Св. Эверард — Св. Эврар († 869), герцог Фриульский, политик, полководец, один из образованнейших представителей своего времени, владелец библиотеки, к сожалению, не сохранившейся до нашего времени, основатель ряда монастырей.

184

Св. Николая di Rupe опутал ежевикою. — Имеется в виду св. Николай из Флю († 1487), бывший солдат, аскет, отшельник, покровитель Швейцарии.

185

В св. Романа, Лупициния… — Св. Роман Кондатский († 463 или 464) и св. Лупициний (Лупикин) († 480) — братья, основатели Кондатского монастыря.

186

Св. Николай Толентинский († 1305) — монах-августинец, чудотворец.

187

Св. Иоанн di Dio (ди Дио, Божий) († 1550) — основатель ордена госпиталитов Св. Иоанна Божьего (бонифратров).

188

Моисей Эфиоплянин (Мурин) († ок. 407) — святой, бывший раб и разбойник, иеромонах, мученик.

189

Катерина (Екатерина) *Шведская* († 1381) — преподобная, дочь св. Биргитты Шведской.

190

Св. Вильгельм Роскильдский († 1067) — епископ, капеллан Кнута Великого, английского (с 1016 г.), датского (с 1019 г.) и норвежского (с 1028 г.) короля.

191

Св. Альферий († 1050) — монах, основатель и первый аббат монастыря Св. Троицы в Каве.

192

Св. Доменик († 1221) — основатель ордена проповедников (доминиканцев), активно противодействовал ереси альбигойцев.

193

Св. Николай, патрон города Трани (Транийский), Пилигрим († 1094) — греческий юродивый.

194

…*Людовику Германскому.* — Имеется в виду Людовик II Немецкий (ок. 804–876), король Восточно-Франкского королевства (с 843 г.), основатель германской ветви Каролингов.

195

…ибсеновых «Претендентах на корону». — Более известна в переводе А. Ганзен и П. Ганзен под названием «Борьба за престол» (1863; пост. 1864).

196

Людовик Благочестивый (778–840) — сын Карла Великого, франкский император с 814 г.

197

Св. Катерина (Екатерина) *Сиенская* († 1380) — монахиня-доминиканка, Учитель Церкви, автор произведения «Книга Божественного учения, или Диалоги о Провидении Божием», множества писем, молитв и предсказаний.

198

…под титулом «Ars Moriendi» («Искусство умирать»)… — Автор этого произведения (1500) до сих пор остается неизвестным. Среди предполагаемых — кардинал и епископ Фермо Доменико Капраника, кардинал Матвей Краковский и св. Альберт Великий.

199

Казот Жак (1719–1792) — французский писатель, роялист, мистик-иллюминат, автор нашумевшей в свое время фантастической новеллы «Le diable amoureux» («Влюбленный дьявол»; 1772), сыгравшей в его судьбе еще одну роль, кроме той, что вписала его имя в анналы французской литературы. Биограф Казота Жерар де Нерваль писал, что спустя некоторое время после публикации книги к автору пришел незнакомец и попросил его о приватной беседе. Незнакомец оказался членом одного из тайных мистических обществ, возмущенного невольными и случайными откровениями Казота, и взялся направлять его в вопросах, имеющих отношение к тайным знаниям. Идеи иллюминатов — тайных религиозно-политических обществ — оказались близки Казоту, после этого мистика стала неотъемлемой частью жизни писателя.

200

Преподобный Бэда — св. Беда Достопочтенный († 735), иеромонах, Учитель Церкви, историк, экзегет, агиограф, переводчик Библии, один из образованнейших людей своего времени.

201

Александр VI Борджиа (1431–1503) — папа римский (с 1492 г.); с одной стороны, один из богатейших людей своего времени, меценат, любитель искусств; с другой по выражению французского писателя Стендаля, «самое совершенное воплощение дьявола на земле», его клеймили за жестокость, вероломство и разврат.

202

…*Влас грехи свои прочел*… — Отрывок из стихотворения «Влас» А. Н. Некрасова.

203

Св. Ильдегарда — св. Хильдегарда Бингенская († 1178 или 1179), бенедиктинка, настоятельница монастыря Рупертсберг, мистик, провидица, автор многочисленных произведений.

204

…*И выла жалобно вдали.* — Сюжет средневековой легенды, которая легла в основу этой баллады, Р. Саути позаимствовал у английского писателя XVII в. Томаса Хейвуда (1574?—1641).

205

Св. Цельз († 1129) — архиепископ Армы, примас всей Ирландии.

206

Св. Бонаний (Бононий) († 1026) — аббат монастыря Люцедио, бенедиктинец, ученик св. Ромуальда Равеннского.

207

Лев IX († 1054) — святой, папа римский (с 1049 г.); в его понтификат конфликт между Западной и Восточной Церквями достиг своего апогея и закончился Великим расколом 1054 г.

208

Св. Убальд (Теобальд) († 1160) — епископ Губбийский.

209

…историк Феодорит… — Блаженный Феодорит († ок. 466), епископ Киррский, богослов, экзегет, церковный деятель, писатель; автор «Истории Церкви» и др. произведений.

210

Это дело XVII века… — Процесс Грандье и луденских монахинь проходил в 1632–1634 гг.

211

Кальмейль Жюст Луи (1798–1840) — французский психиатр, автор многочисленных специальных научных исследований. Амфитеатров упоминает его капитальный труд «De la folie considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire depuis la Renaissanse des sciences en Europe jusqu’au dix-neuvième siècle: description des grandes épidémies de délire simple ou compliqé, qui ont attaint les populations d’autrefois et réigné das les monastéres. Exposé des condamnations auxquelles la folie méconnue a souvent donné lieu» (1845), двухтомное сочинение, посвященное истории средневековых психических эпидемий.

212

Шэкеры (букв. с *англ.* «трясуны») — религиозная секта, выделившаяся из квакеров в 1747 г. в Манчестере и организованная англичанкой Энн Ли в 1774 г. в США. Отвергают брак, присягу и военную службу, признают общность имущества. Название получили от усиленных телодвижений, которыми сектанты сопровождают свои молитвы во время религиозных собраний.

213

Хлысты (искаженное от «христы», самоназвание — «люди Божьи») — религиозная секта, возникшая в России в конце XVII в. Основателем секты считается костромской крестьянин Даниил Филиппович. Не признают священников и поклонение святым, отвергают так называемые священные и церковные книги. Основой вероучения является представление о возможности прямого общения человека со Святым Духом и воплощение Духа в конкретных людях, которые становятся «христами» и «богородицами». Главное место в идеологии хлыстовства занимает проповедь аскетизма. Собрания хлыстов проходят в форме радений (молитвы, сопровождаемые плясками), участники которых доходят до религиозного экстаза.

214

Дервиши (букв. с *перс.* — «бедняки», «нищие») — мусульманские мистики, приверженцы суфизма. Известны с XI в. Объединяются в общины и ордена — «братства», которые имеют свои уставы, духовную иерархию, обители, культ подвижников. Основу учения составляет идея личного общения человека с Богом путем мистического экстаза (от молчаливого созерцания и самоуглубления до общих молений вслух, сопровождаемых пением, музыкой, ритуальными танцами).

215

Св. Евстахия Падуанская († 1469) — блаженная, монахиня-бенедиктинка.

216

Перроне Джованни (1794–1876) — итальянский богослов, иезуит; автор произведений «Богословические лекции, которые Иоанн Перроне читал в Римской коллегии Общества Исуса» (в 9 т.; первый том вышел в 1835 г.), «Иерологические лекции в краткой редакции» (в 4 т.; 1845) и др.

217

Св. Григорий Турский († 593/594) — епископ Турский, историк, агиограф; автор «Истории франков» (в 10 кн.) и др. произведений.

218

…*Мёнтальской обители…* — точнее, Шёнтальской (Schöntal) обители.

219

Св. Перегрин — Трудно определить, кто именно имеется в виду, так как есть несколько святых с этим именем.

220

Гервасий (Гервазий) *Тильбюрийский* (Тильсберийский) (1150-е/нач. 1160-х — 1228) — писатель, государственный деятель, по словам французского историка Жака ле Гоффа, «самый яркий пример человека с научным мышлением», автор ряда сочинений.

221

Св. Филипп из Арджироне (из Агиры) († I или V век) — Сведений об этом святом почти не сохранилось, наиболее почитаем на Сицилии.

222

Св. Кутберт († 687) — епископ Линдисфарнский, бенедиктинец.

223

…остров Farne. — Имеется в виду один из островов Фарн, расположенных на северо-востоке Англии.

224

Св. Вильгельм (Гильом) *Оранский* (Желлонский, Оранжский) — граф Тулузский, герцог Аквитанский, маркиз Септимании, полководец, позже монах-бенедиктинец; популярный персонаж средневековой литературы.

225

Угоне (Гюон) *Альвернийский* (Овернский) — персонаж средневековой поэмы XIV–XV вв.

226

Св. Сульпиций. — Возможно, имеется в виду св. Сульпиций Север († 420-е — 432), латинский христианский агиограф и историк.

227

…демон Тутивилл… — В Средние века возникает обширная номенклатура «отвечающих» за определенные человеческие грехи демонов, в числе которых «Тутивилл» — демон-писец, пародирующий соответствующего ему ангела-писца и ведущий «книгу грехов».

228

Гильдеберт — Хилидеберт I (ок. 498?—558) — король франков (с 511 г.).

229

…«Фауст» начинался собранием демонов в церкви. — В «Материалах к „Фаусту“» немецкого просветителя Готхольда-Эфраима Лессинга (1729–1781) приводится план пролога пьесы: «Старый собор. Звонарь и его сын, только что отзвонившие полночь или собирающиеся звонить. Сборище чертей-невидимок, сидящих на алтарях и совещающихся о своих делах. Несколько самых ловких чертей появляются перед Вельзевулом, чтобы отдать отчет в своих деяниях. Один ввергнул город в пламя, другой потопил в бурю целый флот. Третий осмеивает их за то, что они берутся за такие ничтожные дела. Он похваляется тем, что соблазнил святого, уговорив его напиться, и тот в опьянении совершил клятвопреступление и убийство. Это наводит на беседу о Фаусте, которого не так-то легко совратить. Третий черт берется за сутки сделать его достоянием ада».

230

Дамаскин (Кононов; 1795–1881) — игумен Валаамского Спасо-Преображенского мужского ставропигиалыгого монастыря в 1839–1881 г., время, которое называли «началом внешнего процветания монастыря при высокой внутренней монашеской жизни», а самого игумена — «строителем Валаама».

231

Алькуин (Алкуин; псевдоним — Flaccus Albums) (ок. 735–804) — аббат монастыря Св. Мартина в Туре, ученый, богослов, писатель, друг и советник Карла Великого.

232

«Слово святого Нифонта…» — Речь идет о святителе Нифонте Констанцском (Кипрском) († IV в.). Житие св. Нифонта Констанцского в переводе с греческого широко известно в древнерусских списках. В юности, следуя наущению бесов, он вел разгульную и распутную жизнь. Когда же будущий святой раскаялся и обратился к благочестию, бесы еще долгое время, являясь ему в видениях, угрожали, искушали его и вызывали на догматические споры, внушая еретические мысли. Став праведником-аскетом, Нифонт получил особую способность видеть бесовские «козни», поэтому в житии много эпизодов, когда Нифонт уличает бесов, толкающих людей на греховные поступки, влекущих их к мирским развлечениям и т. д.

233

…одного из князей своих Лазиона… — См.: О бесовском князе Лазионе // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. I / Под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860. С. 207–208.

234

«О танцующей девице» — рукопись XVII в. Также была опубликована в издании «Памятники старинной русской литературы…» под редакцией Н. И. Костомарова.

235

Берсюир Петр (Пьер) (ок. 1290–1362) — аббат монастыря Сент-Элуа в Париже, бенедиктинец, один из образованнейших людей своего времени, переводчик (осуществил первый перевод «Декад» Тита Ливия на старофранцузский язык), писатель.

236

Пселл Михаил (1018—ок. 1078 или ок. 1096) — византийский политический деятель, ученый, писатель.

237

…грек Суида… — Во времена Амфитеатрова считалось, что Суида — имя автора византийского энциклопедического словаря (лексикона) X в. под названием «Суида» (Суда, Свида). В наши дни придерживаются мнения, что автор словаря неизвестен. В объяснении термина «Суида» ученые расходятся. Лексикон включает множество сведений по филологии, истории, искусству, естествознанию, т. е. является суммарным сводом византийского культурного наследия той эпохи; содержит также многочисленные статьи по библейской тематике.

238

Шарко Жан Мартэн (1825–1893) — французский врач-невропатолог, один из основоположников современной невропатологии и психиатрии; создатель Парижской психоневрологической научной школы.

239

Рише Шарль Робер (1850–1935) — французский физиолог и психолог; лауреат Нобелевской премии по медицине (1913). Помимо прочего, вновь открыл для читателей полузабытый мир первых магнетизеров Ф.-А. Месмера и А.-Г. Пюисегюра, их исследования сомнамбулизма; интересовался спиритическими опытами медиумов.

240

Гюисман — Гюисманс Шарль Мари Жорж (литературное имя — Жорис Карл) (1848–1907) — французский писатель.

241

Н. К. Михайловский — Михайловский Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, один из теоретиков народничества, литературный критик.

242

«La Bas» — «Там внизу» *(фр.)*, роман (1891).

243

«Au Rebours» — «Наоборот» *(фр.)*, роман (1884).

244

…Гиппиус… Брюсов и т. д. — Так, З. Н. Гиппиус подозревает в «Злом Духе» «непонятого учителя Великой красоты» («Гризельда», 1893); у В. Я. Брюсова см. повесть «Огненный ангел» (1907–1908).

245

…женщина влюблена в черта. — См. повесть Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего»: «О, это коварное существо — женщины! Я теперь только постигнул, что такое женщина. До сих пор никто еще не узнал, в кого она влюблена; я первый открыл это. Женщина влюблена в черта».

246

Апулей Люций (II в.) — древнеримский писатель, философ, автор романа «Метаморфозы, или Золотой осел», описывающего всевозможные приключения осла, в которого в доме одной волшебницы был обращен герой романа Люций. Самая яркая часть романа — сказка о любви Эрота и Психеи, в которой рассказывается о том, как сам бог любви Эрот влюбился в смертную красавицу Психею и как после долгих перипетий состоялось на небе их бракосочетание.

247

Плантагенеты — Анжуйская династия, английская королевская династия в 1154–1399 гг.

248

Юстиниан I (ок. 482 или 483–565) — император Византии (с 527 г.).

249

Маршнер Генрих Август (1795–1861) — немецкий композитор и дирижер, мастер немецкой романтической оперы.

250

Герольд Луи Жозеф Фердинанд (1791–1833) — французский композитор. Одно из самых значительных его произведений — опера «Цампа» (1831).

251

…за исключением «Мейстерзингеров» и «Риэнзи». — «Нюрнбергские мейстерзингеры» (пост. 1868) — самая оптимистическая опера Р. Вагнера, повествующая о нравах и обычаях нюрнбергских ремесленников XVI в.; «Риенци, последний из трибунов» (пост. 1842) — большая трагическая опера, в основе либретто которой лежит сюжет одноименного романа английского писателя Э. Булвер-Литтона.

252

«Демон» (пост. 1875) — фантастическая опера А. Г. Рубинштейна (1829–1894) на сюжет одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова.

253

Фингоф-Шель — Фитингоф-Шель Борис Александрович (1829–1901), композитор, автор музыки к балетам и операм, в том числе к опере «Демон» (пост. 1886 г. под названием «Тамара»).

254

Бларамберг Павел Иванович (1841–1907) — композитор, публицист, педагог. Его «Демон» (1869) представляет собой музыкальные картины на текст поэмы М. Ю. Лермонтова.

255

Направник Эдуард Францевич (1839–1916) — композитор и дирижер, руководитель Мариинского театра в Петербурге; автор симфонической поэмы «Демон» (1874).

256

Литвин Фелия Васильевна (настоящее имя — Франсуаза Жанна Шютц; 1861–1936) — певица (лирико-драматическое сопрано) и педагог. Одна из лучших исполнительниц партий в операх Р. Вагнера.

257

Ершов Иван Васильевич (1867–1943) — певец (драматический тенор) и педагог, народный артист СССР (1938), доктор искусствоведения (1941), один из выдающихся представителей русской вокальной школы. Прославился как исполнитель партий в операх Вагнера.

258

Гурмон Реми де (1858–1915) — французский писатель, эссеист, критик.

259

Филострат Флавий (Филострат II; 170–245) — греческий писатель-софист, автор «Жизни Аполлония Тианского» (ок. 216, написана по поручению императрицы Юлии Домны) и др. произведений.

260

Эмпуза (эмпуса) — в греческой мифологии одно из демонических существ. «Эта вот ласковая невеста — одна из эмпус, коих многие полагают упырями и оборотнями. Они и влюбляются, и любострастию привержены, а еще пуще любят человечье мясо — потому-то и завлекают в любострастные сети тех, кого желают сожрать» — именно так, согласно Филострату, характеризовал эмпузу Аполлоний Тианский.

261

Аполлон (Аполлоний) *Тианский* (I в.) — греческий мистик, легендарный философ-неопифагореец, живший во времена императоров Нерона и Домициана.

262

Марло Кристофер (1564–1593) — английский драматург. До нас дошли четыре его пьесы, в том числе «Фауст» (1588–1589).

263

Вильгельм (Вильям) *Мальмсберийский* (ок. 1090 — ок. 1143) — монах-бенедиктинец, хронист, библиотекарь.

264

…в «Стихийных духах»… — Наиболее известен перевод А. Г. Горнфельда под названием «Духи стихий».

265

Пуни Цезарь (1802–1870) — итальянский композитор, автор церковной и театральной музыки.

266

«Мраморная невеста» («Мраморная красавица») Ц. Пуни была поставлена впервые в Париже в 1847 г.

267

Билльмен (Вильмен) Абель-Франсуа (1790–1870) — французский государственный деятель, ученый, критик.

268

Герман Контракт (Контрактус, Герман из Рейхенау; 1013–1054) — блаженный, монах-бенедиктинец, ученый, хронист, поэт.

269

Меон Доминик-Мартен (1748–1829) — французский ученый, историк.

270

Ле Гран д’Осси Пьер Жан-Батист (1737–1800) — французский ученый, историк, писатель.

271

P. Saintyves. Les saints successeurs des dieux. — Эта книга французского фольклориста Пьера Сэнтивена (настоящее имя — Эмиль Нурри, 1870–1935) вышла в Париже в 1907 г.

272

Цотенберг (Зотанбер) Герман (1836–1894) — французский востоковед, арабист.

273

Жюль Делассю — псевдоним французского писателя Реми де Гурмона (см. прим. к с. 161).

274

Де Муссо Анри-Роже Гужено (1805–1876) — французский писатель, журналист, автор работ по истории эзотерических учений, магии, тайных обществ.

275

Гуайта (Гуайт) Станислав (Станислас) де (1861–1897) — французский поэт, оккультист, основатель «Каббалистического ордена Креста и Розы» (1888).

276

Вэнтра Эжен (1807–1875) — основатель секты «Кармель», или «Спасители Людовика XVII».

277

Аббат Буа. — Скорее всего, имеется в виду аббат Буллан Жозеф Антуан (1824–1893), французский оккультист, преемник Э. Вэнтра.

278

Краффт Эбинг Рихард (1840–1902) — немецкий психиатр, невропатолог и сексолог.

279

Целий Аврелиан (V в.) — римский медик.

280

Фома Вальсингам, монах из Сен-Альбано… — Томас Уолсингем (ум. ок. 1422), монах-бенедиктинец, хронист.

281

Альвир Пелагий, епископ в Сольве… — Альваро Пелайо (между 1275–1280—1352), епископ Силвеш, францисканец.

282

Макарио Морис (1811–1898) — французский психиатр.

283

Сервий Туллий (VI в. до н. э.) — шестой царь Древнего Рима (578–534/533 до н. э.).

284

«Граф Габалис». — Современные исследователи относят текст книги «Граф Габалис, или Беседы о тайных науках» именно к XVII в. (1670), а авторство его приписывают французскому аббату Николя Монфокон де Виллару (1635–1673).

285

«*Подводный камень*» (1860) — роман М. В. Авдеева (1821–1876), написанный под влиянием Жорж Санд. Сюжет романа связан с широко обсуждавшимися в то время проблемами положения женщины в обществе.

286

Иорнанд (Иорданес) (VI в.) — готский историк.

287

Матвей Парис — Мэтью Пэрис (ум. 1259), монах-бенедиктинец из монастыря Сент-Олбанс, историк.

288

…*Тогда меня сумеешь удержать.* — Отрывок из оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин» приводится в переводе А. Сагаловой и П. Предбанниковой.

289

В «Адельстане», балладе Соути… — В оригинале балла да Р. Саути называется «Rudiger» (1798).

290

Лузиньян — феодальный род в средневековой Франции.

291

…в царствование короля Рожера… — Скорее всего, речь идет о Рожере II (ок. 1095–1154), первом короле Сицилийского королевства (с 1130 г.).

292

Каульбах Вильгельм (1805–1874) — немецкий живописец, представитель мюнхенской исторической школы.

293

Атилла — Аттила (ум. 453), завоеватель, вождь гуннов в 434–453 гг.

294

Теодорих Великий (ок. 454–526) — король остготов (с 493 г.), основатель остготского государства в Италии.

295

Роберт Дьявол, герцог Нормандский. — Роберт I Дьявол (Великолепный) (ум. 1035), герцог Нормандский (с 1027 г.), отец английского короля Вильгельма Завоевателя.

296

Эццелин да Романо — Эццелино III да Романо (1194–1259), тиран, политический деятель, полководец, падест***а*** (высшее административное лицо) Вероны (1226–1230, 1232–1259), Падуи (1237–1256) и Виченцы (1236–1259).

297

Муссато Альбертин (Альбертино) (1261–1329) — поэт, драматург, историк, государственный деятель, уроженец Падуи.

298

«*Eccelinis*» — другое название — «Ecerinide» («Эцеринида»; 1313).

299

…*Сельма Лагерлэф в своем романе…* — Речь идет о романе С. Лагерлеф «Чудеса Антихриста» (1897).

300

Св. Ефрем Едесский, Сирин († 373) — сирийский подвижник, экзегет, Учитель Церкви, гимнотворец.

301

Ассон — Адсон из Монтье-ан-Дер (910 или 915–992) — аббат Клюнийского монастыря, бенедиктинец, писатель.

302

Арнольдо из Вильнева (Арнольд из Виллановы) (1235–1312) — испанский врач, алхимик, астролог, переводчик.

303

Винченцо (Викенетий) *Феррер* († 1419) — святой, монах-доминиканец, проповедник, философ, богослов.

304

Афанасий Великий († 373) — святой, архиепископ Александрийский, Отец и Учитель Церкви, богослов, экзегет.

305

Леон (Лео) *Таксиль* (настоящее имя — Габриель Антуан Жоган-Пажес) (1854–1907) — французский писатель и журналист. Получил воспитание у иезуитов, но порвал с ними и в 1879–1885 опубликовал ряд антирелигиозных сатирических произведений. В 1885 г. объявил о своем раскаянии и возвращении в лоно Католической церкви. По поручению высших церковных кругов выступил с критикой масонов, которых папа Лев XIII считал опаснейшими врагами Церкви; написал ряд книг, полных нелепых измышлений о масонах и их связях с дьяволом.

306

Маньян Валантен (1835–1916) — французский психиатр.

307

Мержеевский Иван Павлович (1838–1908) — русский психиатр и невропатолог.

308

Роджер из Ховдена — Роджер Ховден (1174–1201), английский хронист. Описываемый далее Амфитеатровым отрывок приводится в его «Хронике».

309

Вальтер (Готье) *из Куанси* (ок. 1177–1236) — монах-бенедиктинец, трувер, приор монастыря Св. Медарда в Суассоне.

310

«…от чертей на вольный свет!» — В сборнике «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» описываемая Амфитеатровым сказка называется «Неосторожное слово».

311

Альберих (Обри) *от Трех Источников* (Труа-Фонтен) (ум. ок. 1252) — монах-цистерцианец аббатства Труа-Фонтен, хронист.

312

Аймоин Флерийский (ок. 960 — ок. 1008 или 1010) монах-бенедиктинец аббатства Флери, хронист.

313

«Гион Бордосский» — иначе — «Гюон Бордосский».

314

«Otinel» («Отинель») — франко-итальянская эпическая поэма XIII века.

315

«Беседа трех святителей» — апокрифический памятник, построенный в форме вопросов и ответов, изложенных от имени трех виднейших иерархов Православной церкви — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

316

Генерозов. — См. *Генерозов Я. К.* Русские народные представления о загробной жизни на основании заплачек, причитаний, духовных стихов и т. п. // Саратовские епархиальные ведомости. 1883. № 25–30.

317

Джиакомино из Вероны — Джакомино да Верона (2-я пол. XIII в.), монах-францисканец, поэт, автор таких произведений, как «Небесный Иерусалим», «Адский Вавилон».

318

Св. Баронт (VIII в.) — монах из аббатства Св. Петра в Лонгрето, автор «Видения».

319

Св. Бригитта — Имеется в виду св. Бригитта (Биргитта) Шведская. О ней см. примеч. к с. 46.

320

Еброин (Эброин) (ум. 680 или 681) — франкский вельможа.

321

Елинанд — Гелинанд из Фруамона (ок. 1160–1237), монах-цистерианец, поэт, хронист.

322

Уланд Людвиг (1787–1862) — немецкий поэт и историк литературы.

323

По Эдгар Аллан (1809–1849) — американский прозаик, критик, создатель жанра «новеллы ужаса».

«*Метцгерштейн*» — Иначе — «Метценгерштейн».

324

Генрих II Святой (973—1024) — император Священной Римской империи. Был канонизирован в 1146 г.

325

Карл III *Толстый* (839–888) — франкский король (с 882 г. — Восточно-Франкского королевства, а с 884 г. — Западно-Франкского королевства), император Священной Римской империи (881–887).

326

Св. Аикадр Жюмьежский († 687) — аббат монастыря в Жюмьеже, бенедиктинец.

327

Св. Регул. — Трудно определить, какой именно святой имеется в виду. Возможно, св. Регул Африканский († 545), священник, замученный готами.

328

Св. Годегранд († 775) — епископ Сэзский.

329

Св. Илия Пещерник († 960) — отшельник, жил в пещере недалеко от Семинары.

330

Лиутпранд (920–972) — епископ Кремонский, дипломат, историк.

331

Иоанн XXII. — В действительности речь идет о другом папе — Иоанне XII (ок. 937–964), которого современники считали воплощением дьявола за многочисленные пороки.

332

Филипп из Сьены (Фра Филиппо да Сиена) (13387—1422?) — монах-августинец, писатель, переводчик.

333

Св. Тереза Авильская († 1582) — монахиня-кармелитка, Учитель Церкви, автор мистических сочинений, реформатор ордена кармелитов, одна из основательниц ордена босых кармелитов.

334

Радульф де Гудан — Рауль де Уденк (Удан) (ок. 1170 — ок. 1230), французский трувер, один из подражателей Кретьена де Труа.

335

Евстохия Римская († 419) — святая, дочь знатной римлянки Павлы, ставшая вслед за матерью ученицей св. Иеронима Стридонского.

336

Петр Келиот — Пьер де Сель (ок. 1115 — ок. 1183), епископ Шартрский, писатель.

337

Андрей Боголюбский (ок. 1111–1174) — святой, князь Владимиро-Суздальский (с 1157 г.).

338

Ванька Каин (Иван Осипов Каин) (1718—?) — вор, разбойник, московский сыщик.

339

Стефан Бурбонский (ум. 1261) — монах-доминиканец, историк.

340

Отлоний (Отло) (ок. 1010 — после 1070) — монах-бенедиктинец из монастыря Санкт-Эммерам, писатель.

341

Ордерик Виталь (Виталий) (1175–1142) — монах-бенедиктинец из аббатства Сент-Эвроль, хронист.

342

Пруденций Аврелий Клемент (348 — после 405) — римский христианский поэт.

343

Св. Петр Дамиан († 1072) — монах-бенедиктинец, богослов, Учитель Церкви, кардинал.

344

Григорий Назианзин (Богослов) († 389 или 390) — святой, епископ Назианза и Сасимы, патриарх Константинополя (380–381), Отец и Учитель Церкви, богослов каппадокийской школы.

345

Григорий Нисский († ок. 394) — святой, епископ Ниссы в Каппадокии, Отец Церкви, богослов, философ, экзегет.

346

…*Джотто в падуанском Арене…* — Имеются в виду фрески Джотто из капеллы дель Арена с изображением сцен Страшного суда.

347

Орканья Андреа ди Чоне — (1308–1308) — флорентийский художник, скульптор, архитектор.

348

…*Вечно жадной бездны ров.* — Амфитеатров параллельно приводит текст на латинском языке, который мы в нашем издании опускаем.

349

«Изнанка божества» — одно из определений Сатаны, данных А. К. Толстым в его драматической поэме «Дон Жуан» (1862).

350

Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) — русский писатель. Воспоминаниям о семинарской юности (он воспитывался в Александро-Невском духовном училище в Санкт-Петербурге) посвящены «Очерки бурсы» (1862–1863), рисующие картину бессмысленной, жестокой жизни, в которой гаснут лучшие порывы и труднее всего приходится добрым и слабым.

351

Мельмот-Скиталец — имя героя одноименного романа (1822) англо-ирландского писателя Чарльза Роберта Мэтьюрина (1782–1824).

352

Эгидий из Вальядореса (Ваозельский) († 1265) — блаженный, монах-доминиканец, лекарь, богослов.

353

Сахаров Иван Петрович (1807–1863) — русский этнограф-фольклорист, археолог и палеограф.

354

Аблесимов Александр Онисимович (1742–1783) — русский писатель, автор либретто комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779).

355

Петр из Абано — Пьетро д’Абано (Абанский) (1250–1316), врач, философ, астролог. Был обвинен в колдовстве, попал в руки инквизиции и умер в тюрьме до вынесения приговора.

356

Парацельс Ауреол Теофраст (настоящее имя — Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) (1493–1541) — швейцарский врач, философ, естествоиспытатель.

357

Герберт — имеется в виду Сильвестр II, папа римский. О нем см. примеч. к с. 63.

358

Альберт Великий (Кёльнский, фон Больштедт) (ок. 1193–1280) — монах-доминиканец, епископ Регенсбурга (1260–1262), обладатель почетного титула «Doctor Universalis», видный представитель средневековой схоластики, прославился обширнейшими трудами по богословию, философии и естественным наукам; занимался алхимией и механикой, за что был признан великим магом.

359

Бэкон Рожер (Роджер) (ок. 1220–1292) — монах-францисканец, философ и естествоиспытатель, обладатель почетного титула «Doctor Mirabilis». Его учение было осуждено орденом, однако его идеи об «опытной науке», достижения в области естествознания сыграли свою роль в становлении науки и философии Нового времени.

360

Скотт (Скот) *Михаил* (1175–1235) — шотландский ученый, математик, астролог, переводчик.

361

Тассони Александр (Алессандро) (1565–1635) — поэт, критик, писатель, родом из Модены.

362

Нодэ Габриель (1600–1653) — французский ученый, врач, библиограф.

363

«*…под кущами райских садов*»… — См. стихотворение «Ангел» (1831) М. Ю. Лермонтова.

364

Пико де (делла) *Мирандола* Джованни (1463–1494) — философ, представитель платоновской Академии во Флоренции, один из самых ярких персонажей итальянского Ренессанса, мыслитель.

365

Тритемий Иоанн (настоящая фамилия Гейденберг) (1462–1516) — монах-бенедиктинец, аббат сначала в Спонгейме, потом в Вюрцбурге, богослов, историк, автор сочинений по магии и каббалистике.

366

Агобар (Агобард) († 840) — святой, архиепископ Лионский, церковный писатель.

367

Иоанн Салисберийский (Солсберийский) (1115/1120—1180) — богослов, писатель, педагог.

368

…еще решительнее, — фантазией больных женщин. — Стефан Бурбонский описывает в своем трактате о семи дарах Святого Духа, как св. Доминик, проповедовавший в Фанжо, клеймя еретиков, предупредил некоторых бывших там женщин, что сейчас покажет им, кому они служили ранее.

369

Коломан — Кальман I Книжник (1070–1116), венгерский король (с 1095 г.).

370

Серапион († 1275) — архимандрит Киево-Печерского монастыря (до 1274 г.), затем епископ Владимира, Суздаля и Нижнего Новгорода, писатель, проповедник.

371

Шпренгер Яков (1436 или 1438–1495) — монах-доминиканец, декан Кёльнского университета, один из авторов книги «Молот ведьм» (1487). Второй автор — приор Генрих Крамер (Инститорис) (ок. 1430–1505). Это издание почти два столетия служило настольной книгой святой инквизиции.

372

Реми Николай (Николя) (ок. 1530–1612) — французский судья, прославившийся своими изощренными методами «охоты на ведьм», писатель.

373

Вейер Иоганн (1515–1588) — голландский врач и оккультист, ученик Агриппы Неттесгеймского. Книга, о которой далее идет речь, — «De praestigiis daemonum et Incantationibus ac Venificiis» («О дьявольских наваждениях, наговорах и чародействах»; 1563).

374

…*Terror vox daemoniorum.* — См. перевод И. А. Бунина («Золотая легенда» Г. Лонгфелло):

Славлю истинного Бога,
Призываю народ,
Собираю притч,
Оплакиваю умерших,
Изгоняю пагубу,
Украшаю праздники,
Возвещаю погребенье,
Укрощаю молнии,
Назначаю дни отдыха,
Пробуждаю ленивых,
Прекращаю бури,
Умиротворяю ожесточенных,
Глас мой есть
Ужас всех демонов.

375

…во времена Аркадия и Гонория… — Имеется в виду период правления Аркадия (377–408), императора Восточной Римской империи (с 395 г.), и Гонория (384–423), императора Западной Римской империи (с 395 г.).

376

Св. Сульпиций. — Скорее всего, речь идет о св. Сульпиции Севере. См. примеч. к с. 147.

377

Св. Фродоберт († ок. 673) — монах-бенедиктинец, основатель монастыря Мутье-ла-Сель (ок. 655).

378

Св. Игнатий Лойола († 1556) — основатель Общества Иисуса (ордена иезуитов).

379

«…Хоть умер, умер Сатана!» — Данный отрывок из песни П. Ж. Беранже «Смерть Сатаны» приводится в переводе М. Л. Михайлова.

380

Св. Сильвестр I († 335) — епископ Рима (314–335).

381

Св. Мунна — св. Мун († V в.) — епископ, отшельник, племянник св. Патрикия.

382

Св. Аполлон. — Вероятно, имеется в виду игумен св. Аполлон († ок. 393), один из египетских отцов-пустынников.

383

Св. Контекст († 510) — епископ Байе, бенедиктинец.

384

Св. Иллидий († 385) — епископ Клермонтский.

385

Св. Прокопий Пражский (Сазавский) († 1053) — чешский пустынник, основатель Сазавской обители.

386

Блаженный Нотчер Вальбул — Ноткер Заика (Balbulus) († 912), монах-бенедиктинец Санкт-Галленского монастыря, поэт, историк, композитор, богослов.

387

Св. Колумбан († 615) — ирландский монах, проповедник-миссионер в странах Западной Европы, основатель ряда монастырей.

388

Св. Дунстан (924–928), *аббат Гластонбюрийский*… — О нем см. примеч. к с. 120.

389

Св. Луп. — Неизвестно, какого именно святого с таким именем Амфитеатров имеет в виду.

390

Новгородский владыка Иоанн (1163–1186) — первый новгородский архиепископ. Далее Амфитеатров приводит отрывок из текста «Повести о путешествии Иоанна Новгородского на бесе».

391

Костомаров. «Северные народоправства». — Имеется в виду книга Н. И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада» (1863).

392

Св. Конон Исаврянин (Исаврийский) († I в.) — исповедник.

393

Св. Юлиания (Иулиания) Никомидийская († 304) — дева, мученица.

394

…Юлиания, настоятельница обители Монте-Корнелио… — Св. Иулиания Льежская († 1258), монахиня из аббатства Монт-Корнельон, которой были дарованы видения, ставшие одной из причин для учреждения праздника в честь Пресвятого Таинства (Corpus Domini).

395

Св. Вульстан (Вульфстан II) († 1095) — епископ Вустерский (с 1062 г.).

396

Св. Франциск из Паолы († 1507) — монах, основатель ордена минимов (1435).

397

Св. Апр (Эвр) — трудно определить, кого именно Амфитеатров имеет в виду: св. Апра († 500–507), епископа Тульского, или св. Апра (VII в.), уроженца Санса, отшельника.

398

Эразм Роттердамский (1469–1536) — нидерландский ученый-гуманист, богослов, плодовитый писатель, виднейший представитель Северного Возрождения.

399

Мольнар Ференц (1878–1952) — венгерский писатель, драматург, автор таких пьес, как «Черт» (1907), «Гвардейский офицер» (1910) и др.

400

Св. Карадак (Карадок) Уэльский († 1124) — отшельник.

401

…создал Роберт Бёрнс в своем «Tam O’Shanter»… — Имеется в виду повесть в стихах «Тэм О’Шентер» шотландского поэта Роберта Бёрнса (1759–1796). В 1789 г. Бёрнс познакомился с собирателем древностей Фрэнсисом Гроузом, который составлял двухтомную антологию «Шотландская старина». Поэт предложил ему дать в антологии гравюру с изображением аллоуэйской церкви, и тот согласился — с условием, что Бёрнс напишет к гравюре легенду о ведьмовстве в Шотландии. Так возникла эта повесть в стихах.

402

Кернер Карл *Теодор* (1791–1813) — немецкий поэт, драматург. Амфитеатров упоминает его балладу «Дьявол из Саламанки» («Der Teufel in Salamanca»).

403

Шамиссо Адальберт (Адельберт) фон (1781–1838) — немецкий писатель, ботаник, друг Э. Т. А. Гофмана; автор сатирической повести «Необычайные приключения Петера Шлемиля» (1814).

404

…*Угостил их солдат на славу! «Теперь довольно!»* — См. сказку «Солдат избавляет царевну» А. Н. Афанасьева из сборника «Народные русские сказки».

405

«Пропавшая грамота» — повесть Н. В. Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832).

406

Рютбёф (XIII в.) — французский трувер.

407

Страпарола Джованни Франческо (ок. 1480 — после 1557) — итальянский новеллист, автор сборника «Веселые ночи» (1550–1553).

408

Гребан Арнуль (1420–1471) — французский драматург, автор мистерий, органист собора Парижской Богоматери.

409

Вильгельм Фламанг — Гийом Фламенг (Фламант, Фламан) (1455–1540), каноник Лангрский, поэт, драматург. Упомянутая Амфитеатровым мистерия была поставлена в 1482 г.

410

«Мистерия о Петре-Меняле» — пьеса XIV в. Отрывок приводится в переводе А. Сагаловой и П. Предбанниковой.

411

«*Черт-проповедник*» — пьеса испанского поэта, драматурга и историка Луиса Бельмонте Бермудеса (1598? — 1650).

412

Боярдо Маттео Мариа, граф ди Скандьяйо (1441–1494) — итальянский поэт. «Влюбленный Роланд» (1495) — самое известное произведение автора.

413

Липпи Лоренцо (1606–1665) — итальянский художник и поэт, автор юмористической поэмы «Освобожденный Мальмантиле».

414

Фоленго Теофил (настоящее имя — Джироламо) (1491–1544) — монах-бенедиктинец, поэт, представитель так называемой макаронической поэзии.

415

Аретино Пьетро (1492–1556) — итальянский писатель, публицист. Он писал в стихах и прозе: героические поэмы, комедии, одну трагедию, лирические стихотворения всех видов, жития святых, диалоги всех видов, в том числе откровенно порнографические, сатирические предсказания, письма.

416

Иль *Ласка* — прозвище итальянского поэта, драматурга, писателя Антона Франческо Граццини (1503–1584). «Одержимая» — комедия, поставленная на сцене в 1560 г. и опубликованная в 1561 г.

417

…знаменитый рассказ Бенвенуто Челлини… — Взят из его автобиографии «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции» (начата в 1558-м и доведена до 1562 г.).

418

Assa foetida — камедь-смола, добываемая из корня ферулы; оказывает избирательное действие на центральную нервную систему (психоэмоциональная сфера).

419

Св. Антидий (Антель) († 265 или в V в.) — епископ Безансонский, бенедиктинец.

420

Св. Эрвей (Эрве) (VI в.) — отшельник, слепой от рождения, один из наиболее почитаемых бретонских святых.

421

Бернард (Бернхард) *Хедерих* (1533–1605) — немецкий хронист, педагог, поэт.

422

Эварницкий (Яворницкий) Дмитрий Иванович (1855–1940) — украинский историк, этнограф, археолог, фольклорист, писатель, один из самых значительных исследователей истории украинского казачества.

423

Св. Иоанн (Джованни) *Гвальберт* (Гуальберто) († 1073) — монах-бенедиктинец, основатель ордена Валломброза (1038).

424

…сказке, рассказанной Диккенсом… — Имеется в виду «Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря» из «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

425

Пульчи Луиджи (1432–1484) — итальянский поэт-гуманист. Основное сочинение Пульчи — эпическая поэма «Морганте» (между 1478–1480). Второе издание вышло под названием «Большой Морганте» (1482). В основу произведения положена народная поэма XIV в. о приключениях рыцаря Роланда и его оруженосца великана Морганте. Пульчи имел репутацию безбожника и был похоронен в неосвященной земле.

426

…*Гуэвары… и Лесажа…* — См. примеч. к с. 50.

427

Иустин (Юстин) *Философ,* Великий, Мученик († ок. 165) — греческий христианский апологет, мученик, Отец Церкви, философ.

428

Дидим Александрийский (I в. н. э.) — греческий ученый, грамматик, схолиаст, Отец Церкви.

429

…в Скотте Эригене… — Иоанн Скот Эриугена (810–887) — философ, богослов, схоласт, переводчик, экзегет.

430

Св. Ансельм Кентерберийский († 1109) — архиепископ Кентерберийский, Учитель Церкви, богослов, философ, один из основоположников схоластики.

431

Венанций Фортунат († 600) — святой, епископ Пуатье, агиограф, поэт.

432

Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов) (1880 — после 1914) — иеромонах, автор сочинения «Святой черт (записки о Распутине)» (1917).

433

Св. Ипатий. — Возможно, имеется в виду св. Ипатий Руфианский († ок. 446), аббат Руфианского монастыря, богослов.

434

«Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Сохранилось в большом числе списков, наиболее ранние из которых датируются XIV в.

435

«Волшебник-чудотворец» (1637) — драма Педро Кальдерона де ла Барка (1600–1681), более известна у нас в переводе К. Бальмонта под названием «Волшебный маг».

436

Вильгельм из Вадингтона (XIII в.) — англо-нормандский поэт.

437

…дела его считались! — отрывок из философско-символической драмы Дж. Г. Байрона «Каин» (1821).

438

Монтанелли Джузеппе (1813–1862). — итальянский политический деятель, писатель.

439

…*поэме того же имени*. — Имеется в виду поэма «Элоа» (1883) русского литератора Константина Константиновича Случевского (1837–1904).

440

Мишле Жюль (1798–1874) — французский историк романтического направления. Его труд под названием «Ведьма» (1862) посвящен истории ведовства.

441

Кардуччи Джозуэ (1835–1907) — итальянский поэт и литературовед 2-й пол. XIX в., лауреат Нобелевской премии (1906).

442

…*Тобой низринут*. — Амфитеатров параллельно приводит оригинальный текст на итальянском языке, который мы в данном издании опускаем.

443

…Мои томления помилуй, Сатана! — Цитируется «Литания Сатаны» из поэтического сборника Шарля Бодлера (1821–1867) «Цветы зла» (1857). Амфитеатров приводит текст на французском языке. Мы используем перевод Эллиса.

444

Раписарди Марио (1844–1912) — итальянский поэт. Амфитеатров имеет в виду его поэму «Люцифер» (1877).

445

Прати Джованни (1815–1884) — итальянский поэт-романтик, политический деятель. Амфитеатров упоминает его драматическую поэму «Армандо» (1868).

446

Максим Дюкан (дю Камп) (1822–1894) — французский писатель, фотограф.

447

…издали «Замогильные записки Черта». — Название романа Вильгельма Гауфа (1802–1827) — «Извлечения из мемуаров Сатаны» (Mitteilungen aus den Memoiren des Satan, 1826); Фредерика Сулье (1800–1848) — «Мемуары дьявола» («Les Mémoires du diable» (1837–1838).

Сергей Ершов, Наталья Суслова

448

Lanzone — Ланцоне Родольфо Витторио (1834–1907), итальянский историк-востоковед, египтолог. Скорее всего, Амфитеатров при работе использовал его «Словарь египетской мифологии» (1881–1886).